АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

1

Январь — Февраль

1967

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва

ВОЛОГОДСКАЯ

В. П. Алексеев

МОДУСЫ РАСООБРАЗОВАНИЯ И ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ГЕНОВ РАСОВЫХ ПРИЗНАКОВ

Концепция полиморфного вида и ее значение для антропологии

Впервые термин «вид» в современном его понимании был употреблен Конрадом Геснером в 1559 г., писавшим о 10 видах в пределах рода горечавки. Позже, уже в середине и конце XVII в. о виде как о систематической категории в пределах рода писали И. Богэн и Д. Рей. Но, разумеется, эти первые попытки не дают оснований для признания за Геснером, Богэном и Реем приоритета в создании учения о виде. Приоритет этот, несомненно, принадлежит Линнею, не только предложившему бинарную номенклатуру, но и создавшему законченную концепцию вида, которую можно назвать морфологической и которая в разных формах дожила до наших дней.

Согласно этой концепции Линнея, вид — это прежде всего морфологическое единство, морфологическое тождество. Сколько бы ни было известно индивидумов одного вида, любой из них может быть точно определен в отношении своей видовой принадлежности. Переходных форм не существует. Разновидности возникают только под влиянием внешних причин и, как только эти причины перестают действовать, возвращаются к исходному состоянию, т. е. снова превращаются в типичных особей того или иного вида. Нечего и говорить, что вид неизменен, а число видов постоянно [1].

Концепция Линнея, очень удобная в практической работе, стройная, логичная, на протяжении XVIII и первой половины XIX в. была руководством к действию почти для всех систематиков, независимо от того, работали ли они на ботаническом или зоологическом материале. Правда, Ламарк предполагал гораздо более интенсивное влияние среды на организм и высказывался в пользу изменения видов, но его взгляды, с одной стороны, слишком смелые, с другой, часто умозрительные, не встретили поддержки в его время [2]. Слабость их заключалась и в том, что, пытаясь перейти от метафизики Линнея, его теории постоянства видов, к диалектическому мышлению, Ламарк отрицал реальность видов в развивающейся природе, считал их символами того искусственного порядка, который мы природе навязываем.

Начало переворота в концепции вида датируется 1859 г. — годом выхода в свет великого произведения Дарвина. Его знаменитый афо-

[1] О концепции вида у Линнея см.: В. Л. Комаров, Учение о виде у растений. Страница из истории биологии, М.— Л., 1944.

[2] О взглядах его на процесс видообразования см.: В. Л. Комаров, Ламарк, М.— Л., 1925; его же, Учение о виде у растений. О значении трудов Ламарка с точки зрения современного этапа развития биологии см.: И. М. Поляков, Эволюционное учение Ламарка, его философские и общебиологические предпосылки. В кн. «Жан-Батист Ламарк, Избранные произведения в двух томах», т. II, М., 1959.

ризм «разновидность — зачинающийся вид, вид — развитая разновидность» стал основой, на которой в последующие десятилетия строилась эволюционная теория видообразования. Развитая им теория, хотя сам Дарвин и не был систематиком (не считая, конечно, двухтомного труда о системе усоногих ракообразных, написанного до основных трудов об эволюционной теории), повела к перестройке всех исследований в области систематической зоологии и к медленному, постепенному, но неуклонному оформлению новой теории вида[3]. С другой стороны, параллельно с развитием теории накапливалось все больше случаев, когда старая концепция морфологического или монотипического, мономорфного вида не могла удовлетворить систематика-практика, работавшего к середине XIX в. уже с большими сериями объектов по многим видам и уделявшего большое внимание географической изменчивости. Таким образом, и для практиков старая концепция вида становилась тормозом в конкретной работе по систематике[4].

Трудно, а по-видимому, даже невозможно назвать исследователя, впервые четко сформулировавшего новую концепцию политипического или полиморфного вида, концепцию динамического вида, в отличие от концепции статического вида Линнея. Дарвин заложил теоретическую основу для такой концепции, но сам, как уже сказано, систематическими исследованиями занимался мало и структуру вида практически не рассматривал. Однако уже у А. Уоллеса в одной из статей по биогеографии внутри вида выделяются разные таксономические единицы: расы или подвиды, разновидности с несоприкасающимися ареалами (местные формы), совместно существующие разновидности, а также простая (индивидуальная) изменчивость[5]. К концу XIX — началу XX в. представление о сложной структуре вида стало разрабатываться как на ботаническом, так и на зоологическом материале. Из зоологов сформулировали его О. Клейншмидт и А. П. Семенов-Тян-Шанский, из ботаников — С. Л. Коржинский[6]. Значительную роль в утверждении концепции сложной структуры вида сыграли и исследования географической изменчивости с теоретическим анализом значения этого явления для видообразования. В ботанике это труды В. Л. Комарова[7], Р. Веттштейна[8] и, особенно, Г. Турессона с его учением об экотипах[9],

---

[3] О значении трудов Дарвина для теории видообразования см.: Н. И. Вавилов, Роль Дарвина в развитии биологических наук. В кн. «Чарльз Дарвин, Происхождение видов», М.— Л., 1935. О систематической монографии Дарвина, посвященной усоногим, см.: Л. С. Берг, Чарльз Дарвин как зоолог. В кн. «Чарльз Дарвин», Соч. т. 2, М.— Л., 1936; Н. И. Тарасов, Усоногие раки Дарвина, там же. Не потеряли интереса блестящие работы К. А. Тимирязева, см.: К. А. Тимирязев, Сочинения, т. VII, М., 1939.

[4] Эта тема хорошо освещена в работе Э. Майра, см.: Э. Майр, Систематика и происхождение видов. М., 1947 (перевод с английского издания 1942 г.). Сейчас вышло новое издание, значительно дополненное: E. Mayer, Animal species and evolution, Cambridge, Massachusets, 1963.

[5] Цитировано по книге: В. Л. Комаров. Учение о виде у растений, стр. 176—177.

[6] Библиографию их работ и обзор взглядов см.: В. И. Лукин, Дарвинизм и географические закономерности в изменении организмов, М.— Л., 1940.

[7] См., например, В. Л. Комаров, Флора Маньчжурии, т. I, «Труды Санктпетербургского ботанического сада», т. XX, СПб., 1901 (Перепечатано: В. Л. Комаров, Избранные сочинения, т. III, М.—Л., 1949). См. также В. Л. Комаров, Вид и его подразделения, «Дневник XI съезда естествоиспытателей и врачей», СПб., 1901, № 6 (Перепечатано: В. Л. Комаров, Избранные сочинения, т. I, М.— Л., 1945).

[8] R. Wettstein, Grundzuge der geographisch-morphologischen Methode der Pflanzensystematik, Jena, 1898.

[9] Библиографию работ Г. Турессона и подробное изложение его взглядов см.: М. А. Розанова, Современные методы систематики растений, «Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции», приложение 44, Л., 1930.

в зоологии — многочисленные и фундаментальные исследования Б. Ренша[10]. В 1920—1930-х годах учение об экотипах было развито в основном на материале культурных растений советскими ботаниками, из которых в первую очередь следует назвать Н. И. Вавилова и Е. Н. Синскую, а исследования Б. Ренша нашли многочисленных продолжателей во многих странах мира.

К началу 1930-х годов сложный состав вида, обусловленный в первую очередь географической изменчивостью, стал реальным фактом. Это нашло свое отражение в целом ряде формулировок. Н. И. Вавилов провозгласил свое учение о линнеевском виде как «о сложной и подвижной морфо-физиологической системе, связанной в своем генезисе с определенной средой и ареалом»[11], Ф. Окленд и Дж. Гексли предложили различать мономорфные и полиморфные виды (Окленд — униформные и мультиформные, Гексли — монотипические и политипические)[12]. В результате концепция полиморфного вида возобладала, а число мономорфных видов быстро уменьшается по мере изучения географической изменчивости. Много фактов, свидетельствующих об этом, собрано в уже упоминавшейся книге Э. Майра. Анализ видового полиморфизма, полиморфного вида во всей сложности составляющих его компонентов постепенно становится ведущей проблемой как теории видообразования, так и практической систематики[13].

В антропологической литературе сложный характер современного человечества как вида был показан В. В. Бунаком. Он писал, что «единственный ныне живущий род семейства гоминид, род неоантропа, слагается из нескольких, частью вымерших, частью ныне живущих, видов, образующих, однако, плодовитых гибридов, стушевывающих границы видов и вследствие этого сливающихся в один сборный вид...»[14]. Конституциональные различия В. В. Бунак приравнивал к внеареальным физиологическим и зоологическим расам[15]; он также не забыл и о резких индивидуальных уклонениях, встречающихся в составе всех человеческих рас и в биологической литературе называемых обычно аберрациями. К сожалению, В. В. Бунак без достаточных оснований (неограниченная плодовитость, о чем он сам пишет) приравнял большие расы к простым мономорфным, как он их называет «частным» или «дробным» видам, а неограниченную плодовитость между ними рассматривает скорее как вторичное явление. По-видимому, этим объясняется, что точка зрения В. В. Бунака не получила поддержки в антропологической литературе. Расы человека при учете всего комплекса их отличий от рас животных если и можно сопоставлять с кате-

---

[10] Библиографию работ Б. Ренша до 1940 г. см.: Е. И. Лукин, Указ. раб.; библиографию его работ после 1940 г. см.: B. Rensch, Evolution above the species level, London, 1959.

[11] Н. И. Вавилов, Линнеевский вид как система, «Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции», т. 26, № 3. Отдельное издание: Н. И. Вавилов, Линнеевский вид как система, М.— Л., 1931.

[12] F. Okland, Die geographischen Rassen der extramarinen Wirbeltiere Europas, «Zoogeographica», B. 3, 1937; I. Huxley, Towards the new systematics. В кн. «The new systematices», London, 1940.

[13] Библиографию соответствующих работ по ботанике см.: Е. М. Лавренко, Об уровнях изучения органического мира в связи с познанием растительного покрова, «Изв. АН СССР, серия биологическая», 1964, № 1 (январь — февраль). По зоологии см.: К. М. Завадский, Учение о виде, Л., 1961.

[14] В. В. Бунак, Термин «раса» в зоологии и антропологии, «Русский евгенический журнал», т. 7, 1930, вып. 6, стр. 126.

[15] См. также V. Bounak, Des caractéres morphologiques indissolblement liés aux variations physiologiques normales, «Bulletin de la Société des formes humaines», 1927, № 4.

гориями биологической систематики, то только на уровне подвидов. Но само представление о сборном виде разрабатывалось В. В. Бунаком и в дальнейшем. Так, он определяет позднепалеолитическое человечество как «смесь разновидностей одного полиморфного подвида, еще не распавшегося на расы»[16].

Сборный вид — не то, что сложный полиморфный вид, представление о котором сложилось у ботаников и зоологов. В соответствии с концепцией полиморфного вида он рассматривается не только как совокупность разных по характеру рас[17], но и как динамическая система, в которой разные составляющие ее элементы могут выпадать, сами элементы могут меняться, дифференциация их может увеличиваться, если преобладает географическая изменчивость, или уменьшаться, если преобладает смешение, наконец, соподчинение элементов может быть разным на протяжении жизни вида. Так как ясно, что человечество распадается на большое количество морфологических вариантов, в ряде случаев различающихся также и физиологически, то единственной концепцией, применимой к современному человечеству, если рассматривать его с точки зрения зоологической систематики, является концепция полиморфного вида. Эта концепция сама по себе предполагает разный характер входящих в состав вида категорий, что в приложении к человеку ставит вопрос о генетической и морфологической разнокачественности расовых группировок. Между тем в подавляющем большинстве имеющих хождение классификаций они различаются практически только по объему, но не по характеру процессов изменчивости. Не составляют исключения и классификации советских исследователей, для которых осознание необходимости диалектического подхода к расообразованию является уже пройденным этапом. На родословном древе, предложенном Г. Ф. Дебецем, расы изображены в виде ветвей различной толщины, но в тексте это никак не оговорено, и в общем неясно, что под этим подразумевает автор[18]. В. В. Бунак, статья которого в целом представляет собой призыв к отказу от устарелых положений в классификации рас и в изучении процессов расообразования, изображает расы на древе в виде ветвей одинаковой толщины. Группируются они по принципу все более и более мелкого дробления крупных единиц систематики в общем на равноценные категории более низкого ранга, хотя автор теоретически отрицательно относится к этой операции, называя ее «выделением рас по правилам зоологических определителей видов и подвидов»[19]. В учебном курсе Я. Я. Рогинского и М. Г. Левина расовые классификации изображаются графически в виде круга, разбитого на одинаковые секторы[20].

Думаю, что недооценка качественного своеобразия расовых комплексов на разных уровнях классификации и на разных территориях, недооценка многообразия путей расообразовательного процесса и свое-

---

[16] В. В. Бунак, Человеческие расы и пути их образования, «Сов. этнография», 1956, № 1, стр. 88.

[17] Б. Реш, например, насчитывает шесть типов рас: исторические расы, географические, экологические, сексуально изолированные, генетические (дающие неполноценное потомство), гибридные. См. B. Rensch, Указ. раб. Четыре категории из шести представлены у человека.

[18] Г. Ф. Дебец, Опыт графического изображения классификации человеческих рас, «Сов. этнография», 1958, № 4.

[19] В. В. Бунак, Человеческие расы и пути их образования, стр. 96.

[20] Я. Я. Рогинский, М. Г. Левин, Основы антропологии, М., 1955. Новое издание: их же, Антропология, М., 1963. В данном случае это оправдано, однако, учебным характером книги.

образия его конечных результатов, выражающегося в разных типах изменчивости, противоречит концепции полиморфного вида, которая завоевывает все большее признание в зоологии и без которой невозможно представить себе современную теорию видообразования.

Взаимная роль формообразующих факторов и характер расообразовательного процесса

К обоснованию известной генетической и морфологической специфики расовых комплексов на разных уровнях и на разных территориях можно подойти и с другой стороны. Совершенно очевидно, что расообразующие факторы не действуют все сразу на ход и направление расообразовательного процесса. В зависимости от целого ряда обстоятельств, кстати сказать, далеко не всегда ясных, тот или иной расообразующий фактор приобретает основное значение по сравнению с другими, и он-то и определяет, какой процесс — адаптации, изоляции, отбора и т. д. — оказывает решающее влияние на формирование данной комбинации признаков. Но ведь все эти процессы воздействуют на генетическую структуру популяции, а следовательно, и на морфологию по-разному, а раз так, то и результаты их действия не могут быть приравнены друг к другу. Приведу примеры.

В горных районах при отсутствии сколько-нибудь удобных путей сообщения между отдельными ущельями, очевидно, огромную роль в расообразовании приобретает фактор изоляции. В качестве территории, где действие этого фактора, логически рассуждая, несомненно и очень сильно и в то же время хорошо изучено, можно назвать Западный Памир. Впервые роль изоляции в горных районах Таджикистана была показана В. В. Гинзбургом, собравшим данные о вариациях групп крови системы АВО в отдельных селениях горных таджиков и показавшим, что эти вариации в территориально близких селениях очень велики и чуть ли не равны амплитудам колебаний по земному шару[21]. В последние годы большой материал по соматологии, краниологии, группам крови и дерматоглифике этнических групп Западного Памира собрали Ю. Г. Рычков[22] и Г. Л. Хить[23]. На основании данных по соматологии и краниологии Ю. Г. Рычков осуществил специальный анализ изоляции на Памире[24].

Оказалось, что изменчивость морфологических признаков в памирских группах во всяком случае не больше, чем в популяциях, не подверженных действию изоляции. В то же время Г. Л. Хить подтвердила наблюдения В. В. Гинзбурга о высокой вариабильности групповых факторов крови не только по системе АВО, но и по системе MN, а кроме того, получила такие же данные по дерматоглифическим вариациям. Для групповых факторов крови мономерное наследование является

---

[21] В. В. Гинзбург, Горные таджики, «Труды Ин-та антропологии, этнографии и археологии», т. XVI (антропологическая серия, т. 2), М.— Л., 1937.

[22] Ю. Г. Рычков, Памирская антропологическая экспедиция 1957 г., «Вопросы антропологии», вып. 1, 1960; его же, Происхождение расы Среднеазиатского междуречья, «Научные труды Ташкентского гос. ун-та», вып. 235; «Проблемы этнической антропологии Средней Азии», Ташкент, 1964.

[23] Г. Л. Хить, Группы крови у таджиков Памира, «Вопросы антропологии», вып. 1, 1960; ее же, Распределение групп крови в населении Памира, «Вопросы антропологии», вып. 8, 1961; ее же, Дерматоглифика населения Западного Памира, «Сов. этнография», 1964, № 5.

[24] Ю. Г. Рычков, Антропологическое исследование процесса изоляции на Памире и Кавказе, «VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук», М., 1964.

доказанным фактором, и поэтому сравнительно нетрудно объяснить резкие расхождения по ним жителей отдельных селений явлениями генетического дрейфа. Труднее это сделать для дермотоглифических показателей, так как система мономерного наследования для них во всяком случае исключена[25]. Это не означает, правда, непременного наследования по полифакториальному типу с неограниченно большим числом действующих факторов — возможно, что оно равно двум, трем, четырем. Гипотеза дрейфа с трудом приложима, правда, и в этом случае. Но нам и не нужно непременно найти причину значительной вариабильности дерматоглифических показателей. Гораздо важнее констатировать, что изоляция на Памире действует таким образом, что оставляет без изменения или вызывает сужение изменчивости морфологических, наследственно полифакториальных признаков и противоположным образом, расширяя диапазон изменчивости, влияет на монофакториальные признаки.

Иной характер имеет изменчивость в смешанных группах на территориях, где смешение между морфологически разнородными популяциями является основным формообразующим фактором. Пример тому — ареал уральской расы или уральского типа, т. е. Западная Сибирь, Приуралье и в какой-то степени Волго-Камье. Диапазон изменчивости по морфологическим признакам очень широк, и на сравнительно небольшой территории мы застаем формы, значительно различающиеся по степени выраженности монголоидных и европеоидных признаков. Вариации отдельных признаков складываются в закономерные территориальные сочетания, что находит выражение в высоких величинах коэффициентов межгрупповой корреляции[26]. Каждая группа отличается от соседних не по комплексу «нейтральных» признаков, а в направлении приближения к монголоидному или европеоидному стволу. Сколько-нибудь полные данные о вариациях изосерологических систем на этой территории, правда, отсутствуют. Но по дерматоглифическим признакам народы, относящиеся к уральскому типу, занимают промежуточное положение между европеоидами и монголоидами, а сами признаки также связаны заметной межгрупповой корреляцией[27]. Смешение, следовательно, не приводит к разной изменчивости морфологических и других признаков, а, наоборот, регулирует процесс расообразования таким образом, что в отдельных микроареалах большого ареала смешения складываются комплексы признаков, связанные между собой цепочкой переходных форм и занимающие, по-видимому, по всем признакам — морфологическим, серологическим, дерматоглифическим — промежуточное положение между исходными, принявшими участие в смешении. Каждый комплекс, занимающий микроареал, отличается от других закономерно — в сторону большего или меньшего приближения к одному из исходных типов.

Казалось бы, разница между двумя типами расообразования в обоих приведенных случаях очевидна. Различен, конечно, при этом не только характер процесса, но различны и его результаты — сами комп-

---

[25] См.: В. М. Волоцкой, К вопросу о генетике папиллярных узоров пальцев (исследование 234 пар близнецов), «Труды Медико-генетического ин-та», т. IV, М., 1936; его же, Генетика кожного рельефа, Анализ дельтообразования как количественного признака, «Антропологический журнал», 1937, № 3; его же, Генетика кожного рельефа, Количество линий в центральных узорах, «Уч. записки МГУ», вып. 34, М., 1940.

[26] См.: Г. Ф. Дебец, О путях заселения северной полосы Русской равнины и Восточной Прибалтики, «Сов. этнография», 1961, № 6.

[27] Т. Д. Гладкова, Особенности дерматоглифики некоторых народностей СССР, «Сов. этнография», 1957, № 1; ее же, Дерматоглифика некоторых северо-восточных народностей СССР (манси, коми), «Вопросы антропологии», вып. 6, 1961.

лексы исторически связанных признаков, причем каждый комплекс обнаруживает специфический тип изменчивости. Между тем в подавляющем большинстве антропологических классификаций памирские народности включаются в расу Среднеазиатского междуречья или памиро-ферганскую расу[28], а народы Западной Сибири и Приуралья — в уральскую расу[29], занимающие по таксономическому рангу приблизительно одинаковое положение. Во всех классификационных схемах указывается, что и та и другая образовались при участии монголоидных компонентов (первая — при слабом участии, вторая — при значительном), но характер изменчивости внутри каждой из этих категорий оставляется без внимания. Поэтому, если основываться на их положении в системе, как оно рисуется сейчас, они могут быть приравнены одна к другой как таксономические единицы, но этого, как мы только что убедились, нельзя делать, не игнорируя важных показателей изменчивости всего комплекса признаков и их связи между собой.

Адаптация вне зависимости от того, является ли она прямой, косвенной (коррелятивной) или опосредствованной естественным отбором, также имеет своим результатом в большинстве случаев специфическую форму расообразования. Во всех тех случаях, которые (не будучи, правда, окончательно доказанными) приводятся в качестве наиболее ярких примеров адаптации и стали, так сказать, хрестоматийными (уплощенность лица, эпикантус, жесткие волосы монголоидов, курчавые волосы, толстые губы и широкий нос негроидов) — признаки эти имеют широкий ареал, так как адаптация, естественно, проявляется сильнее всего по отношению к основным компонентам географической среды, а последние как раз и характеризуются закономерным территориальным распределением и большими ареалами. Под покровом этих признаков, объединяющих все группы, по отношению к которым действует или действовал процесс адаптации, скрывается более или менее значительный полиморфизм по другим признакам, вариации которых часто зависят от случайных причин и не складываются в какие-либо определенные комплексы. Именно этим, по-видимому, и объясняются трудности, с которыми встречается любая попытка классификации отдельных локальных вариантов в составе негроидного или монголоидного стволов, трудности, из-за которых отдельные авторитетные исследователи даже не видят в этих стволах реальных единиц классификации, а считают их условными сборными понятиями.

Примеры такого рода можно было бы увеличить. Автор не видит в этом смысла, так как его основная задача состоит в том, чтобы от общепринятого представления о различной роли тех или иных формообразующих факторов на разных территориях и в разных группах, т. е. от концепции полиморфного вида, подойти к разнокачественности единиц антропологической систематики, являющейся следствием многообразия путей расообразовательного процесса. Эти единицы дифференцируются не только по уровню таксономической значимости, но и по характеру изменчивости.

---

[28] О происхождении памиро-ферганской расы см.: I. Schwidetzky, Turaniden — Studien, «Abhandlungen der mathematisch — nuturwissenschaftlichen Klasse der Akademie der Wissenschaften und der Literatur», N 9, Wiesbaden, 1950; В. В. Гинзбург, Раса Среднеазиатского междуречья и ее происхождение, «VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук», М., 1964; Ю. Г. Рычков, Происхождение расы Среднеазиатского междуречья.

[29] О происхождении уральской расы см.: Г. Ф. Дебец, Селькупы. Антропологический очерк. «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. II, М.— Л., 1947, См. также: Г. Ф. Дебец, Проблема заселения северо-западной Сибири по данным палеоантропологии, «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры», вып. IX, 1941.

Модусы расообразования

Специфическое течение расообразовательного процесса на разных территориях в зависимости от интенсивности изоляции, силы приспособительной изменчивости, наличия или отсутствия этнических и социальных барьеров (этническая принадлежность, вероисповедание, эндогамия или, наоборот, экзогамия и т. д.), демографической структуры популяции приводит, как мы пытались показать, к разным типам межгрупповой изменчивости и, следовательно, к разнокачественности основных систематических единиц в пределах вида Homo sapiens, к их полиморфности, к разному характеру их в показателях межгрупповой изменчивости. Это многообразие в показателях межгрупповой изменчивости выражается в разной вариабильности отдельных признаков, степени их выраженности, степени их связи друг с другом и территориальной сопряженности. Другими словами, все эти показатели отражают интенсивность расообразовательного процесса и его формы.

Представляется целесообразным суммировать все эти многообразные характеристики в идее о различных модусах расообразования, т. е. формах расообразования, которые отражают специфику межгрупповой изменчивости в каждом отдельном случае и конкретно характеризуют расообразовательный процесс не вообще, а в его реальной территориальной специфике. Представление о модусах расообразования позволяет дифференцировать, расчленить расообразование, как процесс, как динамику, на составляющие его моменты и исследовать каждый из этих моментов полнее и лучше, нежели при суммарном рассмотрении расовой изменчивости вообще. Представление о модусах расообразования дает возможность также синтезировать разрозненные данные о морфологических признаках (обычно выделяемые типы всех расовых классификаций), серологических характеристиках (серологические расы У. Бойда) и многих других независимо варьирующих морфологических и физиологических системах, подводя под них фундамент единой закономерности. Это представление, наконец, превращает сухую и симметричную схему расообразования у современного человека в живое и полнокровное отражение сложности и многообразия путей расовой дифференциации человечества.

Пока можно наметить провизорно три модуса расообразования, нисколько, однако, не закрывая этим дальнейшие поиски и не претендуя дать закономерную классификацию. Эти три модуса расообразования — скорее, первый набросок такой классификации, по-видимому, несовершенный. Первый и, если верить всему до сих пор накопленному опыту антропологических исследований, наиболее широко распространенный тип расообразования можно назвать модусом типологической изменчивости. Это такой тип изменений, при котором происходит резкая территориальная дифференциация отдельных комплексов признаков, сами признаки связаны высокой исторической корреляцией, морфологические различия между отдельными популяциями резко выражены, а вся группа популяций, в которой имеет место этот тип изменений, обнаруживает более или менее строгую географическую изменчивость внутри общего ареала. Приведенный выше пример с уральской расой как раз и подходит в качестве иллюстрации модуса типологической изменчивости. На протяжении многих десятков лет развитие антропологических исследований в области расоведения шло преимущественно по линии изучения типологической изменчивости, и в настоящее время представители широко распространенной типологической концепции расы (польские антропологи и многие антропологи стран народной демократии, не-

которые немецкие и американские специалисты, многие советские исследователи) считают типологическое расообразование единственной формой расообразовательного процесса и особенно часто используют типологическую концепцию в палеоантропологических исследованиях. Концепция эта в своей крайней форме закономерно приводит в области расового анализа к типологической диагностике индивидуума, что и находит отражение в практической работе.

Второй тип расообразования можно назвать модусом локальной изменчивости. Речь идет о территориях, более или менее однородных в геоморфологическом отношении и лишенных серьезных водных преград. Если они еще заселены однородным в этническом отношении населением, а адаптация проявляется слабо или совсем не проявляется, то единственным моментом, ограничивающим смешение, является ширина круга брачных связей. Изменчивость от локальных причин случайного характера в этих условиях приобретает первостепенное значение и представляет собой практически единственную или во всяком случае основную форму расообразования. Популяционная концепция расы, сейчас завоевывающая все больше права гражданства (подавляющее большинство американских и английских антропологов, многие советские и некоторые западноевропейские специалисты), в своем крайнем варианте отрицая типологический путь расообразования, придает решающее значение микроизменчивости и выявлению узколокальных сдвигов в вариациях признаков. Альфой и омегой расогенетических исследований становится не типологический комплекс, а гомогенная популяция. Отдельные сторонники популяционной концепции даже отрицают реальное существование рас, т. е. реальное существование вообще каких-либо типологических комплексов, а следовательно, и какие-либо закономерности в межгрупповой изменчивости [30]. Правда, и среди популяционистов они составляют меньшинство.

Нетрудно заметить, что представление о модусах расообразования в какой-то мере примиряет обе концепции расы, показывая, что тот характер изменчивости, которому сторонники обеих концепций придают первостепенное значение, на самом деле не является всеобщим и приобретает преобладание лишь в тех или иных областях. Представление о расообразовательном процессе как о сложном синтезе микропроцессов, идущих то по пути формирования типов, то по пути преобладания локальной изменчивости, часто на обширных территориях, ограничивает сферу действия и популяционной, и типологической концепций расы и создает предпосылки не для продолжения дискуссии, а для конкретных исследований, которые выявили бы в пределах эйкумены очаги типологического, и, если можно так выразиться, волнообразного расообразования.

Третий тип расообразования можно назвать модусом направленной изменчивости. Это — генный дрейф для монофакториальных признаков и направленные изменения во времени для полифакториальных. Ясно, что процессы эти действуют не параллельно и результаты их не совпадают. Направленные изменения морфологических признаков часто унифицируют антропологический состав на больших территориях — вспомним широкое распространение брахикефалии в современную эпоху. Генный дрейф, наоборот, дифференцирует популяции, создавая все бо́льшие и бо́льшие отличия между ними. Может быть, следовало бы даже разделить эти два процесса и считать их самостоятельными модусами расообразования. Но направленные, идущие на определенном от-

[30] См., например, F. Livingstone, On the non-existence of human races, «Current Anthropology», vol. 9, 1962, № 3.

резке времени в одном направлении изменения налицо и в том, и в другом случае, и кроме того генный дрейф по самой природе своей не охватывает изменения полигенных признаков. А раса, как известно, не представляет собою совокупности только моногенных признаков. Поэтому, коль скоро мы рассматриваем модусы расообразования, т. е. пути, по которым происходит формирование расовых комплексов, целесообразно сохранить объединение этих двух явлений в один модус направленной изменчивости.

Каждый из перечисленных модусов расообразования не исключает других, и это нужно особенно подчеркнуть. Часто разные модусы расообразовательного процесса могут действовать совместно, создавая дополнительную специфику на тех или иных территориях. Особенно четко видно это на примере последнего из перечисленных типов расообразования. Брахикефализация или долихокефализация, грацилизация, а, как теперь выясняется, и матуризация, генный дрейф часто осложняют картину расообразования, протекающего в целом по типологическому или волнообразному модусу. Выявление и конкретное исследование всего этого панэйкуменного многообразия — увлекательнейшая задача дальнейшей работы.

Модус типологической изменчивости

Типологическая изменчивость изучается с тех пор, как появились первые сколько-нибудь подробные антропологические классификации человечества, т. е. уже по меньшей мере сто лет. За это время выработаны многие чрезвычайно детальные схемы генеалогических взаимоотношений выделенных типов и их соподчинения. Беда только в том, что все эти схемы мало корреспондируют друг с другом часто даже в принципиальных пунктах, не говоря уже о бесчисленных деталях. Так, нет полного согласия даже в числе основных рас[31], а как только мы переходим к более мелким подразделениям, что ни пункт — то дискуссия[32]. Но нас интересуют не эти таксономические споры, а сам тип расообразования, который приводит к формированию морфологически четко выраженных и ясно отграниченных от других географических комплексов признаков. Рассмотрим процесс расообразования на Кавказе. Это тем более удобно сделать, что в нашем распоряжении почти исчерпывающий соматологический материал, собранный советскими антропологами за последние годы по всем основным этническим группам Северного Кавказа и Закавказья[33].

---

[31] Три большие расы — большинство советских антропологов, четыре — например, Р. Биасутти (R. Biasutti, Le razze e i popoli della Terra, t. I, Torino, 1953), пять — например, К. Кун (C. Coon, The origin of races, London, 1963).

[32] Обзор см.: Г. Ф. Дебец, Опыт графического изображения классификации человеческих рас, «Сов. этнография», 1958, № 4.

[33] М. Г. Абдушелишвили, Об антропологическом составе современного населения Армении, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. 82, М., 1963; его же, Антропология древнего и современного населения Грузии, Тбилиси, 1964; О. М. Ахвледиани, К антропологии коренного населения Аджарской АССР, Батуми, 1957; А. Г. Гаджиев, К этнической антропологии народов Дагестана, «Вопросы антропологии», вып. 12, 1962; Г. Ф. Дебец, Антропологические исследования в Дагестане, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XXXIII, М., 1956; Г. К. Джанберидзе, К антропологии абазин, «Труды Ин-та экспериментальной морфологии АН Грузинской ССР», т. X, Тбилиси, 1962; его же, Взаимоотношения абхазов с картвельскими и адыгскими этническими группами в свете данных антропологии, там же, т. XI, Тбилиси, 1963; Р. М. Касимова, Антропологическое исследование современного населения Куринской долины, «Вопросы антропологии», вып. 5, 1960. Указаны только основные и наиболее поздние работы.

Все эти исследования привели к выделению четырех антропологических типов на территории Кавказа: понтийского, локализованного в западных районах Северного Кавказа и в Причерноморье, кавкасионского, распространенного в центральных предгорьях Кавказского хребта, переднеазиатского, или арменоидного, с ареалом в Грузии и Армении и, наконец, каспийского, занимающего Азербайджан и Южный Дагестан. Каждый из этих типов характеризуется, в первую очередь, четкой морфологической спецификой, настолько четкой, что по комплексу признаков в большинстве случаев представитель любого из этих типов может быть сразу же диагносцирован. Переходные в морфологическом отношении формы между типами, разумеется, встречаются и, как правило, занимают и промежуточные ареалы. Так, кавкасионский тип постепенно переходит в понтийский через варианты, фиксирующиеся у восточных черкесов и кабардинцев. Промежуточные формы между кавкасионским и переднеазиатским типами распространены в центральной Грузии. Южный Дагестан представляет собой переходную зону между кавкасионским и каспийским типами. Материалы по антропологии Азербайджана пока не полностью опубликованы, но, несомненно, они помогут обнаружить переходные формы также и между переднеазиатским и каспийским типами. Однако в центрах ареалов каждый из перечисленных выше четырех типов отличается специфическим четко выраженным комплексом признаков, позволяющим с полной определенностью отличить его от других кавказских типов.

Помимо четкой морфологической специфики следует отметить определенность географических ареалов всех четырех типов. Понтийский тип занимает запад, кавкасионский — север центральных районов, переднеазиатский — юг центральных районов и каспийский — восток Кавказа. Ареалы их смыкаются, но не перекрещиваются, а если и перекрещиваются, как, например, в Дагестане, то это обстоятельство всегда можно объяснить сравнительно поздними переселениями различных этнических групп. Даже на периферии ареалов границы между типами достаточно четки и за редкими исключениями всегда можно определить, имеем ли мы перед собой периферийную популяцию того или иного типа или переходную группу. Правда, в пределах ареалов даже тех популяций, которые можно считать основными представителями соответствующих типов, наблюдается определенная географическая изменчивость. Так, западные варианты кавкасионского типа в целом несколько светлее восточных, хотя на западе живут самые темные представители этого типа — сваны. Представители каспийского типа среди дагестанских народностей несколько светлее азербайджанцев. Заметные вариации обнаруживают и представители переднеазиатского типа на Кавказе, как это было показано на большом материале М. Г. Абдушелишвили. Но чаще всего эти различия проявляются по отдельным признакам, не складываются в комплексы и не нарушают общей картины тесной генетической связи всех групп внутри одного типа. Незакономерный характер изменчивости внутри типа, проявление ее лишь в отдельных признаках и отсутствие комплексов различий принципиально отличает внутритиповую изменчивость от различий, дифференцирующих типы, прежде всего тем, что в последнем случае разграничивающие признаки связаны высокой межгрупповой корреляцией.

Итак, модус типологической изменчивости ясно проявляется на Кавказе, который в этом отношении может служить ярким примером. Тот же тип расообразования, но уже на более низком уровне, на уровне подтипов, был рассмотрен нами в связи с генезисом уральского типа. В общей форме можно сказать, следовательно, что смешение приводит к ин-

генсивному проявлению типологической изменчивости и формированию групп, которые образуют цепочку, целый ряд последовательных переходов между исходными типами. Второй случай — когда при интенсивном расообразовательном процессе вступают в действие изолирующие факторы в виде ли географических рубежей или в виде изолирующих социальных моментов — этноса и языка, религии, эндогамии. Для моногенных признаков это может повести к распаду первоначальной общности, но для полигенных создает основу для формирования типологических различий при сохранении, однако, первоначальной общности. Именно эту картину мы, очевидно, имеем на Кавказе. Для негорных районов аналогичный характер расообразования типичен для Сибири, где в качестве изолирующего географического фактора выступают огромные таежные пространства, а в качестве изолирующего социального момента — разная языковая принадлежность[34].

Модус локальной изменчивости

Изучение модуса локальной изменчивости не имеет такой многолетней традиции, как исследование типологической изменчивости. Практически это изучение только начинается, причем собирается не только первичный материал в соответствии с какими-то уже установившимися канонами, но и складывается и уточняется методика исследования микроизменчивости и выявления ее причин, прежде всего широты круга брачных связей. Антропологическая работа перекрещивается здесь с генеалогическим исследованием, что создает очень существенные, а иногда и непреодолимые трудности в поле при сборе материалов. Нечего и говорить, что полностью эффективной такая работа бывает лишь в том случае, когда собираются материалы не только по соматологии, но и по другим системам с мономерной наследственностью. Для изучения модуса локальной изменчивости такие системы гораздо более важны, чем в только что рассмотренном случае типологической изменчивости.

Большой интерес для понимания локальной изменчивости или, даже правильнее, микроизменчивости имеют исследования, проведенные в Центральной Европе[35]. Они показали, что величина круга брачных связей, определяющего в конечном итоге локальные вариации признаков, в свою очередь зависит от многих причин. В частности, эти исследования конкретно продемонстрировали роль физико-географических факторов в антропологической дифференциации. Так, оказалось, что группы абсолютно тождественных в историко-этнографическом отношении популяций, расположенных на одинаковом расстоянии одна от другой, по среднему Рейну, распадаются на две подгруппы, локализованные на противоположных берегах Рейна. Аналогичную роль географической преграды в образовании микроизолятов играют и лесистые участки. Кроме этих исследований, ставящих своей целью конкретное изучение микроизменчивости, появляются также работы, в которых делаются попытки

---

[34] Характер расообразования в Сибири рассмотрен автором в специальной статье: В. П. Алексеев, Сибирь как очаг расообразования, сб. «Проблемы исторической этнографии», М., 1967 (в печати).

[35] I. Schwidetzky, Rückblick auf die regional-anthropologische Untersuchung Schlesiens, «Jahrbuch der Schlesischen Friedrich-Wilhelm Universität von Breslau», B. I, 1955; ее же, Die Zusammensetzung des Schlesiertums nach anthropologischen Untersuchungen, «Schlesien», B. 1, 1956; M. Wolf, Der Rhein als Heirats- und Wandergrenze, «Homo», B. VII, 1956, H. 1. Дальнейшие указания на литературу см.: I. Schwidetzky, Grundzüge der Völkerbiologie, Stuttgart, 1950.

теоретически осмыслить значение этого явления в расообразовании и наметить перспективы дальнейших изысканий в этой области. Из последних таких работ можно назвать доклад В. В. Бунака на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук[36].

Хороший пример преобладания локальной изменчивости над типологической — обширная территория Русской равнины, заселенная русским народом. Обширность этой территории, ее сравнительная однородность в физико-географическом отношении, отсутствие этнических рубежей — все это обусловливает волнообразный характер расообразования, при котором степень различий между группами определяется не сочетаниями признаков, связанных межгрупповыми корреляциями, а случайными факторами, которые и создают фон локальной изменчивости. Правда, советские исследователи, собравшие в последние годы огромный соматологический материал по всем основным территориальным группам русского народа, выделяют в пределах расселения русского народа несколько территориальных комплексов[37]. Но эти комплексы различаются между собой значительно менее резко, чем на Кавказе, иными словами, степень морфологической дифференциации на Русской равнине несравненно меньше, чем среди кавказских народов. Известную территориальную приуроченность обнаруживают помимо пигментации лишь головной указатель и ширина лица, тогда как подавляющее большинство остальных признаков отличается значительной пестротой территориальных вариаций. Таким образом, и критерий определенности ареала не свидетельствует в пользу типологической изменчивости.

Аналогичный модус расообразования обнаружил Ж. Йерно в результате своих исследований в Центральной Африке[38]. Среди изученных им бантуязычных народов, несмотря на тщательную методику сбора материалов, широкий охват как морфологических признаков, так и различных мономерных систем, и тонкость примененных математических приемов анализа данных не удалось выделить каких-либо морфологически различающихся и территориально приуроченных комплексов, которые можно было бы рассматривать как типы. Вопреки известной изолированности изученных бантуязычных групп антропологические различия между ними не связаны заметной межгрупповой корреляцией. Может быть, принадлежность к единой языковой семье действует как противовес изоляции, но, правда, отдельные языки и даже группы языков внутри языковой семьи банту отличаются друг от друга очень значительно.

Этих примеров достаточно, чтобы утверждать, что микроизменчивость играет большую роль в расообразовании, являясь для многих территорий преобладающей формой изменчивости. Изучение модуса локальной изменчивости только начинается, но оно обещает произвести существенную эволюцию в наших взглядах на процесс расообразования в целом.

---

[36] В. В. Бунак, Изменчивость соматических признаков в малых популяциях и проблемы таксономии, «VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук», М., 1964.

[37] В. В. Бунак, Антропологические типы русского народа и вопросы истории их формирования, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXXVI, 1962; Т. И. Алексеева, Антропологические материалы к этногенезу восточных славян, «Сов. археология», 1964, № 3.

[38] J. Hiernaux, Les caractères physiques des populations du Ruanda et de l'Urundi, «Institut Royal de sciences naturelles de Belgique», 2-e série, mem. 52, Tervuren, 1954; его же, Analyse de la variation des caractères physiques humains en une région de l'Afrique centrale: Ruanda-Urundi et Kivu, «Annales du Musée Royal du Congo Belge», vol. 3, Tervuren, 1956.

Модус направленной изменчивости

И генный дрейф, и направленные сдвиги морфологических признаков во времени, лежащие в основе этого модуса изменчивости, изучаются уже давно, и многие аспекты этих явлений достаточно ясны. Не произведено, правда, пока сравнительной оценки скорости направленных изменений моногенных и полигенных признаков, хотя подходящий материал для этого уже собран. Но это относится лишь к характеристике этих явлений. Что же касается каузального анализа, то он достаточен лишь для генного дрейфа и проведен много раз, но пока не привел к удовлетворительным результатам в отношении направленных изменений морфологических признаков. В настоящее время неясно даже, представляют ли собой эти явления направленных изменений паратипический эффект или следствие каких-то внутренних сдвигов, например, в скорости роста, которые являются внешним выражением перестройки генетической структуры.

В чистом виде модус направленной изменчивости встречается редко. Его действия можно предполагать в тех случаях, когда при закономерной в общем географической изменчивости мы встречаемся с нарушением этой закономерности по каким-то признакам, которые характерны для одной или нескольких популяций. Палеоантропологический материал помогает установить имеем ли мы дело со случаем направленной изменчивости или сохранением какого-то комплекса признаков от предыдущего этапа расообразования. Но он не всегда есть, и тогда выбор между этими двумя возможностями затрудняется, хотя иногда и осуществим. Представляется вероятным, что именно с модусом направленной изменчивости в чистом виде мы встречаемся в антропологическом типе нганасан и, частично, долган[39]. Они характеризуются огромными размерами лица и головы, заметно превосходящими аналогичные величины в других группах — даже в группах центральноазиатского типа, которые, как известно, наиболее матуризованы из всех сибирских монголоидов. При этом в остальных признаках, которые вообще не подвержены направленным изменениям, они не отличаются или мало отличаются от представителей катангского типа. Нарушение нормального хода географической изменчивости как раз по тем признакам, которые подвержены обычно направленным изменениям,— наиболее убедительное свидетельство действия модуса направленной изменчивости в данном случае. Хорошим подтверждением было бы своеобразное положение нганасан и долган по вариациям групповых факторов крови, но мы не имеем достаточных данных по Сибири в целом, чтобы судить об этом.

Такие сравнительно ясные случаи, как формирование антропологических особенностей населения Таймыра, относительно редки. Так, можно было бы предполагать, что модус направленной изменчивости имел место при формировании особенностей упоминавшегося выше кавкасионского типа в центральных предгорьях Кавказского хребта, так как основные отличия его падают на те признаки, в которых чаще всего и проявляется изменчивость,— размеры головы и лица, степень массивности[40]. Но есть веские основания полагать, что здесь мы застаем остаточ-

---

[39] См.: И. М. Золотарева, Антропологическое исследование нганасан, «Сов. этнография», 1962, № 6; ее же, Антропологическое исследование долган, «Сов. этнография», 1965, № 3.

[40] По отношению к происхождению кавкасионского типа направленная изменчивость специально рассмотрена М. Г. Абдушелишвили. См.: М. Г. Абдушелишвили, Об эпохальной изменчивости антропологических признаков, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXXIII, 1960.

ное явление предшествующего этапа расообразования, т. е. сохранение в условиях изоляции с небольшими изменениями чрезвычайно древнего протоморфного типа с эпохи, возможно, первоначального заселения высокогорных районов Кавказа человеком современного типа[41]. Направленная изменчивость, правда, сыграла определенную роль в формировании кавкасионского типа, но это выразилось лишь в увеличении черепного указателя. Таким образом, она проявилась лишь в отдельном признаке, а не в комплексе признаков, и поэтому указанный район нельзя рассматривать как типичный для проявления модуса направленной изменчивости.

Чаще же всего направленная изменчивость выступает как сопутствующее явление, осложняя и без того сложную картину расообразования по типу типологической или локальной изменчивости. Действие брахикефализации и грацилизации прослежено на материалах по палеоантропологии Советского Союза, так же как и их роль в формировании физических особенностей населения многих районов, действие долихокефализации — на материалах по краниологии близкого к современности и по соматологии современного населения Швейцарии. Широко известны также аналогичные явления в других областях Западной Европы и Северной Африки. Проявляют они себя и в пределах ареала монголоидов, пример чему — территория Японии. Но основной расообразовательный процесс идет во всех перечисленных районах либо по модусу типологической, либо локальной изменчивости. Таким образом, сложное переплетение различных модусов расообразования в ходе расообразовательного процесса скорее обычное явление, чем исключение, и, по-видимому объясняется тем, что типы расообразования могут меняться во времени на одной и той же территории, и на поздних этапах тогда сохраняется наследие процессов предшествующих более ранних эпох[42].

Общая схема расового анализа в связи с характером расообразовательного процесса

Представление о разных модусах расообразования примиряет не только противоположные концепции расы — типологическую и популяционную, но и различные, часто взаимоисключающие тенденции в расовом анализе. Действительно, географический критерий имеет колоссальное значение в случае закономерной географической изменчивости, высокой межгрупповой связи между признаками и, следовательно, территориального дробления всей зоны на локальные комплексы с четкой морфологией и определенным ареалом. В этом случае принцип таксономической оценки признаков с использованием в первую очередь географического критерия, обоснованный в блестящей статье А. И. Ярхо[43], оказывается весьма действенным. Весь расовый анализ проводится тогда по ведущим признакам с выделением все более и более мелких категорий и с соподчинением их по схеме родословного древа. Изу-

---

[41] Аргументацию см.: В. П. Алексеев, Антропологические данные к проблеме происхождения населения центральных предгорий Кавказского хребта, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. 82, М., 1963.

[42] Замечательная мысль об этапности расообразования высказана и частично аргументирована В. В. Бунаком. См.: В. В. Бунак, Человеческие расы и пути их образования. См. также В. В. Бунак, Череп человека и стадии его формирования у ископаемых людей и современных рас, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XIX, М., 1959.

[43] А. И. Ярхо, О некоторых вопросах расового анализа, «Антропологический журнал», 1934, № 3.

чение модуса типологической изменчивости неизбежно связано с такой таксономической операцией и может быть успешно проведено только с ее помощью.

Не то в случае модуса локальной изменчивости. Пестрота территориальных вариаций не дает возможности воспользоваться географией расовых признаков для восстановления их истории, а, следовательно, для определения их древности и таксономического значения. Разумеется, в тех случаях, когда отдельные признаки обнаруживают строгую территориальную локализацию, несмотря на пестроту вариаций подавляющего большинства других признаков, как, например, пигментация в пределах Русской равнины, им следует в первую очередь уделить внимание и дифференцировать территориальные комплексы по этим признакам. Но в составе этих комплексов невозможно выделить более мелкие категории из-за неясности географической изменчивости, из-за сложного перекреста вариаций отдельных признаков, наконец, из-за неотчетливости критериев морфологической близости, когда разные группы сходны друг с другом не по комплексу особенностей, а мозаично (наибольшая близость по одному признаку сопровождается значительным расхождением по другому и т. д.). В этих условиях сохраняют свое значение приемы суммарного сопоставления, несмотря на всю ту критику, которой они подверглись на протяжении последних тридцати лет. Практически только они позволяют все же установить степень сходства между отдельными популяциями и оценить ее в каком-то масштабе, а теоретически их применение оправдано тем, что коль скоро отдельные признаки обнаруживают дисперсные ареалы, приравнивание каждого из них к остальным вытекает из его недолгой истории и, следовательно, низкой таксономической значимости. Невозможно, да и не нужно входить сейчас в обсуждение существующих методов суммарного сопоставления. Но существенно помнить всегда о том, что успех последнего определяется двумя факторами, какие бы методы ни применялись,— как можно большим количеством признаков, включенных в подсчет, и как можно меньшей морфофизиологической связью их друг с другом. Это предостерегает от ошибочных сближений за счет параллелизмов в формообразовании.

Пока не предложено строгой и всесторонней методики для изучения направленной изменчивости. Нет констант для оценки генного дрейфа и тем более нет констант для оценки скорости направленных изменений морфологических признаков. Теория генного дрейфа используется в основном для объяснения резких различий соседних популяций в мономерных признаках; при рассмотрении морфологических признаков и их изменений от эпохи к эпохе основное внимание уделяется направлению, а не скорости изменений. Скорость генного дрейфа в разных популяциях и на разных территориях действительно трудно определить, так как для этого нужно, чтобы данные охватывали минимум два поколения (желательно три). Что же касается скорости изменений морфологических признаков, то здесь можно идти по тому же пути, по которому развиваются исследования скорости эволюции, и использовать уже накопленный в этой области опыт[44]. Конечно, все применяемые там единицы скорости изменений (дарвин и др.) слишком грубы и поэтому малопригодны, но принцип определения скорости изменений может быть тот же. Фактиче-

[44] См., например, E. L. Boné, Rythmes evolutifs comparés des hominides et des mammifères, «Bibliotheca Primatologica», fasc. 1. Adolph Hans Schultz zum 70. Geburtstag gewidmet, Basel — New York, 1962; B. Kurtén, The rate of evolution, «Science in archaeology», New York, 1963.

ских данных в общем уже достаточно, чтобы произвести оценку скорости изменений во многих областях эйкумены.

Итак, учитывая сложность расообразовательного процесса и существование различных модусов расообразования, трудно даже теоретически предложить универсальную схему расового анализа. Первый этап расогенетического исследования должен состоять в определении модуса расообразования. Закономерный характер географической изменчивости и высокая межгрупповая связь между признаками свидетельствуют о возможности производить анализ по ведущим признакам и объединять выделенные комплексы в соподчиненные группы по схеме родословного древа. Отсутствие правильностей в географической изменчивости, малая межгрупповая связь или отсутствие связи между признаками открывают дорогу приемам суммарного сопоставления. При исследовании направленных изменений следует стремиться к оценке скорости изменений сравнительно с другими территориями, так как в этом в первую очередь и проявляется специфика направленной изменчивости.

Модусы расообразования и характер географического распространения генов

Все рассмотренные модусы расообразовательного процесса представляют собою, конечно, выражение и различные комбинации фенотипической изменчивости. Нас же прежде всего должна интересовать генотипическая изменчивость, генофонд изучаемых популяций и, следовательно, не морфологическое сходство, а генезис тех или иных комбинаций признаков. Переход от фенотипической изменчивости к генотипу и составляет по сути дела основную задачу и основной путь расогенетического исследования.

Для мономерных признаков этот переход проще. Существуют, например, для групп крови системы АВО и некоторых других формулы пересчета фенотипических частот на частоты соответствующих генов, и в настоящее время карты панэйкуменного и порайонного распределения серологических факторов можно составлять не для фенотипических вариаций, а для генных частот[45]. Для морфологических признаков с полигенной структурой таких формул нет, и картографирование их можно производить только по фенотипическим вариациям[46]. Однако и в этом случае есть некоторые основания для перехода от фенотипа к генотипу, для понимания генетического значения того или иного признака или той или иной комбинации признаков. Основания эти дает географическое распространение признака или комбинации признаков. Чем более широко распространена однородная вариация или группа вариаций, тем меньше шансов, что мы сталкиваемся со случайным явлением, тем больше шансов, что эта вариация или группа вариаций является древней и, следовательно, отражающей какие-то генетические взаимоотношения между этническими группами, среди которых она распростране-

[45] Карты панэйкуменного распределения см.: A. Mourant, The distribution of human blood groups, Oxford, 1954 (Часть карт перепечатана: I. Carlick, Blood groups and prehistory. В кн. «Science in archaeology», New York, 1963); H. Walter, Die Bedeutung der serologischen Merkmale fur de Rassenkunde. В кн. «Die neue Rassenkunde», Stuttgart, 1963.

[46] Карты панэйкуменного распределения см.: B. Lundman, Umriß der Rassenkunde des Menschen in geschichtlicher Zeit, Kopenhagen, 1952; R. Biasutti, Razze e i popoli della terra, t. I (карты из первого издания 1941 г. частично перепечатаны: E. Eickstedt, Die Forschung am Menschen, t. 2, «Physiologische und morphologische Anthropologie», Stuttgart, 1944).

на [47]. Таким образом, география полигенного признака — пока единствен ная основа для суждения о его генезисе.

Чем вызваны и чем определяются различия в характере фенотипиче ской изменчивости на разных территориях, находящие себе выражени в различных модусах расообразования? Исходя из значения географиче ского распространения признаков для установления их генезиса, можн думать, что причина различных модусов расообразования — характе географического распространения генов расовых признаков. Мы уж отмечали выше, что типологическое расообразование имеет место чаще всего в областях, которые сами по себе своими геоморфологическими особенностями и своими водными рубежами способствуют расчленению единого процесса расообразования на несколько микропроцессов, каждый из которых охватывает обширный, но до какой-то степени отграниченный от других район. Так обстоит дело на Кавказе, так обстоит дело и в Средней Азии, где к этому примешивается в качестве еще одной причины типологической изменчивости интенсивное смешение между европеоидами и монголоидами в недалеком прошлом. На географию генов воздействуют в данном случае физико-географические условия, вызывая более или менее резкие разрывы в их географическом распространении.

Иначе, очевидно, складывается генная география при локальной изменчивости. В этом случае распространение генов ограничивается лишь величиной круга брачных связей, а водные рубежи и другие физико-географические препятствия хотя и воздействуют на процесс расообразования (исследования по среднему Рейну, на которые мы уже ссылались), но слабо, резко не нарушая равномерного распространения генов. Вся территория как бы разбивается на огромное количество очень маленьких очагов расообразования, величина которых регулируется кругами брачных связей. С другой стороны, круги эти последовательно сдвигаются, и поэтому между отдельными микроочагами образуются плавные переходы. Гораздо более равномерное распределение генов, чем при типологической изменчивости, определяет волнообразный характер расообразования.

Таким образом, география генов — ключ к географии процессов расообразования, к пониманию происхождения различных модусов изменчивости. Тезис этот, конечно, пока гипотеза и высказывается, как и последующие соображения, в порядке предварительной постановки вопроса.

Модус локальной изменчивости — территориальное ограничение панмиксии

Если бы не существовало никаких географических рубежей в пределах эйкумены, не действовали бы, следовательно, процессы изоляции, а также не действовала бы адаптация, то антропологический состав современного человечества был бы значительно более однородным. Добавим к этому, что полное ограничение смешения (представим себе такое состояние человечества, при котором передвижения населения сведены к нулю и никогда их не было) еще более стабилизировало бы морфологию современного человека. И все же даже и в этом последнем случае антропологический состав современного человечества не был бы

[47] Значению ареала в расогенетическом исследовании посвящены сделавшие эпоху в этой области труды Е. М. Чепурковского. Более современные замечания см.: Г. Ф. Дебец, Антропологические исследования в Камчатской области, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XVII, М., 1951; М. Г. Левин, Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XXXVI, М., 1958.

полностью однородным. Сказывались бы те препятствия для панэйкуменного распределения генов, которые ставит им расстояние. Определенные территории представляли бы собою районы генной концентрации и сгустки, если можно так выразиться, изменчивости, тогда как пространства между ними были бы переходными зонами, занимая по своим морфологическим характеристикам промежуточное положение.

Приблизительно такую картину мы и наблюдаем в случае преобладания микроизменчивости над типологическим расообразованием. Морфологические особенности при переходе от группы к группе меняются очень незначительно и также незаметно меняется и генетическая структура популяций. Происходит как бы частичное замещение генов в генофонде по каждому признаку, которое отражается на его вариациях, но в то же время не вызывает значительных сдвигов в изменчивости. Масштаб замещения определяется кругом брачных связей и их интенсивностью. Таким образом, гены расовых признаков более или менее равномерно распределены по всей территории, на которой действует модус локальной изменчивости, но в пределах этой территории существует огромное число микрорайонов повышенной и пониженной генной концентрации, расположенных вперемежку. Если бы можно было составить генные карты для таких случаев, то они выглядели бы как сложная мозаика малых и больших генных концентраций для каждого признака.

Круг брачных связей — характеристика изменчивая. При прочих равных условиях на него в сельской местности влияет близость к городу, количество дорог, соединяющих районы, торговые связи между районами и отдельными деревнями [48]. Таким образом, даже в области, заселенной этнически однородным населением, ширина круга брачных связей может меняться от района к району в зависимости от экономических причин. Здесь в этой сфере антропология смыкается с кругом экономических и эконом-географических дисциплин. Поэтому для того, чтобы представить себе влияние круга брачных связей на процесс изменчивости во всей конкретности на любой территории, нужны большие и разносторонние генеалогические исследования, увязанные с экономическими (экономический уровень района), демографическими (движение населения) и эконом-географическими (размещение сети железных и шоссейных дорог и т. д.). Без этого работать с такими понятиями, как круг брачных связей и степень родства, предлагая для их характеристики обобщенные показатели, как это делает, например, В. В. Бунак [49], очень трудно, с моей точки зрения, просто невозможно. Но, говоря в общей форме, как бы изменчив этот круг ни был, он есть в первую очередь понятие территориальное и как таковое зависит от того, насколько далеко простираются брачные связи. А они ограничены в основном расстоянием, практической изоляцией популяций, отстоящих одна от другой на константное для данного района количество километров. Поэтому и можно, по моему мнению, считать, что в случае модуса локальной изменчивости имеет место в первую очередь территориальное ограничение панмиксии. Иными словами, модус локальной изменчивости есть следствие такого географического распространения генов, при котором их концентрации незначительно и незакономерно варьируют от района к району, а возможности их миграции ограничены лишь инерцией преодоления расстояния.

---

[48] H. Walter, Herkunft und Heiratskreise einer niedersächsischen Landbevölkerung (Kreis Einbeck), «Homo», B. VII, 1956, H. 2—3.

[49] В. В. Бунак, Изменчивость соматических признаков в малых популяциях и проблемы таксономии.

Модус типологической изменчивости — механическое и социальное ограничение панмиксии

Географическое распространение генов при типологической изменчивости носит другой характер. Популяции, в которых представлены разные комплексы признаков, отличаются друг от друга часто не только разными вариациями одних и тех же признаков, но и новообразованиями, т. е. какими-то морфологическими особенностями, которые характерны только для них или для группы родственных популяций и отсутствуют в других популяциях или группах популяций. Сам по себе этот факт свидетельствует об иной географии генов по сравнению с модусом локальной изменчивости — концентрации разных генов в разных районах и, следовательно, нарушении равномерного их распределения по территории. Нарушение это может проистекать за счет двух факторов — первоначальной случайной разницы в генной концентрации при начале разграничения общей территории какими-то изолирующими рубежами или разнонаправленными процессами расообразования (что всегда и характерно для модуса типологической изменчивости — разное и чаще всего противоположное направление этих процессов в близких областях) и медленной перестройки генной структуры уже после установления известной изоляции под влиянием адаптации или других расообразующих факторов.

Как начинает проявляться типологическая изменчивость в том случае, если область ее действия не представляет собою зоны смешения? И в том случае, если эта область очень обширна, и в том — если она мала, трудно предполагать, что расообразующим факторам приходится иметь дело с группой популяций, абсолютно тождественных по своей генетической структуре. Это мало вероятно логически, да и фактически все, сколько-нибудь обстоятельные исследования по генетике показывают, что трудно найти даже генетически тождественные индивидуумы, не говоря уже о популяциях [50]. Поэтому с генетической неоднородностью популяций при начале расообразования следует считаться как с реальным фактом (эффект Райта). Правда, явлению этому на первых порах придавалось неправомерно большое значение в формообразовании, что вызвало определенную и в целом убедительную критику [51]. Но критика эта направлена против преувеличений, с которыми было связано использование эффекта Райта в теоретическом истолковании эволюции, в то же время само явление реально существует, и это трудно оспаривать. Итак, группа популяций, большая или малая — все равно, в которой начинает действовать модус типологической изменчивости, с самого начала неоднородна генетически, причем эта неоднородность может быть выражена в разной степени — от разницы в концентрации одних и тех же генов до разного набора генов в популяционном генофонде. Эта неоднородность усугубляется еще и тем обстоятельством, что любой модус расообразования начинает действовать не на пустом месте, а получает в наследство результат расообразовательных процессов предшествующей стадии расообразования.

Как с этой неоднородностью обстоит дело в дальнейшем? Какими факторами она усиливается? Или типологическая изменчивость и есть только результат неоднородности группы первичных популяций? Ответ

---

[50] Даже близнецы не представляют собою генетически адекватных объектов. Об этом см.: М. В. Волоцкой, Близнецовый метод и проблема изменчивости генов, «Антропологический журнал», 1937, № 2.

[51] См., например, Ю. М. Оленов, Некоторые проблемы эволюционной генетики и дарвинизма, М.— Л., 1961.

на все эти вопросы лежит в оценке значения географических барьеров и социальной изоляции. Если в пределах группы неоднородных популяций действует смешение, то оно, конечно, стирает неоднородность, если первичные комплексы различались слабо. Но если они различались достаточно значительно (от более ранней стадии расообразования сохранились какие-то типологические закономерные сочетания), то смешение создает систему межгрупповых корреляций и правильности в географическом распространении признаков. Морфологически различающиеся и определенно локализованные комплексы — налицо.

При наличии географических барьеров (геоморфологических — горные хребты, гидрологических — реки, ботанических — леса и болота, пустынные и полупустынные районы и т. д.), они, естественно, усиливают первоначальную неоднородность. Первичное единство, особенно по морфологическим признакам, сохраняется, почему и можно бывает установить взаимное родство типов, но различия, существовавшие в пределах группы первоначальных популяций, усиливаются под влиянием частично самой изоляции, а частично под влиянием стохастических процессов, адаптации, косвенной адаптации, отбора, т. е. тех расообразующих факторов, которые и определяют специфику расообразования на данной территории и в данной группе популяций [52]. Аналогичным образом действует и социальная изоляция, которая закрепляет и усиливает первоначальную неоднородность [53]. Таким образом, модус типологической изменчивости складывается либо при неограниченной и усиленной панмиксии (смешение), но тогда это процесс формирования новых типов на базе уже сложившихся и существующих, либо при ограничении панмиксии географическими факторами и социальной изоляцией. В этом случае образуются новые типы, новообразования в ряду таксономических категорий. Географические барьеры действуют как механические причины, препятствующие распространению тех или иных генов и их сочетаний. Это и позволяет связать, как это сделано в заголовке данного параграфа, типологическую изменчивость с механическим и социальным ограничением панмиксии.

Таким образом, в основе модуса типологической изменчивости лежит такое географическое распределение генов, при котором препятствием к их панэйкуменной или во всяком случае достаточно далекой миграции являются механические (географические рубежи) и социальные (социальная изоляция) факторы.

Специфика географического распространения генов при направленной изменчивости

До сих пор нельзя считать окончательно выясненным вопрос о том, представляет ли собою направленная динамика морфологических признаков во времени — изменение черепного указателя, изменение ширины лица и рельефа черепа, изменение длины тела — паратипический

---

[52] Вообще о роли этих факторов см.: I. Schwidetzky, Neuere Entwicklungen in der Rassenkunde des Menschen. В кн. «Die neue Rassenkunde», Stuttgart, 1962. О влиянии изоляции на морфологические признаки см.: М. В. Игнатьев, Статистические константы в изолированной популяции, «Антропологический журнал», 1937, № 2; его же, О пределах приложения математики в антропогенетике, «Антропологический журнал», 1937, № 3; его же, Исследования по генетическому анализу популяции, Сообщение I, Плосковершинность кривых распространения признаков в ограниченных популяциях, «Уч. записки МГУ», вып. 34, 1940; его же, Исследования по генетическому анализу популяций, Сообщение II, Действие изоляции на кривые распределения и родственные корреляции, там же.

[53] См.: I. Schwidetzky, Grundzüge der Völkerbiologie. Там же и литература.

эффект или она генетически обусловлена. Нет недостатка в гипотезах и одного, и другого направления. Брахикефализацию связывают с проживанием в районах с богатыми выходами базальтовых пород[54] или горных местностях[55], грацилизацию — с введением в культуру земледелия и изменением режима питания[56]. Недавно была сделана попытка использовать данные о связи разных конституциональных габитусов с различными психофизиологическими особенностями, чтобы включить в обсуждение проблемы грацилизации гипотезу отбора — более грацильный тип больше отвечает по своей психофизиологической структуре новым требованиям, которые ставит перед ним социальная среда в условиях земледельческого уклада, чем матуризованный[57]. Данные о связи морфологических и психофизиологических особенностей, а следовательно, и о правомерности такого подхода как будто подтверждаются и интереснейшими наблюдениями Я. Я. Рогинского[58]. Но все же наиболее общей гипотезой, объясняющей действие направленных процессов по отношению к морфологическим признакам, является гипотеза В. В. Бунака, предложенная им для объяснения брахикефализации,— гипотеза сдвигов в скоростях роста[59]. Внешние причины и в этом случае играют не последнюю роль, но все же центр тяжести переносится на внутренние морфологические закономерности роста.

Область эта, если рассматривать ее с генетических позиций, относится к феногенетике — наиболее трудному и медленно развивающемуся разделу генетики[60]. Огромную роль в генетике развития и роста играют, по всей вероятности, явления, относящиеся к плазматической наследственности[61]. Но для нас не столь важно отметить это обстоятельство, сколь существенно подчеркнуть, что круг этих явлений выходит за рамки генной географии, за рамки тех или иных закономерностей в

---

[54] P. Vassal, Brachycephalie, doitre et terrain granitique, «Revue de pathologie génerale et physiologie clinique», t. 57, 1957, № 688.

[55] I. Weninger, Über die Brachykephalie bei Kaukasus und Balkanvölkern, «Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie», B. 44, 1952. Роль среды (без конкретной увязки, правда, брахикефализации с теми или иными внешними факторами) подчеркнута: E. Fischer, Langschädel — rundschädel. Auf der Suche nach Wert und Unwert des Langen — Breiten Index, Materia medica, B. XII, 1960.

[56] G. Kurth, Vorbericht über anthropologische Beobachtungen bei der Jerichograbung 1955, «Homo», B. 6, 1955, H. 4; его же, Überlegungen zu den zoogeographischen Klimaregeln «Forschungen und Fortschritte', B. 30, 1956; Г. Ф. Дебец, О некоторых направлениях изменений в строении человека современного вида, «Сов. этнография», 1961, № 2.

[57] I. Schwidetzky, Das Grazilisirungsproblem, «Homo», B. 13, 1962, H. 3.

[58] Я. Я. Рогинский, Материалы по исследованию связи телосложения и моторики, «Антропологический журнал», 1937, № 3; см. также Я. Я. Рогинский, Учение о характере и эволюция, «Русский евгенический журнал», т. VI, 1928, вып. 2—3.

[59] В. В. Бунак, Структурные изменения черепа в процессе брахикефализации, «Труды V Всесоюзного съезда анатомов, гистологов и эмбриологов», Л., 1951; его же, Череп человека и стадии его формирования у ископаемых людей и современных рас.

[60] Сводку данных, хотя и несколько устаревшую, см.: И. А. Раппопорт, Физиологический анализ независимой и зависимой дифференцировки, «Труды Ин-та цитологии, гистологии и эмбриологии», т. II, вып. I, М.— Л., 1948.

[61] См.: И. И. Шмальгаузен, Регуляция формообразования в индивидуальном развитии, М., 1964. О плазматической наследственности см.: Р. Хагеман, Плазматическая наследственность, М., 1962 (перевод с немецкого издания 1959 г.). Есть новое, гораздо более полное издание: R. Hagemann, Plasmatische Vererbung, Jena, 1964. Роль цитоплазмы в явлениях индивидуального развития была отмечена еще М. М. Завадовским около 40 лет тому назад в исследованиях, до сих пор сохранивших свое значение: М. М. Завадовский, Механика развития признаков пола и генетика, «Труды Всесоюзного съезда по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству», т. II, Генетика, Л., 1930; его же, Динамика развития организма, М., 1931.

географическом распространении генов. Направленные изменения монофакториальных признаков, выражающиеся в генном дрейфе, также управляются лежащими за пределами генной географии вероятностными закономерностями. Модус локальной изменчивости не есть, следовательно, в отличие от других модусов, результат того или иного географического распространения генов. Это есть результат стохастических процессов (монофакториальные признаки) и феногенетической изменчивости (полифакториальные признаки).

Выводы

1. Господство прогрессивной концепции полиморфного вида в биологии требует перенесения ее на систематические подразделения человечества. Человечество — не сборный, как утверждается в некоторых классификационных схемах, а полиморфный вид.

2. Различная роль формообразующих факторов в разных обстоятельствах имеет своим результатом специфический характер изменчивости в различных зонах эйкумены и различных группах современного человечества.

3. Все это позволяет выделить разные модусы расообразования, характеризующиеся определенными типами изменчивости: модус типологической изменчивости, модус локальной изменчивости и модус направленной изменчивости.

4. Причина разных модусов расообразования — разный характер географического распространения генов.

5. Модус типологической изменчивости образуется при механическом и социальном ограничении панмиксии, когда миграции генов препятствуют либо физико-географические барьеры, либо социальная изоляция. При неограниченной панмиксии (смешение) действие этого модуса ограничивается не формированием принципиально новых комплексов признаков (новообразований), а формированием комплексов признаков на основе уже существующих (перекомбинации).

6. Модус локальной изменчивости складывается при территориальном ограничении панмиксии, определяемом величиной круга брачных связей, когда миграции генов препятствует только инерция преодоления расстояния.

7. Модус направленной изменчивости не есть следствие определенной правильности в географическом распространении генов. Он представляет собою результат стохастических процессов для мономерных и феногенетической изменчивости для полимерных признаков.

8. Существующие методы расового анализа должны быть дифференцированы в зависимости от того, к изучению каких модусов расообразования они прилагаются. Начальный этап любого расогенетического исследования — определение модуса расообразования.

Изложенная точка зрения сформировалась и сформулирована не без влияния замечательных трудов Н. И. Вавилова, которые являются для автора недосягаемым образцом научного исследования.

SUMMARY

Viewing the modi of the formation of races and the geographical distribution of genes of racial characters, the author draws the following conclusions:

1. The predominance of a progressive concept of polymorphous species in biology calls for its extension upon the systematic subdivisions of the mankind. The human species is not an assembled species, as some classifications state it, but a polymorphous species.

2. Different roles of morphogenetic factors in varying conditions result in a speci character of the variability in various zones of the Ecumen and groups of mankind.

3. All this allows to specify various modi of race formation, with their peculiar typ of variability: the modus of a typological variability, the modus of a local variabilit and the modus of a directed variability.

4. The reason for a difference between the modi of race formation is in differe specifics of the geographic distribution of genes.

5. The modus of a typological variability emerges with a mechanic and social limit tion of panmixion, when the gene migration is hampered either by physico-geographic ba riers or by a social isolation. In an unlimited panmixion (mixture) the effect of th modus is manifested not in a formation of principally new complexes of characters (ne morphs) but in a formation of characters complexes on the base of already existing featu res (recombinations).

6. The modus of local variability develops with a territorial limitation of panmixio defined by the broadness of the circle of marital ties, when only the inertia to overcom the distance prevents the gene migration.

7. The modus of directed variability is not a result of a certain regularity in the geo graphic distribution of genes. It is a result of stochastic processes for the monomeri characters and of the phenogenetic variability for the polymeric characters.

8. The existing methods of the race analysis need a differentiation depending upo the race formation modi trey are applied to. The starting point of any racial study mus be a definition of the modus of race formation.

Н. Г. Волкова

ВОПРОСЫ ДВУЯЗЫЧИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

В условиях этнической дробности Северного Кавказа владение помимо родного языка вторым или несколькими языками было жизненной необходимостью для народов этой территории и обусловливалось целым рядом причин преимущественно экономического характера. В частности, огромную роль в развитии двуязычия играли широкие торговые и хозяйственные контакты различных областей, в том числе горной и равнинной. Именно в равнинные районы безземельные горцы уходили на заработки, здесь располагались основные торговые центры Северного Кавказа, удобные пастбища и т. п. [1]

Вполне понятно, что тесные торговые и хозяйственные связи жителей этих двух зон создавали потребность в знании какого-либо общего языка. Обычно функции его выполнял один из тюркских языков: азербайджанский, кумыкский, ногайский, что было в немалой степени обусловлено расселением на значительной части равнинной территории тюркоязычных народов. Возможно также, что в широком распространении тюркских языков в качестве вторых определенную роль играла и относительная фонетическая простота их по сравнению с кавказскими.

В Дагестане жители высокогорных областей чаще всего были многоязычными, поскольку они владели языками народов нижележащих областей. Эта определенная закономерность в географии неродных языков была впервые отмечена Л. И. Лавровым, который писал, что «распространение вторых языков в горах согласуется с вертикальной зональностью: несравненно чаще горцы перенимают язык живущего ниже их населения, чем язык населения высокогорных районов» [2].

Примером может служить пестрая в этническом отношении область бассейна Самура, где в процессе исторического развития населяющих его народов наибольшее распространение в качестве второго языка получил азербайджанский. Цахуры, занимающие верховья Самура, владели помимо своего языка азербайджанским, меньшее число их знало рутульский и лезгинский; рутульцы, живущие ниже их, знали те же языки, но не владели цахурским, за исключением некоторой части жителей селений Кина и Лучек; среди лезгин, расселенных в среднем и нижнем течении реки, был распространен только азербайджанский и, наконец,

---

[1] «Материалы по истории Дагестана и Чечни», т. III, ч. 1, Махачкала, 1940, стр. 128, 317, 318; «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.», М., 1958, стр. 104, 139; Ф. Ган, По долинам Чорока, Уруха и Ардона, «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (далее СМОМПК), вып. XXV, Тифлис, 1898, стр. 52.

[2] Л. И. Лавров, Некоторые итоги Дагестанской экспедиции 1950—1952 гг., «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XIX, М., 1953, стр. 4.

азербайджанцы, кроме своего, не знали ни одного из названных языков[3].

Таким образом, населению гор были знакомы языки равнинных народов, нередко более развитых в экономическом отношении и более многочисленных, и народов, через территорию которых горцы общались с жителями равнин в своей хозяйственной деятельности.

Азербайджанский язык широко употреблялся народами Южного Дагестана для связей не только с азербайджанцами, но и между собой[4]. Некоторое распространение он получил до революции среди лакцев и арчинцев, главным образом среди мужчин, побывавших на промыслах в Азербайджане[5].

Народы Северного и Среднего Дагестана в прошлом веке употребляли кумыкский язык для сношений «с шамхальцами и вообще населением плоскости»[6]. То же имело место и в других районах северо-восточного Кавказа, о жителях которого в 1870-х годах современник писал: «Салатовец говорит по-аварски, его переводит чеченец на кумыкский, а кумык на русский»[7]. Таким образом, чеченское население, соседнее Салатавии и Дагестану (ауховцы, зандаковцы, качкалыковцы, частично ичкеринцы), владело аварским и кумыкским языками, что было необходимо для ведения торговли, происходившей в основном в Эндери, Новом Аксае и Брагунах[8]. По свидетельству источников 1830-х годов, население Брагунов, состоявшее из кабардинцев, карабулаков, чеченцев, кумыков, ногайцев, «говорило смесью языков татарского (кумыкского и ногайского.— *Н. В.*) и кабардинского»[9]. На кумыкском и ногайском языках общались местные жители и приезжавшие в селение для торговли чеченцы, терские казаки, армяне, грузины.

Большую роль в экономической жизни народов восточной части Северного Кавказа в XVIII — первой половине XIX в. играл Кизляр, население которого составляли армяне, грузины, терские казаки, ногайцы и кумыки («Окочир-аул»), казанские татары («Казанте-аул») и др.[10] В городе имелись армянский и «татарский» базары, куда приезжали торговать осетины, чеченцы, кабардинцы, народы Дагестана, ногайцы, армяне, грузины, терские казаки, причем наиболее распространенными были также ногайский и кумыкский языки[11].

Развитие на Северном Кавказе и особенно в Дагестане отходничества, вызываемого главным образом малоземельем жителей горной полосы[12], также способствовало широкому распространению вторых язы-

---

[3] Л. И. Лавров, Рутульцы, «Сов. этнография», 1953, № 4, стр. 39; З. А. Никольская, Работы Цахурского отряда Дагестанской экспедиции 1952 г., «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XIX, М., 1953, стр. 13.

[4] Н. К. З-а, Военно-Ахтинская дорога и Самурский округ, газ. «Кавказ», 1864, № 1; Л. И. Лавров, Рутульцы, стр. 35; Б. А. Калоев, Агулы, «Кавказский этнографический сборник», III, М.— Л., 1962, стр. 109; З. А. Никольская, Указ. раб., стр. 13.

[5] Г. А. Сергеева, Арчинцы (К вопросу о путях этнического развития малых народов Дагестана), «VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук», М., 1964, стр. 3.

[6] А. Неверовский, Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях, «Военный сборник», V, СПб., 1847, стр. 21.

[7] П., Горские наречия, «Сборник сведений о Терской области», 1, Владикавказ, 1878, стр. 315, 316.

[8] «Материалы по истории Дагестана и Чечни», т. III, ч. 1, стр. 303, 318.

[9] Д. А. Милютин, Материалы по истории Кавказа, Рукописный фонд Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ф. 169, К 81, д. 7, л. 20.

[10] Ю. Шидловский, Записки о Кизляре, «Журнал Министерства внутренних дел», ч. IV, СПб., 1843, стр. 164.

[11] Там же, стр. 175—177.

[12] Х.-М. Хашаев, Общественный строй Дагестана в XIX веке, М., 1961, стр. 107.

ков. Народы Южного Дагестана: лезгины, рутульцы, цахуры, агулы занимались отхожими промыслами преимущественно в Северном Азербайджане и Дербенте. В последний в середине прошлого столетия на «весенние работы на маренниках» приходило ежегодно из горных обществ по несколько тысяч человек[13]; находясь среди азербайджанского населения, они овладевали азербайджанским языком. Менее развито было отходничество в Грузию, в связи с чем и процент владевших грузинским языком был невелик. В частности, это были жители рутульского селения Ихрек и цахурских селений Микик, Цахур, Гельмец[14]. Значительная часть аварцев, кумыков, чеченцев уходила на сезонные раработы в Кизляр и оставалась в городе с весны до осени[15], что также вело к усвоению ими других языков.

В немалой степени распространению второго языка в Дагестане способствовала и отгонная система животноводства, при которой стада с гор перегонялись на зимние месяцы на равнину: Кумыкскую плоскость или Северный Азербайджан. Так, в первой половине XIX в. жители Аварского ханства отправляли скот на Кумыкскую равнину, отары аварских обществ Хиндалал и Унцукуль зимовали на землях владетеля Тарковского[16]. Рутульцы издавна перегоняли скот в Северный Азербайджан[17]. Арчинцы отправляли свои стада весной для окота на равнину между селениями Губден, Карабудахкент, Манас, поэтому некоторые из них знали кумыкский язык и несколько менее — даргинский[18].

Таким образом, знание вторых языков ограничивалось в основном мужской частью населения, а среди них владение неродными языками более всего обнаруживалось у отходников, чабанов, ремесленников — лиц, вынужденных по роду профессии часто покидать селения.

Значительные экономические контакты существовали не только между населением горной и равнинной полосы, но и между отдельными горными областями. Это отмечал, в частности, в 1880-х годах М. Кипиани в отношении Балкарии, Карачая, горной части Северной Осетии и грузин-рачинцев и сванов, покупавших у северокавказских горцев шерсть, сыр, масло, лошадей и скот[19]. Кроме того, много сванов уходило на сезонные работы в Баксанское ущелье[20].

«Рачинцы — писал М. Кипиани,— отдают даже своих мальчиков в услужение горцам, в особенности карачаевцам, на самых невыгодных для себя условиях... Весь интерес в данном случае заключается в том, что мальчик изучает язык и заводит знакомство и близкие отношения с карачаевцами, что очень важно для него, так как опираясь на них он впоследствии может вести торговлю»[21]. Это свидетельство показывает, что в качестве вторых языков среди сванов и рачинцев были распространены карачаевский, балкарский, иногда осетинский.

Большое значение в процессе исторического развития андо-цезов получил аварский язык, о роли которого А. Неверовский писал: «Так как аварцы составляли всегда самое сильное племя в горах, всегда занимали

---

[13] Х.-М. Хашаев, Указ. раб., стр. 107.
[14] Л. И. Лавров, Рутульцы, стр. 40; З. А. Никольская, Указ. раб., стр. 13.
[15] Д. А. Милютин, Указ. раб., лл. 30, 30 об., 31; «Акты Кавказской археографической комиссии» (далее АКАК), т. IV, Тифлис, 1870, стр. 223.
[16] «Материалы по истории Дагестана и Чечни», т. III, ч. 1, стр 186; АКАК, т. IV, стр. 609.
[17] Л. И. Лавров, Рутульцы, стр. 35.
[18] Г. А. Сергеева, Указ. раб., стр. 3, 8.
[19] М. З. Кипиани, От Казбека до Эльбруса. Путевые заметки о Нагорной полосе Терской области, Владикавказ, 1884, стр. 18.
[20] Там же, стр. 19.
[21] Там же.

средину Дагестана, то и язык их сделался господствующим между обитателями описываемого края. Почти все горцы умеют говорить по-аварски и употребляют этот язык при изустных сношениях между собой...»[22]. Территория распространения аварского языка ограничивалась горными районами Северного и Среднего Дагестана — этнической территорией аваро-андо-цезов. В этой лингвистически очень пестрой области, сохранявшей множество языков и диалектов[23], подобный единый язык был необходим для общения народов, населявших эту территорию. Аварский язык был известен и некоторой части чеченцев (ичкеринцы, чеберлоевцы), приходивших на базары в Анди и Ботлих. Среди арчинцев, благодаря тесным экономическим связям с лакцами, имевшим место почти до конца 1920-х годов, большое значение приобрел лакский язык, тогда как аварский знало значительно меньшее число лиц[24].

Население равнинных областей Северного Кавказа также владело, помимо родного, одним или несколькими языками. Среди западных адыгов были распространены ногайский и турецкий языки. Об этом сообщается в заметках путешественника первой четверти XVII в., где упоминаются прибрежные селения, жители которых, черкесы, говорили и по-турецки[25]. Об этом же писал в первой четверти XIX в. и Г. Новицкий, отмечавший, что «язык у всех народов Адехе общий с малыми изменениями. Все они могут понимать друг друга... Многие из Адехе говорят по-татарски (ногайски) и по-турецки»[26]. Знание ногайского языка для сношений с соседями было характерно и для ставропольских туркмен, владевших помимо ногайского и языком казанских татар[27].

Д. Аракишвили, композитор и этнограф, будучи в 1904 г. у грузин Терской области[28], писал, что, сохранив грузинский язык, они свободно говорили по-русски, а в станице Шелкозаводской — по-армянски и ногайски[29]. Тот же автор отметил у терских грузин, многое перенявших в быту от терских казаков, наличие русских фамилий: Дубников, Карин, Дмитриев и др.[30]. Все это указывает на процесс этнической ассимиляции, происходивший довольно интенсивно среди части населения Терека.

Распространение у народов Северного Кавказа в качестве второго языка русского относится главным образом ко второй половине XIX в. В начале 1870-х годов этот процесс отмечался среди кабардинцев, осетин, чеченцев, ингушей и кумыков. Он происходил преимущественно среди жителей равнинных селений, чему во многом способствовала близость городских центров, создание русских школ и т. п. По свидетельствам современников, кабардинец с чеченцем, осетин с кабардинцем объяснялись обычно по-русски, причем в большей мере русским владели осетины и

---

[22] А. Неверовский, Указ. раб., стр. 21.

[23] Л. И. Лавров, О причинах многоязычия в Дагестане, «Сов. этнография», 1951, № 2.

[24] Г. А. Сергеева, Указ. раб., стр. 3, 4, 8.

[25] Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де-Люка, «Зап. Одесского об-ва истории и древностей», т. XI, Одесса, 1879, стр. 489.

[26] [Г.] Новицкий, Географическо-статистическое обозрение земли, населенной народом Адехе, газ. «Тифлисские ведомости», 1829, № 23.

[27] А. А. Володин, Трухменская степь и трухмены, СМОМПК, вып. XXXVIII, Тифлис, 1908, стр. 32.

[28] О грузинах Терской области см.: П. Г. Бутков, Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг., ч. 1, СПб, 1869, стр. 155; АКАК, т. VI, ч. II, Тифлис, 1875, стр. 602, 603.

[29] Д. Аракишвили, Поездка к казакам-грузинам в Терскую область, «Этнографическое обозрение», кн. 63, № 4, 1904, стр. 166, 167.

[30] Д. Аракишвили, Указ. раб., стр. 167.

ингуши [31]. Однако следует отметить, что степень распространения русского языка даже у различных групп одного народа была далеко неодинаковой. Например, он довольно широко употреблялся западными чеченцами, тогда как восточные знали главным образом кумыкский [32]. Среди туркмен Ставрополья в конце XIX — начале XX в. наряду с ногайским и татарским языком (диалект казанских татар), все большее распространение получал русский [33].

То же происходило и в равнинном Дагестане. В 1880-х годах современник, описывая сел. Аксай, отмечал, что среди его жителей «...знающих по-русски мало, но с каждым годом число их заметно увеличивается. Распространению между аксаевцами русского языка способствует частию имеющаяся в ауле школа, частию базары, на которые собираются русские (казаки и слобожане из Хасав-юрта) и европейские евреи» [34].

По статистическим данным посемейных списков 1886 г., в Дагестане лишь один из 1000 жителей умел говорить по-русски [35]. По тем же материалам русский язык знали среди лакцев 1,9% мужчин, среди даргинцев — 0,07% и т. п. [36] Отходничество жителей некоторых дагестанских селений (Телетль, Годобери и др.) в начале XX в. в Грозный, Новороссийск, Астрахань также способствовало тому, что часть жителей этих населенных пунктов владела русским языком [37].

Язык экономических связей обычно выполнял свои функции на широкой территории и для многих народов: ногайский для адыгов, моздокских осетин, северокавказских грузин и армян; кумыкский для аварцев, андийцев, чеченцев, даргинцев и др. Однако нередко в результате изменения направления торговых и хозяйственных связей происходила быстрая смена второго языка. Так, значительное развитие во второй половине XIX в. Владикавказа, Екатеринодара, Ставрополя изменило во многом экономическую ориентацию северокавказских народов и привело к замене второго языка: в некоторых районах вместо кумыкского и ногайского стал употребляться русский. Постепенное изменение традиционных экономических связей арчинцев с лакцами и ориентация на аварские районы привели к большему распространению среди них аварского языка.

* * *

Значительную роль в развитии двуязычия и многоязычия играет также компактность расселения народа, длительное проживание небольшой по численности этнической группы среди инонационального массива. Двуязычие, как правило, появляется в полосе лингвистических границ.

Перечисленные факторы действуют обычно более постоянно, чем экономические, на сравнительно небольшой территории, и число лиц, владеющих вторым языком, распространяющимся на стыке лингвистических границ, чаще ограничивается одним-двумя соседними селениями. Например, в агульских селениях Буршаг, Худиг, Арсуг, расположенных на границе с табасаранцами, почти все взрослое население знало табасаран-

---

[31] П., Горские наречия, стр. 316; «Селение Гизель (или Кизилка) Терской области, Владикавказского округа», СМОМПК, вып. XVI, Тифлис, 1893, стр. 9.

[32] П., Горские наречия, стр. 316.

[33] А. А. Володин, Указ. раб., стр. 32.

[34] «Аксай (или Ташкичу)», СМОМПК, вып. XVI, Тифлис, 1893, стр. 36.

[35] Х.-М. Хашаев, Указ. раб., стр. 17.

[36] «Дагестанская обл. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья», Тифлис, 1890, стр. 110, 111.

[37] Сб. «Современный Дагестан», Махачкала, 1925, стр. 48.

ский язык; агулы сел. Цирха знали даргинский язык, так как населенный пункт находился рядом с даргинскими селениями[38].

Однако следует заметить, что в развитии двуязычия соседних этносов большое значение имеют и экономические факторы: установление хозяйственных и торговых контактов между народами. При этом, как справедливо отмечает Л. И. Лавров, по обеим сторонам лингвистической границы наблюдается неравномерное знание двух языков: обычно «больше проникает тот язык, на территории распространения которого находится... экономический центр, к которому тяготеет население данного участка пограничной полосы»[39].

По сообщению Эвлия Челеби, проехавшего в 1641 г. восточным берегом Черного моря, жители общества Садша (убыхи.— *Н. В.*) говорили по-абхазски (абазински.— *Н. В.*) и по-черкесски[40]. Оба названных языка употреблялись, по Эвлия Челеби, также бздуками (бжедугами.— *Н. В.*)[41]. Эти свидетельства указывают на то, что население Черноморья примерно в районе современных Сочи — Дагомыса в середине XVII в. было многоязычно. Естественно возникает вопрос: означало ли это, что данная территория служила лингвистической границей названных языков или мы имеем дело с отдельными проникновениями адыгоязычного населения и частичным очеркешиванием абазин? Судя по сведениям того же Эвлия Челеби, этническая граница абазин и черкесов в первой половине XVII в. была около современного Туапсе[42], однако, по-видимому, вплоть до XIX в. происходили миграции черкесского населения на юго-восток по Черноморскому побережью и вытеснение вследствие этого абазинского языка черкесским. Немалое значение в этом процессе, вероятно, имело усиление политической и экономической роли адыгских племен в описываемый период. Кроме того, имел место также процесс очеркешивания бжедугов, абадзехов, махошей после переселения их на северные склоны Кавказского хребта[43].

Таким образом, становится понятной этническая картина Черноморского побережья в первой половине XIX в., когда вплоть до Сочи обитали адыгоязычные племена натухайцев, шапсугов, гуайе и др.

Среди абазин после переселения части их на Северный Кавказ значительное распространение получил кабардинский язык[44]. Естественно, что в систематическом уменьшении численности абазин, помимо переселения некоторого числа их с Северного Кавказа в Турцию, немалую роль сыграли и процессы этнической ассимиляции: на Черноморском побережье черкесами[45] и, возможно, абхазами, на Северном Кавказе — кабардинцами.

Этническая пестрота некоторых северокавказских городов создавала необходимость в знании их жителями второго языка — общего для раз-

---

[38] Б. А. Калоев, Указ. раб., стр. 108.

[39] Л. И. Лавров, Некоторые итоги Дагестанской экспедиции 1950—1952 гг., стр. 4.

[40] «Путешествие турецкого туриста вдоль по восточному берегу Черного моря», «Зап. Одесского об-ва истории и древностей», т. IX, Одесса, 1875, стр. 176.

[41] Там же, стр. 178.

[42] Там же, стр. 179.

[43] Л. И. Лавров, «Обезы» русских летописей, «Сов. этнография», 1946, № 4, стр. 165, 166; его же, К истории бжедугов и жанеевцев, «Уч. зап. Адыгейского научно-исследовательского ин-та языка, литературы и истории», т. IV — История и этнография, Майкоп, 1965, стр. 248.

[44] В частности, уже в XIX в. отмечалось распространение среди абазин кабардинских песен, исполнявшихся на кабардинском языке. См. Л. И. Лавров, Абазины (Историко-этнографический очерк), «Кавказский этнографический сборник», I, М., 1955, стр. 37.

[45] Там же, стр. 9.

ноязычного населения. Подобное положение наблюдалось в Дербенте, Моздоке, Кизляре. О двуязычии населения этих городов мы имеем отрывочные свидетельства документов конца XVIII—XIX вв. В частности, для Дербента отмечалось употребление азербайджанского языка не только азербайджанцами, но и татарами, армянами и евреями, «имеющими свои собственные языки» [46]. Жители Моздока: осетины, кабардинцы, армяне, грузины, русские владели ногайским, причем знали его даже женщины и дети [47]. Как уже мы отмечали, многоязычно было и население Кизляра.

* * *

Дальнейшим развитием двуязычия являются процессы этнической ассимиляции, возникающие в ходе длительного соприкосновения двух этнических общностей и приводящие к утрате родного языка одной из них и замене его другим. Например, у табасаранцев, владевших уже в конце XVIII — начале XIX в. в качестве второго языка азербайджанским [48], в 60-х годах прошлого столетия влияние последнего усилилось. Среди южных табасаранцев происходил процесс вытеснения табасаранского языка азербайджанским, тогда как у северных табасаранцев, территориально более удаленных от азербайджанцев, азербайджанский язык знало лишь мужское население [49].

Более интенсивно этот процесс происходил среди татов Дагестана, живших около Дербента в семи селениях: Бильгади, Гемейди, Джалган, Зидиан, Кемах, Митаги, Рукель [50]. В начале XX в. ускорилось вытеснение татского языка азербайджанским и лишь в сел. Джалган татский язык сохранялся еще в чистом виде [51]. По переписи 1926 г. жители этих семи селений назвали себя азербайджанцами. Лишь в Гемейди таты составляли 18,2% общего числа жителей селения [52].

Статистическими материалами 1886 г. подтверждается и процесс кумыкизации ногайцев Дагестана, в частности селений Костек, Кази-юрт, среди которых 1408 мужчин считали кумыкский язык родным [53]. В ряде селений Кумыкской равнины в конце XIX в. исследователи отмечали кумыкизацию чеченцев, давно переселившихся в эту область и утративших родной язык [54]. Процесс слияния некоторых народов андо-цезской группы с аварцами также характеризовался заменой родного языка аварским. В частности, это имело место среди гунзебцев и капучинцев, соответственно 423 и 1193 чел. мужского пола, по данным 1886 г., назвали родным языком аварский [55].

---

[46] «Обозрение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях», ч. IV, СПб., 1836, стр. 168.

[47] Центральный Гос. архив Северо-Осетинской АССР, ф. 12, оп. 2, д. 170, л. 127 об.

[48] «Обозрение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях», ч. IV, стр. 194.

[49] П. П-ов, Очерк Кайтаго-Табасаранского округа, газ. «Кавказ», 1867, № 7, 8; А. Дирр, Грамматический очерк табасаранского языка, СМОМПК, вып. XXXV, Тифлис, 1905, стр. IV, V.

[50] «Дагестанская область. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья», стр. 111.

[51] К. М. Курдов, Таты Дагестана, «Русский антропологический журнал», М., 1908, № 3—4, стр. 59.

[52] «Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. по Дагестанской АССР», вып. 1, Махачкала, 1927, стр. 64, 66, 67, 70.

[53] «Дагестанская область. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья», стр. 116.

[54] Н. Семенов, Туземцы северо-восточного Кавказа, СПб., 1895, стр. 239, 241.

[55] «Дагестанская область. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья», стр. 109.

Наиболее интенсивный процесс языковой ассимиляции наблюдается в среде небольших этнических групп, длительное время оторванных от основного этнического массива и живущих в окружении другой национальности. Например, подобный процесс происходил среди закубанских армян, известных на Северо-Западном Кавказе уже с XII в. [56]. Необходим был период в несколько столетий, чтобы небольшие группы армян, живших преимущественно рассеянно среди западноадыгских племен (абадзехов, шапсугов, бжедугов, темиргоевцев, натухайцев), забыли армянский язык и стали говорить по-адыгски [57]. Вполне понятно, что процесс слияния армян с окружающим адыгским населением выражался не только в замене родного языка другим, но и в межнациональных браках, заимствовании адыгских обычаев, элементов материальной культуры (одежды, пищи) и т. п.[58] Однако существенно, что закубанские армяне не утратили своего национального самосознания. Этому в немалой степени способствовало сохранение ими христианской религии [59].

Таким образом, прослеживаемый на материалах дореволюционного периода процесс развития двуязычия (многоязычия) у народов Северного Кавказа характеризовался постепенным уменьшением числа вторых языков, сокращением сферы влияния некоторых из них (например ногайского) и распространением русского языка. Вместе с тем по-прежнему в качестве вторых языков были широко распространены кумыкский среди аварцев, восточных чеченцев, ногайцев, а в Южном Дагестане — азербайджанский, что объяснялось сохранением традиционных экономических связей с Кумыкской равниной и Северным Азербайджаном.

* * *

В результате осуществления ленинской национальной политики, уже в первые годы Советской власти народам Северного Кавказа была предоставлена возможность образования в рамках Российской Федерации своих автономий, что создавало наиболее благоприятные условия для политического, экономического и культурного подъема коренного населения. Огромное значение в национальном развитии северокавказских народов имела культурная революция: создание национальной письменности и литературы, развитие школьного и высшего образования, организация политико-просветительной работы на родных языках. В советские годы особое значение в развитии двуязычия приобрело школьное образование. У ряда народов Дагестана обучение стало проводиться на языках крупных соседних народов: азербайджанском у рутульцев и цахуров, лезгинском у агулов, аварском у андо-цезов и арчинцев. На этих же языках издавались газеты, была организована культурно-массовая работа. Все это естественно способствовало не только укреплению позиций названных языков, но и более глубокому знанию азербайджанского, лезгинского и аварского некоторыми небольшими народами Дагестана. Определенное влияние оказали и такие мероприятия Советской власти, как новое районирование и перевод делопроизвод-

---

[56] [И. Х.] Кучук-Иоаннесов, Армянская надпись XII столетия, «Древности. Труды Московского археологического об-ва», т. III, вып. 2, М., 1871.

[57] Н. Г. Волкова, О расселении армян на Северном Кавказе до начала XX века, «Историко-филологический журнал», 3 (34), Ереван, 1966, стр. 257—270.

[58] Хозров, Остатки христианства между закубанскими племенами, прошедшее и нынешнее состояние их нравов и обычаев, «Сборник газеты „Кавказ“ за 1846 г.», II полугодие, Тифлис, 1847, стр. 258.

[59] Ф. Щербина, История Армавира и черкесо-гаев, Екатеринодар, 1916, стр. 16.

ства у этих же народов соответственно на аварский, лезгинский, азербайджанский[60].

Широкое распространение среди народов Северного Кавказа получил за годы Советской власти русский язык. Этому прежде всего способствовало обучение на русском языке в старших классах школ и вузах, в связи с чем увеличилось число людей, знающих литературный русский язык. Немалое значение имело также установление тесных экономических и культурных контактов сельских жителей с городами, значительный процесс урбанизации у северокавказских народов, вовлечение их в промышленность, формирование национальной интеллигенции и т. п.

Обследование, проведенное в 1925 г. в аварском сел. Телетль, показало, что примерно 30—40% мужчин благодаря сезонным работам на рыбных промыслах и в городах довольно свободно владеют русским языком[61]. Изучение населения Даргинского округа летом 1927 г. также выявило значительное распространение русского языка у даргинцев, причем среди неграмотных процент знающих русский достигал 11,7, среди грамотных — 28,2[62]. Сел. Цудахар давало наиболее высокие цифры — соответственно 17,4% и 36%[63]. При этом отмечался наибольший процент владеющих русским языком среди взрослого населения (20 лет и старше), что объяснялось их связями с городом, а также среди детей школьного возраста — 9% их умели читать и писать по-русски[64]. Вместе с тем то же обследование показало более высокий процент знающих различные дагестанские языки, как результат традиционных связей с соседними народами: в группе неграмотных на них говорило 23,3% жителей, среди грамотных — 29,5% (в Цудахаре соответственно 32,8% и 33,8%)[65].

Полевые исследования, проведенные Институтом этнографии АН СССР в 1950—1960-х годах, выявили распространенность вторых языков в этот период у ряда народов Дагестана. Среди рутульцев более всего был распространен азербайджанский язык, все большее значение в общении с окружающим населением приобретал русский. Лезгинским языком владело всего лишь 5—10% рутульцев, а в сел. Рутул до 15%[66]. Жители западных рутульских селений знали цахурский язык, а в сел. Ихрек около 30% жителей владело грузинским[67]. Из 872 обследованных цахуров азербайджанский язык знали 88,0%, русский — 22,4%, грузинский — 8,2%, рутульский — 5,9%, лезгинский — 2,0%, аварский — 0,6%[68].

Анкетное обследование, проведенное в 1960-х годах среди алчинцев, показало, что 88,1% из 546 чел. знали аварский язык, 35,9% — русский, 27,8% — лакский, 6,0% — азербайджанский, 5,1% — кумыкский и т. п.[69].

Степень знания названных языков среди половозрастных и профессиональных групп населения, как показали те же исследования, была

---

[60] Г. А. Сергеева, Указ. раб., стр. 7; Б. А. Калоев, Указ. раб., стр. 10; Л. И. Лавров, Рутульцы, стр. 39.

[61] Сб. «Современный Дагестан», стр. 48.

[62] «Социально-гигиеническое исследование народов Дагестана», вып. 1, Даргинцы, М.— Л., 1930, стр. 57.

[63] Там же.

[64] Там же, стр. 58.

[65] Там же.

[66] Л. И. Лавров, Рутульцы, стр. 39.

[67] Там же, стр. 40.

[68] Расчеты сделаны по материалам статьи З. А. Никольской «Работы Цахурского отряда», стр. 13, 14.

[69] Г. А. Сергеева, Указ. раб., стр. 7, 9.

весьма различной. Как правило, процент владевших тем или иным вто рым языком был выше среди мужчин. Хорошее владение аварским, азер байджанским, русским языками наблюдалось преимущественно сред лиц, получивших школьное образование уже в советские годы. Знани других языков, в силу давних экономических связей с лакцами, грузина ми, кумыками, более значительно было среди мужчин пожилого возра ста; большая часть молодежи этими языками не владела.

К сожалению, в материалах переписей, как правило, не отражаетс знание населением неродных языков и фиксируется лишь конечный ре зультат развития двуязычия, когда второй язык уже стал родным дл какого-то круга лиц[70].

Впервые это было отражено в материалах переписи населени 1926 г., согласно которым у народов Дагестана (табл. 1) в качеств

Таблица 1*

Народы Дагестана	Процент лиц с родным языком				
	своей национальности	аварским	тюркским	русским	другими
Аварцы	100	—	—	0,0**	0,0
Даргинцы	98,5	0,3	0,0	0,0	1,2
Лезгины	98,3	0,0	0,0	0,0	1,7
Кумыки	99,7	0,0	0,0	0,0	0,3
Лакцы	99,6	—	—	0,1	0,2
Табасаранцы	92,7	—	7,2	—	—
Кайтаги	100	—	—	—	—
Горские евреи	98,9	—	—	0,2	0,9
Рутулы	100	—	—	—	—
Андийцы	99,6	0,2	—	—	0,2
Агулы	100	—	—	—	—
Каратаи	100	—	—	—	—
Тиндии	95,0	2,8	—	—	2,2
Ахвахцы	100	—	—	—	—
Цахуры	100	—	—	—	—
Чамалалы	100	—	—	—	—
Ботлихцы	86,2	13,8	—	—	—
Дидои	97,7	2,3	—	—	—
Багулалы	100	—	—	—	—
Кубачинцы	100	—	—	—	—
Капучинцы	100	—	—	—	—
Годоберинцы	99,2	0,5	—	0,1	—
Хваршины	99,9	0,1	—	—	—
Арчинцы	100	—	—	—	—
Таты	97,1	—	7,3	—	—
Хунзалы	100	—	—	—	

* Расчеты по материалам: «Всесоюзная перепись населения 1926 года», т. V — Крымская АССР, Северокавказский край, Дагестанская АССР. Народность, родной язык, возраст, грамотность, М., 1928. Приводятся суммарные данные по Северному Кавказу.

** Такое обозначение дается в том случае, когда число лиц с родным языком составляет менее одной десятой процента.

родного языка был распространен аварский более всего среди ботлих цев, тиндалов и дидойцев, менее у годоберинцев, андийцев и хваршин цев. Азербайджанский язык назвали родным многие таты и табасаран цы, причем численность первых в целом по Дагестану составляла всего

[70] Нельзя не учитывать того обстоятельства, что данные переписей о родном языке не всегда бывают точными, поскольку само понятие «родной язык» довольно неопре деленно и весьма легко поддается различного рода воздействиям и изменениям. По этому вполне понятно, что материалы переписей в отношении показателей родного языка требуют обычно еще уточнения в каждом конкретном исследовании.

204 чел., что было следствием длительного процесса слияния татов с азербайджанцами. Несмотря на значительное распространение азербайджанского языка в качестве второго среди лезгин, рутульцев и цахуров, лишь 38 лезгин считали этот язык родным. По материалам той же переписи небольшое число лиц среди ногайцев Дагестана, горских евреев, лакцев и годоберинцев назвало родным русский язык.

Таблица 2*

Народ	Процент лиц с родным языком			Народ	Процент лиц с родным языком		
	своей национальности	русским	другими		своей национальности	русским	другими
Чеченцы **	100,0	0,0	0,0	Ингуши	99,8	0,1	0,1
Осетины	99,1	0,7	0,2	Балкарцы	99,7	—	0,3
Кабардинцы	99,5	0,0	0,5	Ногайцы	99,7	0,3	—
Адыгейцы	99,7	0,3	—	Черкесы	98,9	0,0	1,1
Карачаевцы	99,9	0,0	0,1	Абазины	94,2	0,0	5,8

* Расчеты по материалам: «Всесоюзная перепись населения 1926 г.» т. V—Крымская АССР, Северокавказский край, Дагестанская АССР, Народность, родной язык, возраст, грамотность, М., 1928.
** Приводятся суммарные данные в целом по Северному Кавказу

То же наблюдалось по переписи 1926 г. и среди других народов Северного Кавказа, у которых процент лиц с родным языком русским или другим был невелик (табл. 2). У абазин отмечался довольно высокий процент (5,8) лиц, назвавших родным языком кабардинский.

Значительные изменения, происшедшие за немногим более 30 лет (с 1926 г.), выявляются переписью 1959 г. (табл. 3). Например, 19,1% ногайцев Дагестана родным языком назвали кумыкский. Значительно число абазин, считающих родным языком кабардинский. Устанавливается постепенное увеличение числа лиц с родным языком русским. Наиболее заметно это среди осетин, адыгейцев, лакцев, черкесов, ногайцев Ставрополья. У последних процент лиц с родным языком русским равнялся 1,6, тогда как среди дагестанских ногайцев он был равен всего лишь 0,6.

Материалы переписей показывают, что число лиц с родным языком русским среди городского населения выше, чем среди сельского. Например, по переписи 1959 г. у адыгейцев среди жителей городов родным языком русский назвали 9,3%, в сельской местности — 0,9%, у лезгин соответственно — 7% и 0,2%, среди осетин — 5% и 0,5% и т. п.

Значительно больше процесс замены родного языка наблюдается среди украинцев, белорусов, армян и греков Северного Кавказа (табл. 4).

Как видно из приведенных данных, среди украинцев, белорусов и греков процент лиц с родным языком своей национальности несколько ниже, чем с русским. Процент лиц с другими родными языками значителен лишь у греков (около 15), в числе которых, по-видимому, учтены главным образом адыгоязычные греки.

Отметим, что и среди этой группы народов процент с родным языком русским выше в городах и ниже в сельской местности. Например, у армян — жителей городов он равняется 34,2, в селах — 15,6; у белорусов 74,9 и 60,5 и т. п.

У северокавказских народов, расселенных в Российской Федерации, но за пределами Северного Кавказа (табл. 5), значительно ниже, по сравнению с автономиями, процент лиц с родным языком своей национальности и выше — с русским. Следует подчеркнуть, что подобное яв-

ление — результат особенностей расселения вне Северного Кавказа е коренных народов, живущих в отрыве от основных этнических массив небольшими группами, среди русских и преимущественно в города Доля с родным языком русским среди такого рода групп у осетин, н гайцев, черкесов, адыге цев, ингушей, лезгин ра няется 20—36%. В предел 10—20% она колеблет среди кумыков, аварце даргинцев, лакцев, агуло чеченцев, кабардинцев, ба карцев, абазин; у табасара цев, рутульцев и карачае цев составляет менее 10%

Таблица 3*

Народ	Процент лиц с родным языком		
	своей национальности	русским	другими
Народы Дагестана:			
Аварцы **	99,0	0,4	0,6***
Даргинцы	99,3	0,4	0,3
Кумыки	98,9	0,8	0,3
Лезгины	98,2	0,9	0,9
Лакцы	98,5	1,3	0,2
Табасаранцы	99,5	0,2	0,3
Рутульцы	100,0	—	0,0
Агулы	100,0	0,0	0,0
Цахуры	100,0	—	0,0
Чеченцы	99,8	0,2	0,0
Осетины	97,5	2,4	0,1
Кабардинцы	99,2	0,8	0,0
Адыгейцы	98,1	1,9	0,0
Карачаевцы	99,0	0,5	0,5
Ингуши	99,4	0,5	0,1
Ногайцы ****	90,6	1,1	8,3
Балкарцы	99,0	0,8	0,2
Черкесы	98,3	1,0	0,7
Абазины	95,9	0,9	3,2

* Расчеты по материалам переписи населения 1959 г.
** Приводятся суммарные данные в целом по Северному Кавказу.
*** 1508 чел., в том числе 672 чел. назвали родным языком чеченский.
**** Ногайцы Дагестанской АССР и Ставропольского края.

С другой стороны, в ра личных районах Советскої Союза вне РСФСР (табл. 5 наблюдается несколько ина картина: более стойко со храняется язык своей нацио нальности. Это объясняетс тем, что вне территории Се верного Кавказа, главны образом в Закавказье, ком пактно расселенные значи тельные по численности се верокавказские народ (осетины, лезгины, аварцы являются в сущности про должением основного этні ческого массива и живут пределах своей историческо территории.

Например, из 98 тыс. ле гин Азербайджана 91,2 считают родным языком ле гинский, 6,2% — азербай жанский и 2,6% — русски То же наблюдается и сред аварцев Азербайджана: по ти 80% назвали родным язы ком аварский. Процент ли с родным языком азерба джанским среди них равня ся лишь 19. У осетин, расс ленных компактно в Юг

Таблица 4*

Народ	Процент лиц с родным языком		
	своей национальности	русским	другим
Украинцы	41,4	58,6	0,0
Белорусы	33,8	66,2	0,0
Армяне	73,4	26,4	0,2
Греки	40,3	45,0	14,7

* Составлена по материалам переписи населения 1959 г.

Осетии и в различных районах Грузии, по переписи 1959 г. 86,5% сч тали родным осетинский язык; число лиц с родным языком грузински и русским соответственно равнялось 11,9% и 1,6%.

Среди северо-кавказских народов, живущих за пределами РСФСР утративших связь со своей этнической территорией, увеличивается пр цент лиц, назвавших родными языками языки других национальностей азербайджанский, узбекский и пр. Последнее имеет, например, мес у осетин Узбекской ССР (8,8 тыс. чел), 74,2% которых назвали родны языком узбекский.

Среди городского населения число лиц с родным языком своей национальности по сравнению с сельским несколько ниже, и выше процент считающих родным языком русский, азербайджанский, грузинский и др. Например, у лезгин — жителей городов Азербайджана — лица с родным языком русским и азербайджанским составляли соответственно 8,1 и

Таблица 5*

Народ	РСФСР **			СССР ***		
	процент лиц с родным языком					
	своей национальности	русским	другими	своей национальности	русским	другими
Народы Дагестана:						
Аварцы	78,8	14,2	7,0	80,3	2,5	17,2
Даргинцы	88,1	9,9	2,0	91,9	6,5	1,6
Кумыки	78,2	16,2	5,6	74,5	18,3	7,2
Лезгины	68,6	26,3	5,1	88,6	3,7	7,7
Лакцы	79,1	14,2	6,7	85,3	11,1	3,5
Табасаранцы	92,9	5,7	1,4	85,0	10,8	4,2
Рутульцы	97,1	2,9	—	—	—	—
Агулы	85,5	13,4	1,1	90,4	4,4	5,2
Цахуры	99,4	—	0,6	98,2	—	1,8
Чеченцы	84,1	15,0	0,9	98,1	1,8	0,1
Осетины	62,7	36,1	1,2	80,9	4,7	14,4
Кабардинцы	79,6	18,3	2,1	71,4	24,9	3,7
Адыгейцы	71,9	27,6	1,5	61,1	37,1	1,8
Карачаевцы	65,5	9,0	25,5	87,6	6,0	6,4
Ингуши	78,9	20,4	0,7	96,9	2,9	0,2
Ногайцы	65,3	30,0	4,7	85,8	9,6	4,6
Балкарцы	80,8	14,9	4,3	90,7	6,6	2,7
Черкесы	55,9	28,0	16,1	36,8	49,8	13,4
Абазины	74,8	18,9	6,3	79,8	13,5	6,7

* Расчеты по материалам переписи населения 1959 г.
** Территория РСФСР без Северного Кавказа.
*** Территория СССР без Российской Федерации.

7,7%. Среди городского населения Грузии процент осетин с родным языком грузинским равнялся 20,1 и русским 4,8.

У народов Северного Кавказа, расселившихся в различных областях СССР уже в советский период и живущих там в основном в городах, значительно более высока доля населения, считающего родным языком русский. Например, среди осетин — жителей городов Азербайджана, Украины, Узбекистана — по переписи 1959 г. она соответственно равнялась 49,2, 40,9 и 33,6%.

* * *

Таким образом, приведенные в статье материалы подтверждают широкое распространение у народов Северного Кавказа вторых и даже третьих языков. До революции в качестве вторых языков были известны ногайский, кумыкский, азербайджанский, аварский, лакский, адыгейский, кабардинский, русский, карачаевский, балкарский. Одни из них (ногайский, кумыкский, азербайджанский, русский) использовались многими народами на значительной территории, знание других (аварский, абазинский, кабардинский, адыгейский, лакский), ограничивалось небольшим числом народов. Карачаевский и балкарский были известны лишь за пределами Северного Кавказа среди рачинцев и сванов.

В наше время круг вторых языков на Северном Кавказе значительно сузился и включает в основном русский, кумыкский, азербайджанский и аварский. Последние три наряду с русским имеют распространение только среди народов Дагестана и восточных чеченцев. На остальной части Северного Кавказа, по наблюдениям автора, в качестве второго языка распространен преимущественно русский. Другие языки знают небольшие группы, например, кабардинский — лишь часть абазин.

Факторы, обусловившие распространение вторых языков до революции, можно разделить на две группы. Первую и основную составляли факторы экономического характера: торговля, отходничество, отгонное животноводство и др., способствовавшие распространению неродных языков на значительной территории, но ограничивавшие их знание преимущественно мужской частью населения. Вторая группа включала такие факторы как характер расселения, длительность проживания этнической общности в окружении инонациональной среды, наличие общей лингвистической границы и т. п.

В наше время, как и прежде, определенное значение сохраняет вторая группа факторов. Однако благодаря огромным социально-экономическим преобразованиям у народов Северного Кавказа за годы Советской власти на первое место выдвигаются и приобретают все большее значение такие факторы как школьное и высшее образование, печать, радио и др., способствующие расширению круга знающих вторые языки и внесшие качественные изменения в развитие двуязычия.

В советские годы двуязычие — важное и необходимое условие в процессе сближения и консолидации народов Северного Кавказа. Наиболее ярко это проявляется в Дагестане, где, в частности, на основе аварского языка происходит консолидация с аварцами 13 народностей андо-цезской группы и арчинцев, с даргинцами — кайтагцев и кубачинцев и т. п. Наконец, большую роль в сближении народов того же Дагестана, как и Северного Кавказа в целом, играет русский язык — основной язык экономического и культурного общения этих многонациональных областей.

SUMMARY

The process of the development of bi- and polylingualism in the North Caucasus has its deep historical roots among the peoples concerned and is determined by varicus factors, especially by the economic one. Before the October revolution there were in the North Caucasus about a dozen of languages which were used as the second tongue mainly by the male part of the population. Some of these (such as Nogai, Koomykian, Azerbaijan, Russian) were in use on much more extended territories than the others (Avarian, Lackian, Kabardinian etc.) At present the quantity of second tongues has reduced and embraces now Russian, Koomykian, Azerbaijan and Avarian. Substantial socio-economical changes (including the development of school education, press and radio) among the peoples of the North Caucasus under Soviet regime greatly enlarged the range of those knowing the second language. These changes made qualitative alterations in the development of biand polylingualism in that region as well.

Н. П. Колпакова

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПОЭТИКИ

(Причет и песня)

На общем фоне народной лирики традиционный причет с его тремя основными тематическими разновидностями (свадьба, рекрутчина, похороны) выделяется как особый, самостоятельный жанр фольклора. Сегодня он почти весь принадлежит прошлому, хотя имеются и записи текстов, созданных в советское время.

По своей жанровой специфике причет ближе всего к традиционной лирической песне; однако несмотря на глубокую лиричность, он не является ее разновидностью и всегда имел свое особое бытовое назначение: в противоположность песне, которая может быть спета в любое время по настроению певца, причет всегда исполнялся только при четко определенных бытовых обстоятельствах. Вместе с тем причет имеет ряд музыкально-поэтических особенностей, которые отличают его от песни так же очевидно, как отличаются от песни былина или частушка.

Относительно зависимости причета и песни друг от друга существуют различные мнения. Так например, П. В. Шейн считал, что причеты развивались под сильным влиянием лирической песни, от которой они заимствовали отдельные обороты, эпитеты, сравнения и т. п.[1] В противоположность Шейну, П. Н. Рыбников находил, что песня подвергается воздействию со стороны причета, поскольку сама «художественная заплачка с течением времени обращается в песню»[2]. Особенно подробно останавливался на этом вопросе М. К. Азадовский, который в работе «Ленские причитания»[3], разделяя мысль Шейна, неоднократно упоминает о влиянии поэтики песни на причет и приводит примеры «заимствований» из песни в причитаниях. К. В. Чистов, отмечая сходство отдельных образов в причете и песне, не отдает предпочтения ни одному из этих жанров перед другим, он лишь констатирует факт такого сходства, ссылаясь на общие поэтические места в песнях и причетах рекрутских. «Можно указать... на целый цикл лирических песен крепостнической эпохи, в которых либо отразились мотивы бытовых причитаний, либо причитание легло в основу сюжета»,— пишет К. В. Чистов[4].

Таким образом, с одной стороны, исследователи отмечают черты, говорящие о жанровых отличиях причета от песни, с другой — намечают признаки сходства в их поэтической системе. Представляется интересным рассмотреть вопрос о том, насколько вообще правомочно про-

---

[1] «Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном», т. 2, СПб., 1893, стр. 633.

[2] «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», изд. 2, М., 1910, т. 3, стр. 115.

[3] М. Азадовский, Ленские причитания, Чита, 1922, стр. 31, 32, 34, 35 и др.

[4] «Причитания». Вступ. статья и примеч. К. В. Чистова (далее: К. В. Чистов), «Советский писатель», Л., 1960, стр. 21—22.

тивопоставление одного из этих жанров другому в плане их взаимовлияний и поэтических заимствований.

Сопоставлять поэтику причета вообще и песни можно только в плане их наиболее наглядно выступающих внешних жанровых различий и прежде всего — в плане их музыкально-стихового оформления. Причет строится на интонациях плача, на речитативной формуле; в тексте применяются многочисленные восклицания, вопросы, обращения и другие элементы разговорной речи. В песне же налицо развитая мелодика, многоголосие, богатство интонаций, в тексте — более спокойный и плавный синтаксис. Соответственно интонациям протяжного плача причет имеет дактилические (реже — женские) окончания; синтаксически фраза причета обычно замыкается в одном—двух стихах, в то время как лирическая песня с ее распевным стихом таких ограничений не знает и, соответственно своему музыкальному материалу, гораздо свободнее располагает свой словесный текст по музыкальным фразам. Такие внешние различия лежат на поверхности. Но если говорить о более глубоких сопоставлениях и сравнениях, то прежде всего нужно вспомнить, что причет, как жанр, в эмоциональном отношении и бытовом применении монолитен (всегда выражает горе) и содержит в себе только тематические подразделения, тогда как песня делится на жанровые разновидности, различные по своему бытовому применению, эмоциональному содержанию и поэтике. Поэтому следует сначала определить, с какими группами песен могут быть сопоставлены разные группы причетов, и только после этого сопоставлять жанр причета с песенным материалом в целом.

Соотношение причета с песнями в разных тематических группах неодинаково. Обладая, как жанр в целом, наибольшим сходством с жанром песни лирической (т. е. внеобрядовой любовной, семейной, рекрутской и т. п.), причет по своему общему тону, естественно, может быть сопоставлен не с веселой «частой» лирической песней (плясовой, сатирической и шуточной), а с лирической-протяжной, носящей элегический характер. Среди лирических-протяжных есть особая группа лирических-свадебных, которая, очевидно, и будет ближе всего к причетам свадебной тематики.

Всецело подчиняясь принципам жанровой поэтики, общим для всех лирических протяжных песен (т. е. принципам создания художественного образа путем определенной системы употребления традиционных художественных средств), лирическая-свадебная вместе с тем имеет некоторые отличия от других протяжных песен. Они проявляются прежде всего в ее музыкальной индивидуальности. Напев лирической свадебной песни не так свободен по ритму, не так разнообразен по мелодике, как другие свободно-распевные лирические протяжные песни; в нем ощущается влияние обрядовой формулы, которая нередко лежит в его основе и говорит о древнем обрядовом происхождении свадебной песенной лирики. Но в то же время это не речитатив, характерный для причета. Соединив в своем напеве элементы протяжной распетой песни и следы происхождения от магической формулы, музыкально-поэтическая фраза свадебной лирической песни по своей словесной стиховой системе порою приближается к причету: ее стих нередко построен метрически и ритмически более четко, чем стих песни лирической-любовной или лирической-семейной, и имеет стиховые интонации, близкие к певучему плачу[5]. Именно таков и стих свадебных причитаний с его рас-

[5] Напомним хотя бы общеизвестные лирические свадебные песни «Отставала лебедушка», «Жалобилася, плакала», «Что ты, что ты, березынька», и т. п.

певностью и дактилическими окончаниями. Но это внешнее формальное сходство не покрывает той глубокой жанровой разницы, которая существует между поэтическими системами свадебного причета и свадебной песни в целом и которая заставляет их совершенно разными методами изображать явления действительности. Причет, несмотря на свои многочисленные поэтические приемы, прозаичнее и будничнее песни; он характеризует конкретную бытовую обстановку вокруг невесты, ее трудовые занятия и обязанности по дому, рассказывает простым повседневным языком о семейных отношениях в крестьянском быту, воссоздает реальную, неприкрашенную картину этого быта. Песня о том же самом говорит иначе — обобщая, поэтизируя, украшая, отыскивая для отражения тех же фактов традиционные художественные образы. Это можно проследить на целом ряде конкретных примеров. Так, когда жених приезжает знакомиться с невестой, она причитает, расспрашивая родителей и окружающих — что за неведомые люди так шумно подъехали к дому, так беззастенчиво вошли в горницу и т. п.; песня этот же момент изображает как приезд лиро-эпического героя-воина: жених якобы «стену выломал», «ткнул копьем в широки ворота», «разлетелись ворота середи двора» — и т. д.[6]; при наступлении решающего момента — рукобитья, когда отец подходит к образу и зажигает свечи, невеста в причете просит его «не мыть руки белые, не добывать огни румяные, не зажигать шнуры бумажные», т. е. рисует конкретную обстановку свадебного «богомолья» в крестьянской избе; в песне, изображающей этот же момент, никаких бытовых штрихов нет: невеста просит отца потребовать от жениха двух вороных коней, двух золотых седел, двух шитых золотом ковров, прежде чем отдавать ее ему[7]; традиционное расплетание косы невесты («у меня буйная головушка прирастрепана, нечесана, в косу лента не вплетеная») песня изображает, как ловлю лебеди или утки, которой охотники «сизы крылышки подрезали, лебединый пух повыщипали...», «по спаям ее розняли, по тарелочкам разложили»[8] и т. д. Более глубоко проникая в психологический мир невесты, причет создает такие образы, как «воля», «кра́сота» (наиболее поэтичные циклы причетов), которые в песнях не встречаются, разрабатывает круг представлений, связанных с последними девическими днями невесты, с ее прощальной баней — этой интимной, закулисной стороной обряда, которой не находится места в пышных образах хоровой свадебной лирики. Причет — отдельный голос, передающий субъективные переживания невесты и наиболее близких ей женщин; песня — широкое, многоголосное и обобщающее поэтизированное отражение обряда в его основных тематических преломлениях. Все это подчеркивает различную систему изображения жизни в обоих жанрах.

Но это не мешает свадебному причету и свадебной лирической песне быть в то же время очень близкими друг другу как по всему своему эмоциональному тону, так и по отдельным мотивам и образам. И причет, и песня в сходных выражениях нередко рассказывают об одном и том же: о беззащитности невесты перед судьбой, о жестокости родителей, отдающих дочь в чужую семью, о нежелании брата заступиться за сестру-невесту и т. п. Во всех основных тематических узлах, в которые стягиваются причеты и лирические песни свадебного обряда, многие отдельные мотивы совпадают. Некоторые тексты (например, «Ты река ли, моя реченька») известны в качестве и песни, и причета; некоторые

---

[6] Рукописный отдел Ин-та русской литературы АН СССР (далее ИРЛИ), Р. 5, колл. 216, № 2377.

[7] Там же, № 2066.

[8] ИРЛИ, Р. 75, колл. 216, № 2084, 2088.

поэтические формулы («оставала лебедь белая прочь от стада лебединого», «слезно плачешь ты, голубка, как река бежит» и т. п.) оказываются и у причета, и у песни общими; вариант песенного зачина «Не сиди-ка, ты, Дуняша, поздно вечером, ты не жги свечи воску ярого» включается в текст причета. В обоих жанрах сходными чертами рисуется и центральный образ свадебной лирики — невеста (жемчужинка, цветущее, но недоцветшее или сломанное деревцо, недоцветший цветок, несозревший плод, ласковая грустная птица — ласточка, перепелка и особенно — лебедь). Все это внутренне сближает свадебный причет и лирическую-свадебную песню — не сглаживая, однако, отмеченных выше жанровых различий между ними.

В лирике рекрутской соотношение жанров несколько иное. Рекрутская песня поется не обязательно при проводах рекрутов и играет в быту другую роль, чем песня свадебного содержания в свадебном обряде. У рекрутского причета нет сходного с рекрутской песней музыкального материала: он строится, как и другие причеты, на речитативной формуле, тогда как рекрутская песня сходна по характеру напева с протяжными лирическими песнями любой другой тематики; поэтому между ними меньше общих внешних черт в ритме и метре стиха, в приемах синтаксического параллелизма. Не всегда можно провести близкую параллель и между их тематикой. Рекрутский причет прежде всего выражает субъективное горе самого рекрута и горе семьи, остающейся без кормильца, реальными чертами изображает бедственную обстановку в покинутом доме и еще более печальную — в будущей казарме, куда отправляется новобранец; песни же на темы рекрутчины значительно дальше отходят от образов деревенского быта: кроме сцен отправки и проводов рекрутов они дают описания солдатской жизни в полку, эпизоды из походного быта, рассказывают о взаимоотношениях рекрута с начальством и т. п. Разница в методе изображения действительности в рекрутском материале еще заметнее, чем в свадебном. Хотя в обрисовке отдельных сходных тематических моментов, как это было и в лирике свадебной, у рекрутского причета и песни может быть иногда большое сходство, однако в целом их изобразительные принципы различны. Выходя за пределы деревенских образов, причет детально описывает такие военно-бытовые сцены, как учение солдат в Петербурге, бурю на море и работу матросов, сражения, походы. Надрывным криком звучат натуралистические жалобы причета («и ты потыченья, победной, наувидишься, и ты поушенья, бессчастной, напримаешься, и тут избита-то бессчастна будет спинушка, все подбиты будут ясны твои очушки») [9], с которыми сплетаются острые социальные мотивы проклятия столице, «судьям» и другому начальству, повинному в народном горе, гораздо более прямые и резкие, чем в рекрутской песне, которая таких резкостей и такого натурализма не знает. Рекрутская песня подает свою тематику в более смягченных и поэтизированных образах. Боль непосредственного солдатского страдания она передает в горьких, но сдержанных жалобах «на службу государеву», которая раньше времени сводит рекрута в могилу. Народное негодование на то, что «данным учетным долгим годышком сочинилась грозна служба государева... и присылать стали указы государевы, и собирать стали удалых добрых молодцев» и записывать их «на гербовый лист-бумаженьку» [10] обобщено в известной песне «Из палатушек белокаменных выезжал майор-полковничек», разрабатывающей тему рекрутского набора на фоне эпического образа царских палат

[9] «Причитания северного края, собранные Е. В. Барсовым» (далее — Барсов), т. 2, М., 1882, стр. 36.

[10] Там же, стр 1—2.

и рисующей военачальника, который исполняет царский указ — едет «писать в рекрута» крестьянских детей. Примеров такой параллельной, и в то же время различной разработки общей темы в рекрутских причетах и песнях можно было бы привести не меньше, чем в лирике свадебной. Но при всех этих различиях в изобразительных системах обоих жанров у рекрутского причета и песни, как и у разных жанров свадебной поэзии, общий эмоциональный тон, общее идейное наполнение, ряд общих приемов традиционной поэтики — и все это устанавливает между ними глубокую внутреннюю близость.

Причет похоронный сопоставлять не с чем: аналогии ему в тематике лирических протяжных песен нет. Но при отсутствии песенного материала на специально похоронную тему можно обнаружить ряд совпадений художественных образов между похоронным причетом и лирической протяжной песней элегического тона. Так например, явно перекликается со строками песни традиционная формула, встречающаяся во всех тематических группах причета — «слезы катятся у ей, да как река бежит, возрыдат она, победна, как порог шумит». Общим с песенной лирикой является то место похоронного причитания, где осиротелая дочь не знает, куда ей кинуться после смерти матери и собирается заблудиться в темном лесу. В причетах, записанных уже в советское время, но составленных полностью в традиционной манере, часто повторяется мотив поисков умершего «в стадах во гусиныих, в перелетах лебединыих», упоминаемый с другим контекстом в лирической песне, и т. п. Подобных примеров можно было бы привести немало.

Таким образом очевидно, что, отличаясь от песни своим бытовым назначением, музыкальной формой и общим характером изобразительного метода, причитания разных тематических групп в то же время находят несомненные параллели в лирических песнях соответственной тематики, совпадая с ними (одни больше, другие меньше), общим эмоциональным тоном, содержанием, мотивами и образами. Выяснив картину такого соотношения с отдельными группами песен внутри жанра причета, можно сопоставить жанровую поэтику причета в целом с поэтической системой, традиционной для лирической протяжной песни, и поискать между ними черты, которые говорили бы об общежанровом сходстве или общежанровом несходстве их поэтического языка.

Причет — крик и плач человека о переживаемом дне; песня — отстоявшееся успокоенное отражение этого дня. В речевых интонациях причета обращения, восклицания, вопросы, не развивая связного сюжета, мешаются с торопливыми фрагментарными зарисовками реальной обстановки переживаемого несчастья и с отрывистыми возгласами, раскрывающими всю глубину переживания. Поэтическая речь песни течет гораздо более плавно и содержит в себе если не законченный стройный сюжет, то отдельные сюжетные мотивы и ситуации. Эти различия, создаваемые прежде всего разным бытовым назначением обоих жанров, определяют несходные типы их общей композиции и различия в структурном использовании отдельных художественных средств. В обоих жанрах одни из этих средств служат орудием внешней изобразительности, другие используются для более глубокого раскрытия внутренней сущности произведения.

Среди средств внешней изобразительности одним из основных является прием описания, создания бытовых картин, на фоне которых развертывается внутренняя драма причета и лирическое повествование песни. Оба жанра подходят к нему по-разному.

Дать обрисовку крестьянского быта в фольклоре — значит прежде всего рассказать о крестьянском труде, основе этого быта. В причете эта

тема — одна из важнейших. Девушка-невеста вспоминает о том, как она работала у родителей — стряпала, ткала, носила воду, молотила на гумне, топила баню, вязала веники, брала ягоды в лесу и т. п.; тема девичьего труда в родном доме горестно разрабатывается и в похоронном причете по умершей дочери. Причет солдатки или вдовы, остающейся после проводов или потери мужа в чужой семье, не только рисует тяжелую участь угнетенной, обездоленной женщины, но и перечисляет конкретные формы женской крестьянской работы: вдову будут в семье умершего мужа держать коровницей, подворницей, летней работницей, водоношею и т. п. Тема мужского труда встает из причетов похоронных, в которых оплакивается умерший глава семьи и изображаются работы на сплаве, на сенокосе, промыслы на реках и озерах, куда он ездил за рыбой, за дичью; в рекрутских причитаниях упоминаются поездки парня в лес за дровами, весенняя пахота, рыболовство и др. По сравнению с песней всего этого материала в причетах гораздо больше и дан он в значительно более конкретных образах. Наряду с трудовыми сценами причет отражает и сценки повседневного быта: гулянья, хороводы, игры, катанье в санях, рождественские молодежные игрища и т. п. занятия и развлечения, на которых больше не смогут присутствовать те, кого оплакивали: невеста, рекрут, покойник. Многие подобные упоминания встречаются и в бытовых лирических протяжных песнях, но там они вкраплены как бы между прочим, даются попутно при изображении основного сюжетного мотива (или переживания) и их надо зачастую отыскивать по отдельным мелким штрихам, тогда как в причете народный трудовой и бытовой уклад написан сочной красочной кистью с обилием натуралистических деталей и является подосновой всего текста.

Так же различна роль пейзажа в причете и песне. В лирическо-протяжной песне он дается, как и другие бытовые зарисовки, отдельными отрывочными намеками и, чтобы получить из песен более или менее цельную картину природы, на фоне которой происходит действие, приходится сопоставлять и складывать отдельные фрагментарные упоминания, рассыпанные по песенным строкам. В развитие песенного сюжета эти живописные детали непосредственно не вмешиваются. Причет же описывает обычно пейзаж гораздо подробнее и с другой целью. Пейзаж неизменно присутствует при прощании героя или героини с родным краем. Невеста, уезжая, с плачем хвалит свою сторону — веселую, всем украшенную — большой дорогой, широкими озерами, быстрой рекой, церковью с колокольным звоном и т. п. Рекрут, прощаясь с деревней, вспоминает родное «село деревенское, усадьбу красовитую, лесушки дремучие», сенокосные луга и хлебородные поля. От лица выносимого из дома покойника плакальщица расстается с «раскосистыми» лугами, крестьянскими пашнями, цветущими угодьями. Во всех подобных случаях пейзаж развернут причетом не только как символический фон для изображения переживаний, не только как способ подчеркнуть глубину чувства, вкладываемого в текст, но как средство описать всю конкретную, реальную красоту родного края, с которым особенно жаль расставаться или который особенно хочется поскорее увидеть вновь после долгой разлуки. Пейзаж — реальный, почти документальный — очень часто приводится причетом и при рассказах о крестьянской работе в любом тематическом цикле.

В более или менее развернутом виде дается он и при определении времени того или иного события, упоминаемого в причете: заморозило, смостило синие толстые льды на реке — это случилось после того, как там утонула девушка; эти льды ломаются весной, когда утопленницу должны найти: вдова горюет, что муж не вернется к ней весной, когда

на земле будут видны проталинки, по шумливому озеру пойдут лодки и мачтовые суда, и т. п. Так же, как при указаниях времени, пейзаж дается в причитаниях и при указании расстояний: определяя дальность пути, плачущий изображает леса и горы, болота и реки, озера и зыбучие мхи. Особенно же выразительно и красочно выступает природа в причитаниях, посвященных трагическим катастрофам: при описании гибели рыбаков, утонувших в море, гибели девушек, перевернувшихся в лодке на реке, смерти крестьянина, убитого молнией. Очевидно, многие описательные формулы при этом переходили из текста в текст в силу крепкой традиции, но это не меняет художественного и композиционного значения данного поэтического приема: описание пейзажа в жанре причитаний явно играет иную роль, чем в лирической песне, подчеркивает достоверность изображаемых событий и является существенным элементом в общей композиции текста, чего в песне обычно не бывает.

Несколько иначе, чем в песне, даются в причете и описания-портреты лирических героев. Эти портреты нередко еще более традиционны, стандартны и маловыразительны, чем в песне («лицо белое, лицо румяное», «черны брови соболиные, ясны очи соколиные» и только). Лишь отдельные немногочисленные исполнительницы вносят в этот стандарт сугубо индивидуальные черты, очевидно, в какой-то мере соответствующие подлинной внешности оплакиваемого. Такое малое внимание к портретному изображению естественно: очевидно, весь текст причета подчинен такой силе душевного, внутреннего горя, что внешние детали теряют для причитающей всякое значение. Здесь оказывается совершенно достаточно общих традиционных формул. Песня же, рассказывая о людях, как-то индивидуализирует облики своих персонажей если не по чертам лица, то по деталям костюма, специфике манер и т. п. и выводит целую галерею русских людей, внешний облик которых принадлежит к разным эпохам, классам и возрастам. Таким образом, сходный в принципе метод внешнего описания используется в обоих жанрах по-разному.

Но причет, как и песня, обладает и другими — внутренними — средствами для более глубокого раскрытия своего психологического содержания. И эти внутренние средства в обоих жанрах совпадают почти полностью.

К ним относится прежде всего изображение таких пережиточных и традиционных для фольклора форм сознания, как суеверия, гадания, конкретизация абстрактных понятий и т. п.

Способы гадания, как средства узнать свою судьбу, в песне очень разнообразны; чаще всего встречаются гадания по воде, в которую кидают жребии, венки, цветы, перстни и пр., предвещающие гадающему его участь, или гадания при помощи заветных предметов (венка, платка, кольца, ленты и т. п.), которые вянут, темнеют, разрываются, ржавеют, портятся и этим сообщают своим хозяевам о том, что их ожидает в ближайшем будущем. В причетах всех этих мотивов нет: из обширного арсенала традиционных гаданий причет взял только гадание по снам и приметам.

В песнях гадание по снам встречается применительно и к невесте, и к рекруту; в причете же такие вещие сны — удел только невесты: рекрут их не видит. Общеизвестна песня о том, как накануне свадьбы невесте снится разрушенный дом, на развалинах которого ее недоброжелательно встречают звери и птицы — сон, построенный весь на психологических представлениях об ужасах и тяготах жизни, предстоящей девушке в чужом доме. Причет разрабатывает эту тему еще глубже и разнообразнее: темный лес, крутые горы, сугробы, разлив реки, темные тучи, черные

ягоды — вот круг представлений, которые фигурируют в причитаниях, рассказывающих о вещих снах невесты. Круг этот гораздо шире, чем в песне,— психология испуганной невесты разработана глубже.

Как и в песне, в причете отразились приметы и обереги. В причете девушка-невеста боится, как бы не ступить на конский след (дурная примета). Она посылает сестру на реку за водой, чтобы смыть с себя горе, но при этом наказывает ей взять только «третью струю»: первая и вторая для нее несчастны, так как в них умывались родители жениха и ее разлучница. Воду для бани невесты нельзя брать с реки, на берегу которой сидели солдатские жены или матери — эта вода может принести несчастье. Дрова для бани невесты нельзя брать от высохших на корню деревьев — дурная примета, а также нельзя топить и дровами от дерева, на котором сидела кукушка. Отпуская по ветру свою «девичью красоту» — алую ленту — невеста следит, вокруг какого дерева «красота» обовьется: если вокруг осины — замужество будет горьким, вокруг яблони — счастливым и веселым. В качестве оберега в косу невесты вплетают и вкалывают булавки и ножи.

Рекрут боится дурных примет так же, как и невеста. Он опасается, чтобы его срезанные кудри не оказались сожженными, боится «несчастных» дней — среды и пятницы, боится спотыканья коня и т. п. Поверье о «счастливых» и «несчастливых» днях упоминается и в причетах похоронных. Все эти представления очень близки к тому, что отражено и в лирической рекрутской песне.

Вместе с тем отпечатки традиционного мировоззрения проявляются в причете, как и в песне, путем конкретизации отвлеченных понятий. В песнях это образы горя, судьбы, доли, смерти. В свадебных и похоронных причетах (в рекрутских такой конкретизации нет) к ним прибавляются и другие, например, «воля» и «красота», необходимые атрибуты невесты, с которыми она расстается, выходя замуж, или образ души в причитаниях по умершим.

«Воля» невесты конкретизируется в сознании плакальщиц многообразно. Чаще всего «воля» предстает в виде девушки — не то подруги, не то двойника невесты. Она гуляет в саду, проходит перед невестой в большой угол на лавку у окна, угощается вместе с гостями перед свадьбой, разговаривает, плачет, прощается с невестой. «Воля» может иметь и другой антропоморфный облик: в виде калики-перехожей, плохо одетой и обутой, с головой, повязанной тряпкой, она уходит полем в безвестную дальнюю сторону, навсегда покидая невесту.

«Воле» свойственны и зооморфные воплощения: невеста отпускает ее в темные леса «заюшком» и «горностаюшком»; пугаясь в лесу охотников, воля прыгает по деревьям белкой, бегает куницей, лисицей; в образе птицы воля кажется невесте серой утушкой, белой лебедью; спасаясь от преследований, воля колеблется, какой облик ей принять — зверя, утки или рыбы.

«Воля» может быть и предметом неодушевленным. Часто она отождествляется с косой или головным убором невесты. Очевидно, и то, и другое является уже более поздним переосмыслением понятия «воли»: это традиционные бытовые предметы, которых невеста лишается, выходя замуж (косу переплетают надвое, головной убор меняется на женский) и на которые перешло условное понятие девичьей свободы. Но во многих причетах более древние и более новые представления смешиваются, и «воля» изображается каким-то оборотнем: с нее можно рисовать портрет, но ее можно и поймать (или подстрелить) на море, как птицу, а можно также и положить для сохранности за пазуху матери, как амулет; можно пустить ее по небу к светилам, но можно и сохранить в избе, «обсадить»

жемчугом, обшить серебром, обвить золотом. Особенно разнообразны превращения оборотня-воли в бане: она бросается на потолок лебедью, на каменке оказывается белым паром, в корыте — утушкой, на окне — соколом, свивается клубком, кажется невесте то мылом, то веником, то рубашкой, то огнем, пока, наконец, не оборачивается птицей и не вылетает в дверь на улицу.

Очень близок к образу «воли» образ «красоты», которая, как и воля, тоже может принимать различные антропоморфные и зооморфные обличья. Художественная функция «воли» и «красоты» в свадебных причетах очень сходна.

В причетах похоронных воплощаются уже иные представления. На первом месте тут стоит образ горя. Как и в песнях, очертания его очень неясны и расплывчаты. В антропоморфном облике горе («обидушка», «кручинушка», «злая судьбина») обычно встречается человеку на дороге — неожиданное, как все дорожные встречи; но внешние его признаки причет, как правило, не обрисовывает. В качестве живого существа «горе-обидушка» рождается вместе с человеком и является как бы его двойником; в зооморфном же облике горе чаще всего прилетает черным вороном. Иногда оно представляется народной фантазии в виде растения: его можно рассадить по лесам, рассеять по полям, оно может заполнить три поля сразу. Горе может быть и чудовищем, которое кидается в лес, шумит в осинах, бросается в горы, извергая из них пламя; оно может быть и оборотнем, оседает на поле стужей-инеем, рассыпается над лугами дождем и т. д.

Образ смерти, популярный в похоронных причитаниях наравне с образом горя, обычно выступает в одном из двух воплощений: это или птица (ворон, голубь, «заблудшая» мелкая пташка) или человек; в единичных случаях смерть-человек представляется каликой-перехожей, но чаще всего это холодная, суровая, неумолимая женщина, которая приходит без зова и разрешения, иногда — тайком, без стука, и безжалостно уносит человеческую душу, не принимая за нее никакого выкупа.

Народная фантазия пытается создать и конкретный образ этой души. Как правило, похоронный причет видит душу человека в двух воплощениях: это или ласковый пугливый ценный зверек (тот же «заюшка» или «горностаюшка»), или птица — сокол, голубь, утушка, горлица, кукушка, соловей, сизой орел, либо просто «вольна пташечка». Все они приглашаются навестить родной дом покойника, вернуться в него, присесть на окно или на деревья сада, подать голос, а также отнести грамотку на тот свет близким родственникам, умершим ранее. Подобные попытки конкретизировать в причете отвлеченные понятия очень сходны в принципе с тем, как это делается и в лирической песне, хотя самые объекты тут иные.

Вместе с тем, как это наблюдается и в песне, исполнительница причета пытается подключить к своим переживаниям весь окружающий мир, приписывая природе, животному и растительному царствам, неодушевленным предметам способность понимать и разделять человеческие мысли и эмоции. На переживания лирического героя в причете отзывается все, начиная со стихий и кончая травами, цветами. Часто в одном и том же тексте в обобщенную формулу соединяются призывы ко всей природе («ай же море, море синее, ты разлей мою кручинушку, ой леса, леса дремучие, вы сдавите злу обидушку, ай же матушка сыра земля, ты прими меня, сиротинушку» и т. п.).

Вместе со стихиями и растениями переживания человека разделяют животные; от солдатских слез разбегаются в лесах испуганные звери; вещий товарищ молодца, конь, спотыкается, отвозя своего хозяина на

военную службу, а при выносе главы семьи на кладбище кони склоняк головы и уныло опускают очи в землю; от несчастной вдовы рыбы уходя в глубину вод, а птицы улетают по поднебесью.

На горе человека отзываются и неодушевленные предметы: в дев сватовства у невесты темнеют узоры на штофной юбке, рассыпаютс сборки на парчовой душегрейке; платья распарываются по шва раскатываются по полу ее жемчуга, распаиваются и распадаютс на части перстни. Очень сходные явления происходят от горя ил страха и с вещами рекрута. Особенно же глубоко отзываются вещи н смерть человека; дом умершего хозяина стоит в печали, с туманным заплаканными окнами, решетчатые сени подламываются, лестницы рас сыпаются, столбы шатаются, по бревнышкам раскатываются ограды Такое перенесение человеческих эмоций на окружающий видимый ми и описание его сочувствия человеку совершенно сходно в причитаниях аналогичными поэтическими приемами в лирической песне и играе здесь ту же роль: не развивая сюжета, подчеркивает силу горя.

Полное совпадение с художественной системой лирической песни об наруживается и в символике причета, за исключением того, что кру символических образов тут более сжат: символики радости и счастья существующей в песне, причет не знает. Перекрещиваясь во всех тема тических подразделениях, символические представления причета дают ту же систему поэтического иносказания, что и лирическая протяжная песня в ее символике горя, т. е. привлекают с тем же отрицательным значением образы снега, ветра, непогоды, мутной воды, увядших цветов и деревьев, подрубленных, смятых и погубленных растений и т. п.

Все художественные приемы причета, отмечавшиеся выше, рассматривались сравнительно с поэтической системой песни лирической. Но в причете есть и другие черты, как например, наличие во многих текстах украшающих подробностей и ошеломляющих гипербол, сближающих его и еще с одним песенным жанром, а именно — с песней величальной.

В величальной песне целью поэтических украшений и преувеличений является, с одной стороны, в какой-то мере воздействие на судьбу магией слова, с другой — желание поразить и ослепить слушателя красочностью, грандиозностью, богатством и изобилием и этим поднять в глазах слушателей тот персонаж, вокруг которого складывается такая блистательная обстановка. В причетах гиперболизация и украшающие описания играют несколько другую роль.

Они встречаются преимущественно в причетах свадебных и похоронных. В свадебных они частично разделяют функцию украшений в песне-величании, т. е. создают вокруг невесты атмосферу особой красоты и изысканности, подчеркивают богатство обстановки, в которой якобы выросла девушка и из которой ее отдают в чужой дом. Но целевая установка подобных приемов в причете — не просто украсить, а подчеркнуть ту особую силу жалости, нежности и грусти, которые наполняют сердца родных при разлуке со столь прекрасной и выхоленной девушкой. Вместе с тем гиперболически изображаются и те трудности, которые ждут невесту в новой семье: например, чтобы новая жизнь ее наладилась сносно, ей требуется столько ума, что свезти его можно только на двенадцати подводах лошадиных, на семнадцати полетах соколиных. Таких гипербол-запугиваний невесты величальная песня не знает.

В причетах похоронных преувеличения и украшающие описания тоже преследуют обычно всегда одну цель — показать необычайно высокие положительные качества покойника и этим подчеркнуть особую глубину скорби о нем. В свою очередь оставшиеся на земле обещают мертвецу в

случае его возвращения домой окружить его небывалой роскошью, которая должна доказать ему всю глубину их любви: мать, оплакивая сына, выражает желание угостить его за дубовым столом, на фарфоровой и золотой посуде, нарядить в дорогое суконное платье, повесить ему на грудь золотую цепь и т. д.; изображая свою скорбь по умершей матери, дети сообщают, что на поминках ее устроили особо обильное угощение — сварили сорок «варь» пива, скурили сорок бочек вина, спекли сорок печей пирогов и т. п. Используя все эти приемы, свойственные песне величальной и чуждые песне лирической, причет подчеркивает свое родство не с одним, а по крайней мере с двумя традиционными песенными жанрами.

В причете, как и в песне, художественный образ создается путем применения ряда традиционных поэтических приемов, среди которых наиболее видное место занимают художественный параллелизм, сравнение и метафора. Художественные параллели проводятся в причетах разных тематических групп и всюду выглядят так же, как в песне: рассыпается жемчуг — плачет невеста; кукует кукушка, кричит на море лебедь — девушка оплакивает свое замужество, а солдатки и вдовы — своих мужей. В причетах рекрутских укрощается сине море — кончается война, не обрастает мохом катучий камешок — не наживает богатства солдат в походе. В причитаниях похоронных закатывается солнце, звезда, месяц — смерть похищает человека, дуют ветры — злые люди оговаривают сирот и т. п. Как и песня, причет знает художественный параллелизм и в его негативной форме.

Точно так же во всех тематических группах причета встречается и метафора: о невесте плачут, как о деревце, которому не дали вырасти, как о яблочке, которому не дали вызреть; невеста кричит лебедью, обвивается вокруг родителей плеточкой, катается в их ногах клубышком; родители ее дружно свиваются друг с другом березкой и яблоней в то время, как сама она удаляется от них горькой осиною; отчий дом для невесты и для рекрута — теплое гнездышко, рекрут стоит свечею нетопленой, вербой золоченой, как и невеста, он укатывается из дома скаченой жемчужинкой; горе от смерти любимого человека измеряется сундуками и коробьями, обида и тоска прорастают на полях травою и цветами; сирота ласточкой летает вокруг чужих людей, стараясь угодить им [11]. Метафорический эпитет («батюшка — стена городовая», «матушка — угревно красно солнышко», «сестрицы — белы лебеди», «братцы — ясны соколы», умерший — «яблонь кудреватая» и т. п.) повторяется в одних и тех же словосочетаниях во всех тематических разделах причета, подчеркивая неизменяемость его словесных формул, едва ли не еще более устойчивых и традиционных, чем в песне.

Общие с песней традиционные сравнения постоянно присутствуют во всех текстах причетов: невеста и жена рекрута шатаются, как березки, худеют с горя, как подсушенные травиночки; рекруты выглядят, как утушки подстреленые, как лебеди пойманные, как заблудшие птицы, как недорослые деревья, как незрелые ягодки; сироты без отца — как загнанные заюшки; вдова падает с горя, как дерево от буйного ветра — и т. п. [12] Все подобные перекрещивающиеся примеры показывают, с

---

[11] «Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. Материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном» (далее — Шейн), т. I, вып. 2, СПб., 1898, № 1384, 1666, 2148, 2344; Барсов, I, стр. 66, 186; III, стр. 239; «Русские плачи Карелии. Подготовка текста и примечания М. Михайлова» (далее — Михайлов), Петрозаводск, 1940, стр. 148, 173.

[12] Шейн, № 1368, 1658; Барсов, I, стр. 42, 173; II,— стр. 24, 36, 80, 133; III, стр. 161, 193.

одной стороны, устойчивость одних и тех же образов во всех тематических разделах причета, с другой — единый характер всех этих приемов с аналогичными приемами в поэтике лирической протяжной песни.

Как и песня, причет разнообразно использует словесную звукопись. Рифма в нем так же, как и в песне, обычно не бывает специальным композиционным приемом, но возникает в результате синтаксического параллелизма, соединяя созвучиями различные части речи [13]. Такие рифмы возникают не только на концах строк, но и в начале, а иногда и в середине их [14]. Параллельно с этим причеты пересыпаны ассонансами, аллитерациями, разнообразными звуковыми сочетаниями, создающими богатую словесную инструментовку стиха [15].

Независимо от своей тематики, причет, как и песня, очень широко применяет традиционный эпитет («крестьяне православные», «хоромное строеньице», «сердечны малы детушки», «брусовая лавочка», «соседи порядовные», «белы рученьки», «резвы ноженьки», «хрустальные коленки», «сени решотчаты», «ножички булатные» и т. п.), придающие языку причета особую силу выразительности и красочность.

Проведенное рассмотрение материала намечает как бы три ракурса, в которых можно сопоставлять причет и песню, как явления фольклорной лирики. В первом ракурсе они предстают, как жанры разные — прежде всего потому, что они предназначены для разных бытовых целей, у них различные способы исполнения, несходная обстановка бытования, соответственно с этим они обладают многими различными признаками в своих художественных системах: у них разный характер музыкального материала, который, в свою очередь, определяет ряд различий в общей композиции, в метре и ритме стиха обоих жанров. В целом причет с его конкретизацией фактов и песня с их поэтизацией и обобщением подходят к явлениям действительности по-разному. Все это не дает возможности объединять их в один жанр.

Второй ракурс показывает отдельные художественные приемы, которые, будучи принципиально сходными, в то же время употребляются в каждом жанре сообразно с его общей спецификой. Сюда относится описание, которое соответстственно разному жанровому заданию играет в обоих жанрах различную композиционную роль, по-разному подходит к пейзажу, к портрету, создает различные картины географических районов; сюда относится и конкретизация абстрактных понятий, которая в

---

13 Я в горях загоревалася,
Я в тосках затосковалася.
(Михайлов, стр. 147).
Вы, могильные копатели,
Вы, телесны погребатели.
(«Избранные причитания. Подготовка текста и вступительная статья В. Базанова», Петрозаводск 1945, стр. 116).

14 Не берея была красным наливным ягодкам,
Не ловея была свежие рыбы трепущие.
(Шейн, № 1300).
Не лесиночки подсохлые,
Семяниночки невсхожие.
(К. В. Чистов, стр. 310).

15 Золота казна обманчива,
Зелено вино пьянчиво.
(Шейн, № 2233).
Во цветно платье во печальное,
Во печальное, во венчальное.
(Там же, № 2030)
И я ношу, бедна, младенца на белых руках.
(Барсов, II, стр. 171).

причете и в песне использует не совсем одинаковые объекты; сюда относится, наконец, прием гиперболизации и украшения, преследующий в обоих жанрах различные цели.

В третьем ракурсе выступают внутренние средства создания образа и раскрытия психологической сущности произведения. Здесь оба жанра почти совпадают друг с другом. У них общее содержание — изображение душевного мира лирического героя; оба они одинаковыми средствами — применением художественного параллелизма, сравнений, метафор, символики — передают систему традиционной поэтики и одинаковым образом используют ее. У обоих жанров ряд общих технических приемов для стихового оформления: синтаксический параллелизм, принципы создания рифмовки и других элементов звукописи. Сходство всех этих приемов и создаваемых ими поэтических образов заставляет вернуться к вопросу о том, насколько справедливы мнения о заимствовании причетом и песней друг у друга отдельных поэтических средств.

Мы попытались на конкретном материале выяснить закономерность связи определенных приемов поэтики с определенным содержанием и эмоциональным характером тех или иных народно-поэтических произведений. Ни песня у причета, ни причет у песни ничего в своих художественных средствах не заимствуют: оба жанра берут их из общей системы традиционной поэтики и, обладая сходным идейным содержанием и сходным эмоциональным тоном, одинаково пользуются ими, несколько изменяя отдельные приемы применительно к общему характеру своего жанра.

Таким образом, сравнительное сопоставление поэтики причета и песни как явлений народно-поэтического искусства, с одной стороны, подтверждает, что даже при наличии отдельных общих черт жанры не могут быть едиными, если совпадают не все три основных условия жанрового единства — общность функции, содержания и художественных средств, так как выпадение хотя бы одного из этих слагаемых так или иначе сказывается и на двух остальных, нарушая общую картину жанровой специфики. С другой стороны, выясняется, что в произведениях хотя бы и разного бытового назначения и разных внешних очертаниий, но близких друг к другу по характеру содержания и эмоциональной тональности, закономерно появляются одинаковые художественные приемы, связанные с психологическим раскрытием образа и коренящиеся в глубоко традиционной системе художественного мышления народа.

SUMMARY

A comparison between poetics of «prichet» (lamentation) and song as phenomena of poetic folk art prooves, on one hand, that even in the presence of some common traits art genres cannot be unified unless all the three basic conditions of a genre unity coincide, i. e. a common function, contents and means of artistic expression. It is so because the exclusion even of one of these three components in some or another way influences the remaining two components, thus destroying the general outline of the genre specifics. On the other hand, it becomes obvious, that in the artistic items of a different usage destination and exterior outlines, but near to each other in the character of their contents and emotional tuning regularly emerge similar artistic modes and methods, connected with a psychological exploration of an image and emanating from a deeply traditional system of the folk artistic thought.

Э. Л. Нитобург

О СДВИГАХ В РАЗМЕЩЕНИИ И СТРУКТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ ВЕНЕСУЭЛЫ

Ко времени испанского завоевания территория Венесуэлы была занята полукочевыми индейскими племенами, жившими в условиях первобытнообщинного строя и занимавшимися охотой, рыбной ловлей, собирательством и подсечно-огневым земледелием. Бо́льшую часть страны занимали индейцы араваки, но незадолго до прихода европейцев араваков вытеснили из северных районов на юг племена индейцев карибов [1].

В Венесуэлу, как и в другие страны Нового Света, испанских конкистадоров влекло золото. «...*Золото* было тем магическим словом, которое гнало испанцев через Атлантический океан в Америку; *золото* — вот чего первым делом требовал белый, как только он ступал на вновь открытый берег» [2]. Снедаемые золотой лихорадкой завоеватели постепенно продвигались в глубь страны. Отсталые и разрозненные индейские племена не могли оказать серьезного сопротивления вооруженным до зубов захватчикам. Но найденные кое-где золотые россыпи вскоре истощились и уже в первой половине XVI в. испанцам пришлось перейти к земледелию. Захваченная у индейцев земля раздавалась в виде крупных поместий дворянам и духовенству. На ней выращивались местные и завезенные из Европы культуры, из которых наиболее ценными оказались сахарный тростник и индиго, ставшие в XVI—XVII вв. основой хозяйства колонии.

В 1520 г. было заложено первое испанское поселение в Венесуэле и в Южной Америке — Кумана. Во второй половине XVI в. были основаны Валенсия, Баркисимето, Мерида и другие города в горных районах севера и северо-запада. В XVIII в., освоив гористый север и северо-запад страны, испанцы продвинулись на юг — в Льянос и на Ориноко. Сгон с земли и прямое истребление непокорных, а также эпидемии кори и оспы быстро привели к резкому сокращению индейского населения. Многие племена (прежде всего прибрежные) были полностью уничтожены; другие, спасаясь от истребления, ушли в глубь девственных лесов Гвианского нагорья. Сохранились также отдельные, не смешавшиеся с пришельцами индейские племена, загнанные в высокогорные леса в районе озера Маракайбо, а также на полуострове Гуахира и в дельте Ориноко.

Испанцы редко привозили в Америку женщин, обычно выбирая себе жен среди женщин покоренных индейских племен. Потомство от этих браков — метисы — обладало бо́льшим иммунитетом против завезенных европейцами болезней. В связи с развитием плантационного хозяйства и нехваткой рабочей силы с конца XVI в. и вплоть до начала XIX в. в районы плантаций сахарного тростника, табака и индиго ввозились нег-

[1] См.: «Индейцы Америки». М., 1955, стр. 224—225.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 408.

ры-рабы. Население этих районов и сейчас еще отличается более темным цветом кожи. Смешение негров с белыми привело к появлению мулатов, а смешение негров с индейцами к появлению самбо. Так образовался этнически довольно пестрый состав населения страны.

В 1812 г. несколько больше половины населения Венесуэлы составляли метисы, мулаты и самбо, четверть — креолы и европейцы, 15% — индейцы и 8% — негры[3]. Общая численность населения к этому времени достигала 800—825 тыс. чел. Однако в результате длительной войны за независимость оно к 1823 г. сократилось до 766 тыс. чел. В последующие полвека население страны более чем удвоилось и по данным первой национальной переписи 1873 г. составляло 1732,4 тыс. чел.[4] Еще в 1825 г. были запрещены торговля неграми-рабами и ввоз их в Венесуэлу. Число рабов с 64 тыс. в начале XIX в. сократилось к 1854 г., когда рабство негров было ликвидировано, до 40 тыс.

В последней трети XIX— начале XX в. население Венесуэлы росло медленно. За полвека, прошедшие между первой и четвертой (1920 г.) национальными переписями, оно возросло лишь на 43%. Зато в последующие десятилетия темпы роста населения значительно увеличились. Если до 1920 г. ежегодный прирост колебался в пределах от 0,4 до 1%, а в 1920-х гг.— от 1 до 2%, то в 1940-х гг. среднегодовой прирост населения стал составлять здесь от 2 до 3%. В результате всего лишь за три десятка лет оно более чем удвоилось, достигнув к моменту восьмой национальной переписи (1950 г.) 5034,8 тыс. чел.[5]

Увеличение населения в тот период происходило в основном за счет естественного прироста. В частности, в 1940-х гг. рождаемость составляла 35—38 человек на тысячу жителей, а смертность —15—18 человек на тысячу жителей. В 1950-х гг. в связи с некоторым улучшением медико-санитарного обслуживания в зонах инфекционных заболеваний смертность в Венесуэле значительно сократилась (в 1940 г.—16,4; в 1950 г.—10,9; в 1955 г.—9,7; в 1960 г.—8 человек на тысячу жителей), тогда как рождаемость продолжала повышаться (в 1940 г.—35,5; в 1950 г.—42,5; в 1955 г.—44,7; в 1960 г.—43,9 человека на тысячу жителей). В результате естественный прирост населения в это десятилетие достиг рекордного уровня: в 1950 г.— 3,2%, в 1955 г.— 3,5%; в 1960 г.— 3,6%[6].

В период между двумя мировыми войнами делались попытки заселить ряд районов Венесуэлы немецкими колонистами. После второй мировой войны было решено колонизовать глубинные районы страны с помощью перемещенных лиц и безработных из Европы. Агенты-вербовщики изображали Венесуэлу тропическим раем, чуть ли не сказочным Эльдорадо, и туда хлынул поток обманутых заманчивой рекламой иммигрантов. Среди них были честные, потерявшие надежду найти работу на родине люди, но были и различные деклассированные элементы, авантюристы, гнавшиеся за легкой наживой, бежавшие от правосудия фашистские отщепенцы, уголовники.

Встретили их по-разному. Лица, имевшие некоторый капитал, смогли располагать своей судьбой. Остальных посылали на неосвоенные земли,

---

[3] См.: J. Liscano, Folclor y cultura. Caracas, 1958, стр. 69—70. Креолы — потомки конкистадоров и первых испанских колонистов.

[4] «República de Venezuela. Ministerio de fomento. IX censo nacional de población. Resultados preliminares por distritos y municipios». Caracas, 1962, стр. 46—47.

[5] Там же; J. E. Lopez, La expansión demográfica de Venezuela, «Universidad de los Andes. Cuadernos geograficos». № II. Instituto de geografía y de conservación de recursos naturales, Mérida, 1963, стр. 16.

[6] «Estados Unidos de Venezuela. Ministerio de fomento. Anuario estadístico de Venezueia. 1945», Caracas, 1947, стр. 231; J. E. Lopez, Указ. раб., стр. 16.

в глухие районы тропического леса, где часть из них, не имея ни инвентаря, ни возможности получить кредит, погибла в первые же месяцы от лихорадки и укусов змей. Многие уходили в батраки, испольщики, нанимались на плантации, рудники, нефтепромыслы. Большое число иммигрантов осело в Каракасе, Маракаибо и других городах. Другие, пережив полное крушение своих надежд, возвращались на родину еще более нищими, чем уезжали оттуда.

По данным Центрального банка Венесуэлы за 1959 г., иммиграция в Венесуэлу и эмиграция из нее в послевоенный период составляла [7]:

Годы	Иммиграция	Эмиграция	Чистый прирост	Годы	Иммиграция	Эмиграция	Чистый прирост
1948	71 168	34 169	36 999 *	1954	113 610	67 749	45 861
1949	72 902	46 498	24 404	1955	137 416	79 874	57 542
1950	79 322	51 901	27 420	1956	136 216	91 436	44 780
1951	74 906	50 895	24 011	1957	150 361	104 305	46 056
1952	84 990	56 042	28 948	1958	138 835	122 970	16 865
1953	102 687	66 607	36 080	1959	151 079	124 133	16 946

* Для сравнения укажем, что в 1944 г. «чистый прирост» составил 678 чел., в 1945 г. — 5361, в 1946 г. — 2775, в 1947 г. — 9248 чел.

В связи с высоким естественным приростом и со значительным ростом числа иммигрантов население Венесуэлы всего лишь за десять лет выросло в полтора раза, составив к моменту девятой национальной переписи (26.II.1961 г.) 7524 тыс. чел. Средний ежегодный прирост его в 1950-х гг. составил 4,9% и был одним из самых высоких в мире [8]. Однако уже в конце 1950-х гг. иммиграция в Венесуэлу, как свидетельствует статистика, стала сокращаться, а эмиграция резко возросла. Рождаемость также несколько снизилась, причем эта тенденция сохранилась и в начале 1960-х гг. (в 1955 г.—44,7; в 1960—43,9; в 1963—43,3 человека на тысячу жителей) [9].

По данным ООН, в 1964 г. численность населения Венесуэлы достигла 8427 тыс. чел. По некоторым другим оценкам, к началу 1965 г. оно составило 9,051 тыс. чел. [10], причем больше половины его (50,7) составляют мужчины. Следует отметить также, что венесуэльцы — «молодая» нация: почти 55% их имели в 1961 г. возраст менее 20 лет, 82% — менее 40 лет. По прогнозам журнала «Популасьон» — органа французского института демографических исследований, к 1971 г. население Венесуэлы составит 10,6 млн.; а к 1981 г. более чем удвоится по сравнению с 1961 г. и достигнет 15,2 млн. чел.; продолжительность жизни возрастет в 1977—1981 гг. до 68,2 лет [11].

---

[7] «The Economic devélopment of Venezuela. Report of a mission organized by the International Bank for Reconstruction and Development», Baltimore, 1961, стр. 473; P. Perales, Manual de geografía económica de Venezuela, Caracas — Madrid, 1962, стр. 38. По данным венесуэльского посольства в Вашингтоне, в 1957 г. число иностранцев, живущих в Венесуэле, достигало 0,5 млн. человек. Среди них 31% составляли итальянцы, 28% — испанцы, 9% — граждане США, 7% — португальцы, 6% — колумбийцы и т. д. («Venezuela Up-to-date, Washington, November, 1957, стр. 9, 22). По другим данным, только испанских эмигрантов в Венесуэле к началу 1960-х гг. насчитывалось 250 тыс. («Mundo Hispánico», Madrid, 1961, vol. 14, № 159, стр. 34).

[8] «IX Censo nacional de población. Resultados preliminares», стр. 42, 47; J. Lopez, Указ. раб., стр. 16, 18, 29; «Economic Development of Venezuela», стр. 4.

[9] A. S., La population du Venezuela. «Population», Paris, 1964, vol. 19, № 4, стр. 753.

[10] «U. N. Monthly Bulletin of Statistics», New York, July, 1965, стр. 4; «Population», 1964, vol. 19, № 4, стр. 753.

[11] «Population». 1964. vol. 19, № 4, стр. 755—756.

Венесуэльская конституция провозглашает принцип национального и расового равноправия, и здесь нет расовой дискриминации в столь обнаженных и грубых формах, как это имеет место в США. Тем не менее в страну не допускаются в качестве иммигрантов цыгане и лица, не принадлежащие к белой расе. Прибытие после второй мировой войны 600—700 тыс. европейских иммигрантов, несомненно, привело к некоторым сдвигам в соотношении различных расовых элементов в составе населения Венесуэлы. Точных данных на этот счет нет и разные авторы приводят различные цифры. По-видимому, около $^3/_4$ населения составляют метисы, мулаты и самбо, 20% — креолы и европейцы, 5—7% — негры, 1,5—2% — индейцы [12]. Таким образом, хотя негры и сыграли свою роль в формировании венесуэльской нации, негритянская примесь здесь значительно менее заметна, чем у кубинцев или бразильцев, не говоря уж о доминиканцах, являющихся в большинстве своем мулатами. Венесуэльцы, подобно колумбийцам, гондурасцам и некоторым другим латиноамериканским народам,— в основном метисы.

По различным данным индейское население Венесуэлы составляет в настоящее время 100—150 тыс. чел. Здесь насчитывается 11 индейских языков и около 150 диалектов. В 1947 г. была создана Национальная комиссия по изучению положения индейцев. Охрана индейского населения — одно из программных требований Коммунистической партии Венесуэлы [13].

В XX веке численность индейского населения из года в год уменьшается. Индейцы — исконные обитатели страны — вытеснены либо в самые глухие, либо в бесплодные районы и, по существу, обречены на вымирание. Большинство из них живут в убогих деревнях и поддерживают свое существование, возделывая кукурузу, занимаясь охотой и рыболовством.

Еще в начале XX в. в северо-западной части впадины Маракайбо жили индейцы племени гуахиро аравакской языковой группы. С открытием там нефти иностранные компании стали скупать земли и сгонять с них индейцев. В 1949 г. агенты компаний спровоцировали «войну» между индейскими племенами в этом районе, в результате чего три тысячи семей индейцев были согнаны со своей земли, а имущество их было уничтожено. Сейчас индейцы гуахиро оттеснены на пустынный и засушливый полуостров Гуахира, где для обеспечения себя водой им приходится рыть колодцы до 10 *м* глубины. Земледелие из-за постоянных засух у них развито слабо и ограничивается небольшими участками под кукурузой и юккой. Главным занятием индейцев гуахиро стало животноводство и ловля черепах. Кожи они нередко продают на принадлежащие Голландии соседние острова Арруба и Кюрасао [14].

Подобным же образом сложилась судьба индейцев района Сирума — важного района нефтяной промышленности в штате Сулия, насчитывавших в 1958 г. около 6 тысяч человек. Их лучшие общинные земли захватили нефтяные компании и многим индейцам пришлось уйти на заработки. Другие ведут полуголодное существование [15].

---

[12] См.: S. de la Plaza, Inmigración y reforma agraria, Caracas, 1945, стр. 28; «The Economic development of Venezuela», стр. 4; A. Rosenblat, La población indígena y el mestizaje en América, Buenos-Aires, 1954, стр. 154—155; E. Lieuwen, Venezuela, London — New York — Toronto, 1961, стр. 12.

[13] «Программные документы Коммунистических и рабочих партий стран Америки», М., 1962, стр. 96.

[14] «Venezuela. Viven en la frontera», «Panorama económico latinoamericano», La Habana, 1962, vol. 5, № 60, стр. 3—8.

[15] «Venezuela, Ziruma: la „salida“ imperialista», «Panorama económico latinoamericano», 1963, vol. 6, № 68, стр. 11—15.

Ежегодно тысячи индейцев, обманутые вербовщиками, уходят в по исках заработка на нефтяные промыслы и крупные плантации, наним ются кочегарами и матросами на суда, плавающие по озеру Маракайб или чернорабочими в городах. Их используют на самой тяжелой работ Не выдерживая тяжелого труда, многие индейцы погибают.

Но кроме этих официально называемых «цивилизованными» индейце охватываемых переписями населения, в штатах Ансоатеги, Апуре, Сукр Сулия и в непроходимых тропических дебрях Гвианского нагорья (тер ритория Амасонас и штат Боливар) живут так называемые «неассими лированные» или «лесные» индейцы. Они живут в лесах и сохраняю почти тот же образ жизни, что вели и предки времен открытия Америки.

Индейские девушки племени пиароа. Федеральная территория Амасонас (Венесуэльская Гвиана)

Так, в штате Сулия, в пограничны с Колумбией горных лесах хребт Сьерра де Периха, к юго-западу от озе ра Маракайбо, сохранилось еще не сколько тысяч индейцев мотилоно упорно не желающих вступать в кон такты с властями и с оружием в рука отстаивающих свою свободу и незави симость. Их основное занятие — под сечно-огневое земледелие. Но в отли чие от большинства индейских племе мотилоны почти не знакомы с кукуру зой. Они выращивают юкку, сладки картофель, бананы, табак. Важнейшим продуктом питания является рыба. Для рыболовства, так же как и для охоты, широко используются лук и стрелы. Кроме того, мотилоны строят для ловли рыбы искусные запруды на реках [16].

В низовьях Ориноко (территория Дельта-Амакуро) живут индейцы гуарауны. Главное их занятие — рыболовство и земледелие.

На VI Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Париже (1960 г.) с докладом об индейской общине Санта Клара де Ариби в штате Ансоа́теги выступил венесуэльский этнограф Хельмут Фучс. Индейцы карибе этой общины, состоящей из нескольких хуторов и расположенной всего в двух-трех сотнях километров от столицы страны — г. Каракаса, выращивают кукурузу, рис, батат, фасоль, бананы, сахарный тростник. Причем хозяйство общины в наши дни, как и двести — триста лет назад, базируется на подсечно-огневой системе земледелия. Подготовкой почвы и посевом занимаются мужчины, а уборкой урожая — женщины [17].

В лесах Гвианского нагорья, по берегам Карони, Кауры и других притоков Ориноко можно встретить разбросанные на далеких расстоя-

[16] H. W. Grebe, Die Motilonen Indianer der Sierra de Perija, «Übersee Rundschau», 1961, vol. 13, № 12, стр. 17—20. См. также «Panorama económico latinoamericano», 1962, vol. 5, № 60, стр. 3—8.

[17] H. Fuchs, La agricultura en la comunidad indigena de santa Clara de Aribi (Carina), Estado Ansoátegui, Venezuela, VI Congress international de sciences anthropologiques et ethnologiques, Paris, 30 Juillet-6 août 1960, т. II, Paris. 1964, стр. 27—32.

ниях друг от друга маленькие деревушки индейцев карибской языковой группы — племен макиритаре, таулинанг, арекуна, йекуана, макуши. Они разводят юкку, занимаются сбором каучука, охотой и рыбной ловлей, знают гончарное дело. К обособленным языковым группам на Гвианском нагорье принадлежат индейцы шириана, пиароа, яруро, гуахибо, отомаки. Индейцы баниве, баре, гинау, йявитеро и другие племена индейцев араваков, сохранились еще кое-где у колумбийской и бразильской границ [18].

В 1951 г. франко-венесуэльская экспедиция, разыскивавшая истоки Ориноко, обнаружила в джунглях на крайнем юго-востоке этого района индейцев вайка, или вайкосов, никогда еще не имевших контакта с белым человеком. Вайкосы кочуют небольшими группами, ходят нагими и разрисовывают тело узорами лилового цвета. Питаются они дикими плодами и дичью. Все их имущество состоит из луков, стрел, кусочков дерева для добывания огня и небольших ножей с лезвиями из кости. Их временные поселения обнесены грубой изгородью, внутри которой устроены служащие им жилищем навесы из трех воткнутых в землю жердей, покрытых сверху банановыми листьями. Ни лодок, ни даже плотов они не знают [19].

«Лесные» индейцы не охватываются переписью населения и численность их оценивается приблизительно. Четверть века назад — в 1941 г. число их определялось в 100,6 тыс. чел. К 1950 г. оно сократилось до 56,7 тыс., а к 1961 г. — до 31,8 тыс. (из них 20 000 жило на территории Амасонас, по 4000 в штатах Боливар и Сулия, а 3500 в штате Апуре) [20].

Негры живут главным образом в прибрежной полосе и на низменности Маракаибо. Большое число их работает в качестве портовых рабочих в Пуэрто-Кабельо и Ла-Гуайре, шоферов, матросов, рабочих на нефтяных промыслах. Подобно индейцам, они являются наиболее эксплуатируемой, неимущей и обездоленной частью населения.

За 10 лет — с 1950 по 1959 г. самодеятельное население страны увеличилось на 44%: с 1706,3 тыс. до 2456,7 тыс. человек. Значительная часть его занята в сельском хозяйстве. Больше того, число лиц, занятых в этой отрасли хозяйства, даже несколько выросло, но доля их во всем самодеятельном населении сократилась с 41 до 34%. Между тем, еще 30—35 лет назад в сельском хозяйстве было занято почти $^3/_4$ самодеятельного населения [21].

Развитие капитализма в венесуэльском сельском хозяйстве идет медленно. «Несмотря на то, что в венесуэльской деревне за последние годы стало заметно вырисовываться капиталистическое развитие, — отмечается в политических тезисах Компартии Венесуэлы, принятых на ее 3-ем съезде (1961 г.), — в ней продолжают господствовать докапиталистические производственные отношения, главным образом полуфеодальные, основанные на латифундистской собственности на землю. Имеют место также элементы товарного хозяйства независимых производителей

[18] См.: «Народы Америки», т. I, стр. 36—38; т. II, стр. 312—313, 324, 400. 464; «Science et vie», Paris, 1954, vol. 86, № 447, стр. 577, 578; «Panorama económico latinoamericano», 1962, vol. 5, № 60, стр. 3—8; A. Eichler, En tierra de los Shirianas, «Revista ibérica», Barcelona, 1962, vol. 40 № 3, стр. 102—107.

[19] «Science et vie», 1954, vol. 86, № 447, стр. 571—579.

[20] «Estados Unidos de Venezuela, Séptimo censo nacional de población», т. 2, Caracas, 1945, стр. XXV; «West Indies and Caribbean year-book 1965», London, 1965, стр. 727

[21] «U. S. Department of Commerce. Commercial and industrial development of Venezuela», Washington, 1931, стр. 14; «Mining and manufacturing industries in Venezuela», Washington, 1949, стр. 15; M. Parra Leon, Aspectos del problema rural venezolano. Caracas, 1944, стр. 15; S. de la Plaza. Указ. раб., стр. 12.

и даже встречаются патриархальные полурабовладельческие формы хозяйства»[22].

Результатом отсталой социальной структуры является низкая продуктивность сельского хозяйства и его малый удельный вес в национальной экономике. По данным Центрального банка Венесуэлы, в 1959 г. земледелие, животноводство и рыболовство, в которых было занято более трети населения, давали лишь 6,3% национального валового продукта, валовая продукция на душу самодеятельного населения была в сельском хозяйстве в 80 раз меньше, чем в нефтяной промышленности, в 18 раз меньше, чем в горнодобывающей промышленности и в 6 раз меньше, чем в обрабатывающей промышленности. Средние темпы ежегодного прироста продукции в 1950-х гг. в сельском хозяйстве были вдвое ниже, чем в национальной экономике в целом. В 1962 г. сельское хозяйство давало лишь 5% валового национального дохода, а доля его продукции в венесуэльском экспорте не превышала 1,5%[23].

Между тем промышленное производство в стране заметно возросло и по темпам роста его (11.6% в год) Венесуэла в последнее десятилетие вышла на второе место в Южной Америке после Бразилии[24]. Этому способствовал ряд факторов, в том числе и приток иностранных инвестиций, составивших в 1962 г. шесть миллиардов долларов. Из них четыре миллиарда приходится на долю монополий США. 80% этой огромной суммы вложено в нефтяную и 7% — в горнорудную промышленность. На грабеже природных ресурсов Венесуэлы монополисты-янки наживают баснословные барыши. По данным журнала «Ревиста экономика латиноамерикана», общая сумма инвестиций в экономику Венесуэлы за десятилетие с 1950 по 1960 г. удвоилась. Но если вложения в сельское хозяйство выросли за это время на 55%, то вложения в обрабатывающую промышленность — на 159%, нефтяную промышленность — на 182%, в производство электроэнергии — на 567%, горнодобывающую промышленность — на 1307%[25].

Как свидетельствует статистика, число лиц, занятых в обрабатывающей промышленности, выросло за десять лет на 26%, а в горнодобывающей — удвоилось. Доля обрабатывающей промышленности в национальном валовом продукте возросла с 10,3% в 1950 г. до 16,4% в 1963 г. Важно отметить также, что экономические сдвиги привели к перемещению значительного числа лиц, занятых в кустарном производстве и мелкой промышленности, на крупные и средние предприятия близких им отраслей обрабатывающей промышленности. Так, в 1950 г. на крупных и средних предприятиях было занято 92,3 тыс. человек, а на мелких предприятиях и в кустарном производстве — 114,6 тыс., т. е. более половины всех рабочих. В 1959 г. в кустарном производстве и мелкой промышленности было занято 96,4 тыс., а на крупных и средних предприятиях — 164,6 тыс. рабочих. В начале 1960-х гг. в стране еще существовало 12 тысяч ремесленных предприятий с числом рабочих от 1 до 15, но удельный вес продукции подобных предприятий во всей продукции обрабатывающей промышленности сократился с $^1/_6$ в 1952 г. до $^1/_{10}$ в 1960 г. Доля фабрично-заводских рабочих в обрабатывающей промышленности увеличилась с 45% в 1950 г. до 60% в 1959 г. и 68% в 1963 г. В целом же

[22] «Программные документы Коммунистических и рабочих партий стран Америки», стр. 44, 47.

[23] Там же, стр. 47; «Gestion», Paris, Sept. 1963, vol. 6, стр. 532—533.

[24] «Cuadernos de la CVF» (de la Corporación Venezolano de Fomento), Caracas, 1964, vol. 1, № 2, стр. 417.

[25] D. F. Maza Zavala, Características y tendencias de la inversión extranjera en Venezuela», «Revista económica latinoamericana», Caracas, 1962, vol. 2, № 8, стр. 43—45.

численность фабрично-заводского пролетариата за 14 лет выросла почти втрое и достигла 260—270 тысяч человек[26].

Лишь в нефтяной промышленности (дающей свыше четверти национального валового продукта, $^2/_3$ всех бюджетных и $^9/_{10}$ всех валютных поступлений), несмотря на непрерывный рост добычи «черного золота» в Венесуэле, число занятых сократилось с 61 тыс. чел. в 1948 г. до 45,5 тысяч в 1957 г. и продолжало затем из года в год уменьшаться. В 1963 г. оно составляло 33,6 тыс. чел., в том числе рабочих-нефтяников всего 18,9 тысяч. Это связано с механизацией и автоматизацией в этой отрасли и свидетельствует о более интенсивной эксплуатации венесуэльских трудящихся иностранными нефтяными монополиями, ибо за время с 1948 по 1963 г. добыча нефти в Венесуэле более чем удвоилась[27].

В целом, хотя общее число лиц, занятых в промышленности, возросло на 60 тысяч человек, доля их во всем самодеятельном населении уменьшилась с 15% в 1950 г. до 12,8% в 1959 г.

В то же время увеличилась как абсолютно (в 1,5—2 раза), так и относительно, категория лиц, занятых в строительстве, торговле, на транспорте и электростанциях: в 1950 г. в этих отраслях было занято 17,4% самодеятельного населения, а в 1959—21,7%.

По-прежнему непомерно высокой (21,2%) остается доля лиц, занятых в сфере обслуживания. Буржуазная пресса не случайно называет Венесуэлу «одной из наиболее процветающих слаборазвитых стран» мира. Иностранные монополии, орудующие здесь, а также связанные с ними группы местных дельцов разного рода действительно процветают. Одних только американских фирм и их отделений тут насчитывается более трехсот и в них занято 40 тыс. граждан США[28], живущих в Венесуэле в особых, привилегированных условиях. Это обстоятельство, а также быстрый рост городов, возникновение прослойки рабочей аристократии и ряд других факторов привели к тому, что более пятой части самодеятельного населения страны (в 1959 г.— свыше 0,5 млн. чел.) занято непосредственно в сфере обслуживания.

Заметно увеличилась безработица. Если в 1950 г. безработные составляли 6,2% всей рабочей силы, то в 1959 г.— уже 10,2%. А в 1963 г., даже по официальным данным, уровень безработицы в «одной из самых процветающих слаборазвитых стран» достиг 14%[29]. Однако по неофициальным данным он гораздо выше. В частности, журнал «Панорама экономико латиноамерикано» сообщал в 1962 г., что число безработных в стране достигает 800 тысяч, а венесуэльская газета «Кларин» в начале 1963 г. приводила цифру в 700 тыс. безработных[30].

Подчеркивая, что венесуэльское общество переживает «переходный период..., в котором классы не приобрели четкости, присущей им в зрелом капиталистическом обществе», Политические тезисы Компартии Венесуэлы, констатируют, что «основные классы венесуэльского общества следующие: латифундисты, буржуазия, городская мелкая буржуазия, крестьянство и пролетариат»[31].

---

[26] E. J. Cabrera, Algunos aspectos de la industria doméstica y pequeña industria en Venezuela, «Cuadernos de la CVF», 1962, vol. 1, № 3, стр. 37—51; см. также: «Cuadernos de la CVF», 1964, vol. 1, № 2, стр. 307, 416, 417.

[27] «Программные документы Коммунистических и рабочих партий стран Америки», стр. 40; E. B. Petzall, Erdölwirtschaft und Politik in Venezuela, «Erdöl und Kohle», Hamburg, 1965, vol. 18, № 1, стр. 59.

[28] T. T. Murphy, Venezuela as a foreign investment target, «Business Topics», 1964, vol. 12, № 4, стр 27.

[29] Там же, стр. 26.

[30] «Panorama económico latinoamericano», 1962, vol. 5, № 59, стр. 20; «Clarin», 13.II, 1963.

[31] «Программные документы Коммунистических и рабочих партий стран Америки», стр. 55—56.

Класс латифундистов, характеризующийся собственностью на крупные массивы земель, по своей численности не превышает 3,5 тыс. чел. Но они владеют почти 80% всей находящейся в частном владении земли. Отдельные слои латифундистов начали преобразовывать хозяйство путем модернизации своих имений и введения в них капиталистических производственных отношений, путем установления все более тесных связей с торговой и банковской буржуазией. Но в целом латифундисты — это класс, опирающийся на крайне отсталые, давно уже обреченные историей производственные отношения. Бо́льшая часть земли, находящейся в их владении, не обрабатывается и пустует.

Венесуэльскую буржуазию можно разделить на торговую, промышленную, банковскую, аграрную[32] и т. д. С точки зрения экономической мощи ее можно разделить также на крупную и среднюю буржуазию. У нас не имеется точных данных о ее численности. Однако известно, что по материалам ценза 1950 г. 4% самодеятельного населения было классифицировано как «работодатели». По-видимому, в эту категорию вошли не только крупные и средние предприниматели, коммерсанты, банкиры и т. д., но и латифундисты и даже некоторые слои мелкой буржуазии.

Из данных того же ценза 1950 г. следует, что 15% самодеятельного населения представляли собой «средний класс», т. е. класс городской мелкой буржуазии. «Мелкая буржуазия, известная также как средние слои населения, довольно многочисленный класс,— говорится в Политических тезисах Компартии Венесуэлы.— Это объясняется социально-экономическими условиями и недостаточным капиталистическим развитием нашей страны». В состав этого класса, являющегося «важнейшей частью венесуэльского общества», входят различного рода мелкие предприниматели, ремесленники, мелкие торговцы и домовладельцы, служащие и специалисты промышленных, торговых, транспортных, коммунальных фирм и предприятий, государственные служащие. «Основную часть средних слоев составляют интеллигенция и студенты»[33].

Для буржуазии и «средних слоев» характерен более высокий, чем для трудящихся классов, удельный вес лиц креольского и европейского происхождения.

Крупнейшим по численности классом в современной Венесуэле пока еще является крестьянство. Сюда входят, конечно, и собственники обрабатываемой земли, но в основном это люди, обрабатывающие чужие земли в качестве арендаторов, издольщиков, фундадоров и окупантес[34]. В состав крестьянства входят следующие слои: 1) Пеоны-конукеро — полупролетарии венесуэльской деревни, число которых в начале 1960-х гг. составляло 320 тыс. чел. Они сочетают владение небольшим участком на латифундистской земле или на залежных землях с дополнительной работой в качестве батрака в каком-либо имении. 2) Мелкие крестьяне, число которых составляло примерно 100 тыс. Они живут исключительно за счет небольшого участка, который обрабатывают сами. Как правило, они живут и работают на земле латифундистов в качестве издольщиков, испольщиков или арендаторов, выплачивая латифундистскую ренту натурой или деньгами. Этих крестьян нередко насильно сгоняют с земли и все более оттесняют на худшие земли. 3) Средние крестьяне насчитывали

[32] Аграрная буржуазия появилась в Венесуэле сравнительно недавно, в связи с развитием капитализма в деревне, и численно невелика (5—6 тыс. чел.)

[33] «Программные документы Коммунистических и рабочих партий стран Америки», стр. 63—64. См. также «Ministerio de fomento. VII censo de población: principales resultados nacionales», Caracas, 1957, стр. 48—49; E. Lieuwen, Указ. раб., стр. 14—17.

[34] Фундадор — арендатор, имеющий право на разработку целинных земель и их застройку. Окупанте — лицо, занимающее свободную землю, принадлежащую государству или частному лицу, и не имеющее документов на эту землю.

к началу 1960-х гг. 60 тыс. чел. Вместе с членами своих семей они обрабатывают собственный или арендованный участок, привлекая дополнительно несколько батраков. «В общей сложности 480 тыс. крестьян, составляющих бо́льшую часть самодеятельного населения», является объектом жестокой эксплуатации со стороны класса латифундистов, местной аграрной и торговой буржуазии, а также иностранных компаний, действующих в Венесуэле[35].

Низкий уровень доходов и жизни венесуэльского крестьянства определяется прежде всего невысокой производительностью их труда, обусловленной земельным голодом, отсутствием эффективной кредитной политики, невозможностью технически вооружить хозяйство и т. д. Не случайно на долю самодеятельного населения, занятого в сельском хозяйстве и составлявшего более трети всего самодеятельного населения страны, пришлось в 1959 г. лишь 9,5% всех фондов, израсходованных на оплату труда в национальной экономике[36].

Самым прогрессивным и быстро растущим классом венесуэльского общества является пролетариат. В связи с отсталостью страны он еще сравнительно невелик, но по мере проникновения империалистических монополий, в процессе индустриализации и развития капитализма в деревне численность рабочего класса быстро возрастает и имеет неудержимую тенденцию к дальнейшему росту, как в абсолютном отношении, так и по своему удельному весу в обществе. Меняется и его качественный состав. В принятых на 3-ем съезде венесуэльских коммунистов (март 1961 г.) Политических тезисах говорилось, что «процент рабочих-ремесленников и рабочих мелких предприятий еще превалирует в рабочем классе». В настоящее время это уже не так. Выше было показано, что число рабочих указанных категорий значительно сократилось, тогда как количество рабочих крупных и средних предприятий, как в обрабатывающей, так и в горнодобывающей промышленности, транспорте и строительстве резко возросло. В нефтяной и некоторых других отраслях промышленности появилась прослойка рабочей аристократии. Растет численность и сельского пролетариата (особенно в таких отраслях, как молочное животноводство, возделывание сахарного тростника, табака, арахиса, кунжута, хлопка, сизаля и др.), который не следует смешивать со слоями, образующими крестьянство. В целом считается, что рабочий класс, включая сельскохозяйственных рабочих, составляет 20—25% самодеятельного населения[37].

Средняя плотность населения в Венесуэле невелика — менее десяти человек на 1 *кв. км*. Но размещено оно крайне неравномерно. В прибрежных и горных штатах, расположенных в северной и северо-западной частях страны и занимающих лишь пятую часть ее территории, сосредоточено почти четыре пятых всего населения. Здесь находятся главные земледельческие зоны и основные сгустки сельского населения, а также почти все крупные города Венесуэлы. Средняя плотность населения здесь — 31,6 чел. на 1 *кв. км*, а в Федеральном округе она достигает 651,6 чел. на 1 *кв. км*[38].

В то же время на долю Гвианского нагорья (штат Боливар и территория Амасонас), занимающего площадь в 413 750 *кв. км*, или почти половину страны, приходится всего 3% населения. Средняя плотность населения в венесуэльской Гвиане — 1 человек на 2 *кв. км*. Если не счи-

[35] См.: «Программные документы Коммунистических и рабочих партий стран Америки», стр. 45—46, 65—66.
[36] Там же, стр. 48.
[37] Там же, стр. 67.
[38] P. Perales, Указ. раб., стр. 57; J. E. Lopez, Указ. раб., стр. 88—92.

тать старого города на Ориноко Сьюдад-Боливара, двух-трех построенных для вывоза железной руды новых портов на той же Ориноко и поселков рудокопов, тут можно встретить лишь отдельные скотоводческие фермы, старателей и сборщиков дикого каучука, да редкие поселения индейцев по берегам лесных рек. Этот богатейший по своим природным ресурсам край еще ждет освоения.

Слабо были заселены до самого последнего времени и Льянос — тропические степи, занимающие более четверти площади страны (275 тыс. *кв. км*). Лишь в послевоенные десятилетия, когда на востоке Льянос была найдена нефть, там выросло много поселков иностранных нефтяных компаний. Некоторые из них (как например, Эль Тигре) превратились теперь в города с десятками тысяч жителей. В 1961 г. на долю этого района приходилась уже пятая часть всего населения, а средняя плотность его здесь составляла около 5 чел. на 1 *кв. км*[39].

Еще сравнительно недавно, в 1936 г., 71,8% населения Венесуэлы жило в сельской местности (в населенных пунктах с числом жителей менее 2500). Лишь два города — Каракас и Маракайбо имели более 100 тыс. жителей. Во всех остальных городах было менее 50 тыс. жителей. Только 19 небольших городов имели население 10 тыс. и более жителей[40]. Однако городское население в последующие десятилетия росло еще быстрее, чем население страны в целом. Сгон с земли и нищета были главной причиной массового ухода крестьян в города. Но внутренняя миграция населения не ограничивалась переселением из сельской местности в города. Много народу переселилось из мелких городов в районы бо́льшей экономической активности, в новые центры притяжения населения, появившиеся в разных частях страны в связи с развитием нефтяной, горнодобывающей и обрабатывающей промышленности. В 1936 г. вне своих родных штатов жило только 11% населения страны, а в 1950 г. — 22%. Население Федерального округа за эти 15 лет возросло с 283,4 тыс. до 709,6 тыс. чел.[41]

В 1950 г. городов с населением 10 тысяч и более жителей стало уже 33, в том числе четыре города с населением от 50 до 100 тыс. и три города с населением свыше ста тыс. жителей[42].

В 1950-х гг. эта миграция приняла даже еще более интенсивный характер. Правда, нефтяная промышленность постепенно перестала быть фактором, вызывающим крупные миграции населения. Однако металлургическая промышленность, создающаяся в штате Боливар, промышленный район Валенсия — Маракай, и особенно Федеральный округ со столицей являются притягательными центрами для десятков и сотен тысяч людей. В частности, за время с 1950 по 1962 г. из горных штатов Анд (Та́чира, Мерида, Трухильо, Лара, Яракуй) выехало 325 тыс. чел., с островов штата Нуэва-Эспарта — 35 тыс. За это же время в Каракас из разных штатов прибыло свыше 350 тыс. чел., в штат Сулия — 125 тысяч, в штаты Баринас и Португеса — 100 тыс. и т. д.[43]

Некоторое представление о том, как происходит этот процесс, дает история маленького городка Петаре — административного центра сельско-

---

[39] «IX Censo nacional de población...», стр. 41—43; «Estados Unidos de Venezuela. Ministerio de fomento. División político-territorial de la República», Caracas, 1948, стр. 9; J. E. Lopez, Указ. раб., стр. 88—92.

[40] J. Silva Michelena, Hipotesis sobre el cambio social de Venezuela, «Venezuela», № 1, Universidad central de Venezuela, Facultad de Economía, s. a; J. E. Lopez, Указ. раб., стр. 97; «Estados Unidos de Venezuela. División político-territorial...», стр. 10.

[41] E. Lieuwen, Указ. раб., стр. 11.

[42] J. E. Lopez, Указ. раб. стр. 97.

[43] B. Marchand, Etude géographique de la population du Vénézuéla, «Annales de géographie», Paris, 1963, vol. 72, № 394, стр. 736—737.

го округа Сукре в штате Миранда, расположенного по соседству с границей Федерального округа, в десятке километров от Каракаса. В 1936 г. население Петаре составляло 4,1 тыс. чел. В последующие годы, особенно после 1945 г., сюда шел непрерывный приток новых жителей — выходцев из разных штатов, но главным образом из сельских районов самого штата Миранда (в 1936 г. в округе Сукре было сосредоточено 12,5%, а в 1961 г.— 49,5% всего населения штата Миранда), а также из горных штатов Мерида, Трухильо, Тачира. В результате Петаре постепенно слился с Каракасом и стал предместьем столицы. Население его в 1961 г. составляло 78 тыс. чел., т. е. выросло по сравнению с 1936 г. в 19 раз[44].

Следует отметить также, что в 1950-х гг. важную роль в росте городского населения сыграла иммиграция, ибо, хотя значительная часть иммигрантов состояла из людей, имеющих навыки работы в сельском хозяйстве, большинство их в конечном счете — из-за огромных трудностей в освоении новых сельскохозяйственных территорий и отсутствия транспорта в глубинных районах — осело в городах[45].

Как по темпам роста населения, так и по темпам урбанизации Латинская Америка идет впереди других районов мира, а Венесуэла — впереди большинства латиноамериканских стран. Прирост городского населения шел здесь в 1950-х гг. поистине стремительными темпами — 7% в год. Практически за десять лет численность городского населения в Венесуэле удвоилась[46].

В 1961 г. городов с населением свыше 100 тыс. чел. стало пять: Каракас, Маракаибо, Баркисимето, Валенсия, Маракай. В них проживало 53% всего населения страны. В девяти городах имелось от 50 до 100 тыс. жителей. Городов с населением в 10 тыс. и более человек насчитывалось 58. В сельской местности к этому времени жило меньше трети населения. Более 70% всех венесуэльцев в 1961 г. проживали в населенных пунктах, имеющих свыше 2500 жителей каждый[47].

Шестая часть всех венесуэльцев живет в столице — Каракасе, рост населения которого вдвое превышает в послевоенное время естественный прирост населения в стране. Это — один из наиболее быстро растущих городов капиталистического мира. Через триста лет после основания он насчитывал 47 тыс. жителей, а спустя еще семьдесят лет — в 1941 г. — 169 тысяч. В последующие два десятилетия население города росло с феноменальной быстротой и к 1961 г. увеличилось в четыре с лишним раза, достигнув 786,7 тыс. человек (с пригородами — 1,2 млн.)[48].

Это город резких контрастов. В нем несколько центров и множество окраин. Сплошь и рядом современные небоскребы оказываются соседями старинных зданий, церквей и особняков. В восточной части города расположен район Флорида (по-испански «цветущая»), где находятся кварталы ошеломляющей роскоши — Сабана Гранде, Бельо Монте, Сан Бернардино, Ла Кастельяна. Эти кварталы отделены от остальных частей города невидимой, но вполне реальной и безжалостной границей денег.

---

[44] J. Brisseau, Les «barrios» de Petare faubourgs populaires d'une banlieue de Caracas», «Cahiers d'Outre-Mer», Bordeaux, 1963, vol. 16, № 61, стр. 12, 18.

[45] J. M. Torres Viera, El problema inmigratorio en Venezuela, «Petróleo y minería de Venezuela», 1961, vol. 14, № 163, стр. 46—48.

[46] C. M. Haar, Latin America's troubled cities, «Foreign Affairs», April, 1963, vol. 41, № 3, стр. 540.

[47] J. Lopez, Указ. раб., стр. 98; «The Economic development...», стр. 4; См. также: L. E. Chaves, La tendencia a la formación de una agrupación urbana multiple en el Centro Norte de Venezuela, «Revista geográfica. Universidad de los Andes», Mérida, 1962—1963, vol. 4, № 9—10, стр. 31—49; «Annales de géographie», 1963, vol. 72, стр. 741—742.

[48] «IX Censo nacional de población. Resultados preliminares...», стр. 46.

Предместья столицы — Дос Каминос, Чакао, Петаре, Катия пр ставляют собой море безысходной нищеты. Это «барриос» — кварта трущоб, состоящих из жалких домишек и лачуг — так называемых «р чо», часто не имеющих даже водопровода и электричества. Здесь в гр и нищете живет беднота. На склонах гор, под городскими мостами, свалках, в шалашах из кусков жести, старых ящиков, тростника и тря живут десятки тысяч «самовольных застройщиков» — бездомных ж телей столицы, прежде всего иммигрантов. Здесь на каждом шагу з чит иностранная, чаще всего итальянская речь.

Характерны в этом отношении «барриос» описанного выше предмес Каракаса, выросшего из городка Петаре. Уже с конца 1940-х гг. начала миграция сюда бедного населения из Каракаса. В 1959 г. площадь во «барриос» Петаре составляла 236 *га*, а население их — 33,2 тыс. чел (иначе говоря плотность составляла 140 чел. на 1 *га*) [49]. В последующ годы оно увеличилось еще больше.

В целом же в трущобах, по разным данным проживает от 25 до 35 населения Каракаса и 50% населения второго по величине города стр ны — Маракаибо. Североамериканский исследователь Ч. М. Хаар пред преждает, что это обстоятельство «представляет собой угрозу политиче кой и социальной стабильности» [50].

Большинство крупных городов Венесуэлы расположены в горной по лосе Кордильеры-де-Мерида и Карибских Анд. Исключение представ ляет Маракаибо (в 1961 г. — 433 тыс. жителей), расположенный поч на уровне моря. Как уже отмечалось, в восточной части Льянос за по следние десятилетия появились новые поселки и города и выросли ста рые. Новый промышленный район возник и на правобережье Ориноко к востоку от Сьюдад-Боливара. Здесь, у впадения в Ориноко ее крупней шего правого притока р. Карони, летом 1961 г. был основан город Сан то-Томе де Гуайяна. В него вошли возникшие после второй мировой вой ны в этом районе — в связи с начавшейся разработкой железорудных бо гатств венесуэльской Гвианы — заводские поселки и порты по выво зу руды: Матансас, Сан-Феликс, Палуа и Пуэрто-Ордас. В 1950 г. та жило всего 4 тыс. чел., а в 1962 г. — 50 тыс. и имелись уже крупный ме таллургический завод (мощность 1,2 млн. *т* в год), гидроэлектростанция (мощность 300 тыс. *квт.*) и целый ряд других предприятий, принадлежа щих как иностранному капиталу, так и государству. Санто-Томе де Гуай яна будет центром быстро развивающегося в округе Карони (штат Боли вар) нового промышленного комплекса. Предполагается, что в 1970-х гг население его достигнет 250 тыс. чел. [51]

* * *

Венесуэла — страна, располагающая огромными естественными ре сурсами и потенциальными возможностями для развития современной экономики. Но развитие промышленности тормозят засилие иностранного капитала, отсталые социальные отношения, а также отсутствие достаточ ного количества национальных технических кадров.

---

[49] «Cahiers d'Outre-Mer», 1963, vol. 16, № 61, стр. 15, 29.

[50] «Foreign Affairs», 1963, vol. 41, № 3, стр. 542; J. M. Torres Viera, La crisi de viviendas en Venezuela. «Petróleo y minería de Venezuela», 1963, vol. 16, № 182 стр. 24—25; «Population», 1964, vol. 19, № 4, стр. 756.

[51] См.: Э. Л. Нитобург, Венесуэла, М., 1959, стр. 55—57, 62—63; «Erdöl und Kohle», 1965, vol. 18, № 1, стр. 57—59; E. de la Souchère, Au Venézuela. Esso industriel et réforme agraire, «France-Amérique magazine», Paris, 1964, vol. 54. № 7—9 стр. 125—126; Importancia económica y demográfica del distrito Caroni en la Guayana venezolana, «Carta semanal. Ministerio de Minas e Hydrocarburos», 1964, vol. 7, № 42 стр. 23—25.

В 1958 г. школу посещало 60% детей школьного возраста, но большинство их закончило не более трех классов начальной школы [52].

Только 51 тыс. детей и подростков получили в 1963 г. техническое образование. В стране имеется 7 высших учебных заведений (в том числе 2 частных), в которых обучается 24,4 тыс. студентов, однако технические специальности получает лишь четверть выпускников венесуэльских университетов. В 1960 г. потребность в инженерах всех специальностей составляла 1800 человек, а наличие — 120 человек, в 1964 г. соответственно 2300 и 600 человек [53].

До сих пор около трети населения Венесуэлы неграмотно, причем особенно высока неграмотность среди сельского населения. В борьбе за демократические преобразования в стране Компартия Венесуэлы выдвинула ряд конкретных требований, направленных на полную и скорейшую ликвидацию неграмотности, повышение общеобразовательного уровня трудящихся, развитие и защиту национальной культуры и искусства [54].

Народ Венесуэлы ведет упорную борьбу за лучшие условия труда и жизни, за радикальную аграрную реформу, за подлинную национальную независимость и демократию, против засилия в стране американских монополий. Радикальные изменения, которые произошли всего лишь за два — три десятилетия в численности, расселении и социальной структуре венесуэльской нации, сопровождались неуклонным ростом в стране рабочего и освободительного движения. Резкое ускорение темпа этих — подспудных по отношению к политической борьбе — изменений свидетельствует о том, что в Венесуэле зреют новые социальные потрясения и серьезные политические перемены.

SUMMARY

Data on important changes in the dynamics of the grouth of the population, its distribution, social and ethnic structure in post-war Venezuela are adduced in the article. In this connection the author discusses certain factors determining the fact that in the fifties of this century Venezuela had one of the largest in the world annual increase of population (4,9%) and rate of urbanization (7%). The main social classes in Venezuela as well as the changes in professional and social structure of the population resulting in an appreciable quantitative growth of the working class (especially, of the factory-and-works proletariat) are characterized. Dealing with the problem of Indian population the author points out that during the last decades the quantity of so called «forest» Indians was sharply reduced. In the same time the share of «white» population is growing up. Both social and ethnical structure of Venezuelian nation undergoes essential changes.

---

[52] «The economic development...», стр. 320; E. Lieuwen, Указ. раб., стр. 18.

[53] «El Nacional», 10.X.1963, Suplemento; Población. Venezuela, «Panorama económico latinoamericano», 1961, vol. 3, № 29, стр. 10; J. J. Boehm, Technische Ausbildung als Kernproblem der industrielle Entwicklung Venezuelas, «VDJ Nachrichten», Düsseldorf, 27.XI.1963, vol. 17, № 48, стр. 9.

[54] «Программные документы Коммунистических и рабочих партий стран Америки», стр. 97.

М. М. Фрейденберг

РОДСТВЕННЫЕ КОЛЛЕКТИВЫ В ДАЛМАТИНСКОЙ ХОРВАТИИ В XI—XVI вв.

Югославские исследователи с давних пор весьма усердно изучают проблемы, связанные с сохранением семейной общины (особенно в горных районах страны) [1]. Твердо установлено существование здесь двух типов этой общины — «отцовской» семьи, во главе которой стоит отец со своими прямыми потомками, и так называемый «братской» семьи [2]. Исследования, проводившиеся в Боснии, Герцеговине и Далмации, позволяют заключить, что в этих областях преобладает второй тип семейной общины — «братская» (bratinska) семья, состоящая из нескольких братьев с их потомством и управляющаяся выборным старейшиной [3]. В связи с этим возникает вопрос: какова та община, которую удается реконструировать по средневековым источникам XI—XVI вв.?

За последние годы в югославской литературе возник устойчивый интерес к проблемам «братства» и «племени», которые подвергаются исследованию с социологической [4], исторической [5] и этнографической точек зрения [6]. Накопленный материал позволил по-новому подойти к оценке этих институтов — исследования М. О. Косвена дали возможность истол-

---

[1] O. M. Utešenović, Die Hauskommunion der Südslaven, Wien, 1859; V. Bogišić, Zbornik sadašnih običaja Južnih Slovena, Zagreb, 1874; В. Поповић, Задруга (теорије и литература), «Гласник земаљског музеја у Босни и Херцеговине» (далее — ГЗМ, GZM), 33—34, Сарајево, 1921—1922; O. Mandic, Klasni karakter buržoaskih teorija o posntanku zadruge, «Историско-правни зборник», 3/4, Сарајево, 1950, стр. 131—150.

[2] М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, М., 1963, стр. 70—88.

[3] Особенно подробно о «братской» общине (противопоставление семей «братских» и «синовских», состав «братской» семьи — несколько «ступов», колен; избрание двух «стопаниц» (домачиц) — «скоромной» (старшей) и «постной», см. N. F. Pavković, Društvene i običajno-pravni ustanove (u Umljanima), GZM, Etnologija, 1962, стр. 124—136. Существует мнение, согласно которому существование «братской» семьи связано с сохранением пережитков матриархата. S. Kulišić, O postanku slovenske zadruge, «Bilten Instituta za proučvanje folklora», sv. 2, 1955, Sarajevo, стр. 48 и сл.; его же, Matrilokalni brak i materinska filijacija u narodnim običajima Bosne, Hercegovine i Dalmacije, GZM, Etnologija, 1958, стр. 51 и сл.

[4] O. Mandić, Bratstvo u ranosrednjovjekovnoj Hrvatskoj, «Historijski zbornik» (далее — HZ), V, 1952, стр. 225—298.

[5] O. Mandić, «Pacta-conventa» i «dvanaest» hrvatskih bratstava, HZ, XI—XII, 1959, стр. 165—2 об.; N. Klaić, Postanak plemstva «dvanaestero plemena kraljevine Hrvatske», HZ, XI—XII, стр. 121—163; Рец. Н. Клаич на O. Mandić «Pacta conventa», HZ, XIII, 1960, стр. 303—318; O. Mandić, O jednoj «recenziji», там же, стр. 318—320; N. Klaić, O jednoj «naučnoj» diskusiji, HZ, XIV, 1961, стр. 259—267.

[6] J. Вукмановић, Паштровићи, Антропогеографско-етнолошка испитивања, Цетиње, 1960, гл. VI, XII (см. нашу рецензию на эту книгу в журн. «Сов. этнография», 1961, № 5, стр. 187—189); S. Kulišić, Arhaično bratstvo u Crnoj Gori i Hercegovini, GZM, Etnologija, 1957, стр. 155—157; его же, O postanku i karakteru našeg «bratstva», «Pregled», god. IX, knj. 1, Sarajevo, 1957, broj 2—3, стр. 133—138.

ковать «братство» в качестве одной из форм патронимии[7]. Обратившись к рассмотрению средневекового материала, характеризующего хорватское «братство», мы ставим перед собой задачу выяснить, насколько он соответствует нашему представлению о патронимии или дополняет это представление новыми чертами[8].

Памятники раннего хорватского средневековья в самое последнее время были подвергнуты исследованию Ю. В. Бромлеем, построившим на этой основе свою концепцию развития родственных коллективов в Далматинской Хорватии раннего средневековья[9]. Ю. В. Бромлей рассматривает все встречающиеся в актах XI в. случаи упоминания родственников, подвергает анализу имущественные ситуации (главным образом сделки отчуждения недвижимости), в которых они встречаются, и оценивает возможности ведения совместного хозяйства большинством названных в актах родственников. Родственный коллектив, который ведет такое хозяйство, он считает возможным охарактеризовать как «братскую» («фратриархальную») большую семью. В тех случаях, когда группы родственников не связаны коллективным хозяйством, они тем не менее сохраняют известные права на имущество сородича, в частности право предпочтения и ряд других. В составе таких родственных групп первостепенное место принадлежит братьям до третьей степени родства и сохраняются связи между мужчинами-родственниками по материнской линии. Эти родственные коллективы, возникающие в результате распада большой семьи, по мнению Ю. В. Бромлея, следует называть не патронимиями, а «сегментированными семейными общинами», ибо такое наименование наиболее полно отражает тот факт, что они возникают на базе разложения не только «отцовской», но и «братской» общины[10]. Рассмотрение материала, относящегося к истории «племен», позволяет Ю. В. Бромлею прийти к вы-

---

[7] М. О. Косвен, Указ. раб. 167: М. М. Фрейденберг, К вопросу об общине на Балканах (Проблемы общины в югославской историографии), «Византийский временник», т. XXI, 1962, стр. 198—209; его же, «Вервь» в средневековой Хорватии, «Уч. зап. Великолукского педагогического ин-та», вып. 15, 1961, стр. 27—47; его же, «Новиградский сборник» как источник по социально-экономической истории Хорватии, «Славянский архив», 1962, стр. 28—58.

[8] Характерен интерес, с которым была встречена в югославской литературе последняя книга М. О. Косвена. О. Мандич в принципе присоединился к выводам Косвена, Ш. Кулишич же не счел возможным принять характеристику «братства» как патронимии, настаивая на своем прежнем определении «братств» и «племен» в качестве патриархального рода. См. рецензию O. Mandić, HZ, XVII, (1964), стр. 473—476; Š. Kulišić, O zadruzi i patronimji (povodom knjige M. O. Kosvena), «Etnoloski pregled», 5, Beograd, 1963, стр. 67—69, 75 сл.; см. также: Š. Kulišić, Tragovi arhaične rodovske organizacije i pitanje balkansko-slovenske simbioze, Beograd, 1963; см. нашу рецензию на эту книгу в журн. «Сов. этнография», 1964, № 5, стр. 165—167.

[9] Ю. В. Бромлей, Становление феодализма в Хорватии (К изучению процесса классообразования у славян), М., 1964, гл. III «Семейная община и коллективы родственников, не ведущих совместного хозяйства», стр. 127—197.

[10] «...Если совершенно естественно предполагать,— пишет Ю. В. Бромлей,— что коллектив родственников, возникший при распаде отцовской большой семьи, мог иметь патронимическое... наименование, то в отношении коллективов, сложившихся на основе демократической братской большой семьи, такое предположение представляется менее вероятным» (Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 182—183). По этому поводу можно заметить, что сегментация — это скорее начало процесса разложения, но еще не окончательный распад семейной общины (см. М. О. Косвен, Указ. раб., стр. 65) и что термин «сегментированная семейная община» создает впечатление, что под ним скрывается еще существующая большая семья, а между тем эта семья уже распалась, она — в прошлом. Но еще важнее обратить внимание на то, что родственные коллективы, возникшие в результате распада семейной общины, как правило, носят патронимические названия. Очевидно, демократический характер «братской» семьи не мешает ее членам помнить о своем отце (предке). Термин «патронимия» тоже не безупречен (он фиксирует, внимание лишь на происхождении родственного коллектива), но новое понятие «сегментированная семейная община», нуждается, на наш взгляд, в еще больших уточнениях.

воду, что этим термином могли обозначаться и сонаследники, и «сегментированные семейные общины», и что возникновение ряда «племен» в (частности «двенадцати племен») восходит еще ко времени, предшествующему переселению хорватов на Балканы [11].

Более поздние источники, использованные нами, датируются XV и даже XVI вв. Было бы заманчиво отыскать в этих памятниках следы ныне существующих отношений [12]. Однако следует помнить, что на древние родственные связи в Далмации в XV—XVIII вв. наслоилось воздействие демографических сдвигов и миграций. Так, в конце XVIII в. на Задарские острова переселилось более 15 тыс. чел. из Боснии, где всегда были сильны родо-племенные отношения [13], после чего на островах заметно укрепляются большесемейные связи [14]. Поэтому в Далмации, где с одной стороны ощущалось воздействие скотоводческой округи [15], а с другой — влияние приморских островов, установить прямую взаимосвязь между средневековым и современным материалом удается далеко не всегда. В силу этого мы ограничиваем свою задачу изучением памятников XI—XVI вв.— древнехорватских грамот и монастырских картуляриев; городских нотариальных книг XIII—XIV вв.; коммунальных статутов и сельских судебников XIII—XVI вв.

* * *

Одной из форм родственной организации в источниках XI в. являются группы родных братьев. В картуляриях Супетарского (из-под Сплита) и Роговского (из-под Биограда Приморского) аббатств зафиксирована серия сделок, в которых братья совместно продают земли, выступая тем самым в качестве совладельцев [16]. Изредка братьев объединяет не только совладение, но и совместное ведение хозяйства. Таковы сыновья Вишена, продающие пашню вместе с лесом и каменистыми угодьями, т. е. по-видимому, весь крестьянский надел [17], или Вилкмир с Предой, уступающие общий двор (curtis) и получающие трудно поддающуюся разделу плату — коня [18].

---

[11] Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 133—144, 149, 152, 164—165, 172, 182, 195—196.

[12] Так, материал Дубровницкого статута 1272 г. и которских актов XIV в. послужил Ш. Кулишичу основанием для решения вопроса о сохранении института матрилокального брака (см. Š. Kulišić, Matrilokalni brak, стр. 52).

[13] Š. Kulišić, Matrilokalni brak i materinska filijacija u narodnim običajima Bosne Hercegovine i Dalmacije (dopuna), GZM, Etnologija, 1959, стр. 309.

[14] Автор, описавший с. Преко на о-ве Углян (против Задара), нашел там такую часть села, как «двор», носившую общее имя (Соричи, Нижичи и т. д.) и состоявшую из нескольких семей, среди которых часто встречались большие (J. M., Preko, Povjesne, geografske, folkloristične i kulturne crtice, Dubrovnik, 1924).

[15] О переселениях скотоводов-влахов и сохранении в их среде родо-племенных отношений см. «Симпозијум о средњовјековном катуну одржан 24. и 25. новембра 1961 г.» Сарајево, 1963.

[16] Это сыновья некоего Добрачи, сыновья Стефаницы, Семина с братом, братья Друган и Болан, Хроватин и Лютострах, сыновья Семидрага, Зовина с братом, пять братьев из Нина; см. «Documenta historiae croaticae periodum antiquum illustrantia», ed. F. Rački, Zagreb, 1877 (далее — Doc.), № 63*а—в*, стр. 173, № 71; «Supetarski kartular», ed. V. Novak et P. Skok, Zagreb, 1952 (далее — SK), № 9, 17, 20, 38. О том, что пятеро дарителей, по-видимому, составляли семейную общину, см. Е. А. Ефремов Земельные отношения и сельская община в Далматинской Хорватии в X—XI вв., «Уч. зап. Ин-та славяноведения», т. XXIV, 1962, стр. 298; Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 132. Это косвенно признает даже О. Мандич, вообще-то отрицающий существование семейных общин в Хорватии (O. Mandić, Bratstvo u ranosrednjovjekovnoj Hrvatskoj, стр. 258). О наличии в этом акте свидетельств существования «верви» см. М. М. Фрейденберг, «Вервь» в среднековой Хорватии, стр. 29—30.

[17] SK, № 82.

[18] SK, № 95; Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 132.

Круг родственников, совместно владеющих землей или ведущих общее хозяйство, нередко включает в себя двоюродных братьев, дядей с племянниками или лиц неопределенной степени родства — parentes, propinqui [19]. Так, жупан Петр Семивит вместе с сыном и группой propinquiores дарит задарскому монастырю св. Марии свою церковь в Обровце [20]. Платон, сын архипресвитера вместе со своим дядей по матери (suo avunculo) и еще одним кровным родственником (suo consanguineo) дарит участок земли монастырю св. Иоанна [21]. А вот уже совсем широкая группа — некий Bozza «со своими братьями и всеми родственниками» продает землю знатному сплитскому горожанину Петру Черному [22].

Таким образом, удается установить, во-первых, что в XI в. в районах Сплита и Биограда Приморского существовали родственные группы, объединенные реальным правом коллективной собственности на землю, и, во-вторых, что состав этих групп был достаточно узок — он не превышал трех поколений. Но являются ли эти родственные группы семейными общинами? Доказать это можно только в том случае, если бы удалось всякий раз обнаруживать в их среде признаки существования совместного хозяйства. Недаром Ю. В. Бромлей, исследовавший эту тему, ставит вопрос о том, какие признаки свидетельствуют в актах о его наличии [23]. Однако этих признаков в источниках раннего средневековья наредкость мало. В связи с этим возникает вопрос: насколько вообще правомерно отыскивать признаки существования коллективного хозяйства в наших источниках, т. е. в актах отчуждения земли? Ведь его можно обнаружить лишь в тех случаях, когда братья продают не просто участок земли, а единый хозяйственный комплекс, например, двор. А между тем в южнославянских землях в течение столетий существовала определенная хозяйственная тенденция — наследственную землю, «баштину», крестьяне старались не продавать, они держались за нее из последних сил, считая ее отчуждение делом недостойным и постыдным [24].

Стоит только учесть это важнейшее условие поземельной практики в далматинской деревне, как станет ясно, почему братья так редко отчуждают хозяйственные комплексы в целом: они входят в состав наследственного имущества. Поэтому нам кажется, что в силу особого характера раннесредневековых источников из Хорватии историк просто не может располагать уверенными свидетельствами о наличии коллективного хозяйства в семейных общинах и для доказательства существования этих общин приходится довольствоваться отмеченными выше данными о коллективной собственности родственников.

Несколько более подробные сведения о составе большой семьи и отношениях внутри ее сообщают акты XII в. Так, суд о-ва Раб в 1177 г. признал справедливым и двенадцать жителей подтвердили клятвами

---

[19] SK, № 32, 35, 52, 82; Doc., стр. 164. Труднее установить наличие большой семьи в тех случаях, когда дарителем или продавцом являются отец с сыном (SK, № 8, 23) и Ю. В. Бромлей прав, отказываясь признать за такими отношениями большесемейный характер (Указ. раб., стр. 148—149).

[20] Почти одновременно он дарит другому задарскому монастырю св. Кршевана землю в том же Обровце вместе с братом Славичей. Подробный анализ обоих актов см. Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 134—136.

[21] Doc., № 133, стр. 170. Сходный характер имеет акт из-под Трогира 1271 г., когда двое племянников вместе с их дядей совместно входят во владение виноградником (Trogirski spomenici, ed. M. Barada (далее — TS), Zagreb, I (1948), II (1950), III (1951), I, 181—182).

[22] SK, № 16.

[23] Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 132—133, 144.

[24] Полицкий статус, «Капитуи од бащинь»: «ча е стара бащина, ка е ошаста од првихь... да ние подобно, да ю камо страти ни обрати брезь велике неволе» (см. также М. О. Косвен, Указ. раб., стр. 56).

старый обычай, гласящий, что священник может стоять во главе семейной общины[25]. Такое решение оказалось необходимым потому, что долгое время оставалось неясным, кому должна подчиняться такая семья во главе с попом — князю острова или его епископу. Суд решил этот вопрос в пользу последнего, и самая возможность подобной тяжбы, потребовавшей апелляции к народным обычаям, свидетельствует о распространенности задруг, во главе которых стояли священники, а уж тем более о распространении большесемейных отношений.

Решение суда на о-ве Раб поднимает завесу и над внутренней структурой больших семей. Оказывается, священник-домачин вовсе не старший по возрасту; старшей здесь является мать-вдова, и обычай гласит, что мать вместе с остальными членами семьи должна быть подчинена сыну-клирику. Еще более определенно о домачине из числа братьев повествует акт дарения Крешена Брайи. Акт совершается Крешеном вместе с его младшим братом и другими близкими, для которых традент является главой (quibus ego caput sum)[26]. Характерно, что такому демократическому способу управления домашней общиной, когда во главе ее оказывается один из братьев, сопутствует и демократический порядок распоряжения имуществом: сделка совершается от имени всех членов семьи. Такой рисуется в источниках большая семья, родственный коллектив[27], связанный совместным хозяйством[28].

Ю. В. Бромлей был совершенно прав, определив большинство семейных общин XI в. как «фратриархальные» или братские семьи[29]. Можно сомневаться в степени распространенности подобных семей, но самый факт их существования уже в XI—XII вв. неоспорим, и так было не в одной Далмации.

Поземельная опись деревень из-под Пулы (южная Истрия) XII в.[30] неоднократно называет не только consortes, но и confratres, совместно уплачивающих ренту и даже специально записанных в особые податные графы. В них названы коллективы, состоящие из двоюродных братьев и

[25] «Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae», ed. T. Smičiklas (далее — SD), vol. II, Zagreb, 1904, стр. 151 (177—178).

[26] CD, II, стр. 165.

[27] Остается неясным, почему Е. А. Ефремов отказывается согласиться с мыслью о родственных связях, как одной из основ большесемейных отношений, считая ее измышлением буржуазных ученых («В вопросе происхождения задруги буржуазные исследователи придерживаются теории, по которой в основу задружных отношений принимаются родственные отношения, что вряд ли может быть принято как удовлетворительное объяснение...»). (Е. А. Ефремов. Указ. раб. стр. 306, прим. 148). Он ссылается в доказательство своего несогласия на то, что «задруги существовали вплоть до последнего времени», но ведь и в XX в. задруга не перестала быть родственным коллективом!

[28] Любопытный случай восстановления совместной собственности родственников сообщает акт 1457 г., недавно опубликованный С. Антоляком. Священник Петр Микулин Кршавич заключает со своей сестрой и ее мужем договор, предусматривающий объединение всего их имущества: «...как виноградника, так и лодки, и посуды, и одежды, ночной и дневной... и всей домашней утвари...» (Taco Tarsie, taco vasseli, taco badagn, taco suite nochne taco Vadagne, taco Isache massarie), и этим совместным имуществом объединившиеся родственники должны пользоваться в течение 10 лет (S. Antoljak, Miscellanea croatica et macedonica, «Годишен зборник на филозофскиот факултет на универзитетот во Скопје», кн. 14, 1962, стр. 89—92). Не приходится отрицать специфики этого акта: он касается только двоих — брата и сестры, оформлен на юридической, а на не обычноправовой основе, носит временный характер, но тем не менее в его основе, по нашему убеждению, лежит возврат к общему пользованию некогда разделенным большесемейным имуществом.

[29] Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 149. Нам непонятны в этой связи возражения С. А. Никитина, поставившего под сомнение как самую возможность существования «братской» семьи, так и наличие этих семей в Хорватии XI в. (см. С. А. Никитин, Рецензия на книгу Ю. В. Бромлея, «Советское славяноведение», 1965, № 5, стр. 73).

[30] C. de Franceschi, L'antica abbazia di S. Maria del Canneto in Pola e un suo registro cesuario del secolo XII, «Atti e memorie della Società istriana del archeologia e storia patria», vol 39, Pola, 1927, стр. 326.

племянников (cum suis consobrinis, cum suis nepotibus), причем в ряде случаев (15 из 346 тягловых единиц) эти коллективы платят повышенную ренту. В других случаях (их 20) семья из нескольких братьев вносит ничтожный чинш. Возможно, что в первом случае дает себя знать многочисленность плательщиков, но как бы то ни было, в этой описи из Истрии мы сталкиваемся с тем качеством семейной общины, которое обычно ускользает от нас в далматинских документах, — ее податным единством.

В югославской литературе существует мнение, что семейная община на далматинском побережье исчезает уже в XI в., разлагаясь под воздействием городской жизни[31]. Чтобы проверить правильность этой мысли, имеет смысл рассмотреть, в какой мере сохранились большесемейные отношения в самих городах, обратившись для этой цели к анализу положения, существующего в трех достаточно удаленных друг от друга центрах — в Задаре, Трогире и Дубровнике.

Семейное право в Задаре (по городскому статуту 1305 г.) не содержит никаких элементов большесемейных отношений[32]. Однако в окрестностях города и на островах в списках крестьян нередко встречаются семьи, состоящие из нескольких братьев[33]. Иное положение в Трогире в конце XIII в. Правда, и здесь преобладает малая семья и общим правилом является отделение взрослых сыновей от отцов[34], но тем не менее даже в городе, а также ближайшей округе сохраняется общая собственность дяди с племянником[35], чувствуется влияние славянского права[36], «многие живут с отцом»[37], т. е. сохраняются большесемейные коллективы. Чрезвычайно характерен порядок продажи земли, принятый в Трогире — здесь продавец получал не только деньги, но и кусок бесплодной земли где-нибудь вблизи города, знак того, что продажа земли рядилась в форму обмена[38]. По мнению исследователей, этот обычай был связан с необходимостью обойти право предпочтения, которым

---

[31] O. Mandić, Bratstvo u ranosrednjovjekovnoj Hrvatskoj, стр. 261—262.

[32] См. I. Beuc, Statut zadarske komune iz 1305 godine, «Vjesnik državnog arhiva u Rijeci» (далее — VDAR), II, 1954, стр. 584—603.

[33] «Spisi zadarskih bilježnika Henrika i Creste Tarallo, 1279—1308». Ed. M. Zjačić, Zadar, 1959 (далее Spisi), стр. 18, 24, 104, 116, 156, 187, 205; SD, III, 338, VII, 124, 125—126, 292; VIII, 364, 447; X, 1, 399, 504; XI, 197, 348. Особенно характерны упоминания большой группы братьев — четырех — пяти чел.: дело явно идет о большесемейном коллективе (см. Spisi, стр. 20; SD, VII, 300; IX, 273; X, 417). Характерно при этом, что такие группы братьев встречаются в индивидуальных сделках. В грамотах, носящих массовый характер (например, в случаях коллективного заключения арендных договоров целыми селами), они почти не встречаются или упоминаются порознь (см., например, списки 20, 12, 16, 19, наконец 60 домохозяев из сел Бресто, Лукоран, Брдо, Чередол CD, IV, 5—6; V, 407, 437, 457; VI, 219). Утверждение В. Новака, что в с. Бресто все крестьяне принадлежат «к одной или нескольким родственным задругам», ни на чем не основано (см. «Zadarski kartular», Zagreb, 1959, стр. 210).

[34] Несовершеннолетнего пастуха не привлекают к суду, а ждут, пока он войдет в возраст и отделится от отца (fuerit divisus a patre suo, TS, I, 208), то и другое совершается, по-видимому, одновременно. Акты отделения взрослых сыновей («эмансипации») настолько регулярны, что исследователи учитывают их статистически, пытаясь по ним воссоздать численность городского населения (M. Mirković, Ekonomski odnosi u Trogiru u XIII stoljeću, HZ, IV, 1951, тр. 35—36).

[35] TS, I, 6376.

[36] «По славянским обычаям сестра не должна иметь доли в наследстве» — это правило продолжает действовать в Трогире (TS, I, 500). Сохраняется также право предпочтения (TS, I, 331); A. Cvitanić, Neki elementi pravnog položaja žene u srednjovjekovnom Trogiru, «Zbornik radova pravnog fakulteta u Splitu», II, 1964, стр. 71—72.

[37] TS, III, 73, (1272).

[38] TS, I, 5, 81, 29, 92 et passim; CD, IV, 143; V, 139. Существование этого обычая отметил М. Костренчич (M. Kostrenčić, Bezujetije, «Mjesečnik hrvatskog pravničkog društva», XL, Zagreb, 1913, стр. 550—556).

пользовались родственники[39]. Таким образом, поземельная практика в городе сформировалась под воздействием необходимости все время учитывать права родственных коллективов. Наконец, картина распространения семейных общин в Дубровнике, которую рисуют статут 1272 г. и актовый материал, давно уже используется для доказательства славянского воздействия на жизнь города[40]. В Дубровнике, действительно, бытуют принятые в окрестных сербских и боснийских селах большесемейные порядки — несколько братьев живут вместе (in communitate aliorum fratrum), распространена совместная собственность родственников, отчетливо сформулирован принцип, на котором строится «братская» семья — pater sine voluntate filiorum suorum aliquid donare non possit. Ни в одном городском статуте из Далмации семейная община не охарактеризована с такой отчетливостью, как в дубровницком[41].

Таким образом, и в ближайшей к городу округе, а в отдельных случаях и в самих городах сохраняются устойчивые родственные коллективы. Следовательно, нет никаких оснований считать, что городская жизнь противопоказана большесемейным отношениям, таким образом, возникают дополнительные основания сомневаться в том, что семейная община распадается на побережье уже в ранний период существования городов, в XI веке.

* * *

Обратимся теперь к историческим корням той родственной группы, которая в современной литературе фигурирует обычно под названиями «братство» и «племя» (pleme). Путь к ее характеристике идет через анализ понятий propinqui, parentes[42]. Последние чаще всего обозначают, если не коллективных собственников[43], то, во всяком случае, носителей права контроля за отчуждением земли: их согласия спрашивают каждый раз, продавая или даря землю[44]. Видимо, для того, чтобы пресечь претензии родственников, сплитский приор Черный (Crne) оговаривает, что церковь Марии на Болоте, полученная им от своего отца и подаренная монастырю св. Стефана, изымается из наследования сородичей (non in consanquineorum hereditatem)[45]. Подобную оговорку делает и аббат сплитского монастыря св. Стефана Добро[46]. Монахиня Века жалуется на то, что после смерти мужа тесть лишил ее наследства, отдав его сыну, прижитому от какой-то женщины. Судя по тому, что эта женщина презрительно именуется Sclavuncula, сама Века и ее родичи являются лицами романского происхождения. Апеллируя к суду, Века ссылается на то, что ее тесть действовал под влиянием родственников

---

[39] Такую точку зрения выдвигает Г. Ф. Шмид (H. F. Schmid, Dalmatinische Stadbücher, «Zgodovinski časopis», VI—VII, Ljubljana, 1952—1953, стр. 346—348), возводя этот порядок к позднеримским временам. Более прав М. Хорват, видящий в нем проявление славянского обычного права (Рецензия на работу Г. Ф. Шмида в HZ, IX, 1956, стр. 199—200).

[40] См. об этом П. Манкен, Дубровачки патрцијат у XIV веку, Београд, 1960, стр. VIII—IX.

[41] «Liber statutorum civitatis Ragusii», ed. V. Bogišić et C. J. Jj reček, «Monumenta historico-juridica Slavorum Meridionalium», vol. IX. lib. IV, cap. 51—59; см. И. Манкен, Указ. раб., стр. 16—20.

[42] Подробный анализ свидетельств о parentes в актах XI в. см.: Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 147, 159.

[43] Иногда они, впрочем, выступают и в этой роли — судья Болеслав дарит церковь св. Мартина в Шумете от имени всех своих propinqui (CD, II, стр. 25).

[44] Дочь задарского приора Чика основывает монастырь св. Марии с согласия своих ближайших родственников (consanguineis propinqui), Doc., № 50, стр. 66; V. Novak, Zadarski kartular, Zagreb, 1959, стр. 17—39.

[45] Doc., № 44, стр. 61.

[46] Doc., № 120, стр. 121.

(verbis suorum deceptus propinquorum) [47]. Права родственников были иногда настолько значительны, что их приходилось учитывать в денежном выражении. Так, аббат Роговского монастыря, выкупая у короля землю состоятельной собственницы Варвары за 40 солидов [48], оказался вынужденным заплатить за нее родичам (parentibus) вдовы 15 сол. отступного [49]. Последние примеры исходят из Сплита, это дополняет наши представления о родственных коллективах в городах.

Но вот примеры существования таких коллективов на селе. Супетарский картулярий сообщает об ущербе, который нанес Петру Черному некий Людин и компенсацию за который взяли на себя родственники Людина — его parentes [50]. Оказывается, что, во-первых, в состав этих parentes входит несколько семей, возможно, даже больших: Ярослав и его брат, двое братьев, сыновей некого Казари, и еще несколько человек [51]. Во-вторых, их земли разбросаны по разным деревням — Белай (Belay), Рачник (Raccinico), Ясенове (in Jassenemo). В-третьих, и это самое важное, их всех объединяет общее право распоряжения землей. Оно проявлялось в том, что parentes распорядились отдать пострадавшему (Петру Черному) всю наследственную землю (totam hereditatem), в которой можно видеть либо «баштину» Людина, либо баштину всего коллектива родственников [52].

В первом случае эти права можно рассматривать как право своего рода верховной собственности родственной группы на землю отдельного ее члена, во втором — как собственность вполне реальную, цементирующую единство этой группы (последнее предположение нам кажется предпочтительным). Таким образом, parentes явно не ведут общего хозяйства, но обладают общими имущественными правами (правом контроля) на землю [53].

В Супетарском картулярии есть свидетельство о том, что какие-то «славяне Адрианичи» (Sclavi Adrianiki), а именно Продан с родственниками (cum parentibus suis) стали требовать от аббатства возврата земель местности Стубица. И снова здесь просматриваются широкие родственные связи, неотделимые от совместных прав на землю: Андрианичи добиваются спорных земель именно потому, что принадлежат к числу parentes (pro parentato suo), полагая, что это дает им право на наследственное владение (hereditario iure... possidere volebant) [54]. Родственная близость в среде parentes совмещается с понятием совладения: Миха из Стареча вместе со своими родственниками и совладельца-

---

[47] Любопытная подробность: Века тоже действует не вполне самостоятельно, однако не с опекуном, как пристало женщине по нормам римского права, а в окружении родственников, с которыми она является на суд (Doc., № 128, огр. 154) — свидетельство того, как глубоко проникли большесемейные отношения в жизнь романизированного населения Далмации. Об этом же см.: Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 155 и сл.

[48] О. Мандич полагает, что земля поступила королю в качестве выморочного имущества, по отношению к которому родственники не утратили права предпочтения (O. Mandić, Bratstvo u ranosrednjovjekovnoj Hrvatskoj, стр. 259).

[49] Doc., № 133, стр. 169, § 36.

[50] SK, № 91—93. Об этом казусе см.: O. Mandić, Bratstvo u ranosrednjovjekovnoj Hrvatskoj, стр. 258; Е. А. Ефремов, Указ. раб., стр. 308—309; Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 172—175.

[51] Ю. В. Бромлей безусловно прав, видя в составе parentes Людина людей по меньшей мере двух поколений (Ю. В. Бромлей, Указ. раб.).

[52] Первую точку зрения защищает Ю. В. Бромлей (Указ. раб., стр. 173, прим. 180, 174), вторую O. Mandić (Bratstvo, стр. 258) и Е. А. Ефремов (Указ. раб., стр. 308).

[53] Остается добавить еще, что Людин, входящий в состав этой родственной группы, не рядовой землевладелец: он владеет виллой, стадом свиней в 300 голов и использует труд рабов (SK, 91—92, 97).

[54] SK, № 97. Неясное упоминание о «parentatus» (de parentato communi) содержит один акт из Трогира (TS, III, 207—208).

ми (cum omnibus meis participibus) дарит землю около с. Врбица, которой все они владеют совместно (quod simul omnes nos habemus). Среди них находятся и менее крупные родственные группы, например, священник Лука «с братьями», Привич с двумя сыновьями, т. е. несколько больших семей[55]. Акты еще более позднего времени подтверждают наличие в составе parentes (или parentella) ряда лиц, не связанных между собой близким родством. Такова например, parentella Немовлащина в окрестностях Трогира, в составе которой упомянуты 8 человек, лишь между двумя из которых можно обнаружить родство (дядя с племянником)[56]. Дальнее родство не мешает членам parentell'ы располагать общей наследственной собственностью на землю (patrimonium), которую они совместно защищают перед трогирским судом[57]. Как развиваются родственные отношения между членами parentella, показывает еще один пример из трогирской округи. На вопрос городского землемера об их происхождении, крестьяне ответили, что некогда они принадлежали к parentella Незнащина, но со временем родство стало настолько далеким, что они стали заключать браки между собой[58]. Из этого свидетельства, которое еще не привлекало внимания исследователей, следует, во-первых, что parentella была экзогамным организмом и, во-вторых, что в родственных коллективах с каждым новым поколением происходил процесс расширения и постепенного удаления родства. Логически проследив этот процесс в обратном направлении, мы должны будем признать, что в основе происхождения групп parentes (parentella) лежал сравнительно узкий родственный коллектив — семейная община. Наблюдения над характером родственных коллективов в судебниках XIII—XVI вв. подтверждают эту мысль.

Винодольский закон (1288 г.) устанавливает существование «ближиков», выступающих в той традиционной роли, которая свойственна коллективу сородичей в любом раннефеодальном обществе: они получают половину виры («вражды») за убитого (ст. 29) и платят половину виры (ст. 31)[59]. В их состав входят все родственники общинника, за исключением нисходящего звена, наследников; таким образом, категория «ближиков» в Винодоле оказывается широкой родственной группой (от родных братьев до самых дальных родственников). Она, несомненно, сход-

[55] CD, II стр. 290 (1198). Павел, сын Любе дарит землю монастырю Козьмы и Дамиана вместе со своим племянником Дешей и всеми его «совладельцами» (cum omnibus meis participibus). На наш взгляд, далматинским participes аналогичны consortes из южной Истрии (из-под Пулы) XII в. (см. C. de Fraceschi, Указ. раб.).

[56] Стоян Дайбоге (Дайбоже); его племянник Стояне, сын Будены; Стайне — племянник Ретибора; Марин Матвеев; Станче, племянник Домолюта, Иван, сын Содии Гричан, сын Спаррупти; Богдана, дочь Сфенари (TS, I, 413). Отметим, что почти у половины обозначены не родители, а дядья, эта система родства и упоминается в первую очередь. Не доказывает ли это существование пережитков аванкулата? см. Š. Kulišić, O problemu avunkulata, «Pregled», Sarajevo, 1960, стр. 227—231; его же, Tragovi rodovske organizacije, стр. 27—29; Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 164.

[57] Вот еще один пример наследственной собственности, возможно, находящейся в распоряжении семейной общины. Двоюродные братья, сыновья Богдана и Корама, из дер. Смина защищают землю, доставшуюся им от предков (a suis predecessoribus eis dimissas... hereditario nomine). Характерно, что вместе с братьями упомянуты и их племянники, сыновья их двоюродного брата (TS, I, 46). Если это и семейная община, то достаточно широкого состава.

[58] M. Horvat, Das Trogier «Zavod» — Buch vom Jahre 1326, «Studien zur ältesten Geschichte Osteuropas», Bd. I, Graz — Köln, 1956, стр. 48.

[59] Архаику в положении «ближиков» в свое время отметил и М. Костренчич, он назвал этот порядок распределения «вражды» родоплеменным (M. Kostrenčić, Vinodolski zakon, «Rad», knj. 227, 1923, стр. 201). Н. Клаич отвергает представление об архаике статей 29 и 31 Винодольского закона (N. Klaić, Pitanje društvenog uređenja kvarnerskih općina u novijoj literaturi, «Zgodovinski časopic», letnik XII—XIII, Ljubljana 1959, стр. 48—49). Замечания о «ближиках» см. у В. Чубриловић, Терминологија племенског друштва у Црној Гори, «Посебна издања САН», Београд, 1959, стр. 33.

на с «парентеллой», в этом нас убеждает порядок, принятый на о-ве Брач. Здесь вира (также именуемая «враждой») делится в соотношении: 1/3 — князю острова, 1/3 — вдове и наследникам, 1/3 — parentell'e [60]. В сходном качестве выступают «ближики» в Врбанском судебнике, здесь из их числа выбираются соприсяжники [61]. Более четко подразделяет родственников Полицкий статут: он сообщает о «братьях ближних и дальних» и «ближиках», одинаково входящих в состав большой семьи, располагающих равными имущественными правами при ее разделе. Нам кажется, что можно выделить три категории родственников («братьев») из числа упомянутых в Полицком статуте: 1) «ближние», «присные» (ст. 33, 36*а*) — сравнительно узкий круг родственников; 2) «не прем присные» (ст. 36*b*) — не родные братья; 3) «дальние», «вервные» (ст. 33, 36*с*, 62) — возможно, входящие в состав «не прем присных». И те и другие и третьи, хоть и не в одинаковой мере, являются сонаследниками, располагая правом на землю в наследственной пашне — «племенщине» [62]. (Ср. «Если бы кто убил «ближнего» или «вервного», чтобы получить племенщину, которая ему причиталась бы по праву наследования...» — ст. 36*с*). Для широкого круга родственников эти права на землю выражаются не столько в наследовании племенщины, сколько в праве предпочтительной покупки (праве «првокупа», как принято писать в югославской литературе), и выкупа земли [63]. Так, родственники и только родственники обладают в Полице правом предпочтения. «Если кто-либо из «ближних» хочет выкупить, пусть выступит...» (ст. 51*а*), «...Если есть «ближний», он волен выкупить [уже проданную землю] в течение года» (ст. 51*в*), «Если найдается «ближний», который ближе того, кто уже выкупил землю... имеет право выкупить ее у купившего» (ст. 51*с*). Родственник имеет право не только на предпочтительную покупку, но и на предпочтительный обмен земли (ст. 52*в*) [64]. Таким образом, Полицкий статут чутко улавливает ступень родственных связей, выстраивая «ближних» по нисходящей лестнице имущественных прав. В нем выступают новые — по

---

[60] TS, I, 475 (1273).

[61] Мы сознательно ограничиваемся в предстоящем изложении лишь несколькими замечаниями по вопросу о верви в Полицком статуте, столь обстоятельно рассмотренном М. О. Косвеном (Указ. раб., гл. IV «Вервь Русской Правды и Полицкого статута», стр. 133—167). Нас будут интересовать главным образом другие категории родственников. Попутно отметим, что знакомство с новейшей югославской этнографической литературой, где термин «род» употребляется для обозначения не родственной группы, а системы родства (см., например, N. F. Pavković, Društvene i običajno-pravni ustanove (u Umljanima), (GZM, Etnologija, 1962, стр. 121) укрепляют нас в мнении, что понятие «вервь» обозначало связь, порожденную разделом семейной общины, патронимический же коллектив, возникший в результате этого раздела, следовало бы называть «вервными братьями».

[62] См. также ст. 62, где «братия ближняя или дальняя или вервная» в одинаковой мере выступают в качестве претендентов на племенщину, или ст. 80 *а*, в которой «вервные братья» являются совладельцами-дольщиками («дионикамн») земли.

[63] Мы отвергаем толкование этого права как «универсального правового института», порожденного тем, что земля была главным источником материальных благ (см. I. Milić, Porijeklo prava bližike na prvokup i otkup nekretnina, HZ, V, стр. 308); того же мнения, что и И. Милич, держится Н. Клаич в «Нови радови», стр. 338—339 и рецензии на нашу работу о «верви»—«Jugoslavenski istorijski časopis», Beograd, 1962. стр. 104. О праве выкупа в раннесредневековой Хорватии см. Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 168—172 (в частности, интересные наблюдения над фактом выкупа, совершенного Петром Черным).

[64] Очевидно, это же право выкупа имеет в виду 6-й капитул Врбанского закона, где сказано, что «выкуп может совершить каждый... вначале мужчины, а затем женщины». Заслуживают внимания еще и сведения Трсатского судебника 1640 г. о том, что «землю, о которой не сделано объявления, всегда можно выкупить...» (Trsat. St. § 50, MHJSM, IV, 1890) и «чтобы выкупить землю по объявлению, всегда первым является местный житель» (Trsat. St. § 51).

сравнению с Винодольским законом — черты родственных коллективов. Во-первых, в составе широкой родственной группы («братьев», «ближних»), намечаются четкие градации; во-вторых, удается внутри этой группы выделить коллектив, ведущий совместное хозяйство и, естественно, располагающий правом коллективной собственности на землю. Это, как правило, большая семья, задруга, влючающая в свой состав братьев «ближних» и «дальних», но не вервных. В-третьих, родственники, даже стоящие на разных ступенях родственной лестницы — «ближние» («присные»), «дальние» («не прем присные») и «вервные», и не ведущие совместного хозяйства, тем не менее располагают правом общего контроля над родственным имуществом (сонаследование, предпочтительная покупка, выкуп, обязательное согласие на отчуждение земли) [65].

Новиградский сборник рисует значительно более сузившийся родственный коллектив, это семейная община всего из трех поколений [66]. Тем не менее и здесь действует право предпочтения: «Человек, который имеет виноградник на чужой земле и продает его, должен прежде всего спросить хозяина... или его близкого родственника...» (Novigr. Zb. 21). Других категорий родственников, которые могут претендовать на землю, здесь нет. Это сужение круга родственников, пользующихся правом предпочтительной покупки, служит показателем сравнительной узости большой семьи.

Рассмотрение материала судебников XIII—XVI вв., относящегося к области родственных отношений, позволяет судить о том, что в Далмации в это время сохраняется семейная община (пусть даже сравнительно узкого состава) в качестве признанного института народной жизни. Более того, именно эта община оказывается ядром родственных групп, располагающихся вокруг нее своего рода концентрическими кругами («братья не прем присные», «братья вервные»). «Ближики», parentes, parentellae, «вервные братья» — все эти термины оказываются обозначением одних и тех же коллективов, известных в более позднее время под названием «братство» [67] и являющихся не чем иным, как средневековыми патронимиями.

Их происхождение, как всякой патронимии, связано с распадом семейной общины, их скрепляют такие совместные имущественные права, как сонаследование, право предпочтительной покупки и выкупа имущества, обязательное согласие на отчуждение земли и общее имя. Остается выяснить еще степень территориального единства членов братства.

В этой связи придется вспомнить дискуссию о «двенадцати племенах», недавно прошедшую в хорватской исторической литературе [68]. И в ходе этой дискуссии, и в предшествующих работах хорватские исследователи отмечали соотношение между родственным коллективом («братством») и территориальной общиной [69]. Для нас особенно важно отмеченное исследователями отсутствие определенной территории патронимии («племени», «братства») [70]. Ю. В. Бромлей отметил, что в окрестностях Задара представители отдельных «племен» были перемешаны друг с другом и с населением, жившим вне рамок «племенной» организации [71]. В полемике

---

[65] Именно эти архаические правовые институты — право предпочтительной покупки, право родового выкупа и необходимое наследование называет М. О. Косвен в качестве важнейших черт полицкой верви (Указ. раб., стр. 142).

[66] М. М. Фрейденберг, «Новиградский сборник», стр. 47.

[67] См. J. Вукмановић, Паштровићи, гл. VI, XII.

[68] См. прим. 5 настоящей статьи.

[69] O. Mandić, Bratstvo, стр. 274.

[70] Н. Клаич отмечает, что в XIV в. «племена» не представляли замкнутого территориального целого (N. Klaić, Tzv. «pacta conventa», стр. 113).

[71] Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 189—193.

с Б. Д. Грековым М. О. Косвен развил мысль о том, что вервь не совпадает с сельской общиной, а является только частью села, и обосновал в теоретическом плане возможность существования территориально разбросанных патронимий[72]. Эти мнения можно дополнить еще одним соображением. Наблюдения над характером общинной собственности на леса, луга, выпасы подводят к твердому убеждению в том, что это право в XIII—XVI вв. находится в руках соседских общин. Именно эти общины в Полице и Новиграде, на острове Крк и на северных берегах Кварнерского залива (в районе Кастава) пытаются остановить переход общинных лесов и выгонов в индивидуальную собственность и путем запретов сохранить их в общинной собственности[73]. Патронимии же в это время не располагают собственной общинной землей. Поэтому, если они и являются территориальными общинами[74], то эта территориальная связь — особого свойства, она сводится к обладанию лишь одним видом территории — наделом, «племенщиной». Контроля (или совместного пользования или коллективной собственности) над общинными угодьями здесь нет, и это зачастую объясняется тем, что в общинах-патронимиях нет и соседства. Домохозяйства, входящие в состав этих патронимических общин, не обязательно располагались рядом друг с другом, они могли быть рассеяны по разным деревням (существовали и другие варианты), будучи вкраплены в состав различных соседних общин. Если соседские общины, общины-марки, которые мы будем считать первым типом общинной организации в хорватской деревне, имеют в своей основе компактные земельные массивы, то общины второго типа, общины-патронимии являются как бы сетью, накинутой на общины-марки. Общины-патронимии, которые мы выделяем в особый тип общинной организации в средневековой Хорватии, существуют таким образом самостоятельно, не совпадая с соседскими общинами, а сосуществуя и переплетаясь с ними.

SUMMARY

The written sources of the early medieval history of Croatia testify to the fact of the existence of kin groups including lineal and collateral brothers as well as more distant relatives. Although some documents lack evidences of the common economic activities of such relatives, there are traits of household communities existing chiefly in «phratriarchal» form. Household communities and kin groups holding rights on land are met with not only in the countryside but in towns too, thus reflecting the fact that urban conditions are not incompatible with large family system. Such kin collectives, especially phratries (parentes) can be defined as patronymic groups originating in the segmentation and disintegration of large family. Common property rights (such as coinheritance, preemption and redemption of property, obligatory consent to the alienation of land etc.) and common patronymics are different aspects of the unity of such a group. Phratries, however, had as a rule no common land because incorporated households could be dispersed in different villages. Thus patronymic groups as a definite system coexisted with rural (neighbour) community but didn't merge with it.

---

[72] М. О. Косвен, Указ. раб., стр. 106, 156.

[73] Полицкий статут (Б. Д. Греков, Полица, М., 1951, ст. 56*a*, 59*a*, *b*, *c*); Врбанский (MHJSM, IV, 1890, стр. 143—173, стр. 33, 160, 161); Каставский (MHJSM, IV, стр. 181—207, § 40, 44, 45); Вепринацкий (там же, § 27, 32); Мощеницкий (Mošćenički statut, ed. K. Kadlec, Praha, 1914, § 40); Новиградский сборник (M. Barada, Starohrvatska seoska zajednica, Zagreb, 1957 — см. выше Novigr. Zb.— стр. 147—177 — § 16 *a*, 51—53, 56 *a*). См. также O. Mandić, Slobodni seljaci Kastavske gospoštiji, «Riječka revija», Rijeka, 1953, 1—2, стр. 35 и сл.; N. Klaić, Pitanje društvenog uredenja, стр. 242—254; O. Mandić, Kmetovi u općinama oko Kvarnera od XIII qe kraja XVII stoljeća, «Zbornik Historijskog instituta JAZU», sv. 5, 1964, стр. 153—206.

[74] М. О. Косвен, Указ раб., стр. 106.

Дискуссии и обсуждения

Г. Г. Громов, Ю. Ф. Новиков

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ АГРОЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

На аграрном симпозиуме VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук обсуждались вопросы методики изучения аграрной этнографии. Большинство участников симпозиума концентрировали свое внимание на выработке общих принципов для этнографов и других специалистов по истории земледелия в области описания основных земледельческих процессов и техники, терминологии, библиографии и т. п. Советские этнографы обратили внимание симпозиума на то, что вопросы методики изучения аграрной этнографии должны рассматриваться не сами по себе, а как производное от тех принципов, на основе которых изучается эта область народной культуры, что прежде чем разрабатывать унифицированные методические правила необходимо установить общий подход к пониманию основных процессов в истории земледелия. А такого общего подхода, общих принципов у этнографов-аграрников пока еще нет. Используя большое количество формально-типологических данных об орудиях пахоты и других особенностях земледелия, составляются карты их распространения, схемы исторического развития или генеалогии, на основе которых делаются иногда весьма значительные выводы этнокультурного, этногенетического порядка, выводы о развитии культуры земледелия.

Если иметь в виду, что основой всех мировых цивилизаций было земледелие, то нетрудно представить себе, какое значение имеет не только для этнографии, но и для истории человечества вообще правильное понимание процессов развития земледелия, закономерностей развития земледельческой техники. Последние изучаются в значительной мере по этнографическим данным.

История земледелия материалами освещена неравномерно. Данные о технологии земледелия, приемах и навыках — крайне фрагментарны по периодам ранее XIX в. Земледельческие орудия известны в основном по археологическим, графическим и этнографическим материалам. Совокупность этих сведений этнографами изучается в двух направлениях: а) для характеристики хозяйственного быта этнографических общностей и групп и б) для этнической или этнокультурной характеристики ареалов распространения видов, типов этой техники или отдельных особенностей.

Первый аспект требует от исследователя специальных агротехнических знаний, глубокого понимания исторических условий. Многие явления хозяйственного быта без тщательного технического анализа кажутся сложными, противоречивыми. Так, бесспорная конструктивная примитивность мотыги по сравнению с орудиями плужного типа уживалась (и уживается до сих пор) с весьма развитыми системами земледелия (например, в Китае с высоко развитой технологией возделывания растений). Видимо, из-за подобных трудностей историки и этнографы уделяют большее внимание второму аспекту и изучают конструктивное своеобразие орудий земледелия, ареалы распространения этих своеобразных черт и, связанные с этим, проблемы культурных взаимовлияний, миграций этнических групп и т. д. и т. п. Особенно сильно это проявляется в зарубежных агроэтнографических исследованиях[1], хотя и советские авторы не всегда избегают проторенных дорог формально-типологических классификаций и упрощенных схем истории развития земледельческой техники[2]. В подобных работах орудия земледельческого производства ставятся в один ряд с типом бытующей в данной этнической области керамики, с характером орнаментов на одежде, с такими явлениями как обрядность, фольклор и пр.[3] Некоторые исследователи, чувствуя шаткость своих позиций, пытаются выделить в конструкции какого-либо орудия или сельскохозяйственной, бытовой постройки некоторые функциональные и нефункциональные части. Первые объявляются вполне рациональными, зависимыми от условий употребления, вторые же «неважными», «несущественными» для выполнения основного назначения, а следовательно, не рациональными, носителями «чисто этнических» особенностей. Ярким примером подобных исследований могут служить работы Бр. Братанича, который считает рабочие органы плуга (лемех, нож, отвал) функциональными, зависимыми от почвенно-климатических условий применения, а остов («скелет») плуга — нефункциональной его частью, не зависимой от этих условий. Ниже мы попытаемся доказать ошибочность такой точки зрения на технику земледелия.

Для определения основных принципов изучения техники земледелия необходимо прежде всего установить структуру техники, характер изменения этой структуры, взаимосвязь развития техники с условиями ее использования.

Под «техникой» чаще всего подразумевают два различных понятия — собственно технику (или технические средства — совокупность орудий труда определенной степени совершенства, трудовых приемов и навыков) и технологию[4] (последовательность использования орудий,

---

[1] Основоположником этого направления в агроэтнографических исследованиях можно считать Р. Браунгарта (см. R. Braungart. Urheimat der Landwirtschaft aller indogermanischen Völker, Heidelberg, 1912). Из более поздних работ назовем исследования: Br. Bratanič, A. Note on the typology of ploughing implements, «Des Actes du VI-Congres International des Sciences Anthropologiques et Ethnografiques», Paris, 1960; его же. Orače sprave u Hrvata, Zagreb, 1939. См. также: F. Sach, Soustava orader starého světa, Praha, 1963.

[2] Н. Н. Чебоксаров, Основные итоги работ Прибалтийской археологической экспедиции 1954 г. АН СССР, «Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук, пленуме ИИМК и сессии Ученого Совета Ин-та этнографии», М., 1955; В. Г. Кагаров, Исторические наслоения в земледельческой технике Испании, «Сов. этнография», 1938, № 1; Г. Читая, Земледельческие системы и пахотные орудия Грузии, «Вопросы этнографии Кавказа», Тбилиси, 1952; (см. также его статью в Изв. АН Груз. ССР, 3—4, 1941); J. Leinesare, Zemkopiba un zemkopibas darba riku, Latvija, Riga, 1962.

[3] П. И. Кушнер, Этнические территории и этнические границы, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. 15, М., 1951.

[4] В исторической литературе чаще употребляется выражение «система земледелия» для обозначения технологии земледелия.

приемов и навыков с целью заданного изменения свойств предмета труда). В земледелии различные системы обработки почвы — суть разные технологии, в рамках которых последовательно используются элементы техники: плуги, бороны, культиваторы и т. п. Каждый из видов технологии возделывания земли соответствует конкретной системе земледелия. Она включает в себя несколько частных систем (технологий): обработки почвы, ухода за растениями, уборки и пр. Так, для подсечного земледелия характерно: отсутствие какой-либо системы почвообработки на первом году пользования освоенным участком и технология мелкого бороздования земли в последующие годы, разбросный сев с заволакиванием семян специфичными боронящими орудиями. Степной залежной системе, существовавшей одновременно с подсечной, свойственно: плужное освоение целины путем мелкой вспашки широкими, полностью оборачиваемыми пластами, технология «пластовых посевов». Каждой из этих систем присущи также и совершенно специфичные технологии уборочных работ, отличающиеся и набором орудий (разные по конструкции косы и серпы) и составлением снопов в шатры, размещение последних на поле, сроками уборки и т. п.

Таким образом, уже на этом примере видно, что технические средства, применяемые в рамках разных технологий, взаимосвязаны с последними, а поэтому и различны. В частности, это относится к конструкции земледельческих орудий: соха-цапулька и сабан не схожи не потому, что употреблялись разными этническими группировками, а потому, что выполняли совершенно различные технологические функции.

Обратимся теперь к изучению связей земледельческой технологии и техники с такими факторами как социально-экономические, почвенно-климатические и другие. Рассмотрим, в частности, влияние этих факторов на систему обработки почвы.

1. Конструкция земледельческих орудий. Земледельческие орудия используются всегда в рамках вполне определенной технологии почвообработки, которая в свою очередь зависит от конкретных географических и иных местных условий. Так, степное залежное земледелие, основывавшееся на постоянной распашке целины, не могло развиться на базе использования орудий сошного типа. В связи с этим переселенцы из центральной России в процессе освоения степей южной Сибири вынуждены были в свое время отказаться от привезенной сюда «традиционной» сошной техники и соответствующих навыков земледелия, видоизменить свои орудия, приведя их к типу степного плуга[5]. Однажды возникнув в рамках определенной системы обработки почвы, почвообрабатывающие орудия продолжали развиваться только в пределах этой системы. Но развитие технических средств позволило в свою очередь создать техническую базу, возможность перехода от старой технологии к новой, более прогрессивной. Так, например, украинский плуг в течение первой половины XIX в. успешно противостоял попыткам замены его «просвещенными» помещиками лучшими образцами заводских плугов отечественного и зарубежного производства[6]. Лишь после того, как И. Ген в середине прошлого века разработал на базе местного плуга первые образцы своих «степных» плугов, последние потеснили

---

[5] Ю. Ф. Новиков, О некоторых закономерностях развития техники обработки почвы в России, «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР», сб. 5, 1962.

[6] М. В. Неручев, Несколько дней в степи, «Русское сельское хозяйство», 1873, 4.

старую технику. Но вот что характерно: с появлением новых образцов плугов отходит в прошлое и экстенсивная залежная система земледелия, плуг Гена уже не оборачивает полностью широкие тонкие ленты степной дернины, обеспечивая тем самым возможность посевов «по пласту», а производит главным образом «взмёт». Уходит в прошлое старая технология, уменьшаются неосвоенные целинные районы. Развитие капиталистического товарного производства в сельском хозяйстве требует перехода к более интенсивным паровым «вольным», кое-где пропашным системам земледелия. Появляется настоятельная потребность в новых конструкциях орудий. Последние развиваются вначале, как мы видели, в рамках старой технологии. Доказательством этому служит вся история развития русского плугостроения, сохранявшая принцип преемственности техники в течение 150 лет.

Таким образом, развитие техники и технологии взаимосвязано и носит диалектический характер внутренних противоречий между формой (технологией) и содержанием (техникой). При рассмотрении этого развития отчетливо прослеживается влияние факторов социально-экономического прогресса.

2. Социально-экономические условия. Один из примеров влияния социально-экономических условий на систему обработки почвы был приведен выше. Зерновое производство на юге России и Украины, развивавшееся в XIX в. на капиталистической основе, не могло мириться с залежной системой земледелия не потому, что оставалось мало нераспаханных целинных земель, а потому, что оно, во-первых, требовало концентрации производства зерна в определенных, удобных для вывоза областях и, во-вторых, стабильности средних урожаев. Второе требует некоторого пояснения. Известно, что урожайность южных черноземов непрерывно понижается в условиях залежного земледелия в связи с постоянным расширением запашек и с постепенным истощением полей. С другой стороны, такой вид земледелия особенно зависим от погодно-климатических условий. Чтобы изменить существовавшее положение вещей, нужно было отказаться от старой системы и перейти к новой, основывавшейся на более рациональном использовании плодородного чернозема. Следовало глубже пахать, тщательнее культивировать почву, так как это позволяет запасать почвенную влагу в условиях сухого климата и по крайней мере отодвинуть сроки истощения земли. Тем самым, отказавшись от огромных урожаев в первые годы использования целины, получали возможность иметь стабильные средние урожаи ежегодно.

Второй пример. Как и на юге, процесс введения новых участков в полевой оборот в северной лесной зоне требует наибольших одновременных затрат труда крестьян, так как вырубка и расчистка лесного участка поглощает не меньше, если не больше усилий, чем взмет целины (впрочем, здесь не так четко сказывается зависимость от средств и орудий земледельческого производства: ведь эта работа производится вручную топором и косарем). Но именно потребность в больших трудовых затратах (наряду с другими причинами) поддерживала как длительное существование большесемейных коллективов, так и бытование различных форм супряги, «складничества» и т. п. форм общинной взаимопомощи и кооперации.

Если внимательно приглядеться к производственной основе этих явлений, то можно с уверенностью сказать, что она была далеко не последней причиной длительного сохранения общинного устройства у восточных славян и других народов Европы. Создавалась весьма своеобразная система одновременного существования и общинных начал,

и индивидуальных (семейных), так как крупные коллективы необходимы были лишь для постоянного процесса введения новых земель в оборот, в то время как старопахотные участки могли обрабатываться и силами малой семьи. Несомненно, что с ростом удельного веса старопахотной земли, полевых участков по сравнению со всеми формами перелога (лесного, степного и подсеки), тенденция к делению большесемейных коллективов должна была возрастать, так как появлялась возможность обходиться силами малой семьи при обработке поля.

Известно, тем не менее, что общинное землевладение, несмотря на постепенное разложение, сохранялось в России вплоть до конца XIX—начала XX в. Русская агрономическая литература этого времени уделяет много внимания вопросу о необходимости разрушения этой системы именно потому, что она мешала переходу к более интенсивным способам земледелия[7]. В самом деле, общинная система предусматривала периодические переделы земли, чересполосицу, принудительный трехпольный севооборот и использование скошенного хлебного поля под общинный выгон («толоку») для скота. К каким же последствиям для технологии обработки почвы это приводило?

Прежде всего узкие длинные наделы не позволяли производить отвальную вспашку «в свал» или «в развал»[8], так как в этом случае поле приобретало желобообразный или выпуклый профиль, что нарушало водный режим почвы и приводило к дополнительным потерям полезной площади, и так очень большим из-за частых меж. Таким образом, следовало производить «гладкую вспашку» (в настоящее время такая вспашка там, где этого требуют почвенно-климатические условия, осуществляется оборотными плугами, позволяющими отваливать пласт попеременно то вправо, то влево)[9]. В прошлом эта же операция выполнялась сохой с перекладной полицей.

Естественно также, что бедность крестьян — малые размеры их наделов, наличие обычно лишь одной слабосильной лошади на хозяйство — не позволяли иметь крестьянину много специализированных почвообрабатывающих орудий. Если не считать примитивных деревянных борон, служивших главным образом для заделывания семян в почву, то поля обрабатывались только сохой, которая по социальной необходимости должна была стать и стала почти универсальным орудием. Тщательное агротехническое изучение этого примитивного на первый взгляд орудия наших предков, поражает целесообразностью всех ее деталей и конструкции в целом, доведенной до высокой степени совершенства[10]. Неслучайно в среде русских агрономов нередко раздавались призывы тщательно изучить это своеобразное орудие, взять на вооружение научной агрономии наиболее полезные принципы его конструкции[11]. Кстати говоря, что касается русского плугостроения, то оно очень много заимствовало из народного опыта, и это обеспечило ему такой успех, что к началу XX в. известный русский инженер В. В. Черняев по праву мог назвать его «торжеством русского сельскохозяйствен-

---

[7] П. Д. Копылов, Община и техника сельского хозяйства, «Вестник сельского хозяйства», 1909, № 17.

[8] К. Шиндлер, Земледельческие орудия и машины, II. Плуги, М., 1898.

[9] М. С. Аберков, Эффективность применения оборотных плугов, «Изв. Тимирязевской сельско-хозяйственной академии», 1960, вып. 6.

[10] Ю. Ф. Новиков, Из истории пахотных орудий в России, «Вестник истории мировой культуры», 1961, № 1.

[11] С. Делиникайтис, Крестьянские пахотные орудия, косули и плуги, «Сельское хозяйство и лесоводство», 1916, № 3.

ного машиностроения»[12]. Но в данном случае мы имеем уже дело с непосредственным влиянием социально-экономических условий жизни народа на конструкцию орудий производства, а не опосредствованным, которое проявляется через технологию.

Рассматривая влияние общественно-экономических отношений на характер технологии почвообработки и систем земледелия, следует упомянуть и о таком факторе, как рынок сбыта. При нетоварном, натуральном производстве отсутствовали условия для полевого массового производства незерновых культур. Напротив, развивающийся капитализм создал повышенный спрос на различные пропашные, эфиро-масличные культуры. Между тем, как сама система земледелия, так и технология обработки почвы очень существенно зависят от характера возделываемых растений.

3. Возделываемые культуры. Интродукция растений. На зависимость между культурами и способами обработки земли до сих пор в этнографической литературе обращали явно недостаточно внимания. Между тем, разные растения требуют и различных способов обработки земли, требуют и специальных наборов орудий труда для такой обработки.

Даже при беглом рассмотрении карты распространения культур в земледельческих районах земного шара нетрудно заметить соответствие между распространением плужного земледелия и такими зерновыми культурами как рожь, пшеница, ячмень, овес и т. п. В зонах же так называемого тропического земледелия длительное бытование мотыжных орудий труда будет четко соответствовать распространению таких «огородных» или пропашных культур, как ямс, таро, батат и др. С появлением европейцев в Центральной и Южной Америке сложилась смешанная система, когда предпосевная обработка полей под кукурузу производилась «плужным» методом, а дальнейший уход за растениями — с помощью мотыги.

Очень интересно проследить влияние интродукции новых растений на развитие новых методов и систем обработки почвы. По этому поводу А. В. Советов писал: «Стоит появиться какому-нибудь новому в полеводстве растению, если оно только не хлебное, трехпольная заветная система кончает свое существование»[13].

В конце XVIII в. видное место в полеводстве Европы начинают занимать новые культуры и прежде всего картофель и кукуруза. Заимствуя эти растения из Америки, европейцы должны были одновременно заимствовать у американских индейцев и довольно непривычные для них методы их возделывания. Обе эти культуры требовали значительно большей глубины обработки почвы, чем для злаковых культур, более тщательного разрыхления почвы, нескольких культиваций в процессе роста, окучивания, прополки и пр. Развитие товарного капиталистического производства в сельском хозяйстве, развитие крахмало-паточного производства привели довольно быстро к тому, что эти первоначально огородные растения вышли в поле. Здесь, однако, мотыжной техникой обойтись было уже невозможно, следовало разработать новые приемы, целые комплексы новых орудий специализированного типа (плуги, экстирпаторы, культиваторы, окучники, бороны, катки). Необходимость при данной системе почвообработки производить многократные и разнообразные технологические операции привела таким образом к специа-

---

[12] «Земледельческая газета», 1902, № 51, стр. 806.
[13] А. В. Советов, Избр. соч., М., 1950, стр. 161.

лизации орудий, это же последнее не могло не отразиться на их конструкции.

Очень существенное влияние на создание новых типов плугов оказало расширение производства сахарной свеклы в начале XIX в. в Центральной и Восточной Европе, а также подсолнечника (на Украине). Быстрое увеличение площадей под этими растениями в то время объяснялось изобретением методов промышленной переработки свеклы на сахар и семян подсолнечника — на масло. Агротехника возделывания этих культур требует также увеличения глубины вспашки. Ближайшим следствием развития свекловодства и расширения посевных площадей под другими пропашными культурами в этих районах оказалась разработка так называемого культурного плуга, предком которого было чешское рухадло [14].

4. Естественно-географические условия. Под естественно-географическими условиями мы понимаем совокупность ландшафта, почвы и климата. Определяющим фактором здесь является климат, под воздействием которого формируются ландшафт и почва. Следует, однако, сказать, что последние оказывают определенное обратное влияние на климатические условия. В то же время географический фактор нельзя рассматривать вне связи с хозяйственной деятельностью человека. Так, благодаря ей обширные пространства лесов, покрывавшие когда-то большую часть Европы, были уничтожены, что не могло не оказать воздействия на климат, почву, а через них — вновь на тип земледельческого хозяйства с его технологией и техническими средствами обработки земли. Как свидетельствуют археологические данные, первой системой земледелия в неолитической Европе являлась подсека [15]. Однако уже в эпоху средних веков на той же территории преобладают паровые системы и используются отвальные плуги.

Факт огромного влияния естественно-географических условий на выбор системы земледелия и обработки почвы несомненен и не вызывает серьезных возражений даже у наиболее формально настроенных зарубежных этнографов. Сопоставление границ природно-климатических зон с очертаниями районов распространения тех или иных систем ведения земледелия убеждает нас в их полном совпадении. Подсечная система не могла развиться в степных зонах, при относительно засушливом климате. Для этих зон первоначальной системой земледелия должна была стать залежная система. Естественно удабриваемые периодическими разливами рек долины Нила, Тигра и Ефрата, Хуанхэ, Янцзы, Инда, Ганга и др., а также некоторые предгорные области (опять-таки в силу естественных условий) оказались центрами возникновения лиманного земледелия, на первоначальной стадии развития которого обработка почвы вовсе отсутствовала [16].

Значительно менее ясен для широкого круга исследователей-этнографов факт прямой зависимости конструкции орудия от тех же географических условий. В ряде работ, однако, на факт зависимости конструкции рабочих органов орудия от типа обрабатываемой почвы обращалось уже серьезное внимание [17]. Остается обсудить вопрос о влиянии

---

[14] К. Шиндлер, Теория и конструкция пахотных орудий, Киев, 1904.

[15] Г. Кларк, Доисторическая Европа, М., 1953.

[16] Ю. Ф. Новиков, О возникновении земледелия и его первоначальных формах, «Сов. археология», 1959, № 4.

[17] В. И. Довженок, К истории земледелия у восточных славян, «Материалы по истории земледелия СССР», т. I, М., 1952; Г. Г. Громов, Подсечно-огневая система земледелия крестьян Новгородской области в XIX—XX вв., «Вестник МГУ. Историко-филологическая серия», 4, 1958.

особенностей почв на некоторые «второстепенные» детали конструкций почвообрабатывающих, в частности, пахотных орудий[18]. Рассмотрим, например, вопрос о засоренности почвы (камнями или невыкорчеванными остатками деревьев). Если засоренность велика, то обрабатывать поле можно только очень маневренными, легкими орудиями, быстро выходящими из земли при столкновении с препятствием. С этой целью все пахотные орудия, использовавшиеся в условиях подсечной системы земледелия, на засоренных камнями горных склонах или в местностях, где остались камни ледникового происхождения (север Европы, Прибалтика), имели высоко расположенный центр тяги[19]. Этому условию отвечает большинство орудий типа сохи или однозубого рала с высокой точкой соединения грядиля (оглобель) с рассохой (плотивом). Такое орудие было и более маневренно в работе, чем подошвенный плуг, хотя работать им было утомительно. Орудия этого типа характерны для мелкого хозяйства. По мере расчистки полей, «окультуривания» почвы такие орудия могли постепенно вытесняться из употребления, заменяться более устойчивыми орудиями «римского» типа или «европейского» (с четырехугольным остовом). Это, видимо, и произошло на территории Древней Греции и Рима[20], а также и в средней Европе[21].

Совершенно иные условия характерны для районов развития древнейших цивилизаций (долины крупных рек). Использовавшиеся здесь рала имели низко расположенный центр тяги за счет низкой точки соединения грядиля и рассохи. Таковы древнеегипетские рала[22]. Отсутствие подошвы в данном случае может быть объяснено стремлением уменьшить сопротивление движению орудия во влажной, липкой почве. Этот же фактор, несомненно, имел существенное значение при развитии орудий сошного типа. Как известно, даже в конструкции такого очень совершенного орудия как косуля подошва отсутствовала. Эта особенность конструкции устраняла опасность залипания, что позволяло избежать образования воздухо- и водонепроницаемой подушки, создающейся на глинистых почвах при пахоте подошвенным орудием[23].

В южных относительно засушливых степных районах при наличии обширных пространств дернистых незасоренных земель необходимо было иметь орудие, устойчивое в работе, способное сохранять заданную ширину и глубину обработки, легкое в управлении. Наилучшим образом этим требованиям отвечает орудие с четырехугольным остовом «среднеевропейского» типа. В переходных зонах распространение получили пе-

---

[18] Подробнее см.: Ю. Ф. Новиков, Механика почвообрабатывающих орудий, экологические условия и этническая специфика, «VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук», М., 1964; его же, Генезис плуга и этнография, «Сов. этнография», 1963, № 2.

[19] Д. В. Найдич-Москаленко предложила положить принцип прикрепления тяги в пахотных орудиях в основу их классификации: «Место прикрепления тяговой силы определяет главную функцию пахотных орудий и должно поэтому лечь в основу их классификации» (см. Д. В. Найдич-Москаленко, О принципах классификации русских пахотных орудий, «Сов. этнография», 1959, № 1, стр. 42). Этот вывод не совсем точен, так как форма лемеха определяет функцию орудия не в меньшей степени, чем способ крепления тяги. Д. В. Найдич-Москаленко не подкрепляет свой вывод достаточным анализом механики действия орудия обработки почвы.

[20] Ю. Ф. Новиков, Очерки из истории развития техники земледелия в древнем мире, «Вестник древней истории», 1964, № 1.

[21] Ю. Ф. Новиков, Механика почвообрабатывающих орудий, экологические условия и этническая специфика.

[22] См.: P. Leser, Entstehung und Verbreitung des Pfluges, Münster, 1930.

[23] Д. Г. Виленский, Почвоведение, М., 1957.

реходные от рала к подошвенному четырехугольному плугу орудия типа «средиземноморского» и «македонского» плуга [24].

Очень характерный пример воздействия климата и почвы на конструкцию применявшихся пахотных орудий дает развитие английского земледелия. Как известно, уже в конце XVIII в. и до наших дней в Англии применяют так называемые винтовые плуги, дающие полный оборот пласта, без какого-либо его разрыхления. В предшествовавшие эпохи тут использовались напоминавшие сабан (но более легкие) плуги с четырехугольным остовом и длинной отвальной доской, обеспечивавшие тот же технологический процесс. Это обстоятельство объясняется наличием здесь относительно тяжелых, связных, глинистых, часто покрытых слоем дернины почв. Такие почвы вспахиваются с полным оборотом, без рыхления пласта с осени. Вследствие дождливого климата и часто чередующихся заморозков и оттепелей в течение зимы, столь характерных для Британских островов, поднятые с осени пласты к весне совершенно рассыпаются и весной земля практически не требует серьезной обработки [25].

Таким образом, остов плуга не является независимой от типа почвы и климата деталью. Перейдем далее к более мелким особенностям конструкции пахотных орудий.

Очень важен и способ сочленения различных деталей и частей пахотного орудия. Все детали подошвенных плугов скрепляются, как правило, жестко, устойчиво. Такое орудие, работающее на относительно плотных, связных почвах, испытывает большое сопротивление, но это сопротивление постоянное, без значительных перепадов нагрузки на конструкцию орудия, так как эти почвы лишены камней, корней и других препятствий, могущих вызвать сильные пиковые нагрузки. Для таких условий жесткое и прочное соединение всех частей — наиболее практично.

На сильно засоренных камнями и корнями почвах, на почвах с участками разной плотности требуется иное сочленение частей, которое имело бы достаточную прочность при обычной нагрузке и могло одновременно выдерживать сильные перепады нагрузки или пиковые напряжения. Очень наглядны в этом отношении конструкции русских сох в Новгородской губернии и других северных районах, где поля сильно засорены камнями моренных отложений. В подобной сохе части ее фактически связаны между собой, а не скреплены намертво. Если такая соха сталкивалась с препятствием, то в худшем случае рвались «вицы», скреплявшие детали, и соха разваливалась на части, но не ломалась. Снова собрать и связать ее было несложно, так как материал для виц (березовые ветви) был всегда под руками, а без топора пахать не ездили [26].

В этом же типе сох очень ярко видны и черты функциональной приспособленности к засоренным полям. Это форма сошников (коловые), и способ прикрепления сохи к хомуту. Имея короткие оглобли («обжи»), соха крепилась к хомуту через ременные или веревочные тяжи, привязанные к гужам хомута. При столкновении сохи с препятствием подобное крепление амортизировало толчок, избавляя лошадь от травм.

Но крестьянская соха в районах, где преобладали супесчаные почвы или чистые от камней пойменные черноземы, соединялась с хомутом ло-

---

[24] Ю. Ф. Новиков, Механика почвообрабатывающих орудий, экологические условия и этническая специфика.

[25] К. Шиндлер, Теория и конструкция пахотных орудий.

[26] Полевые материалы Г. Г. Громова по Новгородской и Архангельской областям (хранятся на кафедре этнографии МГУ).

шади жестко, системой запряжки с дугой и чересседельником[27]. Эти сохи имели длинные оглобли, впрягавшиеся непосредственно в гужи хомута, клещи которого стягивались супонью. Такое соединение создавало достаточно жесткую «конструкцию» упряжи, составлявшую из всех ее элементов как бы единое целое от сохи до хомута.

У этих же сох встречаются чаще всего более широкие «перовые» сошники, отдельные части сохи скреплены столь же жестко, как и части южного плуга. Исключение составляет лишь система крепления подвоя, которым регулировали угол наклона сохи к почвенному горизонту, чем достигалась та или иная глубина вспашки. Этот тип иногда называют «московским», хотя распространен он был гораздо шире — во Владимирской, Ярославской, Нижегородской, Тульской и других центральных губерниях.

В этнографических работах очень много уделяется внимания таким якобы второстепенным деталям плуга, как рукоятки и грядиль. Например, наличие изогнутого грядиля в пахотных орудиях различных народов зачастую оказывалось в работах этнографов признаком, который объявлялся свидетельством многочисленных культурных влияний[28]. Механика почвообрабатывающих орудий объясняет ту или иную форму грядиля потребностями наиболее рационального приложения силы тяги или необходимостью амортизировать толчки орудия о препятствия во время пахоты. Изогнутый грядиль, как своеобразный модератор, смягчал перепады в сопротивлении, испытываемом животными при пахоте на пересеченной местности или в других аналогичных условиях (конечно, если для изготовления такого грядиля здесь был подходящий материал).

Столь же несостоятельны с точки зрения механики и попытки формально типологических классификаций истолковать формы ручек пахотных орудий, как результат разных этнокультурных традиций. Число ручек, их форма и расположение находятся в строгом соответствии как с материалом, из которого сделано пахотное орудие, так и с тем, какие усилия необходимо прилагать пахарю, чтобы поддерживать нужный режим работы орудия.

Конструкция грядиля в плугах или оглобель в сохах и орудиях рального типа зависит и от того, какое животное впрягается в эти орудия. Поэтому важно при анализе конструктивных форм орудий обработки земли учитывать и вид животных, используемых как тягловая сила.

Характер движущей силы, приводящей в действие земледельческие орудия, оказывает очень существенное воздействие на их конструкцию. В зависимости от вида этой силы можно разделить почвообрабатывающие орудия на два основных типа (не считая орудий с механическими двигателями).

Ручные орудия, приводимые в действие человеком, его мускульными усилиями. Для этой категории орудий можно отметить одну особенность — универсальность их применения. Человек работает целенаправленно, осмысленно, и это позволяет ему одним орудием производить самые различные операции[29]. Важна здесь не только и не столько форма

---

[27] Д. К. Зеленин, Русская соха, ее история и виды, Вятка, 1907; Полевые материалы Г. Г. Громова по Владимирской и Ярославской областям (хранятся на кафедре этнографии МГУ).

[28] R. Braungart, Указ. раб.

[29] Следует, однако, отметить, что наряду с универсальностью, такие ручные орудия как мотыга и заступ были достаточно дифференцированы и предназначались зачастую если не для одной, то для определенного комплекса операций. Конструкции этих

орудия (хотя и она имеет значение), сколько способ применения. Благодаря осмысленности применения человек может существенно варьировать операции такими орудиями, не меняя существенно их конструкцию.

Но роль ручных орудий в процессе развития производства ограничена тем, что производительность их сдерживается возможностями человека, как двигательной силы.

Принципиально иной характер имеют *орудия пашенного земледелия*. Для приведения их в действие используется сила животных, что сразу намного увеличивает производительность труда человека по обработке земли. Если с помощью мотыги земледелец может обработать в день не более 5 сотых *га*, то, включив в этот процесс силу животных, он может обработать за день до 1 *га*, т. е. в 20 раз больше.

Таким образом, введением в процесс обработки земли дополнительной двигательной силы, силы животных, совершается качественный скачок в производительности труда этой отрасли производства, во много раз расширяются экономические возможности земледельца. Даже если учесть дополнительные затраты на содержание скота в умеренной зоне, этот прирост производительности остается настолько значительным, что знаменует собой качественный скачок в земледелии, сравниться с которым может лишь введение машин.

Введение тягловой силы животных в процесс обработки земли вызвало к жизни применение самых разнообразных орудий обработки земли, не только в зависимости от конкретных условий: характера почв, требований возделываемых культур и т. п., но и в зависимости от характера той тяги, которую способны развить сами животные. Эта взаимосвязь животных и орудий устанавливалась не только по линии подбора наиболее приспособленных к местным условиям животных, но и по линии конструктивных изменений самих орудий труда, когда подбор животных был невозможен или ограничен.

Известно, что быки различных видов способны развивать очень большие усилия постоянного действия во время прямолинейного движения. Буйволы, волы наилучшим образом приспособлены для того, чтобы производить пахоту на больших площадях ровной почвы, где преобладают прямолинейные движения плуга или другого орудия обработки земли. В случае встречи орудия с препятствием остановить упряжку волов сразу не удается и, если пахарь вовремя не успевает изменить направление орудия, дело кончается поломкой плуга, рала. Поэтому там, где крупный рогатый скот по тем или иным причинам оставался основной силой тяги, приходилось изменять конструкцию орудий землеобработки так, чтобы на участках засоренной почвы (горных, лесных и т. п.) пахарь мог легко ими маневрировать. Это вызвало к жизни орудия рального типа с переносом центра приложения силы к пятке этих орудий. Наоборот, там, где почвы были однородны и не требовалось частой смены направления движения, выработались типы устойчивых плугов с колесными передками, обеспечивавшими наиболее равномерное движение за счет тяги животных, при минимальном участии человека в управлении орудием.

Применение лошади как тягловой силы меняет условия пахоты. Лошадь, в отличие от буйволов и волов, развивает меньшее тяговое усилие постоянного действия, но способна на мощные рывки и быстрые

орудий в соответствии с такой специализацией были чрезвычайно разнообразны. Примером может служить египетская мотыга и среднеазиатский кетмень, совершенно разнотипные по внешнему виду и технологическому назначению (см. примеч. 21), или известная еще в Древнем Китае лопата-грабарка и шотландский заступ (см.: H. Kothe, Ethnographish-archäologische Vorschungen 1953, I, «Agrarethnografie», 1957).

остановки, что значительно упрощает согласованность движений двух основных рабочих сил в процессе пахоты — силы животного и силы человека. Поэтому лошадь как тягловое животное стала применяться в тех районах, где поля были сильно засорены корнями, камнями, где размеры полей были небольшими и требовались частые повороты во время пахоты. В конструкции орудий с конной тягой произошли изменения в сторону: а) уменьшения их рабочего захвата почвы либо по линии сужения борозды и, соответственно, ширины рабочей части орудия обработки почвы (лемеха, сошника), либо по линии уменьшения глубины вспашки; это способствовало развитию орудий сошного типа или наклонных рал, б) универсализации орудий обработки почвы, так как бо́льшие возможности согласованных действий позволили применять одно и то же орудие в различных условиях и для различных целей путем некоторой переналадки самого орудия. В этом отношении «русская» соха является наиболее наглядным примером.

Рассматривая связь тягловых животных с орудиями пахоты и областями распространения этих орудий нельзя забывать и об условиях содержания животных. В южных степных и лесостепных областях с удобными выгонами и коротким периодом стойлового содержания быки более выгодны, так как не требуют концентрированного корма (зерна). В северных областях умеренной зоны эти теплолюбивые животные нуждаются в запасе большого количества кормов на зиму, теплых помещениях и т. п., в то время как их эффективность в работе в данных конкретных условиях оказывается ниже, чем эффективность лошадей. Лошади более неприхотливы к климату, могут применяться на работах различного характера круглый год и затраты на их содержание (концентрированные корма) с лихвой окупаются их работой. Таким образом, применение для сельскохозяйственных работ в качестве тягловой силы тех или иных животных, а следовательно, и распространение приспособленных к ним конструкций орудий пахоты и других орудий обработки почвы, связано с биологическими особенностями этих животных.

Введение животных в процесс обработки земли повлекло за собой и еще одно важное явление — дифференциацию самих орудий. Если человек одним и тем же ручным орудием часто мог производить различные операции обработки земли, изменяя характер действия этим орудием, то с введением между человеком и землей еще одного опосредствующего звена — тяглового животного, которое не может приспосабливаться к целям работы так, как человек, появилась потребность разделить операции, необходимые для обработки земли, не только во времени, но и по применяемым орудиям. Усложнилась технология. Одними орудиями стали производить одни работы, другими — другие. Большинство имеющихся классификаций совершенно не учитывает именно это обстоятельство развития земледельческих орудий. Орудия пахоты не только кладутся в основу таких классификаций, но являются единственными объектами классификаций. В то же время, рассматривая процессы обработки земли в любых случаях применения тягловых животных, нельзя не заметить, что собственно пахотные орудия выполняют лишь одну, хотя и бо́льшую, часть всей работы. Эту часть нельзя даже назвать главной, так как обработка земли — неразрывный процесс, в котором каждое орудие выполняет строго определенные функции общей работы. Нельзя исключить один из видов работ, не нарушив нормальное течение всего технологического процесса. Поэтому, анализируя орудия обработки почвы, мы должны иметь дело не только с одним видом таких орудий — орудиями пахоты, а с комплексом орудий, обеспечивающим весь технологический процесс. В степной зоне такой комплекс в крестьянском хозяйстве

середины XIX в. включал в себя тяжелый плуг для подъема целины и пахоты залежей, орудия рального типа (иногда многозубые) для культивации поля после пахоты плугом и для обработки старопахотных участков, хворостяные бороны для заделывания семян и послепосевной культивации. В лесной зоне, как уже указывалось выше, большая часть работ выполнялась сохой, которую дополняла только зубчатая борона, служившая и для заделки семян, и для культивации[30].

Введение такого комплексного принципа снимает и некоторые противоречия прошлых классификаций, вызванных тем, что в одном и том же районе, в одних и тех же хозяйствах крестьян, но на разных работах применялись разные «типы» орудий пахоты.

В этой связи интересно отметить одновременное бытование в прошлом у части ярославских крестьян и орудия плужного типа — ярославской косули, и двух или трехлемешных сох без полицы. Косулей производили первичный взмет пашни («орали»), а сохами — последующую культивацию («пахали»), что поясняет нам место и значение трехзубых сох в земледелии русских.

Что касается вышеупомянутой связи между конструкцией грядиля (оглобель) с видом и размерами запрягаемого в плуг животного, то она заключается в строгом соблюдении правил приложения тягового усилия к орудию[31]. В соответствии с ними угол наклона грядиля к горизонту и его длина, а также точки соединения грядиля с остовом орудия и сбруей связаны вполне определенными зависимостями, учитывающими также высоту и экстерьер упряжного животного[32]. Несоблюдение этих условий делает устойчивую вспашку невозможной.

Таковы основные факторы, влияющие на появление и развитие тех или иных форм технологии и техники обработки почвы, составляющих наиболее существенную часть системы земледелия. Учет этих факторов в агроэтнографических исследованиях позволит по достоинству оценить значение и степень влияния тех причин, которые столь часто называют этническими и которые отражают лишь устойчивое бытование культурной, а не этнической традиции у тех или иных групп населения, традиции, являющейся формой закрепления рациональной практической деятельности человека.

Правильное понимание взаимосвязей между конструкцией земледельческого орудия и технологией земледельческих процессов позволяет и точно характеризовать уровень развития земледельческой культуры народа. Такое тщательное, с учетом всех взаимодействующих факторов исследование развития техники, приемов и методов земледелия, базирующегося на многовековом народном опыте, небезынтересно и с практической точки зрения: ведь и сама агрономическая наука есть не что иное как обобщенный опыт народа-пахаря[33].

---

[30] В общем-то в такой комплекс следует включить и орудия уборки, но так как функционально они достаточно четко отграничены от орудий обработки земли, можно рассматривать в комплексе только последние.

[31] В. П. Горячкин, Земледельческая механика, ч. I, М., 1919.

[32] К. И. Дебу, Запряжки, СПб., 1911.

[33] В данной статье мы коснулись главным образом вопросов появления и развития земледельческих орудий. Не меньший интерес представил бы анализ других сторон хозяйственного быта земледельческих народов. Самого глубокого изучения, например заслуживает рацион питания и способы приготовления пищи, раскрой и покрой одежды, наконец, конструкция жилищных и хозяйственных сооружений. Можно утверждать, что все эти элементы быта народа глубоко рациональны в своей основе и, так же как и орудия труда, связаны прежде всего с общественно-экономическими и географическими условиями жизни народа и лишь во вторую очередь и в значительно меньшей степени могут считаться следствием особенностей культуры и быта, определяющихся какой-либо этнической общностью.

SUMMARY

Investigations into the history of agriculture based mainly on ethnographical materials can provide the clue to the understanding of many important problems in social and cultural history. The present authors maintain the idea that ethnologists usually overestimate the significance of ethnocultural traditions in the development of agricultural technics and this results in its turn in some erroneous ethnogenetic and ethnocultural theories.

Specific features of agricultural technics in different areas depend in reality on such factors as technology of agriculture, socio-economical conditions of life, character of cultivated plants, soil, climat and so on. The influence of these factors is demonstrated by the analysis of concrete data from various agricultural areas. The authors believe that the adequate understanding of the history of agriculture can be achieved on the basis of consideration of all the determinants. Such a complex investigation should make it possible to appreciate correctly the position of every factor including the ethnocultural one which however is of little importance in the history of agriculture.

СООБЩЕНИЯ

К. Г. Гуслистый, В. Ф. Горленко, Я. П. Прилипко

РАБОТА НАД ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ АТЛАСОМ НА УКРАИНЕ

Как известно, первые опыты создания этнографических атласов относятся к концу XIX — началу XX в. Следует отметить, что идея картографирования конкретных явлений культуры и быта народов для Украины не нова. Она была выдвинута еще в 1854 г. в «Программе для этнографического описания губерний Киевского учебного округа», составленной в Киевском университете В. Дабижею и А. Метлинским. Однако воплощение этой идеи в действительность началось лишь с 1947 г., когда Украинский государственный музей этнографии и художественных промыслов (г. Львов) впервые на Украине приступил к систематическому собиранию этнографических материалов с целью создания Украинского историко-этнографического атласа. Впрочем вскоре эта работа по не зависящим от ее организаторов причинам была прекращена.

В 1964 г. Отдел этнографии Института искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Ф. Рыльского АН УССР (ИИФЭ), опираясь на опыт коллег из Института этнографии АН СССР, издавших к тому времени «Историко-этнографический атлас Сибири» и подготовивших к печати атлас «Русские», приступил к созданию нового плана-проспекта и программы собирания и систематизации этнографических материалов с целью возобновления работы над «Украинским историко-этнографическим атласом». По аналогии с атласом «Русские», решено было в первую очередь сосредоточить внимание на изучении трех основных разделов материальной культуры украинцев: сельскохозяйственных орудий, жилища, одежды. В соответствии с этим, было создано три группы: жилища (руководитель Г. Е. Стельмах); одежды (руководитель Я. П. Прилипко), сельскохозяйственных орудий (руководитель В. Ф. Горленко). Общее руководство было поручено К. Г. Гуслистому.

1964 г. ушел на ознакомление групп с работой над этнографическими атласами советских и зарубежных ученых, на составление библиографии по всем трем разделам, на разработку проспекта, вопросников, предметных карточек, собирание литературных и архивных материалов, а также на предварительное изучение коллекций некоторых музеев, создание актива из сотрудников музеев, научных учреждений и вузов Украины, на налаживание экспедиционной работы. Руководители групп выезжали в Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, где их любезно ознакомили с содержанием еще не изданного атласа «Русские», а также побывали во Львове, в Украинском государственном музее этнографии и художественных промыслов, проведя совещание о координации работы над Атласом с львовскими этнографами, и, в частности, договорившись, что по западным областям Украины Атлас будут составлять этнографы Львовского музея. Львовские коллеги создали у себя для работы над Атласом также три, аналогичные киевским, группы.

На специальном заседании Отдел этнографии ИИФЭ АН УССР ознакомился с опытом работы по составлению диалектологического атласа Украины, заслушав и обсудив доклад Ф. Т. Жилко — заведующего Отделом диалектологии Института языкознания им. А. А. Потебни АН УССР.

В завершение подготовительной работы в Киеве 27 апреля 1964 г. состоялось совещание по методологии составления атласов, в котором приняли участие, кроме украинских этнографов, также этнографы Москвы, Белоруссии и Молдавии.

В ходе совещания обнаружились как общие взгляды, так и расхождения по некоторым вопросам теоретического и практического характера. В частности, если в атласе «Русские» отражена преимущественно народная культура русских, то в «Украинском историко-этнографическом атласе» решено было отразить культуру всех народов, живущих компактными группами на территории Украины.

В 1964 г. были проведены первые экспедиции по собиранию полевых материалов атласа. Группа, изучающая сельскохозяйственные орудия, работала в Кагарлыкском районе Киевской и в Малинском районе Житомирской области. Ее представители побывали также в Болградском и Измаильском районах Одесской области. Группа, занимающаяся одеждой побывала в Переяслав-Хмельницком районе Киевской области и Каневском районе Черкасской области. Материалы по жилищу собирались в отдельных районах Киева, в Белоцерковском и Кагарлыкском районах Киевской области. Экспедиция с участием студентов Киевского государственного университета была проведена в Ивано-Франковскую и Закарпатскую области (руководитель А. Я. Порицкий).

Таким образом, к концу 1964 г. были уже собраны первые материалы для Украинского историко-этнографического атласа.

Однако в первом квартале 1965 г. в разработке этой темы произошли некоторые изменения. Рассматривая перспективные планы работ институтов республиканских академий, Отделение истории АН СССР сочло более целесообразным вместо отдельных атласов по Украине, Белоруссии и Молдавии создать единый «Региональный атлас Украины, Белоруссии и Молдавии».

С целью обсуждения принципиальных вопросов регионального атласа 30 марта 1965 г., по рекомендации Института этнографии АН СССР, в Киеве было созвано совещание этнографов Украины, Белоруссии и Молдавии, а также представителей Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. В совещании приняли участие и сотрудники некоторых музеев Украины (Киевского, Харьковского и Днепропетровского исторических музеев; Черновицкого и Николаевского краеведческих музеев), отдельных вузов (Днепропетровского университета, Ивано-Франковского пединститута) и других учреждений.

Особое внимание на совещании было уделено обсуждению таких вопросов как хронологические рамки регионального атласа, показ в нем современности, картографирование явлений культуры и быта рабочего класса, изучение и отражение в атласе культуры национальных меньшинств. На совещании было единодушно решено положить в основу картографирования не искусственную территориальную единицу — квадрат (принятый в ряде стран Европы), а конкретно-историческое административное деление той или иной территории. Такой принцип для стран с большой территорией является наиболее целесообразным и удобным в работе.

На совещании были заслушаны доклады зам. директора ИИФЭ АН УССР К. Г. Гуслистого о работе над атласом на Украине, а также доклад зам. директора Института этнографии АН СССР С. И. Брука о принципах составления историко-этнографических атласов и опыте работы над атласом «Русские». В ходе обсуждения докладов ценные сообщения сделали сотрудники Института этнографии АН СССР Г. С. Маслова и М. Г. Рабинович.

О состоянии работы над атласом в Белоруссии рассказала сотрудник Института искусствоведения, этнографии и фольклора Белорусской ССР А. А. Молчанова; в Молдавии — сектором этнографии и искусствоведения Института истории АН Молдавской ССР В. С. Зеленчук; во Львове — зав. Отделом этнографии Украинского государственного музея этнографии и художественного промысла С. А. Макарчук. Опытом работы над Украинским историко-этнографическим атласом поделились руководители групп Отдела этнографии ИИФЭ им. М. Ф. Рыльского АН УССР, Г. Е. Стельмах, Я. П. Прилипко, В. Ф. Горленко.

Совещание приняло постановление, в котором, в частности, подчеркивалась необходимость создания сводного проспекта Атласа, согласованных единых вопросников для собирания материалов, разработки картографической основы.

В 1965 г. работа над историко-этнографическим атласом на Украине велась согласно решениям и рекомендациям совещания.

Составленные на Украине проекты проспекта и вопросников для собирания материалов к «Украинскому историко-этнографическому атласу» были апробированы в Институте этнографии АН СССР и, после доработки и дополнений, связанных с переходом к созданию регионального атласа, отосланы в Белоруссию и Молдавию как временное пособие для полевой работы в 1965 г.

Продолжая изучать литературу и архивные источники, украинские этнографы и в 1965 г. провели ряд интересных и плодотворных экспедиций в различные районы Украины. При этом изучались как традиционная, так и современная культура и быт.

В районе Киевской ГЭС, в Переяслав-Хмельницком и Яготинском районах Киевской области работала группа, занимающаяся изучением жилища. Собранный ею материал даст возможность более детально, чем это было до сих пор, районировать приемы народного строительства. Например, в Переяслав-Хмельницком районе сволоки поперечные, в то время как в соседнем Яготинском районе они продольные. При строительстве хат в этих районах население, как правило, отказывается от многих рекомендованных типовыми проектами строительных приемов и прибегает к народным (например, приемы скрепления угла: «в замок» и «на чіп» и т. д.).

Группа, занимающаяся изучением одежды, избрала районом своих исследований юг Украины, район наиболее активных этнокультурных взаимосвязей и взаимовлияний

между различными этническими группами. В 1965 г. экспедиция собирала материалы по одежде для Атласа в Болградском и Измаильском районах Одесской области — территории, почти не затронутой этнографическими исследованиями. Участники экспедиции изучали традиционную одежду не только украинцев, но и болгар, и молдаван. Обнаружено, что отдельные элементы традиционной одежды сохраняются очень устойчиво. Причина этого кроется в местных специфических природных условиях, определенных занятиях (придунайское рыболовство) и др.

Материалы экспедиции позволяют говорить о культурно-бытовом сближении разнонациональных групп населения данного района, в частности, о выработке многих общих черт в одежде местных украинцев, русских, болгар, молдаван и других народностей, при сохранении ими, однако, и элементов национальной специфики. В частности, у украинцев, болгар, русских, молдаван повсеместно распространены ставшие неотъемлемой составной частью их народного костюма меховые безрукавки («кептар»), отдельные элементы традиционной обуви, головных уборов и пр. Но в то же время неизменным элементом одежды обрядовой, например, свадебной, у болгар до сих пор является сугубо традиционная болгарская рубаха с трапециевидными бочками, которую невеста дарит матери мужа в день свадьбы. В украинском женском костюме и по сей день бытуют традиционные в этих местах две юбки («юбка» и «спідниця») этот костюм отличается от костюмов других народов этого района также своеобразным колоритом (приверженность к цветным тканям), общим силуэтом, покроем отдельных составных частей и пр.

Значительный материал был собран во время экспедиционных поездок в Запорожье, Коростень, Львов и другие города, где изучался современный народный костюм и выявлялось наличие в нем традиционных черт. Обнаружено, что успех имеет не только одежда с использованием элементов национального украшения и отделки (вышивка, аппликация и пр.), но и, что особенно интересно, удачное применение отдельных имитаций традиционных тканей и покроев. Сливаясь с современными принципами моделирования и с общим направлением моды, эти элементы, как правило, обогащают ее. А это свидетельствует о том, что результаты изысканий в области народной одежды имеют не только теоретический, но и практический интерес.

Группа по изучению сельскохозяйственной техники провела (с широким участием студентов Киевского университета) маршрутную экспедицию с юга на север по Подолии (Винницкая, Хмельницкая, частично Житомирская области). Собранный материал по сельскохозяйственным орудиям и постройкам свидетельствует о значительном этнографическом единообразии Подолии. Даже на этнической границе украинцев с молдаванами в Поднестровье (Могилев-Подольский район) культурные взаимовлияния прослеживаются лишь в сельскохозяйственных постройках (клуни, погреба). Экспедиции удалось более точно установить этнографическую границу между Подолией и Волынью, в частности, границу в особенностях комплексов сельскохозяйственных орудий (граница перехода от рала к сохе).

Две экспедиции по Атласу (одна — в Ровенскую область, вторая — на Волынское Полесье) были организованы Львовским коллективом этнографов. Ими обнаружено, например, что почти во всех районах Ровенской области бытовала соха, что здесь была распространена своеобразная терминология орудий обработки почвы. Целый ряд оригинальных наблюдений сделан и в области народной архитектуры, одежды.

Наряду с экспедиционной работой в 1965 г. продолжалось изучение фондов музеев (Киевский, Могилев-Подольский, Переяслав-Хмельницкий), а также письменных (печатных, рукописных) источников.

Подготовлены две предварительные карты распространения типов народного жилища (В. П. Самойлович) и комплексов народного костюма (С. Г. Колос) на Украине.

Особенно интенсивно работа над историко-этнографическим Атласом на Украине развернулась в 1966 г.

В конце марта — начале апреля 1966 г. в Киеве состоялось очередное совещание по Атласу представителей Украины, Белоруссии, Молдавии и Академии наук СССР. На пленарном заседании были заслушаны доклады: «О создании общеевропейского этнографического атласа» (С. И. Брук, Москва) и «Принципы и методы картографирования этнографических явлений в Региональном историко-этнографическом атласе Украины, Белоруссии и Молдавии» (В. И. Наулко, Киев). К. Г. Гуслистый (ИИФЭ им. М. Ф. Рыльского АН УССР), В. К. Бондарчик (ИИЭФ Министерства культуры БССР), В. С. Зеленчук (Институт истории АН МолдССР), Ю. Г. Гошко (Украинский музей этнографии и художественных промыслов, Львов) сделали сообщения о работе над Атласом в соответствующих научно-исследовательских центрах.

На заседаниях объединенных групп были согласованы единые списки карт и вопросники. На заключительном заседании избрана редколлегия Атласа (председатель — К. Г. Гуслистый, ученый секретарь — В. Ф. Горленко), а также намечены конкретные мероприятия по развертыванию дальнейшей работы над Атласом. В частности было принято решение опубликовать и распространить единые вопросники по сельскохозяйственным орудиям, жилищу и одежде, провести ряд совместных экспедиций этнографов Института этнографии АН СССР и ИИФЭ АН УССР по изучению русского населения Украины, а также некоторых ее национальных меньшинств

В апреле 1966 г. согласованные на совещании в Киеве списки карт региона были обсуждены на заседании секции Славянской этнографии Всесоюзной сессии археологов и этнографов, посвященной полевым исследованиям 1965 г. в Москве. Секция одобрила в целом план-проспект Атласа и предложила несколько увеличить количество терминологических карт.

С целью совершенствования методики и принципов составления Атласа в 1966 г. по инициативе Отдела этнографии ИИФЭ им. М. Ф. Рыльского АН УССР был подготовлен сборник «Принципы и методика составления регионального историко-этнографического атласа Украины, Белоруссии и Молдавии», в написании которого приняли участие этнографы Киева, Москвы, Минска, Кишенева и Львова.

На Украине и в 1966 г. продолжалась работа над изучением литературных и архивных источников. На предметные карточки разнесено огромное количество сведений по сельскохозяйственным орудиям, жилищу и одежде, хранящихся не только в общих и специальных этнографических изданиях, но и в таких как «Труды Вольного экономического общества», «Земские сборники», «Губернские ведомости», «Епархиальные ведомости» и пр. Были обработаны архивы Русского географического общества и Рукописного отдела ИИФЭ им. М. Ф. Рыльского АН УССР и др.

Особенно широко развернулась в 1966 г. на Украине экспедиционная работа по собиранию этнографических материалов для Атласа. Группами Атласа было проведено в целом восемь экспедиций (было запланировано шесть), в результате которых обследованы многие районы Киевской, Черкасской, Винницкой, Одесской, Николаевской, Херсонской, Полтавской, Луганской, Донецкой, Запорожской, Сумской, Черновицкой и Закарпатской областей. Кроме того, В. И. Наулко принял участие в работе экспедиции, организованной в восточных районах Украины Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР.

Группа по сельскохозяйственным орудиям обследовала мало изученные в этом отношении пограничные области Украины как на востоке, так и на западе. Уже в процессе предварительного анализа собранного материала были выявлены определенные ареалы распространения комплексов орудий труда или их отдельных элементов. Во время работы Киевско-Закарпатской экспедиции была несколько усовершенствована методика опроса информаторов. Часть группы (научный сотрудник и лаборант) проводила опрос информатора до середины вопросника, затем его продолжала проводить другая часть, а первая в это время вычитывала записанное и сверяла его со списком карт. То же самое делала затем вторая часть группы со второй половиной сведений, полученных по вопроснику. Упущенные сведения затем поочередно добирались у того же информатора. Тут же работали художник и фотограф. Такой метод опроса позволяет собирать сведения с исчерпывающей полнотой. В каждом районе, как правило, исследовались три села, а в каждом из сел опрашивались три информатора.

Группа «Жилище», исследовавшая в 1966 г. как юг Украины (Херсонская, Николаевская, Одесская области), так и ее центральные области (Винницкая и Киевская области), наряду с общепринятыми методами фиксации этнографических материалов (опрос, фотографирование, съемка планировки и пр.) широко пользовалась киносъемками. Таким образом, ею будут созданы научные фильмы о жилище Вышгорода (Киевщина), о поселениях и жилище юга Украины и цветной фильм о селе Шляхово на Винничине. Предварительное изучение собранного материала дает возможность научному руководителю упомянутых экспедиций по жилищу Н. П. Приходько уже сейчас сделать вывод об огромном росте культуры жилища и быта вообще, особенно начиная со второй половины 1950-х гг. В настоящее время на юге Украины, например, совершенно исчез такой традиционный атрибут как русская печь. Ее вытеснила плита в сочетании с голландской печкой.

Электрификация и радиофикация сел, прокладка водопроводов, изменение самой формы и внутренней планировки сельской хаты (теперь называется «будинок» — дом), появление в быту газовых плиток, стиральных машин, холодильников и др. — все это приближает сельский быт к городскому. В основу преобладающего большинства новых сельских домов юга Украины положен модифицированный «классический» тип украинской хаты: хата — сени — хата. Но типичная в прошлом удлиненная форма украинской хаты исчезает, план современного дома приближается к квадрату, он состоит из 3—4 дифференцированных по назначению комнат (одна — две спальни, зал, кухня, прихожая и пристроенная застекленная веранда). Можно утверждать, что на Украине создается единый для всего населения страны высокий уровень культуры, которая вбирает в себя лучшие элементы национального быта народа.

Группа по изучению одежды продолжала и в 1966 г. уделять большое внимание экспедиционному обследованию районов, мало привлекавших, или совсем не привлекавших к себе до сих пор внимание исследователей — на юго-востоке и юге республики, а также районов, хотя и изученных этнографически (Киевская, Черкасская области) довольно хорошо, но менее всего под углом зрения этнокультурных взаимовлияний между русскими, белоруссами, поляками. Эти взаимовлияния здесь были столь длительны и интенсивны, что повсеместно привели почти к полному слиянию многих явлений культуры и быта. Однако в Киевской области влияние различных этнических элементов на народную одежду довольно четко прослеживается в виде весьма большого разнооб-

разия ее локальных вариантов. Влияние белоруссов, например, сказывается на слиянии женской безрукавки и юбки (Чернобыльский район Киевской области), влияние польского элемента — на покроях верхней одежды (Белоцерковский район Киевской области) и т. п. В ходе экспедиции по Киевской области группе, изучающей одежду, удалось обнаружить также полный комплекс русской женской старообрядческой одежды.

Интенсивно проходил процесс взаимопроникновения различных этнических культур на юго-востоке Украины. Здесь, в частности, прослеживается влияние на украинский народный костюм начала XX в. донских казаков, греков, болгар и других этнических групп.

Интересно отметить, что в Запорожской области, к началу XX в. уже выработался весьма своеобразный единый комплекс женской украинской народной одежды, для которого типична совершенно оригинальная по покрою украшенная изящной вышивкой женская рубаха на кокетке («до талійки»).

Конечно, некоторые элементы традиционного покроя сохраняет и народный костюм болгарского населения Запорожской области (Приморский район), и костюм переселенцев из Белоруссии (с. Гусарка Куйбышевского р-на), хотя, например, даже все еще хранящийся у старух женский народный костюм болгар Приазовья начала XX в. сохранил от традиционного костюма коренного населения Болгарии разве что терминологию, да и то неполностью, во всяком случае в значительно меньшей степени, чем костюм придунайских болгар.

Все эти наблюдения являются, естественно, предварительными и требуют дальнейшей разработки.

В процессе полевых экспедиционных исследований группа по изучению одежды в этом году впервые применила для опроса населения магнитофонную запись. Эксперимент дал положительные результаты. Во-первых, магнитофонная запись экономит время, необходимое для других видов экспедиционных работ, что особенно важно при небольшом составе экспедиции. Во-вторых, она позволяет, при хорошей организации и выработке некоторых навыков, значительно расширить район исследования или же круг опрашиваемых лиц. В-третьих, исключает возможность ошибки или неточности фиксации, в-четвертых, что, пожалуй, самое важное, создает возможность собрать полноценный не только в этнографическом, но и в лингвистическом отношении терминологический материал.

Значительное место в деятельности групп, работающих над созданием «Регионального историко-этнографического атласа Украины, Белоруссии и Молдавии», в 1966 г. было уделено и изучению музейных коллекций. Кроме многочисленных краеведческих, народных и школьных музеев, фонды которых обследовались каждой группой в ходе экспедиций, группа «Одежды» в основном обработала также фонды Государственного музея этнографии народов СССР (Ленинград).

В результате изучения литературных источников, экспедиционных и музейных материалов сотрудниками только ИИФЭ им. М. Ф. Рыльского АН УССР заполнено в 1966 г. около пяти тысяч предметных карточек.

В порядке опыта привлечения для работы над Атласом по возможности широкого актива группа «Сельскохозяйственные орудия» распространила около 40 экземпляров вопросника среди студентов Киевского государственного университета. Студентам 1—3 курсов исторического факультета, проживающим в сельских местностях Украины, описание по вопроснику конкретного села предлагалось в качестве курсовой работы. Как можно судить по первым выполненным студентами описаниям, подобная форма собирания материалов для Атласа является многообещающей.

Развертыванию и успехам работы этнографов Украины над «Региональным историко-этнографическим атласом Украины, Белоруссии и Молдавии» способствовало большое внимание к ней Президиума Академии наук УССР, который в 1966 г. поставил вопрос о перспективах развития этнографической науки на Украине в качестве предмета обсуждения одного из своих заседаний. На этом заседании работа над Атласом была признана ведущей в деятельности этнографов ИИФЭ им. М. Ф. Рыльского АН УССР на ближайшее пятилетие. Президиум АН УССР выделил под эту тему дополнительные ассигнования, штатные единицы, предусмотрел улучшение обеспечения экспедиций транспортом и материалами.

И все же в работе украинских этнографов над «Региональным историко-этнографическим атласом Украины, Белоруссии и Молдавии» имеются известные трудности. Небольшому коллективу работающих над Атласом сотрудников предстоит обследовать обширную территорию. В связи с этим значительный вклад в работу мог бы внести коллектив львовских этнографов, уже проделавший, как отмечалось, значительную работу над Атласом. Однако в 1963 г. Украинский государственный музей этнографии и художественных промыслов, где работает этот коллектив, передан из Академии наук Украины в систему Министерства культуры УССР, что затрудняет участие львовских коллег в работе над Атласом. Актуальным все еще остается и вопрос о дальнейшем финансировании этой работы. Недостаток средств привел к тому, что до сих пор не обработаны фонды ряда музеев, а экспедиционные исследования не всегда дают искомые результаты из-за недостаточного обеспечения экспедиций фотографами, художниками, научно-вспомогательным персоналом.

А. А. Лебедева

АНКЕТА КАК ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

(По материалам сплошного подворного обследования 1897 г. в Забайкалье)

В Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде хранятся анкеты сплошного подворного обследования, проведенного в Забайкалье в 1897 г.[1]. Это обследование должно было зафиксировать в документах фактическое состояние сельского хозяйства. Многие документы отмечают, что в Забайкалье в конце XIX в. происходили острые земельные споры между обществами и отдельными хозяйствами.

В связи с необходимостью отчуждать землю для проведения Сибирской железной дороги предстояло детальное обследование землепользования. Была учреждена специальная Комиссия под председательством управляющего делами Комитета Сибирской железной дороги Куломзина. В состав Комиссии вошли представители разных министерств — земледелия, государственных имуществ, путей сообщения, государственного контроля и др. Комиссия посетила все населенные пункты в Забайкалье и на каждое хозяйство заполнила отдельную анкету. Было заполнено 110 634 похозяйственных анкеты. Кроме того, было составлено 1088 текстовых поселенных описаний, до 1000 бюджетов, заполнено 132 поволостных бланка и специальные бланки земледельческие по скотоводству, о почвах и об урожаях.

Данные по землевладению и землепользованию, по животноводству, экономике крестьянских и казачьих хозяйств Забайкалья были обработаны и опубликованы в 1898 г. в 16 выпусках[2]. Из этнографического материала, собранного по всему Забайкалью, были опубликованы лишь данные по земледельческим орудиям для характеристики уровня развития земледелия[3].

Нам представилась возможность работать в архиве над подворными анкетами. Другие документы обследования знакомы нам лишь частично, так как полностью мы их пока не разыскали.

По характеру вопросов для этнографа, помимо подворных анкет, очень интересны поселенные описания и бюджеты. Фонд подворных анкет, над которыми мы работали — ценный документальный источник, позволяющий этнографу делать выводы и обобщения по разным вопросам. Конечно, условия, существовавшие в конце XIX в., можно изучать путем расспросов. Информатор дает этнографу большой материал о прошлом, иногда яркий, эмоциональный, но многих точных данных память не сохраняет. Эти нужные нам данные как раз и можно получить в результате анализа подворных анкет.

В анкете освещена экономика семьи, включая и бюджет; указана социальная группа (крестьянин или казак) и вероисповедание (православный, старообрядец). В ряде анкет выявлена принадлежность к различным разветвлениям старообрядчества — поповцы, беглопоповцы, беспоповцы.

Во всех анкетах дан состав семьи, начиная всегда с главы, далее в два столбца записаны все члены семьи по отношению к главе. В первом столбце — все члены семьи мужского пола с указанием возраста к моменту заполнения анкеты. В другом столбце по такому же принципу, начиная со старшей хозяйки, перечислены все члены семьи женского пола.

Приведем для примера запись о семье из с. Бичура[4]:
Ткачев Елистрат Фомич — старообрядец, крестьянин.

---

[1] Центральный государственный исторический архив СССР (далее ЦГИА СССР), ф. 1290, оп. 6. дд. 336—408.

[2] «Материалы Комиссии для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области», вып. 1—16, СПб., 1898.

[3] Н. Бутович, Земледелие в связи с характеристикой естественных условий пахотных угодий, «Материалы Комиссии для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области», вып. 11, СПб., 1898.

[4] ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 6, д. 344, л. 546.

Глава семьи	— 64	жена	47
сын	37	невестка	36
сын	21	дочь	15
сын	19	дочь	13
сын	12	дочь	8
сын	10	дочь	6
внук	4	невестка	22
внук	0	внучка	0
		невестка	18

В анкете указаны также жилые и хозяйственные постройки; земледельческие орудия, транспорт. Перечислен весь скот по видам и по возрасту. Из анкеты мы узнаем о размерах и характере земельных наделов в каждом хозяйстве, об аренде или сдаче земли в аренду другим людям; какие культуры выращивались и в каких количествах. Иногда в анкете указывается, когда данная семья выделилась в самостоятельную, имеются ли в хозяйстве наемные работники или же кто из семьи работает по найму поденно или на срок в своем селе и на каких именно работах — жнут, косят, молотят и т. д.

В анкетах нет специальной графы о промыслах, но есть графа, где фиксированы виды дополнительных заработков и годовая их сумма по каждому виду работ: на золотых приисках, на стройке железной дороги чернорабочими, от извозного промысла, от охоты, от сплава, выручка от продажи соли, от кузницы, мельницы, столярных и других работ.

Принято считать, что старообрядцы, сосланные в Забайкалье в XVIII в.— «семейские», жили очень замкнуто в своих селениях, занимаясь хлебопашеством. Подсчет, произведенный нами по анкетам 1897 г., свидетельствует о том, что и в семейских селах редкая семья не искала дополнительного заработка. В ряде случаев дополнительный заработок нужен был семье для развития хозяйства, но во многих случаях без таких заработков семья не могла уплатить налог, а нередко вообще не могла существовать. Так, в селе Хонхолой. 449 семей (из 567 семей) имели дополнительные заработки (из 255 семей работали на приисках, из 92 — на железной дороге, 28 семей зарабатывали извозом, 60 — поденно в своем селе, 14 — «в сроку на хозяйских харчах»). В соседнем селе Никольском из 479 семей 310 семей имели дополнительно заработки, причем из одной семьи работали иногда двое — трое мужчин и женщин. На золотые прииски иногда уходили всей семьей, распродав остатки своего разоренного хозяйства и заколотив избу. Из с. Никольского в 1897 г. ушла на прииски 31 семья, из с. Хонхолой — 32, из с. Харауз — 56 [5]. Из с. Бичура 19 семей старообрядцев с малыми детьми ушли на прииск Благодатский, на Амур и в другие места [6]. Из 620 семей с. Тарбагатай только 157 семей не работали на стороне, а жили своим хозяйством.

На прииски уходили чаще из неразделенных семей, где имелись свободные руки. Уходили ранней весной и возвращались глубокой осенью, а иногда не возвращались по 2—3 года, пересылая заработанные деньги семье. Иногда на прииски уходил и единственный мужчина в семье — глава семьи и, случалось, пропадал без вести, о чем также имеются записи в анкете.

Семейские сел. Хонхолой и Никольского зарабатывали также перевозкой чая и хлеба. Для состоятельных семей, имевших круглый год работника для разных работ по хозяйству (косьба, мелкие плотницкие работы и др.), это был дополнительный заработок. Для примера возьмем семью И. Я. Калашникова из с. Никольского. В 1897 г. она состояла из 11 человек, в том числе три женатых сына старше 19 лет, две дочери — 14 и 15 лет. Пахотной надельной земли имели 11,5 десятин да еще в своем селе арендовали около 9 десятин. Одной ярицы сеяли 7 десятин. Размер дополнительной аренды пашни и покоса говорит о том, что хозяйство было хорошее. Заработок от ямщины, которой занимались мужчины в этой семье, шел на оплату аренды, оплату работников и оставались еще свободные деньги.

Казакам на прииски ходить не полагалось, они подрабатывали ямщиной (кто имел коней), поденщиной или работой «в сроку». Все эти данные позволяют рассмотреть хозяйства по степени их зажиточности.

В анкетах имеются сведения о ссыльно-поселенцах, приписанных к селам — когда и откуда прибыл. Такие данные могут быть источником по истории формирования населения. Например, с 1885 по 1892 г. в с. Бичура были приписаны поселенцы, прибывшие с Украины, Белоруссии, из Смоленской, Псковской, Казанской и Тамбовской губерний.

Материалы подворных анкет позволили составить ряд таблиц по составу семьи. Мы взяли подворные карточки трех крестьянских и трех казачьих сел. Подсчет семей по числу поколений показал, что большинство казачьих и крестьянских семей состояло из двух поколений, но имелось немало семей из трех поколений и незначительный про-

[5] ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 6, д. 353.
[6] Там же, д. 344, лл. 3—19.

цент семей из четырех поколений, причем в крестьянских селах их было больше, чем в казачьих.

Таблицы свидетельствуют о том, что казачьи семьи в конце XIX в. были несколько малочисленнее крестьянских (численность которых в среднем была около двадцати человек), хотя встречались казачьи семьи, состоявшие из 30 человек. В большинстве же казачьи семьи не превышали 15 человек. В крестьянских селах, особенно в семейских, было больше неразделенных семей.

Мы провели по анкетам подсчет числа детей в семьях. Более семи детей имели семьи с двумя — тремя невестками. Анкета не представляет возможности учесть детей по родителям в неразделенных семьях. Процент многодетных семей был небольшой. Сравним по этим данным анкету 1897 г. с нашей анкетой 1961 г. по этим же селам:

Число детей в семье по данным 1897 и 1961 гг.

Число детей в семье	Число семей							
	с. Хонхолой		с. Никольское		с. Б. Купалей		с. Бичура	
	1897	1961	1897	1961	1897	1961	1897	1961
1 ребенок	60	64	80	75	69	175	97	нет данных
2 ребенка	103	89	99	111	103	135	136	» »
3 »	114	112	105	86	143	74	154	141
4 »	100	69	79	54	130	55	154	102
5 детей	58	59	35	30	97	22	101	48
6 »	40	35	27	14	37	11	48	25
7 »	18	13	14	6	17	9	23	9
8 »	9	9	5	1	1	3	17	3
9 »	4	2	2	1	1	9	4	2
10 »	1	2	нет	1	нет	нет	4	1
11 »	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
12 »	1	нет	нет	нет	нет	нет	1	1
13 »	нет	нет	нет	нет	1	нет	нет	нет

Приведенная таблица позволяет сделать обобщение, которое свидетельствует, что как в 1897 г., так и в настоящее время большинство семей имеют от 3 до 5 детей. Сравнительно много семей имели и имеют по 6 и 7 детей. В каждом селе есть многодетные семьи, имеющие 8—10 детей. Раньше в каждой семье рождалось 10—15 и даже 20 детей, но очень много их умирало в раннем возрасте, особенно летом в горячую рабочую пору, когда и уход за детьми был недостаточен, и в отношении питания для них это было наиболее трудное время. В настоящее время дети получают все необходимое в любое время года. В Забайкалье, где до недавнего времени аборты были редким явлением, детей много.

Анализ архивных материалов позволяет сказать, что в конце XIX в. господствующей становится семья, состоящая из двух или трех поколений прямых родственников. По численному составу такая семья была от трех до девяти человек. Чаще это были семьи родителей со своими детьми, взрослыми и несовершеннолетними. Реже встречались в конце XIX в. семьи из четырех поколений прямых родственников.

Анкеты позволяют выявить неразделенные семьи, где вместе жили и вели общее хозяйство два — три женатых брата и их взрослые сыновья. Семью возглавлял один из братьев, чаще старший, но иногда и младший, тоже женатый, был главой семьи. Так, в казачьем поселке Нижне-Ульхунском Мангутской станицы одной семьей в 1897 г. жили три брата Трухины. В семье насчитывалось 17 человек. Главой семьи был младший брат Иван Иванович 47 лет, а старшей хозяйкой — его жена (45 лет). У них было шесть детей. Старшему сыну исполнился 21 год, а самому младшему еще и года не было. Средний брат 48 лет служил есаулом в станице. Жене его было 35 лет. У них было пять детей. Старший брат погиб на службе, но его жена, вдова 47 лет, жила с 25-летним сыном в семье Трухиных. По размерам хозяйства — это семья среднего достатка. Трухины нанимали на время страды одного работника и, кроме того, пастуха для круглогодичной пастьбы гулевого скота [7].

Одной семьей жили три женатых брата Афанасьевы в с. Бичура [8]. Во главе семьи был средний брат 50 лет, а старшей хозяйкой — его жена 48 лет.

По данным анкет 1897 г., такие семьи были во всех крестьянских и казачьих селениях; они составляли от 15 до 30% всех семей.

---

[7] ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 6, д. 338, л. 636.
[8] Там ж, д. 344, л. 555.

Анкета позволяет получить данные о семьях, где женатые сыновья вели одно хозяйство вместе с родителями. Во главе семьи были отец и мать; им подчинялись во всех хозяйственных вопросах сыновья, невестки и внуки. Были такие семьи, где с родителями жили 4—5 женатых братьев. По данным 1897 г., в с. Хонхолой из 567 семей в 114 семьях во главе семьи были родители при двух—трех—четырех женатых сыновьях. В 23 семьях в этом же селе главой семьи был отец-вдовец при женатых сыновьях. Например, главе семьи Рюкину было 100 лет, младшему женатому сыну было 40 лет, а отец своих позиций главы семьи не уступал сыновьям. В 19 семьях с. Хонхолой, по данным 1897 г., главой семьи при женатых сыновьях была мать-вдова.

Бюджетный материал анкеты дает возможность видеть социальное расслоение в деревне и более детально рассмотреть некоторые вопросы быта семьи. Возьмем для примера анкету Чебунина Ивана из с. Тарбагатай[9]. Семья Чебунина состояла из 14 человек, в том числе глава семьи 53-х лет, его жена 50-ти лет, мать 70-ти лет, два женатых сына с женами и детьми, один холостой сын 18 лет и три дочери — 12, 9 и 5 лет. Семья жила, видимо, в доме связевой планировки, какие часто встречались в те годы в Забайкалье. При обследовании дом связью почему-то обозначали как два дома. В анкете записаны два амбара, баня, три стайки, $^2/_3$ паровой мельницы, водяная мельница. Веялку хозяин сам сделал, а молотилку выписал, заплатил с перевозом 400 рублей. Из земледельческого инвентаря в хозяйстве было 4 сохи и 2 бороны, а из транспортных средств — 8 телег и 8 саней. Пашни надельной на 4 души 20,5 десятин, из них 10,5 пар, на 8 десятинах посеяна ярица (яровая рожь), а на 2-х — пшеница. Покос на 4 души и еще 3 десятины арендовали. Рабочих лошадей в хозяйстве 8, а всех 11. Дойных коров 2, а всего 15, овец 25, свиней 5. В течение года были следующие расходы:

Подати	— 21 р. 04 коп.
Ремонт избы	— 30 руб.
» инвентаря	— 20 руб.
Пастьба скота	— 18 руб. 85 коп.
Одежда и обувь	— 300 руб.
Свечи	— 15 руб.
Сахар, соль, рыба	— 19 руб. 50 коп.
Крупчатка	— 2 руб.
Чай	— 35 руб.
Водка	— 100 руб.
Богомолье и остальные требы	— 3 руб. и др.

Общий расход денег в течение года составил 611 рублей. Можно считать, что хозяйство это было зажиточное, даже по одному тому, что могли выписать за 400 руб молотилку и, кроме того, потратить много денег на другие предметы хозяйства и быта Большая сумма на водку и одежду была потрачена в связи с женитьбой второго сына В других анкетах эти расходы не превышают 10 рублей в год. Семья, видимо, получала доход от паровой мельницы, молотилки и веялки. Водяная мельница была, как записано в анкете, «без дохода», «для себя». Количество коров и овец в хозяйстве превышает обычное число, какое держали средние крестьяне в этих местах, считавшихся удобными для земледелия.

В некоторых анкетах записано, сколько данная семья в течение года забила какого скота для себя, сколько продала или, наоборот, купила для хозяйства; сколько продали или купили хлеба и другого зерна, корма для скота. Эти данные анкет помогают выяснить экономику хозяйства, его направленность, а анкеты в целом по селу дают возможность рассмотреть хозяйства дифференцированно, под социально-экономическим углом зрения, выявив имущественное положение разных социальных групп населения.

Интересные данные содержатся в специальных бюджетных бланках, которые заполнялись в некоторых селениях в дополнение к подворной анкете. Бюджетные бланки начинались с данных по составу семьи и числу наемных рабочих. Имелись здесь и сведения о постройках, о скоте, о полевых и огородных продуктах. Интересным для нас в этих бланках является перечень рабочего инвентаря, где указаны земледельческие и уборочные орудия, транспорт, предметы упряжи и др. Перечень мебели состоит всего из четырех традиционных предметов — столы, шкафы, кровати, сундуки. Посуда фиксировалась деревянная, железная и кожаная с конкретным перечнем ее — ведра деревянные, корыта, маслобойки, ведра железные, котлы, котелки, кожаные мешки-турсуки, подойники. Посуда кухонная и чайная перечислялась отдельно: чугуны, сковороды, миски, тарелки, ножи, таганки, самовары, чайники, стаканы, чашки, ложечки, подносы. В графе «Разные предметы и предметы комфорта» записаны зеркала, часы, лампы

[9] ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 6, д. 353.

подсвечники, фонари, гребешки, кошельки, балалайки, люльки, рубели, скалки, замки, утюги и др. В графе «Постель и постельные принадлежности» перечислялись: перины, подушки, одеяла, покрывала, пеленки, кошмы, подстилки, ковры, шкуры, овчины, курпяки, шерсть, полотенца.

У этнографа вызывают интерес названия видов одежды (мужской, женской и детской). В перечне мужской одежды читаем: шубы, шубы бараньи, полушубки, халаты, чекмени, камзолы, бешметы, шаровары, штаны, рубахи, малахаи, шапки, шарфы, пояса и кушаки, башлыки, рукавицы, шапки, сапоги, ичеги и др. В перечне женской одежды также шубы, шубы бараньи, полушубки, халаты, головные уборы, рубахи, полушалки шали, платки, пояса, серьги и бусы, варежки, сапоги, ичеги и др. Детская одежда повторяет названия взрослой одежды.

Исследователи отмечали, что в Забайкалье они встретились с разнохарактерными условиями жизни и сложными этническими особенностями местного населения. Приходилось рассматривать его по нескольким группам: крестьяне-старожилы, крестьяне-новоселы, крестьяне-поселенцы, ссыльные, казаки коренные, казаки поздней приписки — из бывших заводских крестьян и др., казаки-инородцы, кочевые и оседлые инородцы, с которыми тесно соприкасались и общались русские старожилы. Сложность этнического состава и специфика историко-экономического развития Забайкалья затруднили обработку этнографического материала. Да и цели обследования были совсем иные. И все же его данные представляют большой интерес с точки зрения этнографии.

Подобные подворные обследования проводились не только в Забайкальской области.

Нам представляется, что анкета сплошного подворного описания и бланки бюджетного обследования являются для этнографа ценным источником при монографическом исследовании разнообразных и широких проблем.

Б. В. Лукин

НЕИЗВЕСТНОЕ СОБРАНИЕ АКВАРЕЛЕЙ ПАНЧО ФИЕРРО В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

(Новые материалы для изучения этнографии и искусства Перу)

Более ста лет хранятся в Ленинграде яркие зарисовки костюмов, быта и обычаев одного из южноамериканских народов, представляющие несомненный интерес прежде всего для этнографов [1]. Судя по испанским надписям, которыми сопровождены все акварели, отдельные из них относятся к середине XIX в. Однако ни эти надписи, ни старинная бумага, ни сами изображения не дают ответа на вопросы, откуда, когда и как оказались рисунки в России, кому принадлежали. Вероятно, отчасти это и было причиной того, что коллекция до сих пор не введена в научный обиход и не знакома исследователям.

В 1896 г. Петербургская Академия наук опубликовала «Список рукописей и бумаг покойного академика Л. И. Шренка», где под номером 36 значились «78 красочных изображений различных слоев населения (все с печатью „Лима")[2]. Об истории их, тем более о художнике ничего не было известно. Между тем на обложке, в которой находились акварели, можно было прочесть: «Оригиналы иллюстраций к путевым дневникам».

Знаменитый зоолог и этнограф Леопольд Иванович Шренк оставил неизданными 7 объемистых тетрадей с испещренными немецким готическим письмом страницами[3]. Эти заметки, кажущиеся теперь совсем неразборчивыми, совершили в 1853—1854 гг. вместе с их автором кругосветное плавание на фрегате «Аврора». Возглавляя академическую экспедицию к берегам Охотского моря, Л. И. Шренк одним из первых среди ученых России побывал в Перу [4]. Его сопровождал художник Василий Поливанов, но предположение о том, что акварели принадлежали ему, отпадает даже при беглом знакомстве с коллекцией [5]. На их американское происхождение указывает среди прочего упоминавшаяся в протоколах Академии печать, текст которой оказался, правда,

---

[1] См. Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР (ЛО ААН), ф. 93, оп. 1, № 24, лл. 1—78.

[2] Там же, ф. 1, оп. 1[а], № 143, «III-е приложение к протоколу заседания Общего собрания 6 апреля 1896 года».

[3] Сначала Л. И. Шренк намеревался опубликовать эти дневники, но затем по неизвестной нам причине передумал, запретив их печатать и своим наследникам.

[4] Подробнее о путешествии см.: Б. В. Лукин, Этнографические сведения о Перу середины XIX века в дневнике Л. И. Шренка, «Сов. этнография», 1965, № 1, стр. 124—133; его же. Un naturalista ruso en el país de los Incas, «Novedades de Moscú». 1964, junio, № 23, стр. 15. Материалы о плавании «Авроры» (без упоминания экспедиции Л. И. Шренка) см.: Центральный государственный архив Военно-Морского Флота СССР, ф. 15, оп. 1, № 24; ф. 315, оп. 1, № 639, лл. 1—238 об. (дневник гардемарина Г. Н. Токарева); [Н. А. Фесун], Каллао и Лима (Из записок мичмана Фесуна 1-го, служившего на фрегате «Аврора» в 1854 году), «Морской сборник», т. XVII, 1855, № 7, отд. IV, стр. 91—118; А. Борщаговский, Русский флаг. Исторический роман, М., 1960.

[5] В Архиве АН СССР сохранился карандашный набросок «Вид Лимы от Аламедиты», по всей вероятности принадлежавший В. Поливанову (ЛО ААН, ф. 93, оп. 1; № 23). Художник, стоя на правом берегу реки Римак, нарисовал знаменитый каменный мост и открывавшуюся за ним панораму перуанской столицы, колокольню собора и башни церкви Санто-Доминго. На переднем плане спиной к зрителю запечатлен человек в широкополой шляпе, любующийся пейзажем. Быть может, это фигура Л. И. Шренка.

менее лаконичным. На обороте каждого рисунка различим тусклый прямоугольник с надписью по-испански:

Лавка[6] музыкальных товаров:
инструменты, струны, романсы,
гравюры, рисунки, картины и т. д.
ИНОСЕНТЕ РИКОРДИ
Лима, улица Меркадерес, 273[7]

Возможно, Рикорди и был создателем этих оригинальных зарисовок? Но попытки отыскать сведения о таком живописце не увенчались успехом[8].

В записках Шренка нет упоминаний о приобретении каких-либо рисунков, однако акварели во многом являются иллюстрациями к рассказам Шренка об индейцах, жителях Лимы, народных обычаях[9]. Более того, автор называет описываемые персонажи, танцы и т. п. по-испански, очевидно заимствуя эти названия из пояснений к рисункам. Это наводит на мысль, что отдельные страницы он писал, разглядывая акварели. Дневник подтвердил, что коллекция была привезена из Перу именно Шренком, но не помог выяснить имени художника.

В истории перуанской живописи XIX в. выделяются три фигуры — Игнасио Мерино и Франсиско Ласо, изысканные художники, учившиеся у модных парижских академистов; третий же — их противоположность, выходец из народа Панчо[10] Фиерро, акварелист-самоучка, наследие которого было оценено лишь много лет спустя после его смерти[11].

Многие живописцы Перу того времени были воспитаны на примерах французского академизма, проникавшего в искусство Америки. Когда изредка они обращались к народным темам, то их творения были проникнуты восхищением перед экзотичностью индейских обычаев и тоской по ушедшим временам вице-королевства[12]. Фиерро занимает особое место в истории перуанского искусства. В своем творчестве он обратился к повседневности, к жизни простого народа, к уличным сценкам, используя при этом естественные, свежие краски, т. е. писал то, что отрицалось академической и колониальной живописью[13].

Зарождение народного перуанского рисунка видный исследователь Луис Валькарсель относит к VI в. н. э. и связывает с росписью на сосудах, изготовлявшихся племенами мочика. Отдельные черты народного рисунка есть в зарисовках, которыми индейский хронист Фелипе Гуаман Пома де Айяла иллюстрировал свою рукопись[14], а также в альбоме, созданном в 1782—1788 гг. по распоряжению епископа Б. Х. Мартинеса Компаньона-и-Буханды[15]. Художники-индейцы более позднего периода, с их талантом тонких, добродушно иронических наблюдателей в своих незамысловатых произведениях

[6] В оригинале — «Depósito general», что можно было бы также перевести как «склад» или «хранилище».

[7] За прошедшие с тех пор десятилетия многие улицы и районы перуанской столицы изменили свои названия, однако улица Меркадерес (в переводе — «торговая») по традиции сохраняется. Сегодня это часть центральной магистрали Хирон де ла Унион, где, как и прежде, сосредоточены магазины и торговые лавки. На улице немало старых домов, но так как сменилась и их нумерация, трудно установить, который из них носил № 273 и существует ли он сейчас.

[8] Скорее всего это был один из первых в Перу представителей фирмы музыкальных товаров, основанной миланцем Джованни Рикорди и до сих пор пользующейся влиянием как в Европе, так и в Америке. См.: R. Valcarenghi, Perfiles Ricordi en el continente americano, «Fichero bibliográfico hispanoamericano», vol. 5, Buenos Aires, 1965, № 3, dic., стр. 18—21.

[9] См. ЛОААН, ф. 93, оп. 1, № 1/5, лл. 2 об., 15—16, 17 об., 18—21 об., 25 об.— 26.

[10] Пако или Панчо, как принято называть Фиерро,— уменьшительное от Франсиско.

[11] См.: R. Porras Barrenechea, J. Bayly, Pancho Fierro, Lima, 1959, стр. 60.

[12] См.: J. M. Ugarte Eléspuru, La pintura en el Perú republicano, в кн.: «Arte del Perú. Exposición», Mexico, 1955, стр. 49.

[13] См.: S. Salazar Bondy, Lima la horrible, [Mexico], 1964, стр. 91.

[14] Это сочинение, написанное между 1587 и 1615 гг., было обнаружено лишь в 1908 г. в Королевской библиотеке Копенгагена; первая его часть относится к доиспанскому периоду, вторая представляет описание конкисты, третья посвящена жизни перуанских индейцев после завоевания и содержит географические наблюдения. См.: F. Guamán Poma de Ayala, La nueva crónica y buen gobierno, Partes I—III, Lima, 1956. О рисунках см. там же, 1ª Parte, стр. XIV, XVII—XVIII, 2—3.

[15] См.: «Trujillo del Perú a fines del siglo XVIII. Dibujos y acuarelas que mandó hacer el obispo d. Baltasar Jaime Martínez Compañón», Madrid, 1936.

сумели отразить основные черты обычаев белых и метисов и их психологию. Акварелист Панчо Фиерро — один из продолжателей этих давних традиций [16].

В прошлом столетии не было художника, который знал бы жизнь Лимы лучше, чем он. Известный в Перу живописец Теофило Кастильо сравнивал его искусство с творчеством О. Домье и П. Гаварни [17],— сопоставление не совсем правомерное, поскольку социальная направленность работ Домье была значительно острее, а Гаварни, в отличие от Фиерро, больше интересовался костюмами, чем людьми. Рикардо Пальма, прославленный автор «Перуанских преданий», называл Фиерро лимским Гойей [18]. И хотя трудно сравнивать картины испанского гения с акварелями Панчо, искусствовед Анхелика Пальма признает эту гиперболу не лишенной основания [19]. По тематике акварели можно сравнить с бытовыми зарисовками Буэнос-Айреса кисти англичанина Э. Эссека Видаля, баварца М. Ругендаса и Л. Пальера [20]. На наш взгляд, судьба художника напоминает творческую биографию грузинского самородка Нико Пиросманишвили. И все же эти сопоставления очень приблизительны, так как произведения Фиерро были слишком своеобразны.

Сравнения приводят нас к предположению, что автором хранящихся в Ленинграде рисунков был не кто иной, как акварелист Панчо Фиерро. И в акварелях ленинградской коллекции, и в репродукциях с его признанных работ есть немало общих черт: та же творческая манера, насыщенный колорит с контрастными сочетаниями интенсивных цветов — изумрудный, желтый, синий, киноварный, простота и выразительность форм, плоскостная трактовка фигур, отсутствие сложных композиций, условный прием начертания лица, позволяющий, однако, передавать характер модели, наконец, приблизительно тот же размер рисунков и идентичность некоторых фигур [21].

В записках историка искусств Хайме Байли находим несколько строк, подтверждающих нашу гипотезу. Он замечает, что отдельные акварели Панчо Фиерро выставлялись в лавке у некоего Иносенте Рикорди, где можно было увидеть и купить все, что заблагорассудится. «Этот магазин,— пишет Байли,— помещался в доме 273 по улице Меркадерес и на улице Мантас, хотя похоже, что сначала он находился на последней» [22]. Очевидно, у лавочника Рикорди и приобрел Шренк в апреле 1854 г. одно из ранних собраний зарисовок художника, которого тогда мало кто знал в Перу, а тем более за его пределами.

Фиерро родился в 1810 г.[23] в Лиме, столице вице-королевства Перу, в бедной семье негра и индианки. То был год начала бурных событий в испанских колониях. Внешнеполитическое положение метрополии становилось все более шатким. Под натиском войск наполеоновской Франции рушилась феодально-абсолютистская монархия в Испании. С неодолимой силой развертывалось освободительное движение в Латинской Америке. Перуанские патриоты, на которых обрушивались все более жестокие репрессии испанцев, превративших Лиму в цитадель колониальных вооруженных сил, чувствовали приближение свободы. Это произошло в июле 1821 г. Вице-король Ласерна с преданным ему войском скрылся в горах — жители Лимы, среди них и совсем юный Панчо Фиерро, встречали «Армию освобождения Перу».

В исторический день 28 июля, когда генерал Хосе де Сан-Мартин, обратившись к народу, провозгласил страну независимой, Фиерро был на главной площади. Он увидел многоликую толпу бедняков, спустившихся с Анд, пришедших из пустынь и

---

[16] См.: L. E. Valcarcel, Ruta cultural del Perú, México, 1945, стр. 192—193.

[17] См.: R. Porras Barrenechea, J. Bayly, Указ. раб., стр. 60.

[18] См.: R. Palma, Tradiciones peruanas completas, Madrid, 1961, стр. 442, 1071, 1072. Вслед за Р. Пальмой это сравнение повторялось в кн.: L. E. Valcarcel, Указ. раб., стр. 193; C. Miró, Don Ricardo Palma, el patriarca de las tradiciones, Buenos Aires, [1953], стр. 14 и др.

[19] См.: A. Palma, Pancho Fierro, «Arte y Biografía», Festival de Lima — X, Edición Antológica, Lima, 1959, стр. 88.

[20] См.: J. L. Lanuza, Pintores del Viejo Buenos Aires, [Buenos Aires, 1961], стр. 15—18, 45—48, 55—57.

[21] Ср., например, акварели «Saya y manto moderna arrodillada» (ЛО ААН, ф. 93, оп. 1, № 24, л. 61) и «Tapada» из коллекции д-ра Мануэля Сиснероса («Arte del Perú. Exposición, México, 1952, стр. 47). Многие рисунки Фиерро, хранящиеся в Музее Испанистского общества Америки в Нью-Йорке (по шифру Музея: № A22-09, 11, 24, 26, 33, 36, 39, 56, 64, 65, 71, 76, 85, 86, 88, 90), почти повторяют соответствующие по теме акварели ленинградской коллекции (ЛО ААН, ф. 93, оп. 1, № 15, 72, 65, 73, 26, 21, 43, 58, 42, 54, 11, 7, 36, 38, 45, 10), не являясь, однако, их копиями. Не вызывает сомнения, что они принадлежали одному художнику; обе коллекции как бы дополняют одна другую. Это сходство удалось установить благодаря материалам, которые нам любезно предоставила хранитель Музея Испанистского общества Америки Элис У. Фротингэм.

[22] R. Porras Barrenechea, J. Bayly, Указ. раб., стр. 50.

[23] До последнего времени в литературе ошибочно указывался 1803 г. как год рождения художника. Новые данные см. там же, стр. 38.

сельбы. По площади сновали уличные торговки, «тапады»[24], шумели ремесленники, с достоинством восседали на балконах богатые горожане. Может быть, именно в этот день будущий художник осознал свое призвание.

В ранние годы Панчо взялся за кисть, чтобы писать анонсы боя быков, любимейшего развлечения жителей Лимы. Это было верным средством для заработка, так как поставлял городу объявления о корриде один из его друзей.

Настоящая творческая деятельность его началась с зарисовок людей из народа в дни шумных празднеств с массовыми шествиями и фейерверками. На небольших листах акварелью делает он свои наброски, и ему удается придать им столько жизненной силы и очарования, что он навсегда отдает предпочтение этой технике. Иногда он получал заказы на украшение садовых оград и стен зданий живописным орнаментом в национальном духе, с аллегориями и буколическими пейзажами. Декоративной живописью Панчо любил заниматься и под старость. Роспись лимских домов он делал темперой; материал для этого давали ему наброски с натуры; так же писал он и праздничные афиши коррид, но ни из его стенных росписей, ни из афиш доныне ничего не сохранилось. Хотя в скупом некрологе художника упоминается о картинах, написанных маслом, и выполненных углем портретах, которые он оставил семье[25], эти работы до нас не дошли.

Фиерро видел триумфальный конец борьбы за независимость Перу. Будучи горячим сторонником республики и свободы, в политике он поддерживал прогрессивные действия президента Рамона Кастильи, в годы правления которого были отменены рабство и подушная подать, взимавшаяся с индейцев.

Имеется лишь один источник, позволяющий представить, как выглядел Фиерро,— это портрет работы Николаса Паласа, хранящийся в Национальном историческом музее Перу. Он написан через 9 лет после смерти художника. Автор изобразил его по памяти. Перед нами человек средних лет, у него правильные черты лица, широкий и высокий лоб, слегка вьющиеся черные волосы, густая борода, прямой нос, проницательный взгляд[26].

Панчо был веселого нрава, легко сходился с людьми. О нем рассказывали множество смешных историй, например, как в 1850 г. он угодил в тюрьму в наказание за акварель «Сцена в военном госпитале Сан-Бартоломе», на которой был изображен бородатый офицер с перевязанной головой и в нижнем белье, отплясывающий фривольный танец «самакуэка» с монашенкой из монастыря милосердия. Высмеивая офицерство и сестер ордена милосердия, служивших в больницах, акварель шокировала лимскую аристократию. Веселый юмор и оптимизм присущи большинству работ Фиерро.

Впоследствии самобытная фигура художника привлекала внимание литераторов. Так, Сесар Миро в своей книге о Рикардо Пальме посвятил его образу, в сознании потомков тесно связанному с Лимой прошлого столетия, честь первой главы под названием «Этот романтический город»[27].

Говоря о влияниях на искусство Фиерро, полагают, что однажды ему попал в руки журнал с рисунками Гаварни или он увидел где-то репродукции «Каприччос» Гойи, или же просто рассматривал иллюстрации в юмористических газетах, вроде «Политическая самакуэка», «Летучая мышь», «Бубенчик», чем, наверное, и ограничивалось его образование. «Вот почему творчество этого креольского живописца являет собой поразительный пример художественной интуиции,— писала Анхелика Пальма.— Живописная среда, окружавшая его, заставляла браться за кисть, и, неискушенный в технических средствах, ошибаясь в рисунке, он, однако, уверенно владел цветом и обладал врожденным умением придания динамичности и правдивости своим образам»[28]. Существует мнение, что на него оказывали влияние иностранные художники, посещавшие Перу, например, Мориц Ругендас, который после участия в экспедиции академика Г. И. Лангсдорфа в Бразилию еще долго странствовал по Латинской Америке[29]. Но не следует переоценивать значения случайных влияний. Фиерро прежде

---

[24] Tapada (от исп. taparse — покрываться, закутываться) — женщина, драпировавшаяся по лимскому обычаю в манто или платок, чтобы не быть узнанной. Обычай этот был широко распространен в Лиме до середины XIX в.; известны безуспешные попытки возродить его в более поздние времена.

[25] См. «Pancho Fierro», «El Comercio», Lima, 1879, 2.VIII.

[26] См.: J. A. de Lavalle, Pancho Fierro, pintor vernacular, «Cultura peruana», vol. 1, Lima, 1941, Julio.

[27] См.: C. Miró, Указ. раб., стр. 13—17.

[28] A. Palma, Указ. раб., стр. 88; также см.: ее же, Pancho Fierro, acuarelista limeño, в кн.: «Costumbristas y satíricos. (De Terralla a Yerovi)», Paris, 1938, стр. 251. В основу этой работы были положены доклады А. Пальмы о творчестве Фиерро, прочтенные ею в 1930 и 1931 г. в Иберо-американском союзе и Музее современного искусства в Мадриде и в одной из лимских библиотек.

[29] См.: R. Porras Barrenechea, J. Bayly, Указ. раб., стр. 21.

всего были близки национальные источники, достижения культуры народа, которые он по-своему воплощал в собственных произведениях.

Жил он на скромные гонорары, получаемые за афиши, стенные росписи и акварели. Работу ему заказывали лимские кабальеро, которых забавляли его картинки. За каждую охотно давали два—три песо. Иногда акварелисту просто ставили рюмку агуардьенте.

Скончался художник 28 июля 1879 г. в городской больнице.

Панчо Фиерро можно назвать истинным представителем костумбристской школы, зародившейся в недрах романтизма. Костумбристы стремились к правдивому описанию быта и нравов людей. Это течение в искусстве, как обращение ко всему своеобычному, возникло в начале XIX в. в связи с подъемом национального самосознания народов освобождавшейся от колониализма Латинской Америки, охватившим широкие демократические слои населения. Вместе с тем оно выражало протест против нивелирующего влияния буржуазной культуры. Рождаясь из романтического увлечения национально-своеобразным, костумбризм выходил за рамки романтизма, ибо стремился к типизации средствами реалистического искусства [30].

Акварели Фиерро живо перекликаются с произведениями перуанских драматургов Мануэля Ассенсио Сегуры и Фелипе Пардо-и-Алиаги, которых увлекали те же темы, что и их современника Фиерро, тот же интерес к жизненной прозе, к изображению маленького человека, то же обыкновение под видом добродушного одобрения порядка вещей высмеять его отрицательные стороны.[31]. Оба писателя и акварелист были костумбристами, многое их объединяло, между тем в своих оценках они не были едины. Если, как отмечал виднейший социолог Хосе Карлос Мариатеги, ирония комедии Пардо и Сегуры основана на патриархально-консервативной тенденции [32], то самбо Панчо Фиерро отражал настроения другого, либерально-критического направления в костумбризме. Однако многим из его акварелей не доставало силы и пафоса социального обличения В этом смысле понятно высказывание перуанского писателя: «Этот непосредственный в своих чувствах художник видел лишь эпителий жизни, ее будничную оболочку, ее веселую маску, то есть, по словам Аурелио Миро Кесады, был как бы „создателем первого иллюстрированного обозрения страны“» [33].

В настоящее время рисунки Фиерро широко известны в Перу. Несколько десятков хранятся в городской картинной галерее, другие находятся у частных лиц. Испанистское общество Америки располагает 89 акварелями [34], небольшое собрание его работ есть и в Библиотеке Конгресса в Вашингтоне [35]. Выдающийся художник Перу Хосе Сабогаль так писал о популярности, которую прибрели творения Панчо на родине: «Акварели сохранялись в перуанских семьях с великой симпатией к этим истинным, присущим духу побережья изображениям, их ценили как остроумные карикатуры, за едкие насмешки, сквозившие во многих из них, за любовь к образам и обычаям Лимы» [36].

Одним из первых собирателей этих зарисовок был крупный ученый Агустин де ла Роса Торо. Ему удалось составить богатую коллекцию, которую в 1885 г. он преподнес Рикардо Пальме. Литератор раздобыл еще несколько акварелей и создал двухтомный альбом из 238 рисунков под названием «Лима». Типы и обычаи кистью Панчо

---

[30] См.: З. И. Плавскин, Костумбризм, «Краткая литературная энциклопедия», т. 3, М., 1966, стр. 773.

[31] См.: R. Porras Barrenechea, J. Bayly, Указ. раб., стр. 61—62, 64; также см.: A. Palma, Pancho Fierro, acuarelista limeño. В кн.: «Costumbristas y satíricos. (De Terralla a Yerovi)», Paris, 1938, стр. 239—242; J. de Arona, Diccionario de peruanismos, Paris, 1938, стр. 28.

[32] См. Х. К Мариатеги, Семь очерков истолкования перуанской действительности, М., 1963, стр. 269—270, 274, 296.

[33] S. Salazar Bondy, Указ. раб., стр. 91.

[34] См. A. Pursche, Scenes of Lima attributed to Pancho Fierro, «Notes Hispanic», vol. IV. New York, 1944, стр. 92—132. Помимо описанных у Анны Перше рисунков, в Музее Общества имеются выполненные в стиле Фиерро серии «Костюмы Перу» (A1600-05, A2177-83), «Народные типы Лимы» (A3026-46) и «Зарисовки перуанских костюмов» (A3096-122). Почти все эти зарисовки поступили в Музей в 1931 и 1947 гг. от основателя Общества Арчера М. Хантингтона, который в свою очередь приобрел их у лейпцигского антиквара. См.: K. W. Hiersemann, Katalog 311, № 13986; 314, № 362, Leipzig, 1905; Katalog 327, № 1129; 371, № 85, Leipzig, 1906, 1909.

[35] Это 36 акварелей, составляющие коллекцию американского промышленника У. Уилрайта, который в середине XIX в. долго жил в Южной Америке. См. о них: P. Vanderbilt, Guide to the special collections of prints and photographs in the Library of Congress, Washington, 1955, стр. 162.

[36] J. Sabogal, Pancho Fierro. La obra del pintor criollo, «Arte y Biografía» Festival de Lima — X, Edición Antológica, Lima, 1959, стр. 77—78.

Фиерро». Это собрание в 1917 г. перешло в руки А. Пальмы, дочери писателя, а затем было приобретено лимским муниципалитетом [37].

Познакомившись в общих чертах с разрозненными и довольно скудными источниками для биографии художника, обратимся к ленинградской коллекции его произведений. Это 78 подлинных акварельных рисунков, приблизительный формат каждого листа 31×24 *см*, изображения — 18×12 *см*. На некоторых листах в углу рельефно отпечатаны кадуцей и две латинские буквы «E. B.», хорошо просматривается водяной знак. Все акварели подписаны перуанцем, что подтверждается рядом орфографических особенностей [38]. Создается впечатление, что эта серия акварелей была выполнена по единому заказу, причем незадолго до ее продажи Шренку.

Коллекция акварелей Панчо Фиерро — научный источник безусловной ценности для этнографов, так как содержит большое количество зарисовок с натуры жителей Лимы в типичных костюмах, относящихся ко времени, когда еще не была распространена фотография, и позволяет судить о таком важном элементе материальной культуры перуанцев, как одежда. Среди рисунков находим изображения костюмов мужчин, женщин, детей, сделанные в различных обстоятельствах их каждодневной жизни. Главное место здесь занимают зарисовки индейцев. Художник дает нам представление об индейском населении не только прибрежной части Перу, но всех трех районов страны, подмечая их характерные черты и различия («Индеец Сьерры» (1)[39], «Индианка Сьерры. Инка» (9), «Индианка Сьерры в праздничном наряде» (73), «Типичный индеец Монтаньи» (77), «Индианка Косты» (75))[40]. Женщина с последней акварели отличается своим более метисским видом (прическа, костюм). Демократический интерес к жизни народа заставил Фиерро обратить внимание на обитателей Сьерры и Монтаньи задолго до того, как деятели искусства и литературы, следуя призыву писателя и ученого Мануэля Гонсалеса Прады [41], стали понимать, что Сьерра и Монтанья — тоже Перу, и занялись изучением их жизни.

Ежедневно художник мог наблюдать индейцев, торговавших вразнос на улицах столицы (обычай, типичный для Лимы XIX в.) — то это был продавец сухарей, то ин-

---

[37] См.: A. P a l m a, Pancho Fierro, стр. 85—86. Рисунками из этой коллекции была иллюстрирована книга A. P a l m a, El Palma de la juventud, Selección de tradiciones y poesías, Lima, 1921; 56 акварелей опубликованы в сборнике [A. Palma y Roman], Pancho Fierro, acuarelista limeño, Selección publicada bajo los auspicios de la Municipalidad de Lima, en el IV centenario de la fundación de la ciudad, Lima, 1935. Кроме того, см. альбом J. S a b o g a l D i e g u e z, Pancho Fierro. Estampas del pintor peruano, Buenos Aires, [1945].

[38] Среди них — явление «seseo» — Bis<u>c</u>ochero Arro<u>s</u>era, Fransis<u>c</u>o, опускание непроизносимого «h» — Saumadora, Eladero, иногда переход безударного e>i — Ama<u>c</u>ais, замена g>j перед «i» — Colej<u>i</u>al, а также несколько «сверхкорректных» форм, вроде <u>C</u>errano и <u>Z</u>anguarana; часто недостает диакритических знаков. Это говорит о том, что человек писал слова так, как они произносились в его стране, не будучи особенно искушен в испанской грамматике. Сам Фиерро не подписывал рисунки, и их комментировали коллекционеры Роса Торо, Хакоби, Лавалье, Пальма. В последние годы жизни он стал употреблять бумагу с выдавленной печаткой: «Ф. Фиерро» (см. R. P o r r a s B a r r e n e c h e a, J. B a y l y, Указ. раб., стр. 71, 77). Причиной, вероятно, было появление к тому времени ряда подражателей, о чем см. главу «La farándula criolla del panchofierrismo» в кн.: M. G a l l a g h e r d e P a r k s, Mentira azul, Lima, 1948. В данном случае подписи к рисункам сделаны кем-то из окружения художника.

[39] Цифры, проставленные в скобках, здесь и далее соответствуют номерам листов по шифру: ЛО ААН, ф. 93, оп. 1, № 24.

[40] В физико-географическом отношении Перу делится на три района: Косту — длинную полосу побережья с сухими почвами и густо населенными оазисами; Сьерру — раскинувшиеся среди горных хребтов жаркие долины, и, наконец, Монтанью, представляющую собой покрытые лесами и малонаселенные земли на востоке за склонами гор. Это деление оказывает влияние на всю социальную и экономическую действительность страны. Сьерра — индейский, а Коста — испанский или метисский район. Индейская раса и индейские языки, вытесненные из Косты испанцами, нашли прибежище в Сьерре. Социальная структура Монтаньи изучена мало, хотя там существуют поселения с традициями и обычаями, сильно отличающимися от обычаев жителей Косты и Сьерры. Подробнее см.: Х. К. М а р и а т е г и, Указ. раб., стр. 236—241; а также F. T o o r, Three Worlds of Peru, New York, [1949].

[41] В одной из своих речей 1888 г. он заявил: «Истинное Перу — это не группки креолов и иностранцев, населяющих полоску земли между океаном и Андами. Истинная нация — это миллионы индейцев, поселения которых рассеяны по восточному склону горной цепи». Высказывание это получило сильный резонанс в перуанской литературе. См.: A. C o m e t t a M a n z o n i, El indio en la novela de América, Buenos Aires, [1960], стр. 16—17.

дианки, криками предлагавшие прохожим сыр, арахис, творог, рыбу, торговки углем и т. д. Мужчины носили брюки до колен, пончо, шляпы с высокой тульей (1). На нищем чоло длинное синее пончо с красными полосами, белые штаны, в руках он держит монету, прося милостыню (5) (рис. 1). Большинство мужских фигур — торговцы, нищие, индейцы — босы, иногда у них на ногах легкие сандалии. Индианки-торговки одевались в длинное синее платье с красным поясом и носили широкополую светлую шляпу, иногда перевязанную яркой лентой (11, 13, 9, 14, 74). Отправляясь в горы, они накидывали на плечо шкуру ламы или альпаки вроде плаща (11, 76).

Жители Лимы в их повседневных занятиях запечатлены на акварелях «Водовоз» (26, 28), «Самбо-носильщик» (30), «Соборный сторож» (48), «Негр-крестьянин» (71), «Булочник» (3), «Молочница» (4), «Торговка маисом» (18), «Негритянка, торгующая птицей» (21), «Дровосек» (27), «Торговка чичей» (25), «Уличная женщина» (58), «Продавщица арбузов» (19) и др.

Рис. 1. Нищий чоло в длинном синем пончо с красными полосами (из ленинградского собрания)

Фиерро заботливо фиксирует красками оттенки цвета кожи своих персонажей. Здесь есть негры, чоло, самбо, индейцы. Сочувствием и жалостью к обездоленным проникнуты рисунки «Чоло, просящий подаяния» (5) и «Солдат и чоло — рекрут или армейский набор» (67), где изображен бедняк, которого насильно забирают в армию (рис. 2). Или акварель «Индианка-маркитантка в походе» (31), в которой художник говорит о нелегкой доле женщин-торговок, уходивших в Анды за военными отрядами, чтобы облегчить им долгие переходы [42].

Художник показывает местных жителей в разнообразных позах, что дает возможность более полно наблюдать детали костюма. Городские жители, мужчины среднего сословия носили белые рубахи с засученными рукавами и жилеты без застежек. У торговца травами, погоняющего груженого осла, голова перевязана красным платком, поверх которого набекрень надета круглая плоская шляпа (6).

Женщины, большей частью негритянки и индианки, как и мужчины, носили пончо, но более короткое (21, 23). Детей нередко одевали так же, как взрослых,— в пончо, шляпы и пр. (76). По одной из акварелей мы узнаем, как выглядел костюм лимского фонарщика, сопровождавшего священников для соборования больных. Это элегантно одетый человек с длинными бакенбардами и галстуком, в красной короткой крылатке (49). Своеобразно изображение соборного сторожа или «собачника», одетого как дэнди. Он тщательно подстрижен, носит бакенбарды (48). Служить при церкви считалось большой честью, причем каждому служащему полагался особый костюм, более нарядный в дни праздников.

За годы республики во внешности и привычках горожан произошли перемены. В мужской одежде исчезли старинные испанские плащи, расшитые камзолы, кружевные манжеты, стали популярны черный сюртук, фрак, маленький галстук из атласа или бархата, шелковые жилеты, длинные брюки по фигуре, желтые перчатки, трости и в качестве украшения — массивные часы с музыкой. Мужчины перестали носить парики, пудрить волосы, сняли с поясов короткие шпаги. На лицах, прежде гладко выбритых, стали появляться усы и эспаньолки. Фиерро подмечает эти новшества и не без юмора изображает их в портретах знати.

Особенно любил художник рисовать лимскую женщину, «тападу», в традиционной сайе, юбке с продольными складками, сужавшейся книзу (saya ajustada), и манто, платке, накинутом на голову и плечи и, как правило, прикрывавшем один глаз. «Тапада» стала в его творчестве чуть ли не «репрезентативным» произведением. Настоящую сайю мог сшить только лимский портной и для ее изготовления требовалось

[42] Как утверждал американский путешественник И. Дж. Сквир, почти каждого пехотинца в перуанской армии сопровождала маркитантка, которая могла быть формально его женой. См. A. Pursche, Указ. раб., стр. 123.

14 вар, или около 11 метров атласа. Она могла быть различных цветов[43], манто же всегда было черным. В год приезда Шренка в Лиму женщины уже начали забывать типичную одежду, сайя стала широкой книзу (saya desplegada), вошли в моду кринолин, воланы, разноцветные платки, однако кое-где появлялись еще «тапады», похожие на прежних[44].

В коллекции есть девять акварельных изображений жительниц Лимы в сайе и манто, причем рисунки хронологизированы и учитывают эволюцию этого женского костюма: «Сайя и манто» (59), «Коленопреклоненная женщина в старинной сайе» (57), «Старинная сайя 1830 года» (60), «Дамы в сайе и манто в церкви. 1836 год» (63) (рис. 3), «Старинная сайя. 1840 год» (64), «Современная сайя 1852 года» (56), «Женщина в современной сайе и манто» (61), «Сайя и манто 1854 года» (2). Изображая сайю и манто, художник подчеркивает, что их носили все городские женщины, кроме рабынь; мы не видим ни одной индианки в таком костюме.

Рис. 2. Солдат и чоло-рекрут (из собрания Музея испанистского общества Америки)

Отличается от народных образов персонаж рисунка «Судья», это верный страж порядка и законности, опора высшей власти (51). У него большая голова, увенчанная треуголкой с султаном, он во фраке, с орденом на шее[45]. Скрытая улыбка сквозит и в некоторых зарисовках армии лимского духовенства: это священник из церкви при монастыре Блаженной кончины в черном одеянии с нашитым красным крестом на груди (рис. 4), и одетый в синее монах-францисканец с выстриженными волосами на затылке, служитель монастыря босых из общины Санта-Роса-де-Окопа, фигуры монаха из конгрегации бородачей, с бородой и в черной широкополой шляпе, украшенной сзади двумя кисточками (38), миссионера в коричневом платье и в такой же накидке с капюшоном, из-под которого выглядывает профиль его смиренного лица (41), послушники, семинаристы. Карикатурно написан простой священник в длинном одеянии и в плоской шляпе с загнутыми вверх полями (42).

Художник останавливает наше внимание на прическах жителей. Мужчины-чоло, судя по рисункам, носили длинные волосы, заплетенные сзади в косу, а спереди ниспадавшие на щеки (5, 65).

Примечательны изображения характерных сценок перуанской жизни тех лет. Вот, к примеру, рисунок «Веселье в Аманкаес» (66)[46] или «Сангуаранья» (69)[47] и «Самакуэка» (68) (рис. 5) — народные танцы под пение, от которых затем произошли по-

---

[43] Представительницы аристократии носили в основном черные сайи, женщины же среднего сословия предпочитали яркие краски. См. A. Pursche, Указ. раб., стр. 108—109.

[44] [Н. А. Фесун], Указ. раб., стр. 105.

[45] «Судья» напоминает центральную фигуру акварели Фиерро «Супруги, направляющиеся к церкви в святой четверг», хранящейся в Лиме.

[46] Аманкаес — пологая долина близ Лимы, покрытая цветущими в течение многих месяцев желтыми орхидеями (amancay). Ежегодно 24 июня в день святого Хуана туда направлялось после полудня почти все население города; устраивались длившиеся долго народные празднества и развлечения. Теперь 24 июня каждого года в Аманкаес отмечается День индейца.

[47] Не исключено, что в этой акварели Фиерро намеревался иронически представить армейского офицера (ср. описание формы гвардии президента в ст. [Н. А. Фесун], Указ. раб., стр. 108). Тогда тема ее очень сходна с замыслом описанной выше акварели «Сцена в военном госпитале Сан-Бартоломе».

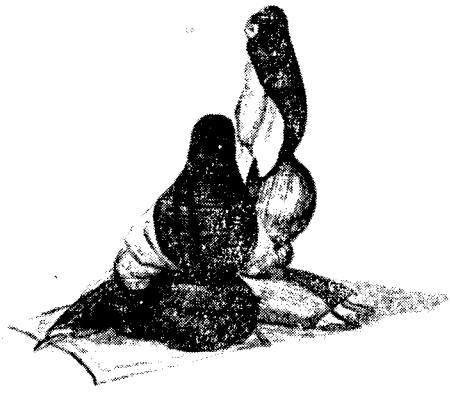

Рис. 3. Дамы в сайе и манто в церкви. 1836 г. (из ленинградского собрания)

Рис. 4. Священник (из собрания Музея испанистского общества Америки)

пулярные в Перу и Чили песни-танцы «маринера» и «куэка». В Чоррильос, поселение индейцев-рыбаков в 8 милях от Лимы, имели обыкновение приезжать семьи состоятельных горожан для морских купаний. За реал они арендовали индейские хижины на берегу и нанимали индейцев и чоло в качестве учителей плавания или слуг. Одна из сцен подобного отдыха запечатлена на акварели «Чоло — учитель плавания» (65) [48].

О весьма распространенном обычае рассказывает рисунок «Индеец с ракетами на пути в Сьерру» (8) [49]. Изготовлявшиеся ремесленниками ракеты для фейерверка использовались во время празднеств, в религиозных процессиях, при католических мессах; употребляли их и как сигнальные средства, когда нужно было оповестить о прибытии какого-нибудь знатного лица. Этот обычай возник в годы конкисты и с тех пор был принят как метисной, так и туземной частью населения.

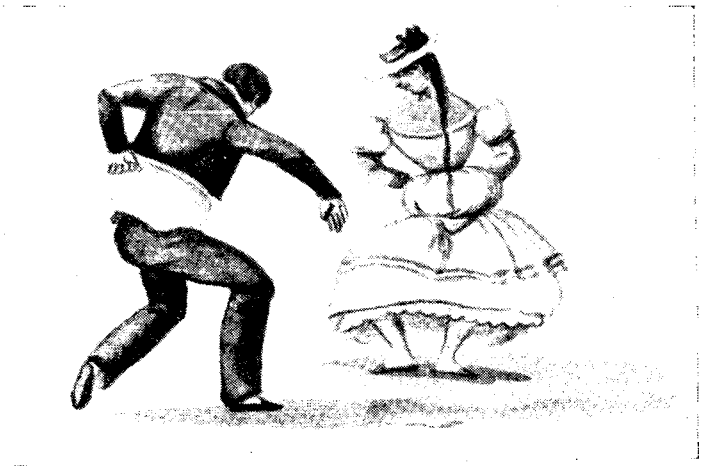

Рис. 5. «Самакуэка» — народный танец (из ленинградского собрания)

На рисунках представлен бытовавший в Перу индейский обычай переносить младенцев за плечами. Женщины привязывали их к шее с помощью манто, что позволяло занять руки продуктами (9, 31) [50]. Другая женская привычка тех времен — приносить с собой в церковь коврик, на который дамы становились, чтобы молиться (57, 61, 63).

По вечерам, если не светила луна, Лима погружалась в темноту, так как свечи в больших фонарях, висевших почти у каждой двери, догорали часам к десяти, и никто не менял их. Поздний прохожий всегда нес свечу, если его не сопровождал слуга с фонарем. Торговля свечами, которые пучками прикреплялись продавцом к длинному шесту, переносимому на плече, бойко шла днем (7).

Часто торговцы носили товары на голове. Именно так изображены продавщицы пышек (22), рисовой каши (23), торговка чичей (25). Интересна акварель «Мороженщик». Человек держит на голове большой деревянный сосуд со льдом, в нем бидон с мороженым (рис. 6). Эти люди одними из первых появлялись по утрам на улицах. Как отмечали путешественники, обычай приготовления мороженого сохранился у жителей столицы издавна, и она была едва ли не единственным южноамериканским городом, куда для этого ежедневно привозили с гор лед [51]. Перуанцы считали, что мороженое

[48] Аналогичный рисунок, но под названием «Купание в Чоррильос», имеется в Испанистском обществе Америки. См. A. Pursche, Указ. раб., стр. 124.

[49] Примитивные ракеты представляли собой патрон из полого стебля сахарного тростника или осоки, перевязанного просмоленной веревкой и набитого порохом. Патрон прикреплялся к концу длинной палки и разрывался в воздухе, когда через отверстие с одного из его концов поджигали порох.

[50] Такой же способ был распространен в Мексике, Гватемале и некоторых других латиноамериканских странах.

[51] См. [К. Т. Хлебников], Взгляд на полвека моей жизни (Из записок К. Т. Х.), «Сын Отечества», ч. CLXXV, 1836, стр. 322.

как ничто другое освежает кровь. Более распространен был иной способ транспортировки товаров: торговцы разъезжали на ослах, лошадях, мулах, обвешанных корзинами, бочками, коробками из козьей кожи (26, 27, 28). Характерной моделью для художника служили также носильщики, перетаскивавшие тяжести на спине (29, 30).

Начав свою художественную биографию с афиш корриды, Фиерро не оставлял своего давнего увлечения; в коллекции есть четыре акварели, относящиеся к бою быков и позволяющие судить об особенностях корриды в Перу. Одна из них говорит о том, что перед началом боя быков устраивалось представление с так называемым «харипео», т. е. седланием быка. Перед нами человек в легкой белой одежде, который, с трудом удерживаясь верхом на спине быка, с помощью палки перекручивает его тело веревкой (54) [52]. На другой акварели изображены короткая попона на спине животного и перевязь на шее, указывающие на тот же обычай. Костюмы участников боя быков отличались от испанских. Вместо принятого в Испании ярко-желтого с красным наряда пикадора на перуанском рехонеадоре, держащем наперевес длинную гаррочу, обычные белые длинные брюки, пончо и чисто лимская шляпа (рис. 7). Наряды капеадора и бандерильеро менее богаты, нет ярких аппликаций, красных галстуков, черных шапок [53].

Рис. 6. Продавец мороженого (из собрания Музея испанистского общества Америки)

Много внимания уделяет Фиерро всадникам. Об этом свидетельствуют акварели «Негр, путешествующий верхом по обычаю страны» (72), «Чоло верхом в традиционной позе» (32) и др. Перуанцы очень увлекались лошадьми и использовали их всюду. Конь служил бедным и богатым и был для Панчо одним из любимейших образов, хотя он и не интересовался специально миром животных. К этим образам он прибегает для более полной характеристики того или иного персонажа. Наблюдательность позволяет художнику верно передавать упряжь, сбрую лошадей, мулов и ослов, служивших тогда основным видом транспорта в столице. Он никогда не изучал законов перспективы и часто пишет лошадей в более или менее одинаковом, однажды найденном положении. Тенденция к стереотипизации положений животных проявляется и в акварелях, посвященных корриде, на которых перед нами, казалось бы, одно и то же изображение разъяренного быка (52, 54, 55).

Все персонажи Панчо Фиерро жизненны, будь то показанные с легкой иронией высокомерные представители властей, пышные дамы, воинственные сеньоры или простой народ, написанный с сочувствием.

Диапазон творчества акварелиста очень широк; его волновало разнообразие человеческих судеб, заботы человека. Мы почти не видим у него зарисовок природы. Единственная сценка с привлечением пейзажа запечатлена на акварели «Чоло — учитель плавания». Фиерро интересовала жизнь всех слоев городского населения, и он постоянно стремился к показу современного ему человека. Особенность его мастерства — это умение несколькими лаконичными штрихами передать местный колорит. Его индейцы и самбо

[52] Суть традиции, существовавшей в Лиме с 1674 г., заключалась в том, что наездник должен был доскакать верхом на быке до середины арены. Если это ему удавалось, он получал быка в награду. См. J. E. Calmell, Diccionario taurino del Perú, Lima, 1943, стр. 51.

[53] Ср. D. Perea, ¡A los toros! Album compuesto de 28 acuarelas originales del reputado pintor de escenas taurinas..., Barcelona, s. a.

ремесленники и рабочие, водовозы, рыбаки, торговцы — истинные хозяева улицы. В непринужденной технике пишет он народные празднества, танцы, и в его произведениях всегда сквозит веселая искра. Фиерро увековечил типажи большого южноамериканского города, передавая настроение и характер людей при помощи выразительного жеста, ситуации.

В основе его работ лежит легкий карандашный набросок рисунка, на который затем накладывался прозрачный слой акварели. Светлый фон и уверенные линии подчеркивают силуэт, живопись которого дает ощущение потенциальной динамичности.

У Фиерро почти нет многофигурных композиций. В миниатюрных фрагментарных сценах сжато и обобщенно отражена действительность целой эпохи. При всем минимуме изобразительных средств он умел выразить многое. Для него очень важен цвет, который он использовал энергично и содержательно. Краски, всегда яркие и разнообразные, подчеркивающие близость Фиерро индейских традиций, составляют удивительную гамму.

Биографы Фиерро, повторяя высказывание Р. Пальмы, называют его талантливым предшественником современных карикатуристов Перу, указывая, что его кисть часто стремится к гротеску, насмешливой и нарочитой деформации, наделяя объект сатиры гипертрофированной головой, гигантским носом [54].

Во всех акварелях проявляется свойственная живописцу точность в деталях, хотя для него не столько важны костюмы, внешность, сколько тип человека. Рисунки его представляют интересный этнографический документ, достоверно отображающий быт первых 50 лет Перуанской республики. Ведь многие обычаи, запечатленные художником, либо неузнаваемо изменились, либо совершенно исчезли.

Рис. 7. Перуанский рехонеадор (из ленинградского собрания)

Если все, кто занимался творчеством Фиерро, единодушно признают интерес его акварелей для изучения перуанской жизни определенного периода, то значимость его рисунков для искусства была предметом споров [55]. Критики, охотно называвшие Фиерро художником-летописцем или бытописателем старой Лимы, не понимали его примитивный, «вульгарный» метод. Правда, работы его не раз экспонировались на выставках перуанской живописи, например, в начале 1940-х гг. в Лиме или в 1955 г. в Мехико. Х. Байли убежден, что эти рисунки — не только историко-этнографические материалы, но и подлинное свидетельство заслуг Фиерро как живописца [56]. «Панчо Фиерро — это первый креольский художник Перу, воспринявший великолепный калейдоскоп форм своей земли, до него никем не замеченных,— говорил Хосе Сабогаль,— он открывает новый период в истории перуанского изобразительного искусства, который принадлежит новому обществу, возникшему после колониальной эпохи» [57].

Творчество Фиерро оставило заметный след в истории живописи Перу. Современные прогрессивные художники, в частности представители индеанистской школы, глава которой Х. Сабогаль был большим почитателем искусства Фиерро, видят в работах лимского акварелиста проявление таланта народа и учатся у их автора любить и понимать простых людей. Он был народным художником и по происхождению и по духу. Поэтому творчество его так ценил Х. К. Мариатеги [58].

---

[54] См. R. Porras Barrenechea, J. Bayly, Указ. раб., стр. 71, 72.

[55] См., например, «Arte del Perú. Exposición», Mexico, 1955, стр. 58.

[56] См. R. Porras Barrenechea, J. Bayly, Указ. раб., стр. 80.

[57] J. Sabogal, Pancho Fierro, pintor peruano, «Cuadernos Americanos», Mexico, 1943, vol. VIII, № 2, marzo — abril, стр. 156.

[58] См.: Х. К. Мариатеги, Указ. раб., стр. 296.

В печати Перу прошлого века трудно найти упоминания об уличном рисовальщике. Лишь в 1877 и 1878 гг. в юмористическом еженедельнике «Ла Брома» появились заметки поэта и журналиста Асискло Вильярана «Дон Франсиско Фиерро, перуанский художник-акварелист»; много позже популярный рассказчик Исмаэль Порталь развлек читателей краткими воспоминаниями и серией анекдотов о художнике[59]. Долгие годы его картинки ходили по рукам, их никто не принимал всерьез. Только через десятки лет в Перу поняли научное и художественное значение его наследия. Роса Торо в июле 1885 г. писал Р. Пальме, что эти акварели могли бы стать превосходными иллюстрациями к этнографическим сочинениям[60]. Задолго до того об этом подумал молодой русский этнограф Л. И. Шренк. Будущий директор Петербургского этнографического музея приобрел собрание работ Панчо Фиерро не как экзотический сувенир, а сознавая их ценность для исследователей и намереваясь включить рисунки в книгу о своем путешествии.

Ленинградская коллекция акварелей замечательного перуанского живописца, привезенная из-за океана русским ученым, может служить предметом плодотворных исследований со стороны этнографов-латиноамериканистов и искусствоведов, интересующихся костумбризмом; ее издание, определенно, было бы с интересом встречено как советскими и зарубежными учеными, так и всеми, кто интересуется историей культуры Латинской Америки.

---

[59] См. I. Portal Esponosa, Cosas limeñas, Lima, 1919, стр. 178—189.
[60] См. R. Porras Barrenechea, J. Bayly, Указ. раб., стр. 75.

С. Я. Козлов

ЗАГАДКА ПРОИСХОЖДЕНИЯ НАРОДА ФУЛЬБЕ

Биография любого человека начинается обычно с того, что сообщается, в каком году и в какой местности родился, т. е. начал свой жизненный путь этот человек. За редкими исключениями установить эти простые факты бывает довольно легко.

Биография народа — его история — пишется наукой. Точнее, учеными. И — почти всегда — труднее всего даются ученым именно первые строки, первые страницы этой биографии. И это понятно. Ведь они, как правило, относятся к тем отдаленным периодам, от которых до нас дошло очень немного свидетельств, к тому же, в большинстве своем, «немых»: письменные документы появляются сравнительно поздно, а история почти всех современных народов уходит своими корнями в глубины минувших тысячелетий. Вот почему вопросы происхождения народов, восстановление ранних этапов их этнической истории (как и их истории вообще) относятся к наиболее сложным историко-этнографическим проблемам.

И если бы потребовались доказательства этого тезиса, то трудно было бы, вероятно, найти пример более яркий, чем загадка происхождения фульбе.

Фульбе — один из больших африканских народов (более 7 млн. человек). Расселены они по всей территории Западного и частично Центрального Судана, входя в состав населения полутора десятка стран. Само название фульбе — пул-о (ед. число) фул'-бе (множ. число) — означает на их языке «рассеянные, распыленные» (толкование крупных специалистов по этнографии и истории Судана А. Гадена и М. Делафосса). В наше время большая часть фульбе ведет оседлый образ жизни и земледелие играет важную роль в их хозяйстве; но их традиционное, «исконное» занятие — это скотоводство, кочевое и отгонное. Фульбе разводят различные породы зебу, а на горных плато Фута-Джаллон и Фута-Торо — безгорбых быков.

Среди земледельческих негроидных народов Судана скотоводы-фульбе выделяются не только характером хозяйства, но и своим физическим обликом. Небольшая удлиненная голова, узкое овальное лицо без прогнатизма, тонкие губы, прямой или слегка изогнутый тонкий нос, большие глаза, длинные волнистые волосы, желтый с красноватым оттенком цвет кожи, стройное сухощавое тело — таковы характерные черты фульбе. Здесь же, однако, следует оговориться: в наши дни редко встретишь мужчину или женщину фульбе, вполне отвечающих нарисованному

только что антропологическому портрету. В течение веков происходило смешение фульбе с негрскими народами; физические черты «истинного» фульбе сохранили лишь небольшие группы кочевников.

Своеобразие антропологического типа, пастушеский быт фульбе навел уже первых наблюдателей, путешественников и исследователей на мысль, что фульбе — народ пришлый в Западном Судане. Поисками их прародины, вопросами происхождения фульбе занимались и занимаются многие десятки исследователей вот уже более ста лет; пожалуй, ни об одном африканском народе не высказано столько противоречивых мнений, как о фульбе. Однако и сегодня ученые не пришли к какому-нибудь удовлетворительному итогу. Происхождение фульбе, «подобно происхождению Вселенной, остается неизвестным», констатировал английский ученый М. Джефри в 1947 г. И вышедший в 1963 г. советский энциклопедический справочник «Африка» смог лишь повторить, что происхождение фульбе «до сих пор представляет собой загадку».

Рис. 1. Скульптурное изображение «истинного» типа мужчины фульбе (A. Fiedler, Nowa przygoda: Gwinea, Warszawa, 1962)

В разное время фульбе объявлялись потомками цыган, израильтян, пелазгов, римских легионеров, родственниками вьетнамцев, бретонцев, персов, выходцами из Индии, Южной Африки и даже из малайско-полинезийского мира. Все эти гипотезы свидетельствовали, главным образом, лишь о богатой фантазии их авторов.

Другие теории представлялись более или менее правдоподобными. Такова, например, мысль о семитическом (иудейско-сирийском) происхождении фульбе, которую развивал в начале нашего века М. Делафосс. Он отождествил с фульбе (точнее, с предками современных фульбе) неоднократно упоминаемый в Библии народ фут (фул); футы эти будто бы участвовали в нашествии гиксосов на Египет, позднее переселились в Киренаику, слились с евреями, изгнанными из Египта в IV в. до н. э.; в дальнейшем, уже в первых веках н. э., они перекочевали частично в пределы современного Марокко, частично — в Мавританию, где основали государство Гану. Вытесненные из Ганы племенами сонинке, фульбе передвинулись на земли волофов и серер, у которых и заимствовали свой нынешний язык. Оттуда уже происходило расселение фульбе по Судану.

Теория Делафосса была весьма популярна среди европейских африканистов; однако позднейшие исследования выявили ее полную необоснованность. Л. Токсье прямо указал, что семитическая теория не имеет под собой решительно никаких достоверных исторических фактов.

Большим влиянием в кругах зарубежных африканистов пользовалась (впрочем, с рецидивами ее приходится сталкиваться и сегодня) так называемая «хамитская» теория, основная идея которой заключается в том,

что пришедшие из Азии «светлокожие хамиты» (представителями которых К. Мейнхоф считал фульбе) сыграли определяющую роль в развитии государственности и культуры африканских народов. Однако работы целого ряда лингвистов, историков и этнографов подорвали основы этой теории.

Некоторые ученые говорят о ливийском (берберском) или арабо-берберском происхождении фульбе; другие считают их метисами берберов с неграми. Однако приводимые в пользу этих идей аргументы малочисленны и весьма неубедительны.

Большинство специалистов относят фульбе к эфиопскому расовому типу и считают их выходцами из Северо-Восточной Африки. Еще Мольен (1818 г.) отметил сходство фульбе с барабра Нубии. После него целый ряд исследователей, в том числе Барт, Геккель, Верно, Зелигман, Токсье, Бауман, Вестерман высказывались в пользу эфиопского происхождения фульбе.

К аргументации сторонников эфиопской теории мы обратимся несколько позже[1]. Сейчас же хочется остановиться еще на одной «теории» — сенегальского историка и социолога Ш. А. Диопа.

Этот автор доказывает, что колыбелью всех негроафриканских цивилизаций, народов и языков был Древний Египет. Египетское происхождение фульбе обосновывается таким «капитальным», по мнению Диопа, фактом, как совпадение двух тотемических имен, характерных для фульбе (КА и БА), с двумя аналогичными древнеегипетскими терминами. Д. А. Ольдерогге в связи с подобными сопоставлениями, которые пытался уже делать английский ученый Мик, показал, что «с точки зрения языкознания такое сопоставление явно невозможно, так как древнеегипетское слово содержит два радикала — *каф* и *алеф* и произношение древнеегипетского слова «КА» чисто условно»[2]. Точно так же не выдерживают научной критики рассуждения Диопа о том, что, возможно, фульбе составляли часть племен, из которых выходили фараоны, его попытки представить негроидным все население Древнего Египта, и в соответствии с этой посылкой изобразить древних фульбе также «неграми», которые позднее «посветлели» вследствие метисации с пришлыми «белыми» племенами, и т. п.[3].

Итак, в настоящее время можно констатировать научную несостоятельность почти всех существовавших гипотез и теорий относительно происхождения фульбе. И дело не только в том, что имеющийся в распоряжении исследователей фактический материал явно недостаточен, но и в узости, одноплановости подхода к проблеме этногенетических исследований. Бросается в глаза односторонность аргументации названных нами авторов: ими привлекались либо лингвистические данные, либо антропологические, либо данные топонимики, подкрепленные чаще всего принимаемыми на веру этногоническими легендами. Задача выяснения древнейших исторических корней народа фульбе, его этнических истоков подменялась поисками или их прародины, или их древних предков (например, попытка отождествить фульбе с библейскими футами), или чисто лингвистическими изысканиями.

Советские ученые многочисленными работами доказали изначальную сложность этнических истоков современных народов. По-видимому, лишь

---

[1] Характеристику различных теорий происхождения фульбе см. в работах: Д. А. Ольдерогге, Западный Судан в XV—XIX вв., М., 1960; L. Tauxier, Moeurs et histoire des peuls, Paris, 1937.

[2] Д. А. Ольдерогге, Указ. раб., стр. 15, прим. 5.

[3] Cheikh Anta Diop, Nations nègres et culture, Paris, 1955, стр. 238—239.

на основе этой концепции может быть в конце концов разгадана и тайна происхождения фульбе. Иными словами, задача заключается в том, чтобы установить ту территориальную и этно-лингвистическую общность, в рамках которой начался процесс становления фульбе как народа, и, далее,— воссоздать историю формирования тех особенностей духовной и материальной культуры, которые составляют характерный облик этого народа.

Как решить эту задачу? Конечно, нужны новые факты. Но надо также критически пересмотреть и оценить тот арсенал фактов, который имеется в наличии. И, наконец, нужна, как говорится, свежая мысль, новая рабочая гипотеза. Далее будут изложены некоторые соображения, которые, как нам кажется, могут способствовать дальнейшему обсуждению проблемы.

Все ученые, занимавшиеся проблемой происхождения фульбе, согласны в том, что фульбе — не автохтоны той территории, на которой сейчас они проживают. Известна область, из которой расселялись фульбе по Западному Судану — это южная Мавритания — Фута-Торо (Сенегал). Но где, в какой этнической среде начался процесс формирования фульбе? Каковы пути миграций фульбе, приведшие их в Мавританию, какой они заняли исторический отрезок времени? Как повлияли эти миграции на язык, культурный и физический облик народа? Какие изменения в этом плане произошли в дальнейшем, в период расселения по Судану? Вот вопросы, стоящие перед исследователем.

К сожалению, этнографическая литература о фульбе, весьма большая и разнообразная, пока что мало может помочь нам в решении стоящей задачи. Из всех видов собственно этнографических источников известный интерес для нас имеют лишь этногонические легенды фульбе. Почти все они были составлены в эпоху исламизации фульбе; этим и объясняется их содержание: подавляющее большинство легенд представляет фульбе потомками пророка, арабами, пришедшими в Судан, чтобы обратить в истинную веру язычников — негров. Здесь они женились на негритянках; так образовался новый народ — фульбе. Некоторые легенды говорят о чисто арабском происхождении фульбе, отдельные — о еврейском или смешанном арабо-еврейском происхождении. Научного значения они не имеют: слишком очевидна их политическая подоплека. Определенную ценность имеют лишь содержащиеся в них сведения о приходе фульбе в страну серер с севера; это подтверждается и другими данными. Таким образом, сообщения самих фульбе о своем происхождении дают нам очень немного.

Чем может помочь нам антропология?

Интересные опыты по сравнительному биохимическому обследованию представителей различных расовых групп (французы, фульбе, представители негроидной расы — волофы, сереры, бамбара, моси, тукулёры) провела в начале 1950-х гг. французский антрополог Ж. Лески. Ею установлено, что в организме негроидов (в различных его жидкостях и тканях) содержится хлора и натрия меньше, а калия и меди больше, чем у европеоидов — французов. Разница в содержании этих элементов определяет интенсивность пигментации, так как они играют решающую роль в меланогенезе. Количество же вещества соответствующих элементов, содержащегося в организме, зависит в значительной степени от функционирования надпочечников; у негроидов размеры и вес надпочечников меньше (за счет коркового вещества), чем у европеоидов[4]. Для

[4] J. Leschi, Pigmentation et fonctionnement cortico-surrenalien. Races mélanodermes et leucodermes, Paris, 1952, стр. 54—57, 71—75.

нас особенно важно, что содержание указанных элементов в организме фульбе дает цифры, заметно отличающиеся от величин, найденных для негроидов; наоборот, они весьма близки к соответствующим цифрам, найденным для европеоидов. Это можно рассматривать как одно из свидетельств генетической связи фульбе с европеоидной расой. Тот же факт, что многовековое проживание фульбе в тропическом климате, в общих с негроидами природных условиях не отразилось на биохимическом составе их организма, свидетельствует о том, что расовый тип, к которому они принадлежат, сформировался очень давно, когда функции надпочечников еще имели приспособительный характер.

Рис. 2. Мужчины фульбе (Гвинейская Республика) в праздничной одежде (L. Zareba, Wedrówki po Gwinei, Warszawa, 1961)

Что касается выводов некоторых ученых, относящих фульбе к эфиопской расе, то они представляются нам слишком прямолинейными и, во всяком случае, несколько поспешными. Например, различные измерения дают для фульбе величину черепного указателя, колеблющуюся от 73,2 до 74,3; у беджа, с которыми сближает фульбе Шантр, она равняется в среднем 77. Величина носового указателя у фульбе колеблется от 75,4 до 100; у народов эфиопской расы она варьирует от 69 до 76, в среднем (у амхара — от 60,37 до 95); у негроидных народов — от 90 до 100 (в среднем). Ширина носа у фульбе — 38—50; для эфиопоидов характерны цифры 35—37 [5]. Мы видим значительное расхождение в целом ряде характеристик; такие же различия имеются и во всех остальных сравниваемых величинах. Следует учесть, что обмерам были подвергнуты небольшие группы индивидов, в разных странах, зачастую по различной методике. Для каких-либо серьезных выводов полученные цифры оснований не дают, кроме, пожалуй, одного: в настоящее время не существует единого расового типа фульбе. Фульбе из Масины отличается от фульбе из Верхней Вольты не меньше, чем негроид-малинке от негроида-моси. Одна из главных причин этого — смешение фульбе с различными негроидными народами, среди которых они живут.

Обратимся теперь к помощи лингвистики. К настоящему времени язык фульбе изучен сравнительно неплохо как с точки зрения его грамматической структуры, так и словаря. Исследователи отмечают тот интересный факт, что несмотря на обширность территории, на которой расселены фульбе, единство их языка сохраняется в очень высокой степени.

---

[5] P. Verneau, Les migrations des ethiopiens, «L'Anthropologie», t. X, № 16, Paris, 1899, стр. 641—662; его же, Résultats anthropologiques de la mission de M. de Gironcourt en Afrique Occidental, «L'Anthropologie», t. XXVIII, № 4—5, Paris, 1917; E. Chantre, Contribution à l'étude des races humaines du Soudan Occidental, Lyon, 1918; L. Tauxier, Указ. раб., стр. 18—26; E. Pittard, Contribution à l'etude anthropologique des peuls, XV-e Congrès International d'anthropologie et archéologie préhistorique, Paris, 1933, стр. 19—25.

Пастух из Багирми без труда понимает обитателя Фута-Торо или Фута-Джаллона. Имеются, конечно, определенные различия в фонетике и словарном составе отдельных групп фульбе. Они отражают влияние языков тех народов, среди которых живут фульбе в разных странах Африки, а также арабской культуры. Изучение их может дать много интересных материалов не только лингвисту, но и исследователю этнической истории фульбе.

Долгое время дискутировался вопрос о месте языка фульбе в лингвистической классификации. Немецкий лингвист Мюллер сближал язык фульбе с языком нубийцев Кордофана (1868 г.). Его соотечественник Кюст даже выделил отдельную группу языков нуба-фуль (1883 г.). Спустя полвека пыталась установить связь языка фульбе с нилотскими (в частности, с языком масаи) французская лингвистка Л. Омбюрже, которая впоследствии создала теорию древнеегипетского, а затем древнеиндийского происхождения африканских языков.

Рис. 3. Девушка фульбе наших дней (L. Zareda, Wedrówki po Gwinei, Warszawa, 1961)

В отличие от этих параллелей, сторонниками которых, кроме их авторов, мало кто был, теория Мейнхофа получила весьма широкое распространение. Он обнаружил в языке фульбе следы некоего «прахамитского» языка, от смешения которого с суданскими языками образовались будто бы языки банту.

Лингвистические построения Мейнхофа не выдержали испытания временем. Первый серьезный удар по ним нанес его ученик А. Клингенхебен, доказавший, что в грамматической структуре многих языков Судана (языки группы моси-груси) есть черты, которые характерны были некогда для языка фульбе (классы имен существительных с показателями в начале и в конце слова); другая черта, прежде считавшаяся достоянием исключительно языка фульбе, а именно — изменение начальных звуков при образовании множественного числа, оказалась присущей языку типично суданского народа биафада. Дальнейшие исследования установили тесную связь языка фульбе с языками атлантической группы, в которую входят языки серер, волоф, биафада и др., в частности, с языком серер. Эти наблюдения подтвердили Вестерман, Лабуре, Гринберг.

Встал вопрос: как объяснить такую близость грамматики и словаря языков столь разных народов — серер, негроидов, древних жителей Судана, и фульбе, явных пришельцев? Весьма логичным кажется ответ, что фульбе заимствовали свой нынешний язык у серер. Именно таким представляется язык фульбе крупному его знатоку и исследователю Лабуре, который констатировал в 1954 г., что никаких следов их прежнего языка до сих пор не обнаружено[6].

[6] См.: T. Engeström, Apport à la théorie des origines du peuple et de la langue peule, Stockholm, 1954, стр. 7 (см. здесь краткий обзор работ по языку фульбе).

Думается, однако, что возможен и другой подход к вопросу. Действительно, примеров потери языка целыми народами в истории множество. Однако фульбе по численности намного превосходят серер (тем более, если учесть, что указываемое близкое родство языков фульбе и серер относится только к одному из диалектов последнего, а именно — к языку группы сереры-син); о политическом господстве небольшого земледельческого племени серер над кочевниками-фульбе нам ничего не известно и можно сомневаться, чтобы оно когда-либо имело место. Что же заставило фульбе утратить свой язык и перейти на язык серер? Притом утратить в такой степени за 10—12 веков, что и следов их прежнего языка не осталось (романизация Галлии началась в первые века н. э., однако в словарном составе современного французского языка есть несколько сотен кельтских слов; подобные примеры можно было бы умножить).

Фр. Мюллер в 80-х гг. прошлого столетия предположил, что, может быть, сереры — это часть народа фульбе, которая рано отделилась от него и благодаря смешению с волофами утратила свойственные фульбе физические черты, но сохранила язык; или же сереры — негрское племя, которое некогда усвоило язык, родственный фульбе. Делафоссу более привлекательной казалась гипотеза, согласно которой Текрур в VIII в. населял народ, впоследствии распавшийся, язык которого лежит в основе как языка фульбе, так и языка серер. Однако никаких сколько-нибудь серьезных аргументов в пользу этих гипотез приведено не было.

Крупный вклад в решение проблемы сделал американский лингвист Дж. Гринберг. Он показал, что между языками серер и фульбе существует генетическая связь. «Такие элементы, как изменение начальных согласных или в целом система словообразовательных аффиксов в глагольных формах, не заимствуются»,— отмечает Гринберг. Точно так же нельзя объяснить простым заимствованием совпадение отдельных терминов в обоих языках, примеры которых приводит ученый[7].

Имели ли фульбе когда-нибудь язык, отличный от своего нынешнего? Смело можно сказать не очень обязывающее «может быть». Но ведь то же самое можно заявить, пожалуй, о любом другом народе мира. Что же заставило предположить утрату ими своего языка и заимствование нового? Очевидно, как мы уже говорили, то, что фульбе в Судане народ пришлый и — в отличие от всех других народов с грамматической структурой языка, сходной со структурой их языка,— не негроиды. Но ведь есть немало примеров того, что народы, относящиеся к одной и той же языковой общности, представляют собой различные расовые типы. На языках семито-хамитской семьи говорят европеоиды (семиты), негроиды (народы группы хауса), представители эфиопской расы (кушиты); на языках тюркской группы говорят европеоиды (азербайджанцы, турки и др.) и монголоиды (киргизы, казахи и др., вплоть до якутов на северо-востоке Сибири); можно привести и другие примеры. Во всяком случае, нет никаких доказательств того, что фульбе утратили свой язык; в то же время имеются весьма интересные и, на наш взгляд, убедительные соображения о генетическом родстве языка фульбе и других языков атлантической группы.

Вышесказанному, на первый взгляд, противоречат наблюдения над языком фульбе, сделанные шведским лингвистом-любителем Т. Энгестромом. Он обнаружил в этом языке целый ряд слов семитического (предположительно) происхождения. Так, на языке древних вавилонян

---

[7] J. Greenberg. Etude sur la classification des langues africaines, «Bulletin de l'IFAN», ser. B, vol. XVI, № 1—2, 1954, стр. 110, 112.

распространенное в Северной Африке и в Передней Азии дерево Acac albida называлось «sasku», на языке фульбе оно называется «chaski, t aski»; глагол «охотиться» звучит на тех же языках соответственно «rad redu» и «ràda, rido, raddo»; крупный рогатый скот на языке фульбе н зывается «nagge», в семитских языках Эфиопии есть соответствующ этому термину слово «nagu» [8] (добавим, что этому термину есть соотве ствие и в древнеегипетском словаре — слова «neg, negau»).

Что это может значить? Не аргумент ли это в пользу иудейской те рии Делафосса? Думается, что нет; все представляется нам гораз сложнее.

Работы Д. Верстермана показали, что существует довольно тесна генетическая связь между языками банту, языками западнобантоидно (атлантической) группы, группы гур, языками Кордофана и еще целы рядом суданских языков. Его выводы были подтверждены многим лингвистами; сейчас они общепризнаны.

Д. А. Ольдерогге обосновал генетическое родство языка хауса и язы ков некоторых народов, населяющих низовья рек Шари и Логоне горы Баучи, с языками семито-хамитской семьи.

Лукас указал на существование связей между языками группы к нури-теда и центральносуданскими (буте, гбайя, банда, занде и др.).

М. Брайан недавно высказала предположение, что наличие во многи языках народов Восточного Судана (вплоть до оз. Чад на западе) фо мантов *T/K* указывает, возможно, на существование языкового субстр та, роднящего эти языки.

Вспомним также, что Мюллер, Кюст, Омбюрже в разное время д казывали родство языка фульбе с нилотскими языками (нуба, масаи И хотя их идеи не получили признания, предавать их забвению, н наш взгляд, не следует; как в каждой шутке есть доля правды, так в самой фантастической гипотезе может быть здравая мысль, интере ная идея.

И, наконец, семитические элементы в словаре фульбе.

Мы видим таким образом, что намечаются вполне реальные свя между языками самых различных языковых семей и групп, носите которых (т. е. языков) удалены в настоящее время друг от друга на мн гие тысячи километров. Проблема эта чрезвычайно сложна; исследов ния последнего десятилетия показали, как много спорного и неясно есть еще в вопросах классификации, установления родства или связе иного характера между языками Африки. Однако те факты, которым располагают лингвисты, позволяют делать определенные обобщени Для объяснения их одни ученые прибегают к конструированию древн нигритской культуры Судана (Вестерман), другие — к спасительном субстрату. Быть может, перед нами следы первобытной (верхнепалеол тической) языковой непрерывности? Оставим решать эти вопросы лин вистам. Мы же с большой долей уверенности можем говорить лишь том, что ключ к их решению следует искать в Сахаре — в той самой С харе, которая,— это становится все яснее — была колыбелью мног народов Тропической Африки.

Данные, представленные за последние десятилетия геоморфологие биологией, климатологией, археологией, неопровержимо свидетел ствуют, что климат Сахары на протяжении многих тысячелетий благо приятствовал жизни человека. Русла исчезнувших рек; остатки каменно индустрии, петроглифы и фрески — порой удивительно прекрасные твор ния рук человеческих; изображения и окаменевшие остатки таких ж

[8] T. Engeström, Указ. раб., стр. 11—17.

вотных, как слон, носорог, гиппопотам, жираф; остатки хвойного леса — все это говорит о том, что отнюдь не всегда Сахара была безжизненной пустыней.

Обычно принято считать, что Сахара пережила два влажных периода. Первый охватывал эпоху нижнего и среднего палеолита, на смену ему пришел длительный засушливый период, превративший Сахару в пустыню; второй падает на эпоху неолита. Однако некоторые геоморфологические наблюдения позволяют думать о более сложной эволюции. Во всяком случае, рисуя общую схему для интересующего нас периода, периода складывания расовых групп и языковых семей, можно говорить о засушливости в верхнем палеолите, значительном улучшении климатических условий на первых этапах неолита и новом их ухудшении приблизительно на рубеже четвертого и третьего тысячелетий до н. э., продолжающемся до наших дней. Находки неолитических стоянок вдали от современных источников воды, сделанные Даллони в Феццане (Восточная Сахара), Лотом в Ахаггаре (Центральная Сахара) и многие другие, подтверждают вывод об относительно влажном климате Сахары в эпоху неолита.

Резкое усиление засушливости наступило где-то в конце второго тысячелетия до н. э. С тех пор оно быстро прогрессировало. Во времена Геродота Ливия была уже безводной страной. Плиний, Страбон и другие древние авторы, не говоря уже об арабах средневековья, писали о Сахаре, как о страшной пустыне. Особенно увеличилась засушливость в последние столетия. Об этом свидетельствуют значительное обеднение флоры и фауны, сокращение или полное исчезновение пастбищ, высыхание колодцев; об этом говорят легенды берберов и туарегов.

Таков, вкратце, очерк изменения климатических условий в Сахаре в четвертичный период. Для наших дальнейших рассуждений следует еще сказать, что существует гипотеза, согласно которой нарастание засушливости в неолитическую эпоху шло с востока на запад. Мы можем привести следующие аргументы в пользу этой гипотезы. Во-первых, Ливийская пустыня (Восточная Сахара) издавна уже известна как самая суровая, самая безжизненная область Сахары. Во-вторых, так называемые «пути боевых колесниц» (датируемые первым и вторым тысячелетиями до н. э.), которые связывали Северную Африку с Суданом, проходят один через Центральную, другой — через Западную Сахару. Наконец, марокканские легенды говорят о том, что еще в первые века хиджры (т. е. в конце первого тысячелетия н. э.) пустыня не достигала Адрара, где брали свое начало две большие реки. Эти легенды подтверждаются многочисленными археологическими находками.

Что известно нам о населении Сахары и прилегающих районов Судана? Земли эти были обитаемы с древнейших времен; об этом говорят находки каменных орудий шелльской и ашельской эпох. Еще сравнительно недавно археологи говорили о разрыве между культурами среднего палеолита и неолита, вызванном резким усилием засушливости в период верхнего палеолита. Однако находки мезолитических стоянок, сходных с капсийской культурой средиземноморского побережья, сделанные Даллони в южном Феццане, Балу на плато Тадемаит и др.[9], свидетельствуют о том, что даже в эту неблагоприятную для жизни эпоху люди не покинули Сахару; они сосредоточились у сохранившихся источников воды.

Мезолитические и ранненеолитические культуры найдены также во многих местах Западного Судана. Что касается эпохи неолита (т. е. на-

[9] Р. Капо-Рей, Французская Сахара, М., 1958, стр. 87.

чиная с шестого тысячелетия до н. э.), то совокупность собранных археологами фактов позволяет заключить, что Сахара была в это время довольно густо населена на всем ее протяжении. Охота по-прежнему оставалась одним из важных способов добывания пищи, это особенно характерно для ранних этапов неолита; но затем все бо́льшую роль играет земледелие, сочетавшееся с рыболовством, и кочевое скотоводство.

Расовый тип населения Сахары и соседних с ней районов в эпоху верхнего палеолита — неолита характеризуется широким распространением представителей большой негроидной и эфиопской рас и смешением их с людьми европеоидной расы. Этот тезис подтверждается многими фактами. «Асселярский» человек и «фитрийский» человек, которые оба относятся исследователями именно к этой эпохе, представляют собой смешанные типы, у которых негроидные черты сочетаются с европеоидными. О таком же расовом смешении среди неолитических обитателей Тамайя — Меллет (Нигер) сообщает Л. Бриггс: «...черты, обычно ассоциируемые с различными расовыми типами, по крайней мере иногда, сочетаются в одном индивидууме» [10].

Открытые А. Аркеллом хартумские негроиды, датируемые началом четвертого тысячелетия до н. э., свидетельствуют о том, что с этого времени (а возможно и раньше) в Восточном Судане жили негрские племена.

Племена, представлявшие эфиопский расовый тип, областью формирования которого была Восточная Африка, продвинулись на север вплоть до южной границы Египта уже в третьем тысячелетии до н. э. (об этом, в частности, говорят погребения в районе Аниба). Древние египтяне, в основе своей европеоиды, имели некоторые черты, свойственные эфиопской расе.

На севере мы имеем аналогичную картину. Верхнепалеолитические жители Мешта-аль-Арби и Афалу-бу-Руммель (районы, прилегающие к Средиземному морю), которых относят к древним европеоидам, характеризуются наличием некоторых негроидных черт. Смешение продолжается в следующую эпоху. Влияние негроидов прослеживается в Марокко на севере Алжира и Туниса, на юге Туниса [11].

То же самое наблюдается в Центральной Сахаре. Анри Лот, основываясь на наскальных изображениях, говорит о наличии среди скотоводческого населения Центральной Сахары (приблизительно с конца четвертого тысячелетия до н. э.) негроидов, европеоидов и представителей эфиопской расы. В предыдущую эпоху, по его предположению, Сахара была населена негроидами [12]. К сожалению, до сих пор в Центральной Сахаре не найдено ни одного человеческого скелета интересующего нас времени.

Собрав все имеющиеся данные о расселении негроидов в неолитическую эпоху, Р. Мони, исследователь чрезвычайно добросовестный и не склонный к поспешным выводам, считает возможным утверждать, что оседлые негрские племена населяли Сахару вплоть до 20° северной широты (в настоящее время граница их расселения проходит по 15-й, кое-где 17-й параллели). Что касается кочевых, полукочевых, а порой и оседлых групп, то они достигали 27-й параллели к северу от экватора [13].

---

[10] L. Cabbot Briggs, The Stone Age races of Northwest Africa, Cambridge, USA. 1955, стр. 76—77.

[11] Там же, стр. 77; Ш. А. Жюльен, История Северной Африки, т. I, М., 1961, стр. 61.

[12] А. Лот, В поисках фресок Тассили, М., 1962, стр. 47, 97, 99.

[13] R. Mauny, Tableau géografique de l'Ouest African, Dakar, 1961, стр. 197—198.

Таким образом, в Сахаре, издревле населенной представителями почти всех имеющихся в Африке рас, и в прилегающих к ней районах скорее всего могли происходить процессы смешения различных расовых типов; процессы эти облегчались и ускорялись миграциями племен, столь характерными для первобытного общества с его преобладанием кочевого хозяйства (охотничьего, скотоводческого). Современная антропологическая карта Африки дает нам много примеров таких смешанных в расовом отношении групп. Хауса Нигерии; канури и канембу, проживающие неподалеку от оз. Чад; жители нагорья Тибести (тиббу) — пещерные эфиопы Геродота, довольно темнокожие уже в ту пору, но до сих пор причисляемые иногда к европеоидам,— все это народы, сочетающие в своем физическом облике черты, свойственные самым различным расовым типам. Характерные черты эфиопского типа отмечаются у многих современных народов нильской зоны, Северной Африки, Сахары и Судана, в основе своей европеоидов или негроидов. По-видимому, к этой группе относятся и фульбе, в основе своей (имеется в виду расовый тип) европеоиды с явной эфиопской примесью, приобретшие за многие века (а скорее всего, тысячелетия) совместного проживания целый ряд негроидных черт.

Здесь, в Сахаре, складывались основы культурного родства африканских народов. Разве не примечателен тот факт, что в ранненеолитической Сахаре, населенной многочисленными разноязыкими племенами, стиль наскальных изображений один и тот же (имеется в виду древнейший период) от западных нагорий до Красного моря? И разве не заставили находки последних лет целиком пересмотреть вопрос о египетском влиянии на культуру, искусство, верования народов Судана и Тропической Африки? Например, широко распространенный в Африке культ священного барана (у берберов Северной Африки; у мандинго, йоруба, бауле и др. народов Западного Судана, Гвинейского побережья, бассейна Конго) трактовался, как производный от египетского культа бога Амона, но изображения барана с солнечным диском на петроглифах и фресках Северной Африки и Сахары относятся к тому времени, когда бог Амон, по меткому выражению Г. Жермена, еще не родился. Очевидно, что и этот культ, и многие другие явления культуры, сходные у различных и в настоящее время весьма удаленных друг от друга народов, имеют общее и очень древнее происхождение. Разумеется, не приходится отрицать благотворного влияния египетской цивилизации на окружающие страны, в том числе Сахару; но также несомненно и то, что цивилизация долины Нила складывалась на основе, общей или близкородственной для других народов Африки, чье взаимное влияние она испытывала на протяжении тысячелетий.

Здесь же, в Сахаре, формировались основы того языкового родства, взаимовлияния или других отношений между языками, следы которых, иногда поражающие нас, наблюдаем мы сегодня. Идея о том, что Сахара была центром формирования семито-хамитской языковой семьи, получает все большее признание. Но в равной мере Сахара (в частности, ее центральные и западные районы) и прилегающие суданские районы могли быть областью, где формировались банту-бантоидные языки. Именно здесь в неолитическую эпоху могло сложиться языковое родство между предками сереров и фульбе, усилившееся затем в период обитания фульбе на крайнем западе Судана. Здесь же, в неолитической Сахаре складывались и более широкие связи между атлантической группой и другими языковыми общностями. Отсюда нетрудно объяснить и наличие некоторых семитических элементов в языке фульбе (если наблюдения Энгестрома подтвердятся).

Ухудшение климатических условий в Сахаре, наступившее в конце четвертого тысячелетия до н. э., а в восточных районах, вероятно, ранее, привело к значительным изменениям в характере и направлении миграции, что, в свою очередь, сказалось на этнических процессах. Как земледельческие, так и скотоводческие племена отходят (часть их, вероятно, еще раньше, в пятом тысячелетии) в районы, богатые водой: на север — к Средиземному морю, на восток и на юго-восток — к Нилу, на юг — к озеру Чад и реке Бахр эль-Газаль, ныне пересохшей. Это были народы семито-хамитской языковой семьи, предки берберов, египтян, хауса. Но не все племена Сахары мигрировали в этих направлениях. Запад долго еще предоставлял людям хорошие пастбища и земли для посевов.

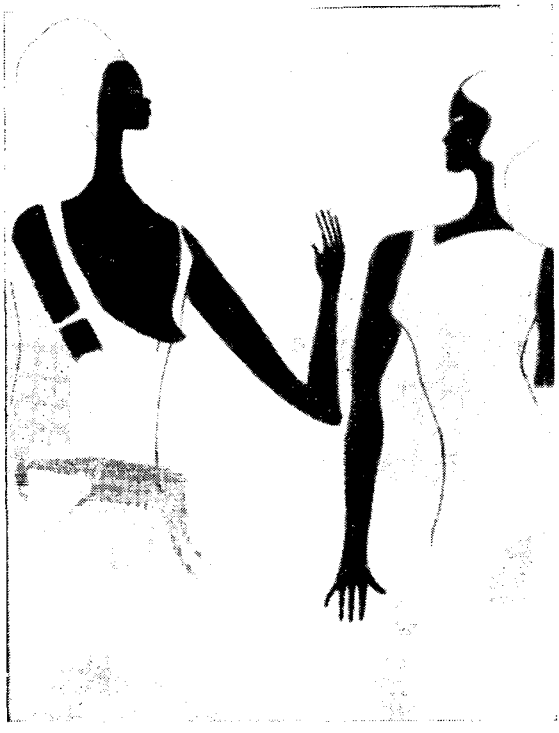

Рис. 4. «Девушки фульбе» (А. Лот, В поисках фресок Тассили, М., 1962)

В западном и юго-западном направлениях и двигались племена земледельцев и скотоводов по мере усиления засушливости. Раньше других должны были уйти в суданские районы земледельческие негрские племена; скотоводы же долго еще кочевали в сахарских степях.

Мигрировавшие из Сахары народы приходили не на пустые места. И Судан, и бассейн Конго, и юг материка заселены были с древнейших времен. Лупембийская (Тумбийская) культура бассейна Конго датируется седьмым тысячелетием до н. э. Шестым — пятым тысячелетиями датируются культуры земледельцев, рыболовов и охотников долины Нила (Дейр-Таса, Файюм). За много веков до нашей эры начала развиваться в междуречье Нигера — Бунуе так называемая «культура Нок». Древние цивилизации Судана и бассейна Конго складывались на основе взаимодействия, взаимопроникновения культур автохтонов и пришельцев.

Какое место в миграциях сахарских племен принадлежало фулоязычным племенам? Каковы были пути, приведшие их в Мавританию? На эти вопросы, к сожалению, мы пока ответить не можем. Пастухи-скотоводы появляются в Центральной Сахаре в середине четвертого тысячелетия до н. э.; их происхождение с Верхнего Нила доказывается, по мнению Лота, рисунками египетской лодки со знаками номов; однако неизвестны как время выполнения этих рисунков, так и их авторы (возможно, это были пленники-египтяне). Намечаемый Лотом маршрут скотоводов через Тибести, восточный Тассили, Хоггар, Адрар-Ифорас, вполне вероятен. Но этническая принадлежность этих пастухов нам не известна; они представляли разные расовые типы, разные племена — это

видно по фрескам. Были ли среди них предки фульбе? Лот отвечает утвердительно, приводя следующие аргументы в пользу своей гипотезы [14].

Среди изображенных на фресках пастухов преобладает эфиопский тип; сцены танцев посреди стад, культ быка напоминают религиозные обряды суданских пастухов-фульбе. Воспроизведенные в наскальных росписях быки относятся к двум породам — Bos africanus (длиннорогий африканский бык) и Bos brachyceros (короткорогий бык), которые и сегодня можно встретить в стадах фульбе (чаще всего скрещенные с горбатым быком — зебу). Лот указывает также на совпадение таких этнографических деталей, как форма лука, жилища пастухов (полусферические хижины), покрой одежды (окутывающее платье у женщин, короткая туника у мужчин), головные уборы «в форме шлема или сахарной головы», напоминающие прически современных женщин фульбе из Масины.

О малодоказательности этих наблюдений говорил уже Д. А. Ольдерогге в своем предисловии к русскому изданию книги Лота. Действительно, трудно допустить, чтобы женская прическа не изменилась за 4—5 тысячелетий! Наблюдения относительно пород скота свидетельствуют лишь о том, что фульбе — типично африканские скотоводы.

Другие же сходные явления, на которые указывает Лот (даже если отвлечься от того, что большая часть изображений весьма схематична), скорее всего имеют конвергентный характер; жилища полусферической формы можно встретить, к примеру, у тедда (тиббу) плато Эннеди. В одном месте Лот, отмечая развитый эстетический вкус фульбе, который проявляется в женских прическах, украшениях и т. п., заявляет, что это «дополнительный штрих, указывающий на их нубо-эфиопское происхождение». Как будто то же самое нельзя сказать о любом другом народе Африки!

* * *

Итак, «загадка» фульбе по-прежнему остается во многом еще загадкой. При желании эту проблему вполне можно сравнить со сложной математической системой, в которой неизвестных гораздо больше, чем заданных величин. Да, действительно, на сегодняшний день всевозможных догадок и гипотез относительно происхождения фульбе есть, пожалуй, больше, чем доброкачественных фактов. И потому нужны новые исследования. Нужны новые факты. Но нужны также и новые плодотворные гипотезы. Ибо гипотеза является двигателем научного поиска.

---

[14] А. Лот, Указ. раб., стр. 47, 99, 127, 129—130, 134.

ХРОНИКА

СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ ТОЛСТОВ

(К 60-летию со дня рождения)

25 января 1967 г. научная общественность отмечает 60-летие Сергея Павловича Толстова, члена-корреспондента АН СССР, выдающегося ученого-этнографа, археолога, историка-востоковеда.

Этнографией С. П. Толстов увлекался с юности, поэтому, поступив в 1923 г. на физико-математический факультет Московского университета, он стал изучать этнографию, антропологию и первобытную археологию на кафедре антропологии, созданной Д. Н. Анучиным. Его руководителями были в те годы Б. А. Куфтин, В. В. Бунак и Б. С. Жуков, ученики и последователи Анучина. Практически осуществляя в своей научной деятельности основные принципы анучинской школы, Б. А. Куфтин и Б. С. Жуков организовали несколько комплексных археолого-этнографических экспедиций. С. П. Толстов в годы студенчества принимал участие в Антропологической комплексной экспедиции (АКЭ) МГУ, работавшей под руководством Б. С. Жукова с 1925 по 1929 гг., сперва в пределах Ветлужского края, затем охватившей всю Горьковскую область и смежные районы Поволжья. С. П. Толстов, возглавлявший этнографический отряд этой экспедиции, первые годы своей научной деятельности посвятил изучению этнографии русского населения Ветлужского края и национальных меньшинств Горьковской области, распространив потом свои исследования на территорию всей Центрально-промышленной области. Он проводил работу среди горных и луговых марийцев, горьковской мордвы (эрзи и обрусевших терюхан), татар-мишарей, касимовских татар, тверских карел. В то же время он принимал участие в больших археологических работах, предпринятых Б. С. Жуковым в этих же районах — в частности, в раскопках костеносных городищ Поветлужья, мордовских могильников и др. В 1927 г. в журнале «Этнография» была опубликована первая научная статья С. П. Толстова «Русские крестьянские постройки», в которой он критиковал прежние классификации русского народного жилища и предлагал новую типологию, основанную на оригинальных собранных им полевых материалах. Несколько позднее появились работы С. П. Толстого по этнографии народов Центрально-промышленной области. Итоги этнографического изучения этих народов были частично подведены в брошюре «Нацмены ЦПО». Перечисленные работы, критически заостренные против реакционных концепций буржуазной этнографии, пронизанные историзмом и комплексным «анучинским» подходом к изучаемым явлениям, не утратили своего значения до наших дней, хотя и были написаны 40 лет назад. Одновременно с учебой в университете С. П. Толстов работал в музеях: с 1926 г.— заведовал этнологическим отделом в Московском областном музее, директором которого был в то время видный русский этнограф, также ученик Д. Н. Анучина, В. В. Богданов; с 1929 г.— в отделе народов Поволжья Музея народоведения, где занимался изучением тюркско-татарского населения Поволжья.

В 1929 г. Сергей Павлович участвовал в организации Первого этнографического совещания, на котором выступил в качестве одного из основных докладчиков.

В эти же годы он принимал деятельное участие в организации краеведческого движения, был председателем студенческой секции Центрального Бюро краеведения, опубликовал несколько работ по методике краеведческой работы.

В 1929 г. С. П. Толстов перешел на историко-этнологический факультет и в 1930 г. закончил МГУ.

Вскоре научные интересы С. П. Толстова сосредоточились преимущественно на этнографии и археологии Средней Азии, где он с 1929 г. начинает полевые экспедиционные работы. В Центральном музее народоведения (позднее музей народов СССР) научная деятельность Сергея Павловича была сосредоточена в отделе Средней Азии. В 1934 г. С. П. Толстов закончил аспирантуру в Государственной академии истории

материальной культуры (Ленинград) по специальности «история и археология Средней Азии». После окончания аспирантуры он вернулся в Москву и стал работать в Московском отделении Института истории материальной культуры АН СССР — сначала ученым секретарем, а затем заведующим отделением. Когда в 1937 г. на Историческом факультете МГУ была открыта кафедра этнографии, С. П. Толстов был назначен ее заведующим. В 1943—1945 гг. он был также деканом Исторического факультета. В лекциях по этнографии, которые С. П. Толстов читал и в предвоенные годы, и после войны (до 1952 г.) ярко выявились его огромные знания, широкая эрудиция и блестящий педагогический талант; большинство молодых этнографов СССР являются его учениками. Стенограммы курса «Общей этнографии», читавшегося С. П. Толстовым, сыграли значительную роль в подготовке программ по этнографии и в преподавании этой науки в вузах нашей страны, а также были использованы при подготовке многих томов таких обобщающих трудов, как «Очерки общей этнографии» и серии «Народы мира». Педагогическую деятельность в МГУ С. П. Толстов совмещал с работой в Хорезмской археологической экспедиции, организатором и бессменным руководителем которой он является на протяжении почти 30 лет (с 1937 г.).

В Великую Отечественную войну (в 1941—1942 г.) С. П. Толстов стал бойцом народного ополчения, офицером артиллерийской разведки, и участвовал в боях под Ельней и Можайском. Во время битвы под Москвой он был тяжело ранен. После демобилизации С. П. Толстов вернулся на работу в Академию наук СССР, в 1942 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Древний Хорезм» и в декабре того же года был назначен директором Института этнографии АН СССР. С 1949 по 1954 г. он совмещал работу в Институте с должностью ученого секретаря Президиума АН СССР, а с 1946 по 1966 г. был главным редактором журнала «Советская этнография». В 1953 г. С. П. Толстов был избран членом-корреспондентом АН СССР.

Научные заслуги С. П. Толстова отмечаются не только в нашей стране, но и за рубежом: он избран членом-корреспондентом АН ГДР, вице-президентом Международного союза антропологических и этнографических наук, почетным членом Итальянского ин-та Среднего и Дальнего Востока, Парижского азиатского и антропологического обществ, Королевского антропологического ин-та Великобритании и Ирландии, археологического департамента Индии, членом-корреспондентом школы Восточных и Африканских исследований Лондонского университета.

Заслуги С. П Толстова в развитии советской науки высоко оценены советским правительством. Он награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак почета» и медалями Советского Союза.

С. П. Толстов — автор около 300 научных трудов, освещающих различные вопросы истории, археологии и этнографии Средней Азии и общие вопросы востоковедения. В числе этих работ широко известны монографии «Древний Хорезм» (1948 г.), «По следам древнехорезмийской цивилизации» (1948), «По древним дельтам Окса и Яксарта» (1962 г.).

Характерной чертой всей научной деятельности С. П. Толстова является сочетание общей этнографической проблематики с разработкой региональных историко-археологических вопросов, связанных преимущественно со Средней Азией. Его исследовательская, педагогическая, общественная и организационно-административная работа имела огромное значение для развития этнографии в нашей стране, в качестве самостоятельной исторической науки, а также для расширения и укрепления ее связей с другими общественными и естественными дисциплинами — археологией, языкознанием, антропологией, географией и т. д. Сергей Павлович, выступая на торжественном заседании, посвященном его 50-летию и 30-летию научной деятельности, очень хорошо определил основное направление своей работы: «Этнография,— сказал он,— наука историческая, но она вместе с тем тесно переплетается с филологией — через фольклор, с географией — через этническую географию, с биологией — через антропологию. Это делает ее очень сложной, но именно, поэтому чрезвычайно интересной. Меня нередко называют историком, археологом, востоковедом и в последнюю очередь этнографом. На деле я именно этнограф (а следовательно, и историк, так как этнография это раздел истории), старающийся продолжать развитие анучинского направления в нашей увлекательной, исключительно перспективной науке» [1].

Рассматривая этнографию как историческую науку, С. П. Толстов очень большое значение придает относительной и абсолютной датировке этнографических явлений. Одним из самых крупных пороков буржуазной этнографии он справедливо считает игнорирование хронологической датировки. Именно для получения такой датировки этнограф должен, кроме собственно этнографических материалов, привлекать материалы других общественных и даже естественных наук, помогающих путем косвенных данных отнести изучаемые явления к определенным периодам истории человечества. Так, например, такие кардинальные мировоззренческие проблемы как вопросы происхождении

---

[1] Н. Лобачева, К юбилею С. П. Толстова, «Сов. этнография», 1957, № 4, стр 164—166.

самого человека, человеческого общества, его хозяйства и культуры могут быть правильно поставлены и разрешены только в процессе комплексного анализа антропологических, геологических, археологических, лингвистических и собственно этнографических данных с обязательным учетом их относительной и абсолютной датировки[2]. Останавливаясь во многих своих работах на проблемах истории первобытного общества, С. П. Толстов всегда выступал против попыток ревизии концепции Л. Г. Моргана, Ф. Энгельса о материнском роде как основе социальной организации всего человечества на заре его исторического развития. Полемизируя с критиками Л. Моргана и Ф. Энгельса, С. П. Толстов наряду с другими советскими учеными считает, что именно недооценка хронологии приводит к тому, что некоторые явления, отмеченные у отсталых народов (например отцовский род и патриархальные отношения у австралийцев или американских индейцев), принимаемые некоторыми исследователями за изначальные, в действительности являются очень поздними, возникшими под непосредственным или косвенным влиянием европейских колонизаторов[3]. Подобно этому многие особенности хозяйства, общественного строя и культуры народов Сибири, такие, например, как оленеводство, широкое распространение патриархальных институтов, еще недавно считавшиеся очень древними, в действительности оказались поздними, возникшими, возможно, под влиянием живших южнее народов Центральной Азии. Вполне прав С. П. Толстов, когда он пишет: «Насколько зыбки некоторые широко распространенные этнографические «теории», последователи которых не учитывают элемента абсолютной хронологии и не исследуют (прежде чем делать общеобязательный вывод) историю конкретных бесписьменных народов»[4].

Для всех исследовательских работ С. П. Толстого характерен наряду с историзмом тщательный анализ изучаемых явлений, на основании материалов разного рода: собственно этнографических, добытых путем непосредственного наблюдения культуры и быта разных народов, археологических, лингвистических, «исторических» в узком смысле слова, то есть зафиксированных в письменных памятниках, антропологических, географических и других. Комплексное использование различных источников проходит красной нитью как через капитальные труды С. П. Толстого вроде книги «Древний Хорезм», так и через его статьи, посвященные общим и частным вопросам этногенеза и истории культуры[5]. В этом отношении очень показательна его статья 1961 г. «Некоторые проблемы всемирной истории в свете данных современной исторической этнографии», а также доклад «Основные теоретические проблемы современной советской этнографии», прочитанный на VI Международном конгрессе антропологов и этнографов в Париже (1960 г.)

Борясь за последовательный историзм в этнографии и за методику комплексных исследований, С. П Толстов вместе с тем всегда решительно выступает против нигилистического отношения к нашей науке, против отрицания ее права на самостоятельное существование[6]. В очень многих своих работах С. П. Толстов убедительно показал, что использование этнографических материалов и применение этнографических методов совершенно необходимо для решения наиболее важных общеисторических проблем. Наиболее полно свои взгляды на эти вопросы он изложил в только что упомянутой статье о проблемах всемирной истории в свете данных исторической этнографии.

Развивая лучшие традиции анучинской школы, С. П. Толстов значительно расширил и углубил ее знаменитую «триаду» (этнография, физическая антропология и «доисторическая археология»). Когда в СССР оживилась исследовательская работа в области конкретной социологии, С. П. Толстов стал одним из инициаторов создания социологической ассоциации. Таким образом, тройной анучинский комплекс вступил в тесное взаимодействие еще с одной общественной наукой, которая во всем мире приобретает в последнее время все большее и большее значение. Советские этнографы те-

---

[2] С. П. Толстов, Основные теоретические проблемы современной этнографии, «Сов. этнография», 1960, № 6, стр. 10—23; его же, Некоторые проблемы всемирной истории в свете данных современной исторической этнографии, «Вопросы истории», 1961, № 11, стр. 107—118.

[3] С. П. Толстов, Этнография и современность, «Сов. этнография», 1964, № 1, стр. 3—11; его же, Советская школа в этнографии, «Сов. этнография», 1947, № 4, стр. 8—28; его же, Некоторые проблемы всемирной истории в свете данных современной исторической этнографии, стр. 108—112.

[4] С. П. Толстов, Основные теоретические проблемы современной этнографии, стр. 17.

[5] См. работы, указанные в примеч. 1—4, а также: С. П. Толстов, В. И. Ленин и актуальные проблемы этнографии, «Сов. этнография», 1949, № 1, стр. 3—17; его же, Итоги перестройки работы Института этнографии АН СССР, «Сов. этнография», 1951, № 3, стр. 3—14; его же, Н. Н. Миклухо-Маклай, «Сов. этнография», 1953, № 2, стр. 3—9; его же, Сорок лет советской этнографии, «Сов. этнография», 1957, № 5, стр. 31—55.

[6] С. П. Толстов, Итоги перестройки работы Института этнографии АН СССР.

перь укрепляют свои связи с социологами и овладевают социологическими методами исследования, в которых большая роль принадлежит количественным, статистическим приемам оценки собранных материалов. Ярким выражением этого крепнущего союза этнографии и социологии явилось активное участие советских этнографов в VI Международном социологическом конгрессе в Эвиане (Франция) в сентябре 1966 г.[7] Следует особо подчеркнуть, что развитие связей между этнографами и социологами логически вытекает из того понимания этнографической науки, за которое последовательно боролся С. П. Толстов с самого начала его научной деятельности. «Советский этнограф,— писал С. П. Толстов в программной статье 1946 г. — к какой бы национальности он ни принадлежал, прежде всего активный участник культурной жизни и строительства того народа, изучению которого он себя посвятил. Он такой же гражданин Советской Родины, как и те, над наследством культуры которых он работает; они вместе строят одну и ту же социалистическую советскую культуру, в какие бы национальные формы она ни выливалась»[8]. В полном соответствии с таким пониманием своей науки этнографы в наши дни в центре своей исследовательской работы ставят всестороннее изучение современной культуры и быта народов СССР.

С изучением социалистической современности связаны и исследования в этнографическом аспекте таких тем, как развитие наций и народностей в СССР, особенностей этнических процессов в разных регионах страны и на разных этапах истории социалистического строительства, а также изучение проблемы национальных народных традиций. С. П. Толстов был одним из инициаторов и научным организатором в период создания этих новых важнейших, практически актуальных направлений советской этнографии; в дальнейшем он настаивал на том, чтобы научно-исследовательские задачи в области этнографии современности все более углублялись и усложнялись, чтобы этнографы переходили к теоретическим обобщениям от фиксации и анализа процессов, происходящих в отдельных регионах.

Под руководством С. П. Толстова и с его личным участием Институт этнографии подготовил и издал капитальную многотомную серию этнографических очерков — «Народы мира», где в отличие от всех прежних трудов такого типа широко освещены современный образ жизни, культура и быт всех народов земного шара.

* * *

В короткой статье трудно даже просто перечислить те теоретические историко-этнографические проблемы, в разработке которых принимал непосредственное участие С. П. Толстов. Выше уже отмечалось большое внимание С. П. Толстова к проблемам истории первобытного общества.

Одним из первых в советской науке он поставил вопрос о необходимости отказаться от догматического подхода к наследию Моргана и уточнить его выводы на основании новых данных. В этом плане особенно большое значение имело отношение к созданной Морганом периодизации истории первобытного общества, некогда впервые внесшей научную систему в предысторию человечества, но в свете этнографических и археологических фактов, накопленных с конца XIX в., оказавшейся в значительной мере устаревшей.

В 1946 г., справедливо отметив в своей статье «К вопросу о периодизации истории первобытного общества», что «канонизация устарелых мест и ошибок в периодизации Моргана на руку только противникам его теории», С. П. Толстов предложил новую схему членения первобытной истории — на эпохи первобытного стада, первобытной общины (материнского рода) и военной демократии. В этой периодизации, в отличие от моргановской, выделены два главных рубежа исторического процесса первобытности, отграничивающие период расцвета первобытно-общинного строя (первобытная община) от периодов его становления (человеческое стадо) и распада (военная демократия).

В последующие годы советскими историками было предложено несколько других вариантов периодизации, отличающихся главным образом наименованием отдельных периодов. Однако во всех этих вариантах сохранено обоснованное С. П. Толстовым трехчленное деление первобытной истории, явившееся важным шагом в творческом развитии марксистской науки о первобытном обществе.

Глубоко интересуясь проблемами первобытной истории, С. П. Толстов внес ценный вклад в изучение особенностей важнейших этапов родового общества. Особое внимание он уделил проблеме дуально-родовой организации как первой универсальной формы родового общества, отложившей глубокий отпечаток на все мировоззрение и психологию людей этого общества.

Видя в дуальной организации реальные корни имеющего универсальное распространение близнечного мифа, С. П. Толстов прослеживает стадии его развития от его истоков до проявления в дуалистических религиях древнего мира.

---

[7] Ю. П. Аверкиева, На XVIII Международном конгрессе психологов и VI Международном конгрессе социологов (впечатления этнографа), «Сов. этнография», 1967, № 1.

[8] С. П. Толстов, Этнография и современность, стр. 7.

С. П. Толстов внес также большой вклад в разработку проблемы тотемизма. Определяя тотемизм как идеологию родового общества, он видит его зарождение в верхнем палеолите. Наиболее ранней стадией этой идеологии С. П. Толстов справедливо считает половой тотемизм. Критикуя вульгарно-экономическое объяснение тотемизма В. Гребнера и В. Шмидта разделением труда между общинами, Сергей Павлович дает материалистическое объяснение этого явления. Он видит в нем форму «осознания связи коллектива, его единства, его противоположности другим коллективам на том этапе общества, когда кровное родство в собственном смысле, генеалогическая общность коллектива не могла еще быть осознана в силу отсутствия непременной предпосылки для осознания кровной связи — парной семьи» [9].

Обобщив обширные данные о тотемизме у различных народов мира, С. П. Толстов выявил три этапа развития тотемистических представлений: отождествление коллектива с определенным родом предметов; представление о тотеме как родственнике и вместе с тем начало осознания кровного родства; осознание тотема как предка и вместе с тем переход к культу предков.

Эти обобщения С. П. Толстова, как и многие другие, явились существенным вкладом в разработку проблем истории первобытного общества.

Большая заслуга принадлежит С. П. Толстову в создании учения о хозяйственно-культурных типах и историко-этнографических областях, которое получило дальнейшее развитие в трудах многих советских этнографов, в особенности М. Г. Левина, С. А. Токарева и Н. Н. Чебоксарова. Еще в одной из своих ранних работ «Очерки первоначального ислама» С. П. Толстов сформулировал понятие о хозяйственно-культурных типах и предпринял первую попытку наметить их историко-этнографическое соотношение. Более развернуто эти вопросы были изложены им в курсе общей этнографии, читавшемся на протяжении многих лет на Историческом факультете МГУ.

В первом выпуске «Очерков общей этнографии» есть специальная глава «Понятие о хозяйственно-культурных типах и историко-этнографических областях», подготовленная в значительной степени на базе этих материалов.

К пониманию хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей как исторических категорий С. П. Толстов пришел в процессе критики буржуазной этнографии, для которой очень характерно отрицание социально-экономической обусловленности сходства и различия в культуре отдельных народов. «Советской этнографии,— писал С. П. Толстов в 1946 г.,— чуждо понятие «культуры» как абстрагированной от народа и его живой истории, самодовлеющей категории, живущей своими законами, особыми от законов общественного развития. Нам чуждо понятие «культурного круга» как некоего самодовлеющего единства, подлежащего изучению в отрыве от конкретной культуры отдельных народов».

Вместе с тем, «мы признаем правомерность выделения определенных хозяйственно-культурных зон, обусловленных различием в естественных производительных силах отдельных территорий, налагающих отпечаток на облик культуры населяющих эти зоны народов... Мы признаем и конкретное историческое понятие культурной области или провинции, выражающейся в культурном сближении народов определенной территории, хотя бы и различного происхождения, в результате общности исторических судеб, длительного соседства и общения... Но и хозяйственно-культурную зону и историко-культурную область мы должны рассматривать неизменно как историческую, динамичную категорию, меняющуюся в процессе исторического развития» [10].

В сущности говоря, издание многотомника «Народы мира» построено по принципу выделения крупнейших историко-этнографических провинций, таких, как Европейская часть СССР, Кавказ, Средняя Азия и Казахстан, Сибирь, Передняя, Южная, Восточная и Юго-восточная Азия.

Очень велик вклад С. П. Толстова в разработку общих и частных проблем этногенеза и этнической истории. Почти все его капитальные труды, посвященные истории, археологии и этнографии Средней Азии и соседних территорий, носят этногенетический и историко-культурный характер. Но и в других работах С. П. Толстова вопросы происхождения отдельных народов или целых языковых семей занимают видное место. До настоящего времени не потеряла своего научного интереса высказанная С. П. Толстовым еще в 1946 г. гипотеза о существовании двух основных обширных ареалов развития языковых семей мира: юго-западного или атланто-индоокеанского и северо-восточного или тихоокеанского, выделяющихся путем анализа синтаксического строя языков мира. Индо-европейская семья занимает, по-видимому, переходное положение между этими двумя ареалами [11].

---

[9] С. П. Толстов, Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен, «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 9—10, стр. 26.

[10] С. П. Толстов. Этнография и современность, стр. 8.

[11] С. П. Толстов, Проблема происхождения индоевропейцев и современная этнография и этнографическая лингвистика, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», I, 1946, стр. 3—13.

Определенный интерес для сложных проблем происхождения народов Восточной и Центральной Европы, в частности славян, представляет также оригинальная историко-этнографическая работа С. П. Толстова «„Нарцы" и „Волхи" на Дунае», в которой автор, базируясь на анализе летописного известия о нарцах и волхах, развивает мысль о значительном участии в этногенезе славян иллиро-фракийских и даже кельтских племен Дунайского бассейна [12].

Говоря об этногенетических работах С. П. Толстова, нельзя пройти мимо его концепций, касающихся происхождения народов Австралии и Океании. Концепции эти, впервые изложенные в курсе общей этнографии, были использованы при подготовке некоторых глав тома «Народы Австралии и Океании», посвященных происхождению коренного населения этой части эйкумены. В том же томе помещена оригинальная карта-схема С. П. Толстова, дающая наглядное представление о взглядах автора на области формирования и дальнейшего расселения расовых групп и языковых семей Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании [13].

* * *

Выше мы отмечали, что уже в студенческие годы и особенно в годы аспирантуры основные научные интересы С. П. Толстова сосредоточились на проблемах востоковедения и, в частности, истории и этнографии Средней Азии. Этой тематике посвящено более половины его трудов, написанных за 40 лет научной деятельности. В 1929 г. он впервые поехал в Хорезм, участвуя в экспедиции РАНИОН, проводившей комплексные исследования в Ташаузской области Туркменской ССР. С. П. Толстов в составе экспедиции занимался этнографическим изучением куня-ургенчских туркмен-иомудов, их родоплеменного состава и материальной культуры. Материалы этих полевых работ послужили основой для интересного исследования, опубликованного в 1935 г., о пережитках тотемизма и дуальной организации у туркмен, а также для оставшейся неопубликованной, написанной в соавторстве с Г. И. Карповым монографии, посвященной описанию и анализу родоплеменной структуры туркмен. В то же время С. П. Толстов с увлечением занимался исследованием проблем ислама и доисламских верований народов Средней Азии, посвятив этой теме несколько статей; одну из них «Религии народов Средней Азии» он написал для двухтомного сборника этнографических материалов «Религиозные верования народов СССР», подготовленного коллективом Центрального музея народоведения под редакцией В. К. Никольского.

Время пребывания С. П. Толстого в аспирантуре совпало с тем периодом истории советской этнографии, когда одной из центральных ее задач становится изучение пережитков общинно-родового уклада, конкретных форм сочетания патриархальных и феодальных или полуфеодальных отношений, сохранявшихся еще в 1930-х гг. у значительной части народов Средней Азии, Сибири, Кавказа. Разработка этой темы была чрезвычайно актуальной, поскольку в некоторых республиках в период коллективизации националисты пытались заглушить классовую борьбу пропагандой взглядов на пережитки родового строя, как на «зародыш социализма». Сергей Павлович, наряду с другими историками и этнографами (П. И. Кушнером, А. Н. Бернштамом, Л. П. Потаповым, С. А. Токаревым, Н. П. Никульшиным и др.) принял участие в идеологической борьбе с этими «теориями», он усиленно работал над изучением истории общественного строя кочевников и неоднократно выступал в дискуссиях по вопросу о характере социально-экономического строя у народов Востока. В частности, в 1933 г., на пленуме ГАИМК, посвященном основным проблемам генезиса и развития феодального общества, С. П. Толстов выступил с интересным докладом «Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах», в котором опровергал пресловутую «теорию» бесклассового родового строя у кочевников, якобы сохранявшегося у них до начала XX в. вследствие специфики кочевого хозяйства. В этом докладе использован, наряду с другими источниками, обширный этнографический материал по туркменам, казахам, киргизам и другим народам Средней Азии. Полемизируя с алаш-ордынскими «теоретиками» по поводу их утверждений о «врастании рода в социализм», он очень убедительно аргументировал на среднеазиатском материале свой тезис о том, что «облачение феодальной ренты в традиционную мистическую оболочку «родовой взаимопомощи» обусловливает крепость и устойчивость родовых пережитков в условиях вполне сложившегося феодального общества», и что «род» у кочевников и полукочевников в этих исторических условиях «скрывает внутри себя глубоко развитые антагонистические отношения». Проблема социального строя народов Востока глубоко захватила и увлекла в этот период С. П. Толстова и в основном поэтому он в поисках новых достоверных

[12] С. П. Толстов, «Нарцы» и «Волхи» на Дунае, «Сов. этнография», 1948, № 2, стр. 8—38.

[13] «Народы Австралии и Океании», под ред. С. А. Токарева и С. П. Толстова, «Народы мира. Этнографические очерки», М., 1956, главы 2, 5, 12, 27 и карта на стр. 368—369.

исторических источников обратился к археологии Средней Азии. Именно эта проблема была первой и главной темой развернувшихся с 1937 г. изысканий Хорезмской археологической экспедиции, открывшей уникальные памятники могущественного древнего рабовладельческого государства в песках пустыни Кызылкум. В предисловии к «Древнему Хорезму» он пишет о том, как исторические исследования, в частности «Тирания Абруя» привели его в Хорезм, одну из древнейших культурных областей нашей страны. Он был глубоко убежден, что скрытые в песчаных барханах руины, мощные пересохшие ирригационные системы и другие памятники древнего Хорезма имеют не меньшее значение для решения волновавших его научных проблем, чем письменные источники.

Поразительно много было сделано за четыре предвоенных года работ Хорезмской экспедиции. В окружающих оазис песках исследователи, передвигавшиеся тогда пешком или на верблюдах, открыли десятки древних памятников — города, крепости, усадьбы. Были проведены значительные раскопки, в процессе которых вырабатывалась методика исследования своеобразных среднеазиатских развалин. Параллельно с накоплением новых данных шло их научное осмысление. Хорошая археологическая подготовка С. П. Толстова и его удивительная интуиция позволили быстро и безошибочно ориентироваться в море нового материала. Предложенная в те годы классификация археологических культур Хорезма, охватывающая период от неолита до средневековья, выдержала испытание временем и потребовала впоследствии лишь незначительных дополнений и уточнений. Благодаря огромной этнографической эрудиции С. П. Толстов смог убедительно реконструировать некоторые особенности быта и социальной организации древних хорезмийцев, основываясь на изучении планировки их поселений и жилищ и на других археологических материалах. Наконец, он сразу указал, что сохранившиеся следы искусственной ирригации — основы жизни земледельческих цивилизаций Востока — очень важны для суждения о социально-экономической истории страны.

Успешно начатые работы прервала война.

Итоги довоенного цикла изысканий Хорезмской экспедиции, обобщенные С. П. Толстовым, были опубликованы только в 1948 г.— в монографии «Древний Хорезм», удостоенной Государственной премии первой степени. Помимо блестяще написанного очерка политической, социально-экономической и археологической истории Хорезма этот труд содержит ряд экскурсов, посвященных узловым проблемам истории и культуры Средней Азии в целом. Ряд теоретических положений и гипотез, выдвинутых в монографии, послужил отправной точкой для работ многих исследователей. Нет сомнения, что к ней будет обращаться еще не одно поколение ученых.

После войны возглавляемая С. П. Толстовым экспедиция возобновила свои работы, став теперь комплексной археолого-этнографической. В комплексности ее научного плана отразилось стремление использовать этнографические исследования для наиболее полного воссоздания этнической истории и истории культуры тех народов, которые населяют сейчас Хорезмский оазис и, в то же время, желание поставить результаты научных изысканий экспедиции на службу социалистического строительства сегодняшнего дня. Свойственное большим ученым умение работать на стыке разных наук, нашло выражение также в цикле исследований Хорезмской экспедиции по истории формирования и заселения русел Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. Проведенные в содружестве с географами и геоморфологами работы позволили в значительной мере решить проблему Узбоя, волновавшую многих ученых, опровергнуть тезис о необратимом усыхании земель древнего орошения Средней Азии. Широкие исследования древней ирригации не только весомо подтвердили гипотезу о рабовладении в Хорезме, но позволили передать проектировщикам новых оросительных систем важные сведения об огромных пустующих массивах земель, некогда орошаемых. Хорезмская экспедиция продолжает работы в этом направлении, некоторые итоги их подведены в коллективной монографии «Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой» и в монографии С. П. Толстова «По древним дельтам Окса и Яксарта», вышедшей в 1962 г.

Огромную работу проделал Сергей Павлович, продолжая начатые до войны исследования по истории и культуре Хорезма. Руководимые им раскопки ведутся в большом масштабе, исследованы многие первобытные стоянки, поля и поселения древнейших земледельцев, крепости, усадьбы, дворцы эпохи рабовладения, средневековые замки и города. Был полностью раскопан огромный храм-мавзолей, связанный с астральными культами — развалины Кой-Крылган-кала (IV в. до н. э.— III в. н. э.). Результаты этих работ, имеющие большое значение для истории культуры и религии Средней Азии, изложены в подготовленной под руководством Сергея Павловича коллективной монографии, которая сдана в печать. Большую известность, благодаря работам С. П. Толстова, приобрели замечательные росписи и скульптуры первых веков н. э., обнаруженные при раскопках дворца царей Хорезма на городище Топрак-кала. Огромное научное значение имело открытие здесь архива древних документов. Достаточно сказать, что в них, как показал Сергей Павлович, неоднократно упомянуто слово «раб» (отметим, что недавно такое прочтение соответствующего слова поддержал авторитетнейший английский иранист В. Б. Хеннинг). Раскопки на городище Топрак-кала

недавно возобновлены в связи с предстоящей полной публикацией этого замечательного памятника.

С. П. Толстов неоднократно подчеркивал, что историю земледельческих государств Средней Азии необходимо рассматривать в неразрывной связи с историей кочевых и полукочевых народов, окружавших оазисы. За последние годы Хорезмская экспедиция развернула интенсивные исследования археологических памятников, оставленных среднеазиатскими скифами — саками.

Великолепные материалы, вызвавшие огромный интерес у многих археологов, занимающихся скифским миром, были обнаружены при раскопках мавзолеев и курганов на возвышенностях Тагискен и Уйгарак в древней Сырдарьинской дельте. С. П. Толстов уже опубликовал ряд важных работ, посвященных проблемам происхождения саков, их социальному и экономическому строю, культуре. Нет сомнения, что будут продолжены изыскания и в этом направлении.

Маршрутные исследования Хорезмской экспедиции охватили огромные площади пустынь Приаралья и Прикаспия. При стационарных раскопках были раскрыты сотни помещений на многих исторических памятниках. Это стало возможно лишь благодаря техническому перевооружению экспедиции. Отметим, в частности, что С. П. Толстов первым из исследователей-археологов широко привлек на помощь археологии авиацию.

Однако С. П. Толстов и в своих изысканиях послевоенного периода не ограничивается историко-археологической тематикой. Вопросы этнографии Средней Азии его по-прежнему глубоко интересуют и волнуют. Можно смело сказать, что нет такой темы, такого вопроса среднеазиатской этнографии, где бы современный исследователь мог обойти труды С. П. Толстова, не коснуться каких-либо его статей и книг, докладов, лекций или выступлений в дискуссиях. Этнографы Средней Азии с огромным вниманием относятся и к трудам Сергея Павловича, даже на первый взгляд «чисто» археологическим: без них трудно обойтись, так как они всегда насыщены богатейшими материалами, построениями, сопоставлениями, в которых проявляется подход к постановке и решению проблем ученого этнографа, глубокого знатока быта, верований, культурного наследия народов Средней Азии. Эти труды расширяют кругозор, помогают отходить от этнографического «описательства», заставляют ставить перед собой интересные задачи, искать новые источники, новые пути для разработки вопросов этнографии Средней Азии, поддерживать связь с учеными смежных научных дисциплин. Ярким примером работ такого типа может послужить очерк «Путь корибантов (Архаические элементы в общественном строе дофеодальной Средней Азии)», дополняющий в виде экскурса (III) труд С. П. Толстова «Древний Хорезм».

В этой оригинальной работе, с присущей автору широтой в использовании исторических, этнографических, археологических и лингвистических материалов, С. П. Толстов исследует реликты родового строя и его архаических институтов в Средней Азии и Иране в эпоху становления феодализма, их влияние на общественные движения V—XI вв., возрождавшие традиционные формы тайных союзов — института, характерного для стадии разложения родового строя. Самостоятельное значение в данной работе приобретает изучение связанных с этим вопросом явлений религиозной идеологии. Оно перерастает во всестороннее и глубокое исследование эволюции средне- и переднеазиатских религий и религиозных течений, начиная с наиболее ранних ее стадий, связанных с дуальной организацией и тотемизмом. «Путь корибантов» с его разносторонним анализом среднеазиатского этнографического материала, стал стимулом для целого ряда новейших исследований советских этнографов — по истории общественной жизни и пережиткам общины в городах Средней Азии (О. А. Сухарева), по пережиткам древних «мужских союзов» и «мужских домов» (Г. П. Снесарев), по реликтам системы возрастных классов у народов Средней Азии (К. Л. Задыхина), по домусульманским верованиям и пережиткам зороастризма (Ю. А. Рапопорт, Г. П. Снесарев), по историко-этнографическому анализу произведений среднеазиатского эпоса (Т. А. Жданко и др.) и т. д.

Не меньшее значение имеют труды С. П. Толстова в области этногенеза народов Средней Азии и их этнической истории. Помимо специальных работ, посвященных этой проблеме («Аральский узел этногонического процесса»; «Основные вопросы этногенеза народов Средней Азии»; «Огузы, печенеги, море Даукара», «К вопросу о происхождении каракалпакского народа» и др.), большое внимание уделяется этногенезу и во всех его археологических трудах — таких, как книги «По следам древнехорезмийской цивилизации», «По древним дельтам Окса и Яксара», как статьи «Города гузов», «История Сарыкамышского озера в средние века», «Приаральские скифы и Хорезм» и др. Под руководством и с участием С. П. Толстова написан «Очерк этнической истории Средней Азии и Казахстана» в 1-й книге Среднеазиатского тома серии «Народы мира», представляющий по существу, первый труд, обобщающий новейшие исследования по этой теме, охватывая народы всей обширной среднеазиатской историко-этнографической области в целом. Основные заключения С. П. Толстова о древнейших и средневековых этапах этногенеза народов Средней Азии стали общепринятыми и прочно вошли в науку, хотя, разумеется, каждое новое археологическое, историческое и этнографическое открытие вносит уточнения и детали в разработку этой сложной проблемы.

Очень актуальное значение имеют сейчас и те работы С. П. Толстова, где он излагает свои концепции по проблеме кочевников и полукочевников Средней Азии — их взаимоотношения с оседло-земледельческим населением оазисов, связь их с городами, их историческую роль в экономической и культурной жизни страны. Особенно детально разработана эта тема в упоминавшейся статье «Города гузов».

С. П. Толстов стал давно уже общепризнанным научным руководителем всего широкого фронта среднеазиатской этнографии. Так, в послевоенные годы он возглавляет среднеазиатские совещания археологов и этнографов, руководит авторскими коллективами таких крупных обобщающих трудов, в которых участвуют среднеазиатские ученые, как среднеазиатские тома «Народов мира», «Среднеазиатский историко-этнографический атлас» и другие. Он пользуется большим авторитетом в республиках Средней Азии и в Казахстане, принимая участие в научной жизни не только этнографов и археологов, но также историков и востоковедов. Член редколлегии и авторского коллектива «Истории Узбекистана», руководитель и редактор первого тома «Очерков истории Каракалпакии», он связан и с Институтом востоковедения Академии наук Узбекской ССР, участвуя в подготовке издания трудов великого хорезмского ученого XI в. Ал-Бируни. С. П. Толстову присуждены звания заслуженного деятеля науки Узбекской ССР, Таджикской ССР, Каракалпакской АССР, в 1956 г. он был избран почетным академиком АН Узбекской ССР. Некоторые из его трудов переведены на среднеазиатские языки.

Научная деятельность С. П. Толстова, открытия руководимой им Хорезмской экспедиции широко известны за рубежом. Ряд его трудов переведен на иностранные языки. Так, переводы книги «По следам древнехорезмийской цивилизации» вышли в ГДР, Польше, Венгрии, Чехословакии, сокращенный перевод — во Франции. В 1956 г. Сергей Павлович читал лекции о своих археологических исследованиях в Лондонском, Оксфордском и Кембриджском университетах, в Париже и Риме.

Свою научную деятельность С. П. Толстов всегда сочетает с большой и плодотворной работой по подготовке научных кадров историков, археологов, этнографов как в РСФСР, так и в союзных республиках, в особенности в республиках Средней Азии. Он не только помогает своим ученикам овладевать основами науки, но и постоянно показывает своим примером, каким смелым и самоотверженным должен быть настоящий ученый. Каждый его ученик, как и каждый работающий с ним сотрудник, находит в его лице подлинно научного руководителя, требовательного к качеству исследования, острого и строгого критика и вместе с тем чуткого ученого, всегда с огромным интересом и вниманием относящегося к каждой новой творческой мысли, к новому, привезенному из экспедиции материалу, ко всем новым наблюдениям и открытиям в нашей науке.

Коллектив Института этнографии, сотрудники, коллеги, друзья и ученики С. П. Толстова горячо поздравляют его с 60-летием со дня рождения и 40-летием научной деятельности, желают ему здоровья и дальнейших творческих успехов.

Т. А. Жданко, Ю. А. Рапопорт, Н. Н. Чебоксаров

Научная Жизнь

НА XVIII МЕЖДУНАРОДНОМ КОНГРЕССЕ ПСИХОЛОГОВ И VI МЕЖДУНАРОДНОМ КОНГРЕССЕ СОЦИОЛОГОВ

(Впечатления этнографа)

Закончившийся 1966 год был богат плодотворным участием советских этнографов в различного рода международных конгрессах, конференциях, совещаниях и симпозиумах. Советские этнографы участвовали в 1966 г. в работе Сессии Постоянного совета Международного союза антропологических и этнологических наук, XVIII Международного конгресса психологов, VI Всемирного конгресса социологов, I Международного конгресса балканских исследований, XI Международного Тихоокеанского научного конгресса, Международного конгресса иранистов, VII Международного конгресса прото- и доисторических наук, Международной конференции по этнографическому картографированию, Международной конференции по созданию письменности на африканских языках, III Международной конференции эфиопистов, Конференции Международного общества по этнологии и фольклору, Конференции Международного общества по изучению фольклорной прозы, Международного симпозиума по балтийской этнографии, Международного симпозиума по культуре Селета, Международного симпозиума по европейской этнографии, Межрегионального семинара по переходу на оседлость кочевого населения в Казахской и Киргизской ССР, в совещании рабочей редакции Международного реферативного журнала «Демос».

Расширение и углубление этнографических исследований в СССР, их теоретическая и практическая направленность обусловили рост авторитета советской этнографии среди ученых смежных наук как в нашей стране, так и за рубежом.

* * *

Впервые в 1966 г. советская этнографическая наука была представлена на международных конгрессах психологов и социологов.

Международный конгресс психологов проходил в Москве с 4 по 11 августа. Открытие его состоялось в торжественной обстановке во Дворце Съездов. В приветствиях и выступлениях представителей советского правительства и советской науки подчеркивалось то огромное значение, которое приобретает психология в наши дни революционных преобразований, отмечалось, что бурные социальные изменения в жизни народов всегда сопровождаются коренными сдвигами в свойствах и функциях психики людей. Психология,— сказал в своем выступлении на открытии конгресса П. Н. Федосеев,— наука, пограничная между биологическими и общественными науками, и поэтому в конгрессе, наряду с психологами, принимают участие биологи и социологи, антропологи и этнографы.

На конгрессе присутствовало до 4 тыс. человек, из них 1388 советских ученых. Работа конгресса проходила в 38 симпозиумах и на 10 тематических заседаниях. Кроме того, большую аудиторию привлекли три вечерние лекции: советского ученого А. А. Смирнова о путях развития советской психологии, крупнейшего психолога Швейцарии Ж. Пиаже, посвятившего свое выступление определению места психологии в системе наук, и американского психолога М. И. Миллера, рассказавшего об экспериментах в области теории усвоения и психопатологии.

Для этнографов большой интерес представляли проблемы, обсуждавшиеся в ряде симпозиумов конгресса, но наиболее близка этнографам была тематика четырех симпозиумов, а именно: «Формирование личности в условиях разных культур», «Личность и труд», «Психология взаимоотношений людей в малых группах» и «Формирование лич-

ности в коллективе». Не случайно этнография неоднократно упоминалась в ходе работы этих симпозиумов, и многие из выступавших говорили о необходимости сотрудничества этнографов и психологов.

На симпозиуме *«Формирование личности в условиях различных культур»* был представлен 21 доклад[1]. В их числе: три доклада советских ученых (Д. А. Тахмасиб «О перестройке личности азербайджанки в новых социальных условиях», А. Алтмышбаева и А. Брудного «Взаимное влияние культур и изменения в психологии киргизов», Ю. П. Аверкиевой «Культура и личность»); 10 докладов ученых США; совместный доклад американцев и японского ученого; три доклада английских ученых; два — итальянских ученых; доклад двух канадских исследователей; доклад мексиканского ученого. Если учесть, что в докладах ученых Италии и Мексики излагались результаты их общих с учеными США исследований, то станет очевидным тот факт, что сравнительные исследования в области психологии народов различных стран, различных этнических и социальных групп наиболее активно проводятся в США. Это, конечно, не случайное явление: психологические исследования поставлены империалистическими кругами этой страны на службу политике неоколониализма. Вместе с тем многих ученых искренне и глубоко волнуют проблемы психологических нарушений в современных США.

Как показала работа конгресса в целом, сейчас среди психологов общепринято положение об обусловленности формирования личности социальными факторами. В докладах в данном симпозиуме обсуждались проблемы зависимости психических процессов от особенностей культуры.

Однако в само понятие культуры участники симпозиума вкладывали разный смысл. Одни исследователи под культурой понимают классовую или сословную среду, в которой развивается индивид; другие — страну, национальную или этническую группу. В большинстве докладов зарубежных участников конгресса излагались итоги проводимых ими исследований развития процессов логического мышления, формирования устремлений и идеалов, самооценок, взглядов на жизнь, на свое будущее, на национальные и расовые отношения у детей разных возрастов и подростков различных социальных классов и слоев населения в рамках одной или нескольких стран. Эти исследования носят сравнительный характер, в них сопоставляются данные наблюдений над развитием учащихся, принадлежащих к одному социально-экономическому слою населения, в условиях разных стран и этнических групп, и учащихся различных слоев населения внутри одной страны. На основании полученных данных исследователи пытаются установить национальные и классовые различия в становлении личности.

Преобладающими объектами изучения в этих исследованиях являются народы развивающихся стран, хотя в ряде докладов излагались результаты сравнительного изучения народов промышленно-развитых стран Европы, Америки и Азии.

Исследуя развитие логического и обобщающего мышления на различных культурных уровнях, итальянский ученый Н. Пелуффо пришел к выводу, что дети в развивающихся странах отстают от детей промышленно-развитых стран в формировании логического мышления, но перемещение контрольной группы в более благоприятные условия способствует преодолению этого отставания. Английский ученый С. Х. Ирвин в докладе «Факторный анализ способностей и достижений африканцев: сравнительные модели» дал обзор исследований (в том числе и картографирования) способностей к учению африканских детей в различных частях материка.

Выступивший от Замбии английский ученый А. Герон в докладе «Экспериментальные исследования психического развития в условиях быстрых культурных изменений» рассказал о наблюдениях над психологическими сдвигами у учащихся Замбии под воздействием развития в этой стране системы школьного обучения за годы независимости.

Интересные выводы содержались в докладе М. Заваллони (США), изучавшей изменения в психологии подростков — белых, черных и индейцев — Тринидада после получения страной независимости. Ее исследования показали, что у подростков наиболее дискриминируемых в прошлом групп формируется более высокая степень самоуверенности, самоуважения, оптимизма в отношении будущего, чем у подростков социально доминирующей группы. Докладчица установила формирование «националистической ориентации» у негритянских и индийских юношей Тринидада после получения страной независимости.

---

[1] На симпозиуме было заслушано всего пять докладов: Ю. П. Аверкиевой (СССР), У. Ламберта и Н Мууара (Канада), А. Тажфеля и Дж. Ягоды (Англия), Ю. Джекобсона (США) и Р. Диас-Герреро (Мексика). Содержание остальных докладов было кратко изложено в выступлениях их авторов. Все доклады были опубликованы в специальном сборнике «Формирование личности в условиях различных культур». Вообще доклады каждого симпозиума публиковались в виде отдельного сборника.

В докладе П. Мюссена (США) излагались интересные результаты изучения им психологии мальчиков (9—12 лет) из семей трех групп населения Пуэрто-Рико: 1) фабричных рабочих, имеющих начальное образование в размере четырех и более классов; 2) фабричных рабочих, имеющих начальное образование ниже четырех классов и недавно порвавших с сельским хозяйством; 3) крестьян, не имеющих образования. Мальчики первой группы характеризуются в докладе как наиболее психологически здоровые, социально-активные, старающиеся быть полезными обществу, с оптимистическим взглядом на будущее. В отличие от них, мальчики из крестьянских семей описываются как пассивные, с ограниченными устремлениями.

Часты в докладах сопоставления данных о психических процессах у народов развивающихся и промышленно-развитых стран Запада. Например, в докладе мексиканского психолога Р. Диас-Герреро излагались предварительные результаты проводимого им совместно с американским психологом У. Хольцманом сравнительного изучения успехов школьников г. Мехико (Мексика) и г. Остин (США).

В совместном докладе Ф. К. Берриен, А. Б. Аркофф и Ш. Ивахара сопоставлялись системы ценностей японцев, американцев и японо-американцев Гавайев. Исследования показали большие изменения в системах ценностей после второй мировой войны у японцев в Японии и японо-американцев на Гавайях и сравнительную устойчивость их у американцев.

Итальянский ученый М. Чеза-Биянки изложил в своем докладе предварительные итоги сравнительного изучения отношения школьников Греции, Италии, США, Японии и Индии к законам и общепринятым нормам этих стран. Такого рода исследования координированно ведутся психологами указанных стран под руководством американского ученого Р. Гесса.

Однако психологические исследования в различных странах не ограничиваются изучением детской психологии. Большое внимание уделяется процессам психологических сдвигов у взрослого населения преимущественно развивающихся стран. Особо важное значение ученые США придают изучению психологии администраторов и деловых людей этих стран.

Большой интерес представило сообщение индийского ученого Д. Синха об изменениях в психике сельского населения Индии под воздействием осуществления программы общинного развития, принятой в 1952 г. в рамках пятилетнего плана развития страны. Изучались сдвиги в устремлениях, ценностях и идеалах, в развитии самовозникающих мотиваций в процессе общинного развития. Анализ показал, что устремления и надежды индийского крестьянина сосредоточиваются главным образом на материальных сторонах жизни индивида, на его непосредственных нуждах и гораздо слабее связаны с семейно-родственными узами, с общими интересами к миру и прогрессу. Сельские жители реально смотрят на жизнь и избегают риска. Эти выводы Синха свидетельствуют о развитии индивидуализма у крестьян и показывают, что трактовка индийского крестьянина как человека общины, больше всего пекущегося о семейно-родственных связях, устаревает.

В общем можно сказать, что во всех докладах, посвященных изучению психологии народов развивающихся стран, речь шла о больших психологических сдвигах у этих народов под влиянием современных политических и социально-экономических изменений. Участники симпозиума в своих выступлениях подчеркивали необходимость изучения умственного развития людей в условиях быстрых изменений в странах, приобретших независимость.

Два доклада на симпозиуме были посвящены проблеме становления психологии межнациональных отношений в современных промышленно-развитых странах. Канадские ученые У. Е. Ламберт и Н. Муур предприняли попытку объяснить острые противоречия между английской и французской Канадой с позиций этнолингвистики. На основе данных теста ассоциаций слов-импульсов и слов-реакций авторы пытаются доказать бóльшую психологическую близость франко-канадцев к французам, чем к англо-канадцам, и бóльшую близость последних к американцам, чем к франко-канадцам. В этом, по мнению авторов, корни противоречий между англо-канадцами и франко-канадцами. Нам представляется, что для подобного вывода совершенно недостаточна приводимая авторами фактическая основа, тем более, что слова-импульсы и ответы на них носят случайный характер.

В докладе английских ученых Х. Тажфеля и Дж. Ягоды описывались методика и предварительные итоги изучения ими процесса формирования национального самосознания и представлений о других народах у школьников Англии и Бельгии 6—7 и 9—11 лет. Авторы мотивировали свои исследования все более растущей ролью национализма в международной жизни. Представления детей о других народах и соотношение в них аффективного и познавательного элементов проверялись на их отношении к США, СССР, Франции и ФРГ и их знаниях об этих странах.

В докладах советских ученых говорилось об огромных психологических сдвигах у прежде отсталых народов СССР под воздействием социалистических преобразований в их жизни. Председатель симпозиума Отто Кляйнеберг (Франция) подчеркнул,

что в СССР имеются богатейшие возможности для изучения этнографами и психологами поставленных на симпозиуме проблем.

Много внимания участники симпозиума уделили методике исследований. Большинство ученых пользуются различного рода тестами наряду с применением вопросников и организацией интервью. Однако не все психологи одинаково оценивают технику тестов. Выступивший в дискуссии на симпозиуме президент конгресса А. Н. Леонтьев сделал ряд критических замечаний по поводу применения тестов, а по мнению представителя Замбии А. Герона, применение тестов в Африке, как впрочем и в Европе, потерпело фиаско.

Большое внимание уделялось вопросам математической и машинной обработки данных.

Как бы продолжением этого симпозиума явилась неофициальная встреча членов конгресса, на которой речь шла о психологических проблемах в развивающихся странах.

По инициативе К. Сото (Япония), индийского ученого Д. Синха, иранского ученого М. Санаи и др., несколько участников конгресса собрались для обмена мнениями по этой проблеме, волнующей многих ученых. Собеседованием руководил М. Санаи. В беседе приняли участие четыре ученых США, по одной делегатке от Израиля, Колумбии, Дании; по одному делегату от Замбии, Венесуэлы, Аргентины, Сирии (студент университета в Москве); советские ученые А. А. Алтмышбаев, П. А. Смирнова, Ю. П. Аверкиева. Во вступительном слове М. Санаи говорил о необходимости выявления особенностей развития личности на Востоке и на Западе. Он отметил, сколь серьезно стоит проблема молодежи и что в решении ее необходим обмен опытом. Важно подумать, подчеркнул он, о том, что может дать опыт Запада для решения этих проблем на Востоке. Делегатка Израиля говорила о сложности этнического состава своей страны и связанной с этим сложности проблемы «Восток-Запад». Решать эти проблемы в Израиле, сказала она, пытаются путем распространения образования. Но в процессе обучения проявляется различный уровень усваиваемости учащимися различных национальных групп. Все это ставит перед психологами сложные проблемы. Делегатка Колумбии рассказала о происходящих в ее стране процессах изменения в структуре семьи, о росте преступности среди молодежи. Эти явления порождают сложные социальные и психологические проблемы, к решению которых научная общественность страны не подготовлена. До сих пор в Колумбии почти не велось ни социологических, ни психологических исследований. А. А. Алтмышбаев остановился на двух проблемах: 1) о двуязычии у народов СССР и исследованиях советских психологов в области психологии обучения языкам и 2) о психологических сдвигах у советских женщин в Закавказье и Средней Азии.

Б. Басс (США) сказал, что с психологическими проблемами культурной отсталости американские психологи сталкиваются в некоторых районах США (например, в районе Аппалачей). Одной из важных задач социальной психологии он считает выявление того, какой тип управления те или иные народы предпочитают.

Ю. Джекобсон (США) отметил, что проблема изменения — это проблема психологическая. Особый интерес,— подчеркнул он,— представляет изучение процессов коммуникаций и распространения идей в современных сельских районах. Он добавил, что не менее важен вопрос лидерства в развивающихся странах.

А. Герон говорил о важных психологических проблемах, которые существуют в современной Африке: например, двуязычие и связь языка с системой ценностей. Результаты социологических исследований, проводимых в ряде стран Африки, помогают психологам, работающим в Замбии. Как утверждал А. Герон, обучение африканцев европейцами в настоящее время совершенно необходимо.

Ученый из Венесуэлы сообщил о том, что в его стране не понято еще социальное значение научной психологии, что развивается она там очень медленно, а психоанализ широко применяется. Совсем слабо развита индустриальная психология. В стране существует множество психологических проблем, но решить их можно лишь путем глубоких экономических изменений. Венесуэлец попросил представителей Замбии и Колумбии рассказать о расовом вопросе в их странах, о том, как разрешается сложный синдром, являющийся следствием столкновения «белой» и «черной» культур, отметив, что о расовом вопросе в США все знают по последним событиям в этой стране. А. Герон уклонился от ответа, заявив, что делегат Венесуэлы затронул политический вопрос, который решается на уровне правительства, действующего главным образом путем убеждения.

Аргентинский ученый говорил о политической неустойчивости и экономических трудностях в его стране, затрудняющих работу психологов. Психология в Аргентине развивается слабо, не существует никаких мер для профилактики и лечения психических расстройств.

Представительница Дании рассказала о психологических проблемах народов зависимых стран, с которыми датские исследователи сталкиваются в условиях Гренландии. Стремление Дании как можно скорее «интегрировать» гренландцев, отметила она, вызвало целый ряд отрицательных социально-психологических явлений. Ученая подчеркнула, что опыт развития советских народов представляет для датчан большой интерес.

С симпозиумом «Формирование личности в условиях различных культур» тематически перекликались многие доклады, представленные на симпозиум *«Личность и труд»*, так как в них излагались результаты изучения у разных народов условий и форм развития личности в процессе труда. Обсуждению подвергались такие вопросы как организация труда и взаимоотношения людей в процессе труда, влияние различных видов труда на психологию трудящихся, структура индивидуальных мотиваций к труду, удовлетворенность человека своим трудом, развитие способностей индивида в труде, творческая активность индивидов в процессе труда, проблема индивидуальных стилей труда, влияние автоматизации на личность рабочего, гигиена труда, индустриальные неврозы. Ряд докладов был посвящен анализу свойств личности, складывающихся под воздействием различных видов трудовой деятельности у людей умственного труда, у разных слоев рабочего класса. В них подведены итоги исследованиям не только отношений людей к труду, но и их ориентации в широком круге социально-политических, национальных, культурных вопросов. Особенно активно такого рода исследования ведутся психологами США и их доклады на симпозиуме содержат интересные данные для понимания многих сторон современной социальной действительности в этой стране.

Советские ученые К. К. Платонов, А. Здравомыслов, В. Ядов, А. А. Зворыкин и другие в своих докладах и выступлениях убедительно показали специфику взаимосвязи индивида и труда в условиях советской действительности. Об итогах изучения этих проблем в других социалистических странах говорилось в докладах П. Томашевского, З. Петрасинского, А. Талейко (Польша) и Й. Перцел, П. Рокушфалви (Венгрия).

Сопоставление докладов психологов СССР и других социалистических стран с докладами ученых США позволяет наглядно проследить разницу в условиях трудовой деятельности человека в странах социализма и капитализма.

Однако, как показали выступления членов конгресса, ученые США исследуют проблемы психологии труда, особенно проблемы личность — труд — общество не только в рамках своей страны. Активно изучаются ими эти проблемы в развивающихся и зависимых странах. Как правило, эти исследования преследуют практические цели. Интересен в этом отношении доклад Д. К. Макклелланда (США), в котором он изложил итоги своего изучения «импульса к экономическому развитию и модернизации». Неравномерность экономического развития различных народов как в древности, так и в современную эпоху он пытался объяснить с идеалистических позиций, видя причину ее в различных степенях наличия этого импульса. Называя этот импульс «душевным вирусом», докладчик обозначает его формулой «nAch», что значит «need to Achieve», т. е. «потребность в достижениях». Прямое соотношение этого «вируса» с уровнем экономического развития Макклелланд пытался подтвердить данными из литературы различных стран и народов в разные периоды их истории. Докладчик подчеркнул, что «nAch» не зависит ни от расовых, ни от природных условий, это следствие конкретных исторических событий. Он убежден, что этот «вирус» можно «привить» народам и что особенно восприимчивы к нему деловые люди. Такой «эксперимент» был проведен им в небольшом индийском городе Какинада путем организации для деловых людей города десятимесячных курсов саморазвития с целью повышения у них «nAch». Курсы,— сказал докладчик,— оказались удачными, что проявилось в активизации деловой жизни в городе. Этот конкретный пример убедительно показывает, что «прививается» по существу «вирус» капиталистического предпринимательства, который должен повести народы развивающихся стран по пути капитализма. Эту же цель преследует организация курсов и институтов психологического воспитания руководителей (менеджеров) и деловых людей из развивающихся стран, о которой говорили в своих выступлениях и многие ученые США.

Большое внимание на симпозиуме «Личность и труд» было уделено роли семьи и школы в подготовке человека к труду. Важные положения высказаны по этому поводу в докладе венгерского ученого П. Рокушфалви «Психологические условия эффективной подготовки молодежи к выбору профессии». В нем даются заслуживающие внимания рекомендации учителям для воспитания у молодежи здравого взгляда на себя, на окружающую действительность и роль в ней труда, развития у нее зрелой ориентации при выборе профессии. Эти же проблемы трактовались во многих докладах ученых США.

Исследования советских психологов о роли семьи и школы в становлении личности, в подготовке человека к труду обсуждались главным образом на симпозиуме *«Формирование личности в коллективе»*. На нем были заслушаны интересные доклады Л. И. Божевич «Устойчивость личности, процесс и условия ее формирования», Т. Е. Конниковой «Роль коллектива в формировании личности ребенка». Эта же тема трактовалась в кратких выступлениях на симпозиуме других советских ученых, полные тексты докладов которых были напечатаны в сборнике симпозиума.

В докладах этого симпозиума рассматривались также проблемы формирования личности детей и подростков в зависимости от социальных условий. В основном сооб-

щения касались развития моральной стороны личности, становления социальных ее качеств, ее устойчивости и умения противостоять случайным влияниям среды.

На симпозиуме «*Психология взаимоотношений людей в малых группах*» рассматривались проблемы, связанные с определением условий наилучшей расстановки людей в малых группах, критериев подбора людей в небольшие коллективы для работы в условиях длительной изоляции (например, во время зимовок, в космическом полете). Первым на симпозиуме выступил Ж. Морено (США), известный как основоположник школы социометрии и социотерапии в буржуазной социологии. Он ратовал за действенность предложенных им социометрических тестов, якобы одинаково пригодных при всех социальных системах. Социометрия, по мнению Морено, способна объяснить всю совокупность социальной жизни народа, его общественные движения и революции. В качестве примера он привел возможность причинного объяснения «современной негритянской революции» в США характером межперсональных отношений жителей городского квартала.

Советский делегат конгресса Л. Н. Фоменко подверг критике слишком обобщающие выводы Ж. Морено. Отметив ненадежность социометрических тестов, а следовательно, и полученных с их помощью эмпирических данных, советский ученый подчеркнул, что сам характер межперсональных отношений людей в малой группе является следствием господствующих в данном обществе общественно-экономических отношений, поэтому нет никаких оснований искать в них причину этих отношений.

На конгрессе широко обсуждалась также методика изучения личности, процессов и условий ее формирования. Многие зарубежные исследования проведены методом широкого сравнительного изучения детей и подростков в разных странах или в различных социальных группах в условиях одной страны (в зависимости от социального положения и культурного уровня семьи). В этих исследованиях изучается связь между определенными социальными условиями и теми или иными сторонами личности (моральными представлениями детей, их самосознанием, отношением к требованиям окружающих и т. п.). Этот метод изучения позволил авторам установить ряд интересных соотношений, однако он не дает возможности проникнуть в психологическую природу изучаемых сторон личности и в процесс ее формирования.

Другие работы являются экспериментальными исследованиями, включающими варьирование условий и прослеживающими влияние каждого из них на изучаемое психологическое явление.

Методологические проблемы социальной психологии обсуждались на симпозиуме «*Теоретические и методические проблемы социальной психологии*». Они были поставлены в докладах советских ученых: Д. И. Чеснокова «Общественная психология и социология», Л. С. Барка и Н. С. Мансурова «Метод „социальных единиц“ в общественной психологии», В. Н. Шубкина «Количественные оценки и исследования коллектива», в докладе Я. Янушека (Чехословакия) «Проблема обратимости анализа межиндивидуального взаимодействия», а также в докладах К. Фашо и С. Московичи (Франция), Г. Химмельвейра (Англия), Г. Келли (США) и др.

XVIII конгресс психологов в Москве, был безусловно большим событием как в истории самой психологической науки, так и в научной жизни вообще. Обсуждавшиеся на конгрессе проблемы человека вызывают глубокий интерес у широких кругов ученых самых различных областей знания. Необычайно широкой была проблематика конгресса. Наряду с проблемами, сближающими психологию с биологическими науками, поднимались проблемы теории и истории психологии, проблемы теории информации и усвоения, психолингвистики, личности и культуры, личности и труда, социальной психологии, которые сопредельны с проблемами таких наук, как философия, история, этнография, лингвистика и экономика. Вместе с тем тематика таких симпозиумов, как «Математическое моделирование психических процессов», «Кибернетические аспекты интегральной деятельности мозга» или «Психологические проблемы системы „человек-машина“» сближает психологию с точными науками. Не случайно известный швейцарский психолог Ж. Пиаже в своей интересной лекции о месте психологии в системе наук подчеркнул, что будущее психологии — в ее связи с другими науками: с точными и естественными науками, с одной стороны, общественными, гуманитарными — с другой.

Конгресс убедительно показал необходимость укрепления научных связей между этнографами и психологами, особенно в области изучения проблем социальной и этнической психологии. Например, весьма плодотворными были бы совместные исследования тех психологических сдвигов, которые произошли и происходят у народов СССР в процессе социалистического строительства и постепенного перехода к коммунизму.

* * *

По мере расширения и углубления этнографических исследований современных процессов и явлений в жизни народов, у этнографов и социологов обнаруживается все большая общность тематики. Об этом убедительно свидетельствовал VI Всемирный конгресс социологов, на котором животрепещущие проблемы сегодняшнего дня совместно обсуждались социологами и этнографами. Конгресс работал с 4 по 11 сентября

во французском городке Эвиане. В нем приняли участие около двух тысяч ученых мира. Советская делегация была на этом конгрессе более представительной, чем на предыдущих социологических конгрессах. Четыре года назад, например, в работе V Социологического конгресса принимали участие лишь 18 советских социологов, в Эвиан же выехали 83 человека, в их числе — ученые многих национальных республик и областей СССР, различных вузов и научно-исследовательских институтов нашей страны. Впервые в конгрессе социологов приняли участие сотрудники Института этнографии АН СССР (Ю. В. Арутюнян и Ю. П. Аверкиева).

Вся работа конгресса была подчинена обсуждению двух главных проблем: 1) единство и многообразие в социологии и 2) социология международных отношений.

Во время конгресса работало 16 рабочих групп, 8 — по каждой проблеме. Позволю себе перечислить названия этих групп, чтобы показать широту проблематики конгресса.

1-я проблема

1) Модели
2) Идеология и социология
3) Социология и этнология
4) Объективность методов исследования
5) Междисциплинарные исследования и общие механизмы
6) Представление о человеке и выбор гипотез
7) Экономика и социология
8) Национальные социологические школы и общие цели

2-я проблема

1) Исследование конфликтов и методов их разрешения
2) Новые нации
3) Культурные и расовые напряжения и международные связи
4) Стратегическое мышление и социальный процесс
5) Военная карьера и милитаризм
6) Нищета и международные отношения
7) Социальные классы и международные отношения
8) Социология международных организаций

В первый день работы конгресса состоялось два пленарных заседания, на которых были зачитаны основные доклады по этим двум главным проблемам. Доклады советских ученых: Ф. В. Константинова на первом и П. Н. Федосеева — на втором были в центре внимания участников конгресса. Вокруг этих докладов развернулась острая полемика, отразившая столкновение двух идеологий.

Дискуссия, начатая на пленарном заседании, продолжалась в некоторых рабочих группах. Общие вопросы развития социологии, ее перспектив особенно активно обсуждались в группе «Национальные школы и общие цели», где советская социология была представлена Г. В. Осиповым, Ю. В. Арутюняном и Н. В. Новиковым. Выступавшие старались ответить на вопрос, насколько возможно создание глобальной социологии. Так же, как и на пленарном заседании, на заседаниях группы были высказаны по-существу две противоположные точки зрения. Одна, особенно четко выраженная Даниелем Беллем (США), сводилась к тому, что глобальная социология возможна и объективной основой ее может, в частности, явиться общий вопрос — процесс индустриализации. Г. В. Осипов и Ю. В. Арутюнян, возражая ему, отмечали, что при всей общности некоторых проблем, связанных с индустриализацией, между марксистскими и немарксистскими национальными школами существуют различия, вызванные не только различной методологией, но и разными границами и содержанием предмета исследования. Так, например, в СССР перед исследователями социологических проблем села, изучающими проблемы коллективного хозяйства, стоят задачи, совершенно отличные от задач изучения частнособственнического фермерского хозяйства США.

Для этнографов интересна была тематика многих рабочих групп, дискуссий «круглых столов» и сообщений в исследовательских комитетах, но, конечно, наиболее близки были проблемы, обсуждавшиеся в рабочей группе «Социология и этнология». Вопрос о взаимоотношениях между социологией и этнологией освещался в четырех специальных докладах: П. Уорсли (Англия) «Отмирает ли антропология?», П. Стирлинга (Англия) «Теория и исследования», М. Глушчевича (Югославия) «Социология и антропология» и З. Пешич-Голубович (Югославия) «Социология и антропология» [2].

По мнению Уорсли, этнография как наука о первобытности отмирает. Этнографы должны заниматься современностью в сотрудничестве с учеными родственных дисциплин, в частности с социологами. В этом докладчик видит будущее этнографической науки.

[2] Термины «антропология», «социальная антропология», «этнология» докладчики употребляли как равнозначные принятому у нас термину «этнография».

Уорсли критикует современную этнографию, как описательную науку, которая не дала еще обобщающих работ о путях развития и типологии различных социально-экономических систем. А только этим, по мнению докладчика, она способна внести вклад в сравнительную социологию. Он довольно объективно осветил понимание задач этнографии в СССР. В то же время, отмечая отсутствие обобщающих работ о путях развития племен охотников-собирателей, обществ с орошаемым земледелием, кочевников-скотоводов, Уорсли заявил, что в современный период наблюдаются два пути перевода кочевников на оседлость, насильственный, например, в Тибете, Курдистане и Казахстане, и менее насильственный — в Судане или Восточной Африке. По-существу, докладчик повторил здесь довольно распространенный в антисоветской пропаганде западных идеологов прием опорочивания опыта социалистического строительства у народов Средней Азии и Казахстана. Ю. П. Аверкиева в своем выступлении по докладу Уорсли подвергла критике его утверждение о насильственном переводе кочевников-скотоводов Казахстана на оседлость. Она напомнила, что о положительном опыте перехода от кочевничества к оседлости в республиках Средней Азии специально говорилось на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Москве, и советский опыт улучшения бытовых условий кочевников-скотоводов, их культурного развития, модернизации самого скотоводства привлек внимание многих специалистов в этой области. Ю. П. Аверкиева сообщила также, что изучению этого опыта и возможностей его применения в других районах мира посвящен Межрегиональный семинар по переходу на оседлость кочевого населения в Казахской и Киргизской ССР, работавший в Москве в дни Социологического конгресса в Эвиане.

В докладе М. Глушчевича прослеживалась история взаимоотношений между этнографией и социологией в странах Запада. Позволю себе остановиться на основных вопросах, поднятых в этом докладе, так как они интересуют многих советских этнографов.

В странах континентальной Европы и Латинской Америки, отметил докладчик, социология долгое время продолжала традиции социальной философии, пользуясь фактами эмпирических исследований других наук для подтверждения своих теоретических обобщений. В англо-саксонских же странах социология развила свою методологию эмпирического исследования, она изучает социальные отношения в современных обществах. В отличие от социологии, предметом этнографии, по мнению Глушчевича, считались отсталые общества; однако в настоящее время предметы исследования обеих наук сближаются и можно говорить об этнографии промышленного общества и социологии слаборазвитых стран. Сейчас,— сказал докладчик,— трудно провести четкую грань между социологией, этнографией и социальной психологией. С одной стороны, этнографию можно рассматривать как составную часть социологии, но в то же время социологию можно считать и компонентом общей антропологии, как науки о человеке и обществе в их взаимосвязи. Но в более общем плане, говорил он, социология и этнология это две стороны одной науки о человеке и обществе.

Исторически различия между этими науками складывались в отношении предмета исследования: социологи изучали свое собственное, промышленно развитое общество, а этнологи сосредоточивали внимание на народах отсталых колониальных и зависимых стран. Сложились различия и в методике исследований: этнографы почти исключительно пользовались методом непосредственного наблюдения, наиболее пригодным для изучения отсталых обществ, социологи же применяют косвенные методы, чаще всего привлекая статистику, которая более подходит для изучения современного общества. Социологи, по мнению Глушчевича, обычно изучают частные явления в отрыве от их классовых корней и социальной структуры общества в целом. Специфику же этнографии Глушчевич видит в том, что этнографы изучают общество как целое, как систему. Этнографы исследуют исторические и современные измерения социальных и культурных явлений и процессов, прослеживая динамику их развития, производя вместе с тем структурно-функциональный анализ социальной системы. Докладчик подчеркнул высокий уровень объективности научных выводов этнографов. Исследуя же современное общество, этнограф сближается с социологом, в этом случае предмет исследований у них общий, но различны подходы. Для социолога более характерно практическое значение его исследований. Это замечание Глушчевича, несомненно, целиком относится к западной социологии и прежде всего американской, ставшей, по выражению Райта Миллса [3], бюрократизированной социологией, подчинившей свои научные интересы практическим целям правящих кругов.

Нельзя не согласиться с мыслью Глушчевича о том, что «изучение опыта и методологических знаний социологов-марксистов обогатило бы этнографию. Подчеркнув в заключение, что марксизм создал основы для новой «антропологии», он закончил свой доклад высказыванием Сартра: «Марксизм единственно возможная в настоящее время антропология». Это положение вызвало возражение Э. Геллнера (Англия), кото-

[3] C. W. Mills, The Images of Man, New York, 1960.

рый, по существу, повторил распространенное на Западе мнение о неприменимости марксизма к изучению первобытности. Против этого утверждения выступила Ю. П. Аверкиева.

В несколько ином плане трактовалась проблема социологии и этнологии в докладе З. Пешич-Голубович. Основная идея ее доклада сводилась к призыву создать новую науку о человеке, необходимость которой, якобы, диктуется «дегуманизацией» и этнологии, и социологии. Эта идея не нашла поддержки у участников конгресса. Рациональное зерно в ее выступлении заключалось в призыве уделять больше внимания изучению психологии людей.

Своеобразно была поставлена проблема соотношения между социологией и этнологией в докладе П. Стирлинга (Англия). По его мнению, ни в теории, ни в методе нет рациональной границы между этими науками: они различны в отношении организации, в преподавании этих дисциплин в вузах. Различия в структуре науки оказывают влияние и на ученых. Они общаются только в рамках своей специальности, читают книги только своих коллег. Интересна его мысль о том, что в каждом лагере существует ошибочное представление (стереотип) об ученых из другого лагеря. Некоторые социологи считают этнографов консерваторами, стремящимися сохранить туземные культуры, не способными изучать процессы изменений, верящими в наивный функционализм, интересующимися лишь откапыванием малозначимых деталей в процессе непосредственного наблюдения в маленьких, окраинных (марджинальных) обществах. Этнографы же, в свою очередь, иногда считают социологов собирателями поверхностной информации о промышленных обществах, людьми, занимающимися сложной процедурой обработки информации, которой они пользуются, не понимая ее; этнографы полагают, что социолог, никогда не посвящавшийся в таинства полевой работы в условиях чужой культуры, не способен эффективно судить об обществе в целом.

О том, что указанные различия не вытекают из сущности предмета этих наук, говорит, по мнению Стирлинга, тот факт, что границы, проводимые между ними в различных странах, различны. Однако большинство ученых считает, что предмет социологии и социальной антропологии один и тот же. Прежде всего это — современные процессы в развивающихся странах. Автор ратует за комплексное изучение этих процессов.

Все эти высказывания показывают, что проблема размежевания и сближения двух наук назрела и волнует этнографов многих стран.

Тематика других докладов, представленных в эту группу, свидетельствует о широком интересе зарубежных этнографов к развивающимся странам, к проблемам традиционализма и индустриализации. В докладе К. Геерц (США) «Политика в прошлом, политика в настоящем: некоторые замечания об использовании антропологии для понимания новых государств», говорилось о том, насколько важно изучение идеологии, религии, политической жизни раннеклассовых государств для понимания современных «допромышленных» стран. Отметив ограниченность значения для такого рода исследований понятий феодализм, азиатский способ производства, К. Геерц на примере Бали XIX в. пытался показать, что главное значение для понимания сущности как древних, так и современных «допромышленных» государств имеет анализ их верований, мифов, ритуала, их ценностей. Именно они, по утверждению докладчика, являются основой этих государств, определяют их форму и «дают им направление». Это явная переоценка Геерцем значения традиций идеологического порядка в развивающихся странах сближает его взгляды с идеалистическими концепциями американского социолога Т. Парсонса.

Интересную полемику вызвал второй доклад, посвященный роли традиционных институтов в современной Японии. Это был доклад чисто эмпирического характера, в котором японская исследовательница К. Накани, подчеркнув огромное значение в современной Японии таких традиционных институтов, как патронимия и отношения патернализма между работодателем и рабочими, просто их описала, не анализируя их сущность.

В программе группы «Социология и этнология» почетное место занимали доклады советских этнографов. Из 13 представленных в группу докладов — 4 принадлежали советским ученым. Это доклады: С. А. Токарева «Типы этно-культурных связей и социальный прогресс»; Л. А. Анохиной, В. Ю. Крупянской и М. Н. Шмелевой «Этнографическое изучение сельского и городского населения в СССР»; Ю. П. Аверкиевой «О ранних формах наследования»; Л. Буевой и М. Н. Ковальзона «Социальная среда и развитие человека» [4].

В рабочей группе были зачитаны два последних доклада. Большой интерес участников конгресса вызвал доклад Л. Буевой и М. Ковальзона. В нем трактовалась проблема личности и общества, живо интересующая как этнографов, так и социологов. На вопрос, изучают ли в Советском Союзе общества приматов, у которых якобы возникают разные типы обществ и социальных структур, М. Ковальзон ответил, что общество, по

[4] Доклады советских ученых были переведены на английский или французский язык, отпечатаны на ротапринте в виде отдельных брошюр (по 200 экз. каждый) и розданы участникам конгресса.

мнению советских ученых, возникает вместе с человеком, и ассоциации животных они не относят к разряду общественных форм.

В выступлениях участников группы по докладу Ю. П. Аверкиевой была отмечена важность поставленных проблем для периодизации первобытного общества и для понимания целого ряда традиционных институтов у народов развивающихся стран.

Для этнографов большой интерес представляла также тематика рабочей группы «Новые нации». В ее программу были включены три доклада советских ученых: Н. Н. Чебоксарова «Процесс национальной консолидации в странах Южной и Юго-Восточной Азии», М. С. Джунусова «Опыт изучения национальных отношений в СССР» и Е. Д. Морджинской «Социологические аспекты национальной независимости». В докладах зарубежных ученых ставились проблемы деколонизации, модернизации и «вестернизации», двуязычия, роли этнического фактора в национальном развитии молодых государств. Не меньший интерес представляли сообщения и дискуссии в исследовательском комитете «Социология семьи». Вполне этнографичной можно назвать тематику рабочей группы «Расовые и культурные напряжения», особенно таких докладов, как Г. Фортэна (Канада) «Общество, ищущее государственности: франко-канадцы», Г. Гарднер (США) «Этнический фактор в международных отношениях», М. Лангеро (Франция) и А. Пассерин Д'Энтреве (Италия) о франкоязычном меньшинстве в Италии; Т. Сибутани (США) об изживании проблемы национального меньшинства в отношении лиц японского происхождения в США, и др. Доклад В. Дадриана (США) «Развитие советского отношения к национальностям, теоретическая переоценка» носил явно антисоветский характер и подвергся основательной критике советских ученых. Но более действенным было бы противопоставить ему доклад этнографа о расцвете национальных культур в Советском Союзе. Нам представляется, что на следующем социологическом конгрессе (который предположительно состоится в 1970 г. в Болгарии) этнографы должны выступить с рядом конкретных докладов о развитии национальных культур и межнациональных отношений в СССР, о путях развития советской семьи.

Заслушанный на третьем, заключительном пленарном заседании конгресса доклад Р. Марша (США) «О суммировании сравнительных исследований» был посвящен критике сопредельных этнографии и социологии теоретических проблем. Критике была подвергнута функциональная школа А. Р. Рэдклиф-Брауна, современная структурно-функциональная школа К. Леви-Строса, Р. Нидхэма и Э. Лича, школа функционалистов-неоэволюционистов Т. Парсонса, М. Леви, С. Айзенштадта и др., анализ сравнительных ценностей С. М. Липсета. Докладчик критиковал идеалистические и психологические объяснения социальных явлений столпами современной буржуазной социологии. Он возлагает большие надежды на школу Л. Уайта и видит будущее социологии в объяснении социальных явлений в их исторической перспективе. Выступление Марша было весьма знаменательно: оно свидетельствовало об ослаблении влияния концепций, господствовавших до недавнего времени в буржуазной социологии и этнографии.

Большим событием во время работы конгресса был массовый митинг его делегатов по вопросу о войне во Вьетнаме. Участники его единодушно приняли резолюцию, осуждающую преступные действия США во Вьетнаме. Была принята также резолюция, выражающая сочувствие интеллигенции США, выступающей против войны во Вьетнаме.

Участие советских ученых и ученых из стран социалистического лагеря в подобного рода конгрессах имеет огромное значение для идеологической борьбы с антикоммунизмом. И на VI Социологическом конгрессе шла идеологическая борьба. Сталкивались различные точки зрения. Влияние выступлений марксистов проявлялось весьма ощутимо в расстановке сил на рабочих группах и симпозиумах конгресса. Этот конгресс, продемонстрировал возросший авторитет марксистской социологии. Он показал явное полевение взглядов многих ученых капиталистических стран. Те из участников конгресса, которые пытались выступать с позиций антикоммунизма, получали должный отпор со стороны представителей стран социализма, а также некоторых социологов Запада и часто оказывались в изоляции.

Французская печать объективно излагала точки зрения советских участников конгресса. Характерным для него было единство социологов социалистических стран и многих французских социологов.

Избрание президентом Международной Ассоциации Социологов польского ученого Яна Щипаньского было ярким свидетельством успеха марксистской социологии.

Хочется выразить надежду, что на будущих социологических конгрессах этнографическая наука будет представлена более широко. Этнографы и социологи разрабатывают общий круг проблем, и развитие сотрудничества между ними будет способствовать решению кардинальных проблем в жизни человечества.

Ю. П. Аверкиева

ВОПРОСЫ ЭТНОГРАФИИ НА ПЕРВОМ МЕЖДУНАРОДНОМ КОНГРЕССЕ БАЛКАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СОФИИ

С 26 августа по 1 сентября 1966 г. в Софии проходил Первый международный конгресс по балканским исследованиям и изучению стран Юго-Восточной Европы. Он был созван Международной ассоциацией по изучению стран Юго-Восточной Европы, созданной при ЮНЕСКО в 1963 г.

Балканистика, как комплекс знаний о народах Балканского полуострова и их взаимосвязях, особое внимание обращает на общие черты и закономерности исторического развития этих народов, стремится раскрыть процессы формирования их культурно-языковой общности.

На Софийский конгресс собрались специалисты по истории, этнографии, археологии, лингвистике, литературе, фольклору и искусству народов Юго-Восточной Европы. Присутствовало около 1300 ученых из 24 стран — Албании, Англии, Австрии, Бельгии, Болгарии, Германской Демократической Республики, Венгрии, Греции, Голландии, Израиля, Италии, Канады, Кипра, Ливана, Польши, Румынии, СССР, США, Турции, Федеративной Республики Германии, Франции, Чехословакии, Югославии, Японии. Особенно многочисленны, естественно, были делегации Балканских стран.

Советская делегация представила 45 докладов по всем разделам работы конгресса. От Института этнографии АН СССР на конгресс были направлены Ю. В. Бромлей, Т. Д. Златковская, Ю. В. Иванова, Л. В. Маркова.

На протяжении всей своей работы конгресс привлекал живое внимание общественности стран Юго-Восточной Европы. Его деятельность широко освещалась в газетах не только Болгарии, но и всех других балканских стран. В них подчеркивалось, что конгресс является исключительным по своему значению научным, культурным и политическим событием, работа которого способствует сближению балканских народов, служит делу мира и прогресса.

На торжественном открытии конгресса делегатов приветствовали премьер-министр Народной Республики Болгарии Тодор Живков, главный директор ЮНЕСКО Рене Майо и представители нескольких делегаций: Е. М. Жуков (СССР), К. Дайкович (Румыния), Х. Фрагистас (Греция), Иналджик (Турция), А. Мирамбель (Франция), А. Пертуси (Италия), Р. Сайм (Англия).

На пленарном заседании были прочитаны в сокращенном варианте коллективные доклады о вкладе народов Юго-Восточной Европы в мировую культуру (полный текст этих докладов был роздан делегатам). Доклады были составлены группой специалистов из разных стран и касались вопросов истории, языкознания, литературоведения и искусства балканских народов.

Среди общих проблем, поднятых на пленарных заседаниях, для балканской этнографии представляется интересной проблема появления производящего хозяйства и его главных отраслей — земледелия и скотоводства. Е. Кондураки (Румыния) изложил этот вопрос в своей части коллективного доклада «Народы Юго-Восточной Европы и их роль в истории». Он основывался на общепринятой концепции: примитивное земледелие и скотоводство в неолитическое время проходили период становления на Ближнем Востоке. С конца пятого тысячелетия или сами носители этой развитой земледельческо-скотоводческой культуры проникли через болгарское и румынское побережье на Балканский полуостров, или же они оказали стимулирующее влияние на народы Юго-Восточной Европы. В результате возник очаг земледелия на Балканах.

После обсуждения на секции археологии, где был поставлен доклад Н. Я. Мерперта (СССР) «Ранний бронзовый век Южной Болгарии», проблема эта получила новое освещение. Древнейшее земледелие появилось на Балканах очень рано. Яркие памятники земледельческой культуры Юго-Восточной Европы (в северо-восточной Греции, Фессалии, Македонии, южной и восточной Болгарии, междуречье Прута, Буга и Днестра и др.) дают возможность выдвинуть заслуживающую внимание гипотезу о самостоятельном характере формирования земледельческого очага на юго-востоке Европы, о включении этой территории (наряду с «полумесяцем плодородных земель»

Передней Азии) в основную и первоначальную зону «неолитической революции». В науке накапливается все больше данных для обоснования полицентрического характера происхождения земледелия.

27 августа началась работа одиннадцати секций конгресса (археология, античная история, история с V по XV в., история с XV по XVII в., история с XVIII по середину XIX в., история с середины XIX по XX в., этнография, литература, лингвистика, фольклор, искусство), на которых было зачитано более 500 докладов.

В этнографической секции конгресса было прочитано около 30 докладов. За редкими исключениями они были построены на сравнительном материале нескольких народов и затрагивали общебалканские вопросы. Это особенно отрадно отметить на фоне сравнительно редких публикаций подобного рода в этнографической литературе. Конгресс, несомненно, содействовал усилению внимания к разработке общебалканских проблем в этнографии. И положительный резонанс, вызванный этим направлением, по-видимому, является залогом того, что такого рода исследования займут в будущем еще большее место в работе этнографов. Важности изучения общих проблем балканской этнографии посвятил свой доклад Хр. Вакарельский (Болгария).

Особое внимание участников секции привлекло рассмотрение вопросов, связанных с происхождением балканских народов, хотя специально этому вопросу были посвящены только два доклада антропологов. А. Пулянос (Греция) и П. Боев (Болгария) полемизировали по ряду положений: об антропологических зонах на Балканах, о степени распространения в Болгарии типа, присущего древним славянам, о роли монголоидного элемента в антропогенезе современного населения Болгарии и пр. Оба ученых исходят из положения о том, что нельзя смешивать понятия расы и нации, границы которых редко совпадают. Это единственно правильное историческое осмысление современной антропологической карты мира дает возможность использовать антропологический материал как документальный источник для выяснения проблем этногенеза.

А. Пулянос в докладе на тему «Антропологический состав народов на территории между Эгейским морем и Дунаем» сообщил результаты своих антропологических исследований в Болгарии и эгейской Фракии. В общих чертах мысль автора сводится к тому, что основой антропогенеза населения изучаемой территории является древний, уходящий своими корнями в «дофракийскую» и «фракийскую» эпохи субстрат. С ним генетически связаны два антропологических типа, выявленных на территории Болгарии и простирающиеся за ее пределами. Один из них распространен на западе и северо-западе Болгарии, другой — на юге и юго-востоке ее. Наиболее плотное распределение первого типа наблюдается на северо-западе Болгарии (область Михайловграда). Это самый брахикефальный тип в Болгарии, с наибольшим скуловым диаметром, средней пигментацией, выше среднего роста, т. е. классический динарский тип. Второй антропологический тип наиболее четко выделяется в районе Благоевграда, во Фракии и Добрудже. Южный тип — более темно пигментированный, мезокефальный, с меньшими размерами лица — представляет собою фракийский вариант средиземноморской расы. Близок к нему вариант, распространенный в долине р. Марицы и на Черноморском побережье (в районе Бургаса), принадлежащий к балкано-кавказскому типу.

Собранный материал, по мнению А. Пуляноса, не свидетельствует об участии монголоидных элементов, так же как и протоболгар, в антропогенезе болгарского народа.

Докладчик кратко остановился также на антропологической характеристике турок Болгарии, гагаузов и каракачан. Этих последних он относит к древнейшему населению Европы.

Доклад А. Пуляноса вызвал оживленные прения. Главным оппонентом А. Пуляноса выступил П. Боев. Согласившись с основным тезисом докладчика, он отметил, однако, что деление болгар на две антропологические группы он считает неоправданным — их значительно больше. П. Боев настаивает на определенном значении в этногенезе болгар монголоидного элемента, а также на большем участии антропологического типа, присущего древним славянам.

Несколько интересных для этногенетической проблематики докладов было зачитано на других секциях конгресса. К таковым относится доклад Б. Чович (Югославия) «Бронзовая эпоха в Центральном иллирийском районе». Докладчик устанавливает, что в течение позднебронзовой эпохи в районе, охватывающем северную Албанию, южное побережье Югославии, среднюю Далмацию, южную Боснию и юго-западную Сербию, существовала определенная степень культурного единства. Это единство явилось результатом предшествующего развития на этих землях. Культуру этого района следует считать раннеиллирийской, так как она развивается непрерывно вплоть до исторического времени и включает территорию, на которой античная традиция расселяет иллирийские племена.

Доклад Б. Чович существенно дополнили тезисы доклада Д. Гарашанин (Югославия) «Иллирийцы в районе Морава — Вардар». Она выделяет археологические памятники эпохи средней бронзы из междуречья рек Моравы и Вардара (группа

Парачин), которые могут быть рассматриваемы как общая протоиллирийская и протофракийская культура. Эволюцию этой фрако-иллирийской культуры можно проследить до 1200 г. до н. э. Таким образом, точное разграничение между иллирийцами и фракийцами не может быть фиксировано ввиду смешения населения этих двух больших этнических групп в пограничной зоне.

Этногенетическим процессам в значительно более позднее время был посвящен доклад И. И. Руссу (Румыния) «Иллирийский и фрако-дакийский субстрат в романизации Балкан и Карпато-Дунайских областей». Присутствие романского языка и романского народа в карпато-балканских и дунайских областях является результатом романизации автохтонного населения. Существование же албанского языка и народа является результатом того, что незначительная часть этого местного населения была романизована поверхностно.

Особенность романизации балкано-карпатской зоны заключалась главным образом в языковом и культурном влиянии. Однако слишком преувеличено представление об исчезновении доримских элементов в языке романского населения. Автор, указывая на значительное их количество в восточнороманских языках (более 160 терминов), подчеркнул лингвистическую и этническую преемственность между древним фрако-дакийским и современным населением этого района.

В секции этнографии вопрос о роли культурных контактов в этническом развитии был поднят в докладе И. Вебер-Келлерман (ФРГ). На примере изучения групп немецкого нацменьшинства в странах Юго-Восточной Европы она подвергла критике метод исследования только лишь специфических национальных признаков, сложившихся еще на родине переселенцев, без учета влияния среды (культурной, природной и пр.), в которой они живут теперь, и предложила программу исследования «интерэтнических» взаимодействий.

Л. В. Маркова (СССР) стремилась определить степень устойчивости этнических традиций в разных областях материальной и духовной культуры и разную степень восприятия инонациональных влияний, сравнивая этнографическое развитие болгар юго-западных районов СССР, живущих в отрыве от родины около 150 лет, и болгар метрополии и южной Румынии. Она пришла к выводу о том, что этнические традиции наиболее стойко сохраняются в комплексе навыков и обычаев, связанных с семейным бытом, и легко подвергаются влиянию экономического фактора и окружающей среды там, где они связаны со многими (но не всеми) сторонами материального быта. Имеются этнографические явления, занимающие в этом смысле промежуточное положение.

Большая часть докладов этнографической секции, в которых рассматривались самые разные стороны материальной и духовной культуры, сводились к проблеме взаимных культурных влияний и образованию культурно-этнографической общности балканских народов. Разумеется, доклады были различны не только по тематике, но и по методологическому подходу к теме. Одни авторы прослеживали развитие элементов культуры с древних времен, другие брали меньший хронологический период, одни пытались проследить то или иное явление у всех балканских народов, другие ограничивались сравнением лишь двух соседних и т. п.

Благодарный материал дает орнаментика. И. Коев (Болгария) определил пути проникновения различных мотивов в народную текстильную орнаментику у балканских народов. Он отметил элементы фракийского времени (конские фигуры), римского периода (растительный орнамент), рассказал о проникновении в различные области Балканского полуострова эллинистических элементов (виноградная лоза), византийского влияния, персидских мотивов (фигура павлина), турецкой орнаментики (тюльпан и др.), показал, как в творческом процессе заимствованные мотивы переосмысляются, видоизменяются болгарскими мастерицами. Именно во взаимодействии элементов разных культур, отражающем сложные исторические связи Балкан с окружающими землями, автор видит специфику балканской текстильной орнаментики. Национальные особенности орнаментов выявляются в колорите, в ритме цветовой гаммы.

Г. Крыстева (Болгария) остановилась на этнокультурных связях болгар и румын по данным орнамента. Связи эти прослеживаются с глубокой древности, проявляясь не только в сходстве орнаментальных мотивов, но и во всем стиле их выполнения, в композиции, в их смысловом значении.

М.-А. Кирьякиду-Несторос (Греция), обратившись к анализу стиля и значения мотива петуха в балканских вышивках, сумела не только проиллюстрировать сходство и общие истоки этого мотива, но и связать его бытование с народными обычаями и верованиями. Петух — символ плодородия, именно поэтому он участвует в свадебном ритуале и изображается главным образом на вещах, связанных с брачными церемониями (свадебных рубахах, постельном белье, головных платках). Он имеет также апотропейную силу. Одновременно он и покровитель душ в загробном мире, поэтому его изображения встречаются на надгробиях.

М. Велева (Болгария) говорила о происхождении некоторых элементов болгарской народной одежды, имеющих сходство с одеждой соседних народов. Исследова-

тельница как бы вскрывала пласт за пластом, образовавшие сложный комплекс традиционного костюма, начиная с элементов древнейшего происхождения, общих для балканских народов и перешедших к ним непосредственно от дославянского населения. Она отметила результаты взаимодействия, взаимопроникновения дославянской и славянской культур (к таким смешанным элементам докладчица отнесла технику тканья). Далее М. Велева выделила элементы одежды, характерные для славян; к таковым она отнесла, в частности фартук, и заметила, что он отсутствует в некоторых горных районах Болгарии, куда в период славянского переселения отступали фракийцы. Ряд общих черт в одежде балканских народов она объяснила взаимовлиянием или же общими закономерностями развития одежды, не зависящими от этнической принадлежности. Были отмечены также некоторые заимствования.

Вопросу о взаимовлияниях, отражающихся на народной одежде, было уделено большое внимание и в докладе Г. Хинковой (Чехословакия), в целом посвященном использованию исторических свидетельств (описаний путешественников XVI—XVIII вв.) для этнографической работы.

Интересен был доклад Е. Кишбан (Венгрия) о методах переработки молока у народов балкано-дунайской зоны. Использовав тот факт, что традиции в приготовлении пищи и сам состав блюд держатся очень долго, в особенности в пастушеской среде, исследовательница попыталась выделить зоны, в которых эти традиции различны. Зоны эти не совпадают с границами расселения современных народов и с языковыми границами. Мало того, в одной и той же зоне могут существовать различия в переработке молока пастухами на пастбищах и крестьянами в селах, что лишний раз подтверждает факт большой устойчивости этих хозяйственных навыков. Первая зона охватывает северные и западные области Юго-Восточной Европы, вторая идет южнее, примерно до Дуная, исключая центральную Венгерскую низменность, которая примыкает к третьей зоне, расположенной еще южнее. Особенно подробно Е. Кишбан остановилась на характеристике третьей зоны, где основным молочным продуктом является югурт — особый сорт кислого молока. Привлекая, помимо этнографического, исторические и лингвистические данные, а также обширный сравнительный материал по народам Восточной Европы и Азии, она пришла к заключению, что культуру югурта принесли на Балканы и в Венгрию еще тюркские народности раннего средневековья, и что она привилась прежде в Болгарии. После османского завоевания распространился способ приготовления масла из югурта.

О глубоких традициях в области подсечного земледелия, а именно, о типах орудий для расчистки леса и ареалах их распространения рассказал Л. Такач (Венгрия). Он нашел прототипы некоторых из них в кельтской культуре.

Вопросу славянской взаимности на примере одного характерного болгарского обычая — «лазарования» — был посвящен доклад А. Йордановой (Болгария). Этот весенний девичий праздник, приуроченный к вербному воскресенью, имеет корни в языческой славянской древности. Йорданова нашла ему аналоги у всех славянских народов — под разными названиями и с различиями в обрядности, но объединяемые некоторыми общими чертами и общим содержанием: мечтами о счастливой семейной жизни.

Других докладов, посвященных духовной культуре, было немного — сравнительно с богатым материалом, которым располагают этнографы в этой области. По характеру они различны. Д. Лукатос (Греция) интересно рассказал о предохранительных магических приемах в ткачестве, которые можно наблюдать в среде греческих крестьянок. Т. Колева (Болгария) применила в своей работе метод структурного анализа: на основе сходства и повторяемости элементов обычаев, выполняемых во время сева, она определила их общие черты у южных славян и создала таким образом модель обычая.

Группу докладов (В. Маринов — Болгария, Л. Фельдеш — Венгрия) объединяло изучение в этнографическом аспекте скотоводства — традиционной отрасли хозяйства на Балканах, с которой связаны и некоторые этнокультурные проблемы. Много говорилось об отличительных особенностях и происхождении вида отгонного скотоводства (трансхуманции), распространенного в Балканской и Прикарпатской областях, об его отличии от альпийского типа хозяйства. Л. Фельдеш (Венгрия) ввел в научный оборот исторические и статистические материалы, относящиеся к XVII—XIX вв., из которых видно, что уже тогда существовала развитая система отгонного скотоводства, связывающая область южных Карпат с придунайскими землями. Доклад был оценен положительно, но было высказано мнение о необходимости сочетать историко-статистические данные с этнографическими.

В. Маринов рассмотрел трансхуманцию у народов, живущих к югу от Дуная, и помимо хозяйственной характеристики представил быт и обычаи скотоводов. В прениях оживленно обсуждался вопрос о роли хозяйства в складывании бытовых особенностей, главным образом, вопрос о связи отгонного скотоводства с кочевым (номадизмом). Было высказано соображение (И. Влэдуциу — Румыния), что первое не обязательно возникает из второго. Например, в Румынии отгонному скотоводству предшествовала система коротких перекочевок в пределах небольших областей. На этом этапе

скотоводство тесно связано с земледелием. Связь эта сохранилась и в отгонном скотоводстве.

Значительное место занимали доклады, затрагивающие социологические проблемы в этнографии. Хотя они посвящены различным темам и разработаны разными методами, их объединяет стремление раскрыть внутреннюю структуру социальных институтов и показать взаимовлияние и взаимосвязь структурных единиц, а также воздействие на них факторов, находящихся за пределами этой структуры (например, экологической среды, городской цивилизации, индустриализации, государственной власти и пр.).

Три доклада были посвящены проблемам семейной общины. Р. Пешева (Болгария) рассказала о южнославянской задруге в конце XIX и начале XX в., обратив внимание на стадии в развитии большой семьи. М. Красничи (Югославия), анализируя семейную общину у албанцев Югославии, остановился на основных причинах длительного бытования большой семьи (вплоть до наших дней) в изучаемом районе. Новым в его исследовании было привлечение, кроме факторов исторических, экономических и этнических (значение традиции), не раз уже отмеченных в литературе, также и демографического фактора: высокий коэффициент прироста населения (от 2,3 до 3,1) в албанских областях Югославии способствовал быстрому перерастанию в задруги тех малых семей, которые возникали при разделе большой семьи. Далее докладчик остановился на причинах быстрого распада задруг в 1950-х — 1960-х гг. Главными из них он считает изменение занятий населения (в прошлом это было исключительно сельское хозяйство) в период социалистической реконструкции, влияние города, общий подъем культуры.

В отличие от Р. Пешевой и М. Красничи Дж. Халперн (США) применил при изучении югославянской задруги новый в этнографии метод статистической обработки массового материала. Указав процентное соотношение больших и малых семей в разные годы в изучаемом районе, он выявил закономерности постепенного исчезновения задруги.

В прениях наибольшее внимание привлек вопрос о стадиях в развитии семейной общины. Было высказано мнение, что для ее более ранних стадий, известных в средневековье по письменным источникам, характерна форма братской задруги (Ю. В. Бромлей — СССР). Вызвал сомнение тезис Р. Пешевой о неродственном характере братской семьи нового и новейшего времени и о ее качественном отличии от «отцовской» (Л. В. Маркова — СССР).

Племенная организация на Балканском полуострове нашла отражение в докладах Т. Д. Златковской, В. Грачева и Ю. В. Ивановой (СССР). В докладе Т. Д. Златковской «К вопросу о возникновении государства у фракийцев» ставилась проблема закономерности возникновения племенных союзов, как этапа, подготавливающего возникновение государства. Докладчик обратила внимание на монеты с одинаковыми изображениями, выпускавшиеся в VI—V вв. до н. э. различными южнофракийскими племенами. Исходя из степени интенсивности чеканки и степени совпадения изображений, докладчик полагает, что союз имел аморфную структуру и сравнительно ограниченные общие функции, касавшиеся главным образом ведения совместных военных действий и отправления религиозных культов; бесспорна и определенная форма экономического объединения племен. Во главе объединения стояли, по-видимому, оррески (возможно, сатры литературной традиции).

В докладе В. Грачева были охарактеризованы жупы раннего средневековья и их роль в складывании государственности у сербов.

Ю. В. Иванова описала позднейшие формы родовых объединений, сохранившиеся еще в XIX и первой половине XX в. в высокогорных областях Албании и Черногории. В ее докладе были проанализированы причины сохранения в общинной организации этих областей многих черт, характерных для родовой организации: политические причины (османское завоевание Балканского полуострова и постоянное сопротивление ему балканских народов) действовали в неразрывной связи с факторами экономическими (экономическая изоляция горных районов, преобладание скотоводческого хозяйства отгонного типа). Были показаны причины и формы распада родовой организации и постепенного перехода от родовой к соседской (сельской) общине.

Один доклад касался обычного права — это сообщение Р. Вулканеску (Румыния) о малоизвестном институте обычного права скотоводческих общин румын — «суде отцов», который оказал влияние на феодальное процессуальное право в Румынии и в некоторых соседних странах. Доклад вызвал оживленную дискуссию, была отмечена большая древность и одновременно большая живучесть этого института обычного права.

Американский демограф Г. Костаник рассмотрел динамику численности населения Югославии и Греции за период после первой мировой войны. При анализе различий в уровне рождаемости и естественного прироста населения Югославии он обратил внимание на этнический фактор. Этот фактор учитывался им и при характеристике

особенностей урбанизации многонациональной Югославии по сравнению с Грецией, национальный состав которой отличается значительной однородностью.

В программу конгресса был включен Второй международный смотр этнографических и фольклористических фильмов балканских стран (первый смотр таких фильмов состоялся в 1964 г. в югославском городе Нише). Кинематографисты Болгарии, Румынии, Турции и Югославии показали свыше 30 короткометражных фильмов, повествующих о прикладном искусстве народов этих стран, об их песнях, танцах, обрядах и праздниках. Разнообразна тематика этих фильмов и различны режиссерские и операторские приемы, но одно основное настроение объединяет их всех: глубокое уважение, бережное отношение к народному творчеству, стремление сохранить его и рассказать о нем людям. Второй международный смотр фильмов проходил под лозунгом «Киноискусство за дружбу на Балканах!» Его целью было ближе познакомить участников конгресса с культурными и бытовыми традициями балканских народов.

По случаю Первого конгресса балканских исследований в государственной библиотеке имени Кирилла и Мефодия в Софии была развернута выставка книг по балканистике. На выставке было представлено около полутора тысяч публикаций, вышедших за последние годы в разных странах, преимущественно балканских. Посетители выставки смогли познакомиться с периодическими и монографическими изданиями по всем разделам балканистики: истории, археологии, этнографии, языкознанию, фольклору, литературоведению, искусствознанию. Книжная выставка явилась хорошим дополнительным источником взаимной информации ученых о главных направлениях в тематике и методике их исследований.

Т. Д. Златковская, Ю. В. Иванова, Л. В. Маркова

АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ НА XI ТИХООКЕАНСКОМ НАУЧНОМ КОНГРЕССЕ

XI Тихоокеанский научный конгресс, происходивший в Токио с 22 августа по 3 сентября 1966 г., был самым представительным из всех тихоокеанских конгрессов. В его работах приняло участие более 6 тыс. ученых из различных стран, имеющих выход к Тихому океану, а также из многих других европейских и азиатских государств. Всего на конгресс съехались представители 80 стран. Наиболее многочисленными были делегации Японии и США (примерно по 2 тыс. человек каждая). Из Советского Союза прибыло около 140 ученых самых различных специальностей; эта была самая большая делегация СССР на тихоокеанских научных конгрессах. Много делегатов приехало из Канады, Австралии, Новой Зеландии, Англии, Франции, ФРГ. Гораздо слабее были представлены страны Южной Азии и Латинской Америки.

XI Тихоокеанский научный конгресс (как и все предыдущие конгрессы такого рода) был подготовлен и созван международной Тихоокеанской научной ассоциацией, основанной в 1920 г. Главными задачами этой ассоциации, как гласит статья 2-я ее устава, являются, во-первых, «поощрение сотрудничества в изучении научных проблем, связанных с бассейном Тихого океана, в особенности тех, которые касаются процветания и благосостояния народов, населяющих эту часть земного шара», и, во-вторых, «укрепление мирных отношений между народами и содействие развитию чувства братства между учеными всех стран, расположенных в бассейне Тихого океана». Советский Союз представлен в этой организации Академией наук. Руководящим органом ассоциации является Тихоокеанский научный совет из 15 человек — представителей стран-членов. На XI конгрессе в состав Совета вошел представитель СССР — академик А. А. Губер, возглавлявший советскую делегацию.

Тихоокеанская ассоциация раз в четыре года созывает Тихоокеанские научные конгрессы. Первый такой конгресс состоялся в 1920 г. в Гонолулу на Гавайских островах, где с тех пор при Музее Бернис Пауахи Бишоп и находится постоянный секретариат Тихоокеанской ассоциации. До второй мировой войны было созвано шесть конгрессов, после войны — четыре (в Новой Зеландии, на Филиппинах, в Таиланде и на Гавайских островах). В промежутках между конгрессами Тихоокеанская ассоциация осуществляет свою деятельность через постоянные комитеты по различным отраслям науки. Председатели этих комитетов назначаются президентами конгрессов; члены кооптируются председателями с учетом рекомендации очередного конгресса. Среди этих комитетов есть и постоянный комитет по антропологии и социальным наукам, председателем которого между X и XI Тихоокеанскими конгрессами был голландский этнограф и социолог Ян фан Баал. Из числа советских ученых в состав этого комитета кооптирован Н. Н. Чебоксаров.

XI Тихоокеанский научный конгресс открылся 22 августа в торжественной обстановке в спортивном зале Будокан, где обычно происходят чрезвычайно популярные в Японии состязания в борьбе дзюдо, фехтовании и других народных видах спорта. После исполнения на струнных инструментах кото японской мелодии «Рокудан» с приветствиями выступили президент конгресса проф. Синъитиро Томонага, государственные деятели Японии, руководители японских научных организаций, представители иностранных делегаций. В конце заседания были вручены медали Тихоокеанской ассоциации и объявлено об избрании ее новых почетных членов. Медаль памяти Г. Э. Грегори — одного из основателей ассоциации — получил американский этнограф Дж. Мёрдок.

Вся последующая работа конгресса проходила в зданиях Университета Токио. Здесь с 23 по 27 августа заседали 62 симпозиума по различным комплексным научным проблемам, а с 29 августа по 2 сентября работали следующие 12 секций: 1) Метеорология, 2) Океанография, 3) Геофизика, 4) Геология и почвоведение, 5) Биология, 6) Сельское хозяйство, лесоводство, животноводство и охрана природы, 7) Рыболовство, изучение морей и пресноводных водоемов, 8) Проблемы питания, здравоохранение и медицинские науки, 9) Социальные науки, 10) Антропология, 11) География, 12) Научная информация и музеи. Уже простой перечень этих секций показывает, насколько многообразной была тематика XI Тихоокеанского научного конгресса. Для

этнографов и антропологов наибольший интерес представляла, несомненно, работа IX и X секций и связанных с ними симпозиумов. Надо, однако, иметь в виду, что доклады, в той или иной степени затрагивающие этнографические и антропологические проблемы, зачитывались и на заседаниях других секций и симпозиумов. Так, например, для специалистов по физической антропологии большой интерес представляли многие доклады симпозиума «Медицинская генетика, специально связанная с группами

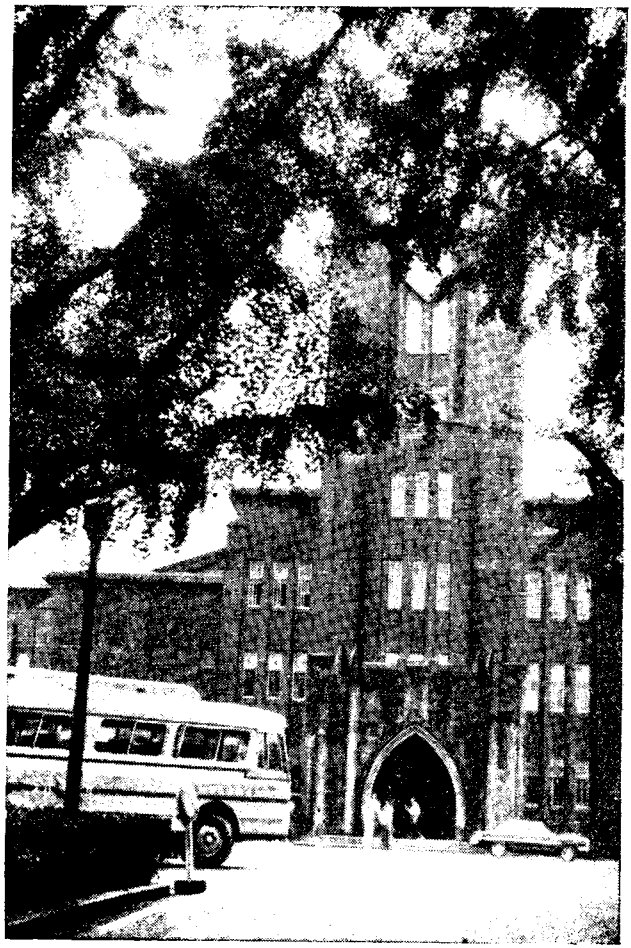

Рис. 1. Здание актового зала университета Токио

крови и дерматоглификой», работавшего при VIII секции, а для этнографов — выступления на заседаниях XI и XII секций. Во главе каждой секции стояли организатор и секретарь из числа японских ученых, симпозиумы также имели своих руководителей (конвинеров). Организатором X секции был проф. И. Явата, а IX секции — проф. Т. Исидзу.

В составе советской делегации общественные науки были представлены академиком А. А. Губером, С. Н. Ростовским (Институт народов Азии), П. И. Борисковским (Ленинградское отделение Института археологии) и четырьмя сотрудниками Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая — С. А. Арутюновым, И. С. Гурвичем, Д. Д. Тумаркиным и Н. Н. Чебоксаровым. Следует отметить, что советские этнографы впервые после второй мировой войны участвовали в Тихоокеанском конгрессе.

Наиболее подробно в настоящей статье мы расскажем о работе X секции, которая включала 5 подсекций: «Физическая антропология», «Этнология», «Фольклористика и этномузыкология», «Доистория и археология» и «Лингвистика». Из перечня подсекций ясно, что «антропология» на XI Тихоокеанском научном конгрессе пони-

малась в самом широком смысле слова: в ее состав были включены не только собственно антропология («физическая антропология») и этнография («этнология»), но также фольклористика, археология и языкознание. При X секции были организованы 4 симпозиума.

IX секция была разбита на 3 подсекции: «Семья, родственная организация, положение и роль женщины», «Промышленность, занятия, община», «Социальная стратификация и мобильность». Совершенно очевидно, что заседания всех трех подсекций IX секции, не говоря уже о проведенном 1 сентября объединенном заседании IX и X секций, представляли для этнографов и антропологов значительный интерес. В еще большей степени это относится к единственному симпозиуму IX секции «Социальные и культурные основы модернизации Японии». К сожалению, заседания многих симпозиумов, секций и подсекций происходили параллельно в одни и те же часы. Это сильно мешало освоению ценных материалов, доложенных на конгрессе.

* * *

Преблемы физической антропологии обсуждались главным образом на заседаниях соответствующей подсекции, организатором которой был С. Араи. Было заслушано 9 докладов. На заседаниях присутствовало около 50 человек; большинство их составляли японские ученые — анатомы и антропологи,— а также студенты разных специальностей.

Первым выступил португальский антрополог А. Алмейда. Он представил доклад «Антропологическая характеристика населения Португальского Тимора», основанный на полевых исследованиях 1963—1964 гг. Несмотря на несовершенство методики португальского ученого, основной его вывод о преобладании среди населения Восточного Тимора, особенно среди его аборигенных групп, расселенных внутри острова, негро-австралоидных (экваториальных) компонентов, близких к расовым типам Меланезии, представляется очень вероятным. Вывод этот хорошо подтверждается иллюстративным материалом, продемонстрированным докладчиком.

Тематически к докладу Алмейды примыкало выступление южновьетнамских ученых Чан Аня и Ву Тьен Лои, посвященное антропологическому изучению народа раде. Раде (эде), расселенные в горах Центрального Вьетнама, по мнению докладчиков, относятся к «протомалайской» расе и имеют морфологическое сходство с аборигенами Суматры и Калимантана. Можно думать, что эта группа принадлежит к южным вариантам тихоокеанской ветви монголоидов и имеет примесь экваториальных элементов.

На том же заседании с докладом «Этническая антропология Восточной Азии» выступил Н. Н. Чебоксаров. Во время заседания и после него автору было задано много вопросов, свидетельствовавших о большом интересе собравшихся к тематике доклада, в особенности к историко-генетической классификации рас Восточной Азии и их соотношению с хозяйственно-культурными, языковыми и этническими группами населения этой части эйкумены. Известный японский антрополог М. Судзуки отметил большое научное значение работ, которые советские ученые ведут в области этнической антропологии Восточной Азии и всего мира.

Формированию расового состава маори Новой Зеландии и мориори острова Чатам был посвящен доклад японских антропологов Г. Сима и М. Судзуки. На Новой Зеландии авторы выделяют более древнюю мезокефальную южную группу, с которой генетически частично связаны чатамские мориори, и более позднюю долихокефальную северную группу, возможно, включающую «меланезоидные» элементы с островов Кука. Попытка Сима и Судзуки связать данные краниологии с историей заселения предками маори и мориори Новой Зеландии и острова Чатам, несомненно, заслуживает внимания, хотя для ее оценки необходимо ознакомление с полной публикацией материалов японских исследователей.

Значительный интерес представил доклад японских антропологов Г. Танабе и Н. Ватанабе «Датировка ископаемых костей из Японии при помощи определения диффракции X-лучей». Предлагаемый авторами метод датировки основан на том, что особенности кристаллического строения минералов, входящих в состав костного вещества, с течением времени изменяются, а вместе с этим изменяется и характер дифракции.

Американский ученый Ч. Сноу выступил с докладом, в котором на большом антропологическом материале показал, что между древними гавайцами и их современными неметисированными потомками существует значительное расовое сходство, которое свидетельствует о стабильности специфического типа, сложившегося на Гавайских островах. На подсекции был зачитан также информационный доклад индонезийского антрополога С. Сартоно «Новая черепная крышка питекантропа». В этом докладе сообщалось о находке 30 января 1965 г. в районе Сангирана на Яве черепной крышки, морфологически очень сходной с известными черепами питекантропов. Крышка эта датируется средним плейстоценом.

Оценивая работу подсекции физической антропологии в целом, необходимо сказать, что большинство докладов, заслушанных на ее заседаниях, было посвящено частным, «локальным» вопросам и не содержало сколько-нибудь значительных обобщений. Методически доклады, представленные в подсекцию, далеко не всегда стояли на должной высоте: в большинстве случаев они основывались на анализе очень малого количества признаков, преимущественно индексов (головного, носового и др.). Описательные признаки, которым советские антропологи придают важное расодиагностическое значение, почти полностью игнорировались. Положительным моментом было, однако, то, что многие докладчики приводили данные о так называемых «генетических» признаках с хорошо изученной наследственностью (группы крови различных систем, пальцевые узоры и др.). В выступлениях японских, советских и американских антропологов справедливо подчеркивалась важность изучения этих признаков для расовой и этнической антропологии.

Большой интерес для антропологов представляла работа упомянутого выше симпозиума по медицинской генетике, на который было представлено 14 докладов. Мы остановимся лишь на выступлениях, имеющих наибольшее значение для этнической антропологии. Это относится прежде всего к обзорному докладу о группах крови японцев, подготовленному тремя исследователями во главе с известным гематологом и антропологом Т. Фуругата, руководившим всем симпозиумом. В основу доклада положен огромный материал, включающий свыше 3,4 миллиона определений групп крови системы АВО и почти 89 тыс. определений групп системы MN. Главные выводы анализа этих данных изображены графически в виде диаграммы, названной «Серологическое положение рас мира». Японцы на указанной диаграмме занимают промежуточное положение между монголоидными и европеоидными сериями, обнаруживая наибольшее сходство с некоторыми западноазиатскими и восточноевропейскими группами. Т. Фуругата считает, что такое положение японцев указывает на их смешанное происхождение в результате взаимодействия восточных (монголоидных) и западных (европеоидных) элементов. По мнению большинства советских антропологов, в данном случае можно скорее говорить о примеси экваториальных расовых элементов.

Большой фактический материал по группам крови у корейцев содержался в докладе сеульского гематолога С. Ли. Этот автор привел новые данные о распределении среди корейцев различных серологических факторов (подгруппы системы АВО, резус-фактор, система MNS, системы Люис, Латеран, Диего, Даффи и др.). Почти по всем исследованным факторам обнаруживается значительное сходство между восточноазиатскими группами и их существенное отличие от европейских серий. Интересные данные о группах крови различных систем у китайцев Тайваня и у аборигенных племен этого острова были приведены в докладе Хуан Минь-чжуана и Синь Найлиня. По большинству серологических показателей китайское население оказалось заметно отличным от аборигенного. Заслуживает упоминания еще доклад индийского антрополога М. Р. Чакраварти. Базируясь на большом материале, собранном совместно с немецким антропологом Ф. Фогелем, этот ученый поставил вопрос о вероятной связи групп крови с восприимчивостью к оспенной инфекции: лица группы В оказались наименее восприимчивыми к этой болезни.

Из материалов по дерматоглифике, представленных на этот симпозиум, наибольший интерес представляет доклад К. Мицугаси (Япония), который использовал для научного анализа отпечатки пальцев 237 тыс. японцев (мужчин) из разных районов страны, 718 «чистокровных» айнов Хоккайдо и 10 тыс. южных корейцев. По его данным, дуги и петли у айнов встречаются гораздо чаще, чем у японцев, а круги — реже. Статистически различия представляются вполне реальными. У японцев района Тогоку на севере Хонсю и, особенно, острова Хоккайдо, где вероятна айнская примесь, доля петлевых узоров повышается, а круговых — падает. Корейцы близки к японцам по доле дуговых узоров и петель, но двойные петли у них встречаются чаще, а круги, напротив,— реже, чем у японцев.

Хорошим дополнением к докладу Мицугаси было сообщение японского ученого М. Ясунака, в котором приводились данные по дерматоглифике населения островов Рюкю. По его материалам, распределение различных дерматоглифических типов у рюкюсцев почти такое же, как у других групп японцев. Наибольшая близость по этим признакам (как, впрочем, и по многим другим) наблюдается между рюкюсцами и уроженцами островов Кюсю и Сикоку. Какого-либо приближения к айнскому типу на Рюкю не наблюдается. С данными о пальцевых узорах японцев интересно сопоставить аналогичные материалы по «чистокровным» гавайцам, приведенные в докладе американских антропологов Х. Камминса и Ч. Сноу. На долю круговых узоров приходится 65% у мужчин и 68,3% у женщин; это, по-видимому, самая высокая доля узоров такого типа среди народов бассейна Тихого океана. Нет ни малейшего сомнения в том, что новые данные о группах крови и пальцевых узорах различных народов Тихоокеанского бассейна, доложенные на симпозиуме по медицинской генетике, сыграют немалую роль в разработке многих важных проблем серологии и дерматоглифики и могут быть использованы при комплексном исследовании проблем этногенеза народов этого региона.

* * *

В первую неделю работы конгресса в центре внимания этнографов-океанистов и ученых смежных специальностей оказался симпозиум «Доисторическая культура в Океании» (руководитель — проф. И. Явата). На этом симпозиуме присутствовало около 60 специалистов из многих стран мира, преимущественно из США, Австралии и Новой Зеландии, а также много слушателей-японцев, в том числе молодежи. Из 15 докладов подавляющее большинство было посвящено этнической истории народов Океании, истории ее заселения и древним культурным связям в этом обширном регионе.

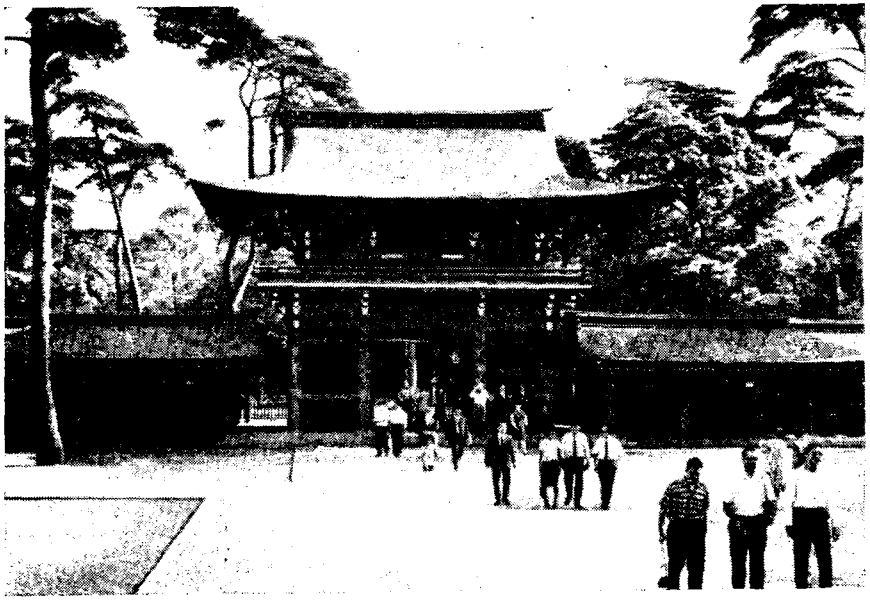

Рис. 2. Синтоистский храм Мейдзи-дзингу в Токио

Наиболее интересны были проблемные доклады Дж. Голсона (Австралия) «Археологические перспективы в Меланезии», Р. и М. Шатлеров (США) «Доистория Южной Меланезии», Р. Грина (Новая Зеландия) «Доистория Западной Полинезии», а также доклад одного из старейших американских океанистов К. Эмори «Восточнополинезийские взаимосвязи, как они представляются в 1966 году».

Многочисленные исследования последних лет открыли новые горизонты в изучении прошлого народов Океании и, в частности, позволили ближе подойти к решению «полинезийской проблемы». Например, до недавнего времени считалось, что полинезийцы не знали керамики. Но, как показали раскопки, гончарство в прошлом было известно обитателям ряда полинезийских архипелагов. Более того, на симпозиуме приводились данные о том, что в первом тысячелетии до н. э. в Меланезии и Западной Полинезии существовала единая гончарная традиция, уходящая своими корнями в Юго-Восточную Азию.

В течение многих десятилетий ученые пытались проникнуть в тайны полинезийских миграций, уделяя гораздо меньше внимания истории заселения Микронезии и, особенно, Меланезии. Не вызывало, правда, сомнений, что вся Меланезия заселена из Юго-Восточной Азии, но мало что было известно о том, когда и как первобытные люди расселились по этой части Океании. Полевые исследования, развернувшиеся теперь в Меланезии, по-видимому, позволяют приподнять завесу и над этими древними миграциями. Так, опираясь на результаты недавних раскопок, Дж. Голсон, Р. Грин, Р. и М. Шатлеры высказали в своих докладах предположение, что вся Южная и, возможно, Центральная Меланезия были первоначально заселены протополинезийцами, которых в дальнейшем частично вытеснили, частично ассимилировали меланезоидные переселенцы с Новой Гвинеи и соседних с ней меланезийских архипелагов. Эта вторичная колонизация ослабила культурную общность между Меланезией и Западной Полинезией. В дальнейшем общие черты в пограничных районах этих областей складывались на новой основе, как результат взаимных контактов меланезийцев с полинезийцами.

В симпозиуме участвовал Тур Хейердал. Он выступил с докладом «Доисторическая культура острова Пасхи», отчасти повторявшим его выступление на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук (Москва, 1964 г.). Хейердал вновь пытался обосновать наличие раннего неполинезийского (южноамериканского) субстрата в культуре острова Пасхи. Доклад норвежского исследователя был встречен весьма сдержанно, ибо никто из участников симпозиума не разделял его взглядов на историю заселения Полинезии. Следует отметить, что в последние годы Т. Хейердал значительно осторожнее излагает свои воззрения перед ученой аудиторией, воздерживаясь от обобщений, касающихся всей Полинезии.

Из других материалов симпозиума отметим доклад новозеландской исследовательницы Ж. Дэвидсон о ее изысканиях на атолле Нукуоро — одной из полинезийских «колоний» в Микронезии. Бытовавшее до второй мировой войны представление о невозможности серьезных стратиграфических раскопок на океанийских вулканических островах было опровергнуто в послевоенный период археологическими экспедициями, работавшими в Полинезии. Ж. Дэвидсон убедительно показала, что многочисленные культурные отложения, представляющие большой интерес для археологов, можно обнаружить даже на коралловых атоллах.

Американский этнограф А. Споэр, выступивший последним, отметил значительные успехи, достигнутые учеными-океанистами со времени предыдущего Тихоокеанского конгресса. Он подчеркнул, что для дальнейшего прогресса океанистики необходимо развивать комплексные исследования, укреплять сотрудничество ученых разных специальностей. Споэр призвал уделять больше внимания полевым работам в Микронезии и пограничных с Океанией районах Юго-Восточной Азии.

Более узкий круг вопросов обсуждался на симпозиуме «Природа и культура Западного Ириана и Восточной Новой Гвинеи» (руководитель проф. Э. Асаи), в котором участвовало около 30 этнографов, лингвистов и археологов. Наибольший интерес вызвал доклад С. Вурма (Австралия) «Проблема национального языка для Новой Гвинеи». Вурм полагает, что таким языком в Восточной Новой Гвинее после достижения ею независимости станет пиджин-инглиш. Этот язык, возникший в условиях колониального режима, имеет меланезийскую структуру. Четвертая часть его словаря состоит из меланезийских слов, остальные заимствованы главным образом из английского языка, но видоизменены фонетически и нередко имеют новое значение. Многие исследователи отрицательно относятся к пиджин-инглиш, считая его уродливым гибридом. Вурм же пытался доказать, что этот язык имеет право на существование, что он развивается по мере того, как повышается культурный уровень папуасов, и вполне может стать самостоятельным большим языком.

Интересную проблему затронула М. Чаунинг (Австралия). Как подчеркивалось в ее докладе, исследователи аккультурации в Меланезии обычно изучают лишь результаты непосредственного воздействия «западной цивилизации», игнорируя последствия культурных контактов между различными местными племенными группами. Усилившиеся передвижки населения, скопление значительных масс рабочих, прибывающих из различных районов, в портовых поселках, на лесоразработках и плантациях, прекращение междоусобных войн, деятельность «черных миссионеров» — все это способствует в наши дни неуклонному развитию таких контактов. Подобная «аккультурация», порой существенно меняющая культурный облик целых племенных групп, заслуживает, по мнению докладчицы, самого внимательного изучения.

На этом симпозиуме был заслушан также доклад Дж. Уотсона (США) о факторах, способствующих слиянию мелких племенных групп в горных районах Восточной Новой Гвинеи, и доклад Я. фан Баала (Голландия) «Система и символ у маринд-аним». После обсуждения докладов состоялась дискуссия об актуальных задачах полевых исследований на Новой Гвинее. Наряду с докладчиками в дискуссии приняли участие М. Рэй (Австралия), Б. Биггс (Новая Зеландия), И. Дайен (США) и К. Шмитц (ФРГ).

К двум предыдущим в известной мере примыкал симпозиум «Народная религия и миропонимание в странах юго-западной части Тихого океана» (руководитель Н. Мацумото), хотя из 15 представленных докладов только три непосредственно касались верований и мифов народов Океании, а в других рассматривался широкий круг вопросов, связанных с религиозными представлениями народов Индокитая и прилегающих к нему районов Восточной Азии. Особого упоминания заслуживает доклад Ж. Кондоминаса (Франция) о некоторых аспектах анимистических верований у мнонгов и доклад французского этнографа Б. Лафона, работающего в Камбодже, о «празднике духов» в этой стране.

Еще один симпозиум, связанный с X секцией,— «Население северной части Тихого океана» — по своей направленности во многом напоминал симпозиум «Доисторическая культура в Океании». Наряду с учеными из СССР, США и Канады в нем участвовало много японских исследователей. На заседаниях симпозиума обсуждались проблемы заселения и освоения человеком полярных областей крайнего северо-востока Азии, Алеутских островов и северо-западных районов Америки, вопросы формирова-

ія, датировки и периодизации древней эскимосской, алеутской и айнской культур, заимоотношения и связи между этими культурами.

Новый интересный материал об айнской неолитической культуре острова Хокайдо содержался в докладе японского ученого С. Ёсидзаки. У. Лафлин (США) ыдвинул в своем выступлении гипотезу о том, что алеуты являются потомками древего населения Берингоморской гряды, некогда соединявшей Азию с Америкой. Как олагает Лафлин, после затопления берингоморского «моста» алеутская культура долое время развивалась независимо от эскимосской. Американский археолог Ч. Чард ыступил с докладом «Некоторые проблемы доисторической хронологии в северо-зоточной Азии». В нем была поднята проблема составления новой шкалы более ранних атировок для этого региона и выдвигались конкретные предложения о международом научном сотрудничестве в этом направлении.

Ряд докладов был посвящен этнолингвистической проблематике. Р. Аустеритц (США) продемонстрировал ряд параллелей между гилякским, айнским и японким языками. Японский исследователь С. Хаттори (конвинер этого симпозиума) роанализировал заимствования в айнском языке. В представленном на симпозиум окладе М. Сводеша (Мексика) были рассмотрены взаимосвязи языков группы акаш с эскимосско-алеутскими и чукотским языками.

С большим вниманием были выслушаны доклады советских исследователей — . А. Арутюнова и Д. А. Сергеева об эволюции культуры берингоморских хотников на морского зверя (по материалам раскопок на Чукотке) и И. С. Гурвича о социальных и этнических изменениях на крайнем северо-востоке Азии за последие 50 лет. Обсуждение докладов показало, сколь велик за рубежом интерес к исслеованиям советских ученых по этому кругу проблем.

Дискуссия о заселения Полинезии была продолжена на первом заседании подекции «Этнология» (организатор — проф. Э. Исида). Так, западноберлинский этнораф Г. Кох, ссылаясь на существенные различия в культуре населения микронезийких островов Гилберта и соседних с ними полинезийских островов Эллиса, высказал нение, что миграции протополинезийцев вряд ли проходили через Микронезию.

Один из наиболее выигрышных аргументов концепции Хейердала сводится к тому, то ветры и течения в тропических и субтропических широтах Тихого океана направлены с востока на запад, от Америки к Азии. Хейердал неоднократно заявлял, что ревние переселенцы прибыли в Полинезию из Америки с попутными ветрами и теениями. Эта проблема рассматривалась в докладе «Навигационные условия морских утей в Полинезию», подготовленном Д. Д. Тумаркиным совместно с В. И. Войтовым (Институт океанологии АН СССР). В докладе показано, что наряду с теениями и ветрами с востока в указанных широтах наблюдаются водные и воздушные отоки, имеющие противоположное направление. Используя эти навигационные факоры, «мореплаватели солнечного восхода», по-видимому, смогли проникнуть в Полинезию из Юго-Восточной Азии через западную Океанию.

По докладу развернулась оживленная дискуссия. Выступил Т. Хейердал, отстаивавший свои взгляды. Однако другие специалисты (Р. Грин, К. Эмори, К. Шмитц) поддержали основные положения доклада, подчеркнув, что его выводы согласуются с новейшими данными археологии, этнографии и лингвистики, а также отметили плодотворность комплексного использования материалов этнографии и наук океанологического цикла. Краткое изложение доклада, распространенное агенством Рейтер, было опубликовано газетами ряда стран.

На одном из заседаний подсекции «Этнология» большинство докладов было посвящено проблемам соотношения хозяйственно-культурных типов, форм социальной организации и этнических группировок у различных народов Южной и Юго-Восточной Азии. Так, американский ученый П. Кунстедтер выступил с докладом «Ирригация и социальная структура». В этом выступлении на основе тщательного анализа полевых материалов было показано, как на протяжении последних сорока лет в связи с переходом от суходольного возделывания риса к ирригационному изменились формы землепользования и общинной организации у лава, живущих в узких предгорных долинах Северного Таиланда. В докладе Р. Пирсона (США) была сделана попытка дать количественную оценку «критического» (избыточного) населения у различных народов Юго-Восточной Азии, ведущих подсечно-огневое земледельческое хозяйство. Автор использовал данные о народах Индонезии, Филиппин и Новой Гвинеи.

Большой интерес у участников заседания вызвал доклад индийского ученого Л. П. Видъяртхи «Подсечно-огневое земледелие в Южной и Юго-Восточной Азии». Всего в тропических и субтропических районах Азии, Африки и Южной Америки подсечно-огневым земледелием занято около 200 млн. человек, а площадь полей, обрабатываемых этим способом, достигает 36 млн. кв. км. В Южной и Юго-Восточной Азии около одной трети обрабатываемой земли находится под подсеками. Автор специально изучал подсечно-огневое земледелие у племен малер в Бихаре (Индия). Специфика подсечного земледелия определяет весь образ жизни малер, их материальную и духовную культуру.

Не менее интересным был доклад японского этнографа И. Сиратори «Классификация типов добычи средств существования у различных этнических групп Южного и Юго-Западного Китая». Докладчик считает, что у автохтонного населения этих районов сложились три основных типа, связанных с особенностями естественно-географической среды в горах, долинах и переходных предгорных районах. Для первого типа характерно подсечно-огневое земледелие и полукочевой образ жизни. К этому горному типу относится большинство близкородственных между собой по происхождению и языку групп мяо, яо и шэ, которые И. Сиратори считает мон-кхмерскими.

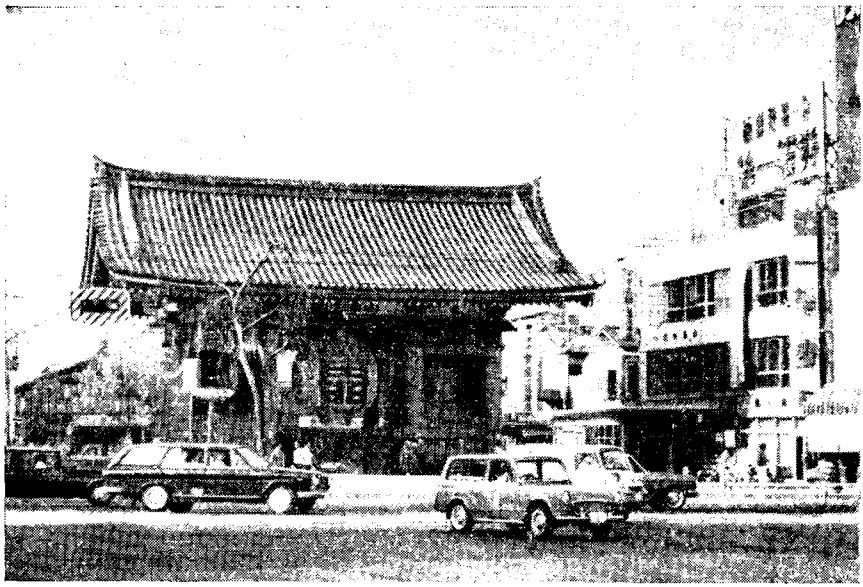

Рис. 3. Ворота буддийского храма Асакуса-каннон в Токио

Для всех них характерен тотемический миф о предке-собаке. Ко второму, долинному типу ирригационных земледельцев-рисоводов принадлежат различные народы тайской языковой группы. Для них характерны мифы, связанные с водной стихией. Третий, предгорный переходный тип сочетает многие особенности первых двух типов, в частности мифы, связанные с собакой и водной стихией. К этому типу относятся на юге Китая как мяо-яоские группы, частично спустившиеся с гор, так и некоторые группы тайских народов, испытавшие влияние мяо—яо.

Выступление И. Сиратори во многих своих положениях перекликалось с зачитанным на том же заседании докладом Н. Н. Чебоксарова «Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области Восточной Азии». Само понятие о «типах добычи средств существования» (subsistence types) И. Сиратори почти полностью совпадает с понятием «хозяйственно-культурных типов» у советских этнографов. Это сходство было отмечено в прениях. Высказывалось пожелание, чтобы доклад Н. Н. Чебоксарова был опубликован в развернутом виде и дополнен картами хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей Восточной Азии.

На этом же заседании были заслушаны доклады американских ученых Дж. и Л. Хэнксов о некоторых аспектах современного положения горных племен Северного Таиланда.

Несколько десятков археологов и ученых смежных специальностей участвовало в работе подсекции «Доистория и археология» (организатор — проф. И. Явата). Всеобщее внимание привлек здесь доклад советского археолога П. И. Борисковского «Проблемы палеолита и мезолита Юго-Восточной Азии», основанный на полевых исследованиях, которые автор проводил совместно с археологами Демократической Республики Вьетнам. Запомнились также доклады Д. Малвэни (Австралия) о проблеме первоначального заселения Австралии, Т. Гаррисона (Малайзия) о новых раскопках в знаменитой палеолитической пещере Ниах, А. Алмейда (Португалия) об археологических исследованиях на острове Тимор, а также сообщение У. Солхейма (США) о работе американской археологической экспедиции в Таиланде.

Подсекция «Фольклор и этномузыкология» (организатор — проф. С. Кисебе) имела музыковедческий уклон. Многие доклады были посвящены методологии, новой технике

новым приемам сбора и анализа устного фольклора и народной музыки. На подсекции «Лингвистика» (организатор — Х. Ицуи) разгорелась дискуссия о степени достоверности и границах применения лексикостатистического анализа и глоттохронологии. Наибольшее внимание было уделено аустронезийским языкам.

Участники конгресса и японская научная общественность проявили большой интерес к симпозиуму «Социальные и культурные основы модернизации Японии» (руководитель — Ю. Окада), организованному при IX секции. На заседаниях симпозиума присутствовало более 100 человек, в том числе много представителей развивающихся стран: в материалах симпозиума они искали ответы на наболевшие вопросы развития этих государств. Наиболее широко обсуждались проблемы патронимии, домохозяйства, семьи и связанные с ними традиции, а также влияние указанных традиций на процессы модернизации Японии и обратное воздействие модернизации на эти стороны традиционного японского жизненного уклада. Высокую оценку получил доклад С. А. Арутюнова о соотношении традиционных и заимствованных с Запада черт в современном японском быту. В этом докладе содержался анализ явлений материальной культуры, отсутствовавший в других выступлениях. Заседания симпозиума, особенно доклад С. А. Арутюнова, получили широкий отклик в японской печати.

1 сентября состоялось объединенное заседание IX и X секций. На нем рассматривались различные аспекты изменений в хозяйстве, культуре и быте народов Тихого океана на современном этапе. Особо следует отметить доклады Р. Солсбери (Канада) «Лидерство в период экономических сдвигов у толаи Новой Британии» и К. Гетти (США) «Развитие лидерства на островах Фиджи». В последнем докладе, несмотря на консервативные взгляды автора, содержался большой разоблачительный материал о британской колониальной политике на Фиджи.

Значительное место в работах конгресса занял общеконгрессный симпозиум, посвященный демографическим проблемам в бассейне Тихого океана. В симпозиуме приняли участие представители многих стран этой части эйкумены. Общее количество присутствующих достигало тысячи человек.

Симпозиум работал в актовом зале Университета Токио на протяжении четырех дней. На первом заседании обсуждались вопросы прироста населения, на втором — рождаемости и «семейного планирования», на третьем — пищевых ресурсов, питания и смертности, на четвертом — миграций, урбанизации, экономического и культурного развития. Председательствовала И. Тёйбер (США). На первом заседании она выступила с докладом «Новые явления в демографии стран Тихоокеанского бассейна».

Население земного шара превысило в настоящее время 3,3 млрд. человек, из которых 1,9 млрд. живет в Азии. Подавляющее большинство азиатских государств и в наши дни характеризуется невысоким экономическим потенциалом и сравнительно низким культурным уровнем населения. Характерное в послевоенный период для всего мира быстрое сокращение смертности, связанное с успехами медицины и здравоохранения, не сопровождается в этих странах компенсаторным снижением рождаемости. Эта диспропорция привела, по словам И. Тёйбер, к тому, что прирост населения во многих азиатских странах достиг исключительно высокой величины (более 3% в год). В связи с этим возникла проблема перенаселенности. Сама И. Тёйбер и большинство участников симпозиума выступили за разрешение этой проблемы путем прогрессивного повышения экономического и культурного уровня населения, а также путем добровольного, но направляемого государственной властью семейного планирования, то есть сознательного ограничения рождаемости. В Японии, где эти меры после войны уже активно осуществляются, прирост населения в настоящее время составляет 1% в год, тогда как в многих других азиатских странах, например в Индии, Таиланде, Индонезии, он превышает 3% (в некоторых развитых европейских странах эта цифра падает до 0,35%).

Обсуждение доклада И. Тёйбер, как и других докладов, зачитанных на симпозиуме, было очень оживленным. Следует отметить, что почти все выступавшие в очень категорической форме высказывались против каких бы то ни было насильственных мер по ограничению рождаемости и страстно осуждали такие методы ее регулирования, как кастрация, стерилизация, не говоря уже о расовой сегрегации. На симпозиуме было принято предложение об организации в рамках Тихоокеанской научной ассоциации постоянного комитета по популяционным проблемам. Как нам представляется было бы очень желательно ввести в состав этого комитета представителя СССР.

Помимо зачтения собственных докладов и активного участия в обсуждении других материалов, доложенных на секциях и симпозиумах, советские делегаты-этнографы познакомили участников конгресса с докладами тех своих коллег, которые не смогли прибыть в Токио. На одном из заседаний подсекции «Этнология» был зачитан доклад Я. В. Ионовой, Р. Г. Ляпуновой, Ю. В. Маретина и Л. Г. Розиной «Этнографические коллекции по народам стран Тихого океана в собраниях Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР» и продемонстрированы иллюстрирующие его цветные диапозитивы. Присутствовавшие задали много вопросов о коллекциях этого старейшего музея и его публикациях. На соответствующих заседаниях были распространены также брошюры с текстами докладов Н. А. Бутинова «Община

на Новой Гвинее», И. С. Вдовина «Следы эскимосско-алеутской культуры на побережье Камчатки», П. И. Пучкова «Лингвистический фактор в этнической консолидации коренного населения Океании» и В. С. Старикова «Каталог графем киданьского письма (первый вариант)». В связи с этим следует особо подчеркнуть, что все доклады советских этнографов, представленные на конгресс, были изданы Институтом этнографии АН СССР на английском языке в виде отдельных брошюр.

* * *

У советских делегатов было много интересных бесед с участниками конгресса. Эти беседы, происходившие в перерывах между заседаниями, во время экскурсий, приемов и т. д., дали, пожалуй, не меньше, чем участие в самих заседаниях. Нам удалось получить ценную научную информацию, обсудить в неофициальной обстановке нерешенные научные проблемы, обменяться книгами и оттисками статей с зарубежными исследователями. Отрадно отметить огромный интерес к нашей стране, к работам советских антропологов, археологов и этнографов. Многие наши собеседники выражали желание посетить СССР, развивать контакты с советскими учеными.

Из многочисленных встреч и бесед с японскими коллегами отметим обед, данный в честь советских этнографов М. Ока, директором Института по изучению языков и культур Азии и Африки при Токийском университете иностранных исследований, президентом очередного, VIII Международного конгресса антропологических и этнографических наук, который состоится в 1968 г. в Токио. С японской стороны на обеде присутствовали видные этнографы Т. Обаяси и Х. Ватанабе. Профессор Ока ознакомил нас с предварительной программой будущего конгресса и выразил надежду, что на нем будет присутствовать большая советская делегация. На обеде шла речь о развитии сотрудничества между советскими и японскими этнографами.

Весьма содержательной и полезной была встреча с заведующим кафедрой антропологии Университета Токио М. Судзуки, который рассказал о подготовке антропологических кадров в Японии и работе руководимого им коллектива. На этой кафедре ведутся исследования по палеоантропологии, этнической антропологии современного населения, а также по «доисторической» археологии. Профессор Судзуки передал советским ученым составленную специально для XI Тихоокеанского научного конгресса археологом Т. Эсака таблицу «Доисторическая хронология Японии», в которой отмечены недавно открытые раннепалеолитические стоянки на островах Хонсю (район Канто) и Кюсю. Позднепалеолитические стоянки, датируемые радиоуглеродным методом 13—11 тысячелетиями до н. э., обнаружены, по данным этой таблицы, в очень многих местах, от Кюсю на юге до Хоккайдо на севере. В настоящее время М. Судзуки заканчивает подготовку к печати большой работы, посвященной истории расового состава населения района Канто.

31 августа советские ученые вручили руководителям японского общества этнографов новую советскую этнографическую литературу, в том числе вышедший перед конгрессом том «Народы Восточной Азии».

Во время пребывания в Токио советские этнографы осмотрели достопримечательности города, историко-культурные памятники, посетили Национальный музей с его ценнейшими коллекциями по археологии и истории искусства Японии с глубокой древности до наших дней, музей народного творчества Мингэйкан и музей Недзу, располагающий богатыми фондами по искусству Японии и других стран Восточной Азии. Мы ознакомились также с работой прогрессивного издательства «Хэйбонся», выпускающего энциклопедии и справочники, литературу по искусствоведению, этнографии и другим областям знания.

3 сентября состоялась церемония закрытия конгресса, на которой очень тепло было встречено выступление А. А. Губера, поблагодарившего японских устроителей конгресса за четкую организацию его работы и отметившего роль этого международного научного форума в развитии сотрудничества между учеными разных стран, в укреплении мира и дружбы между народами Тихого океана.

С 4 по 8 августа советские этнографы участвовали в прекрасно организованных экскурсиях по стране. Эти экскурсии позволили ближе познакомиться с жизнью современной Японии, с некоторыми особенностями культуры и быта ее народа, с многочисленными памятниками старины. И. С. Гурвич, Д. Д. Тумаркин и Н. Н. Чебоксаров посетили область Кинки, а С. А. Арутюнов — Тюбу, где он интересовался в частности условиями жизни горняков.

Область Кинки охватывает южную часть Центральной Японии. Это один из наиболее развитых в экономическом и культурном отношениях и густонаселенных районов страны, отличающийся мягким климатом и богатой растительностью. Мы посетили здесь Катцууру — порт глубоководного океанского рыболовства и в то же время курорт с горячими сернистыми источниками, город Тайдзи — один из центров китобойного промысла и выращивания искусственного жемчуга, самый большой в Японии водопад Нати с расположенным поблизости старинным синтоистским храмом, снабженческо-сбытовой кооператив цитрусоводов в долине Ариты, средневековый замок в

яме, город Нару — колыбель японской культуры и государственности и, наконец, о — бывшую столицу Японии, богатую историко-культурными памятниками.
Яркие впечатления остались от пребывания в священном городе Тэнри — центре интоистской секты Тэнрикё, насчитывающей около 3 млн. последователей и оказыцей заметное влияние на культурную жизнь Японии. По приглашению симбасиры риарха) секты мы осмотрели город, присутствовали на богослужении в главном

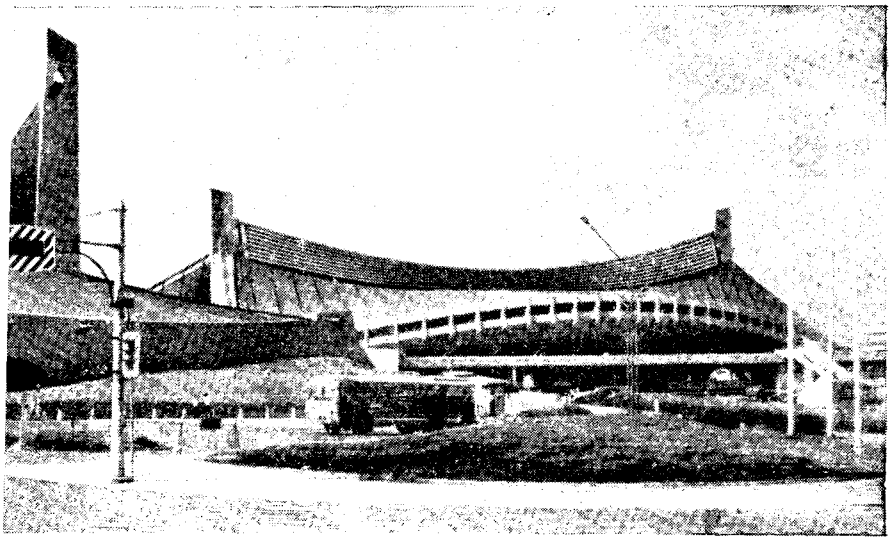

Рис. 4. Олимпийский гимнастический зал в Токио, архитектор К. Танге

аме, посетили местный университет, на филологическом факультете которого имеется сское отделение. Университетский археолого-этнографический музей располагает бо-тыми коллекциями из многих стран Азии, Африки, Америки и Океании. Здесь ожи-л нас приятный сюрприз: специально к приезду делегатов конгресса была открыта еменная выставка, на которой демонстрировалась коллекция по народам Сибири, по-ченная из Музея антропологии и этнографии АН СССР. Директор музея Х. Мару-ва и его сотрудники сообщили нам, что они готовят для ленинградского музея от-тный дар, и горячо высказывались за продолжение обмена музейными коллекциями.

Наше пребывание в Японии совпало с дальнейшей эскалацией американской агрес-и во Вьетнаме. Японская научная общественность осуждает зверства американских нтервентов, требует положить конец этой преступной войне. Характерно «Обращение друзьям во всем мире», опубликованное в специальном выпуске газеты Университета окио, посвященном Тихоокеанскому конгрессу. «Женевский мирный договор провозашает,— говорится в этом обращении,— что вьетнамский народ должен сам разре-ить свои проблемы. Мы считаем, что Америке следует немедленно и безоговорочно рекратить воздушные налеты на Северный Вьетнам, чтобы расчистить путь к мир-ым переговорам. Мы считаем совершенно необходимым, чтобы Америка признала Iациональный фронт освобождения официальным представителем на любых пере-оворах о мире... Наконец, мы заявляем, что не станем сотрудничать в продолжении ойны во Вьетнаме, подчеркивая, что только сами вьетнамцы имеют право решать вою собственную судьбу» [1].

IX Тихоокеанский научный конгресс останется заметной вехой в истории разви-ия научных связей в бассейне Тихого океана, в том числе в области антропологии этнографии. Нам кажется, что советским ученым нужно уже теперь начать плано-ерную подготовку к международному форуму антропологов и этнографов, который остоится в будущем году в Токио.

Д. Д. Тумаркин, Н. Н. Чебоксаров

[1] «The Tokyo Daigaku Shimbun», September 3, 1966, p. 8.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В США В ОСВЕЩЕНИИ НОВОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Milton M. Gordon. *Assimilation in American Life. The Role of Race, Religion, and National Origin.* New York, 1964; Robin M. Williams, *Jr. Strangers Next Door. Ethnic Relations in American Communities.* Englewood Cliffs. 1964; Seymour Martin Lipset. *The First New Nation. The United States in Historical and Comparative Perspective.* New York, 1963; Peter J. Rose. *They and We. Racial and Ethnic Relations in the United States.* New York, 1964.

Население США отличается, как известно, большой пестротой национального и расового состава. Проблема отношений между различными этническими элементами американской нации, неотделимая от всей ее истории, стоит в наше время чрезвычайно остро. Ныне она связывается главным образом с мощным и нарастающим негритянским движением. Негритянским вопросом и вообще национальным вопросом в США занимаются в Америке и историки, и социологи, и этнографы; занимаются теоретически и практически. Основная проблема, которая возникает перед ними — к чему пришла американская нация за два века своего развития? Какова этническая структура современного американского населения, каковы взаимоотношения составляющих его национальных и расовых групп? Каковы итоги ассимиляции, которой поколениями подвергались все этнические группы США? Что сулит американской нации будущее? Особенно деятельно разрабатывают эти вопросы социологи.

В книге Милтона Гордона, профессора социологии Массачусетского университета, «Ассимиляция в американской жизни» широко используются схемы, таблицы, модели и другие средства формализации исследования. Автор выдвигает, как в математике, гипотезы, стремится давать четкие определения естественно-научного типа. Он ставит перед собой задачу исследовать «природу самой групповой жизни в крупной индустриализованной городской нации, сложившейся из разнородного населения» (стр. 3). Предметом его внимания становится прежде всего этническая группа как компонент американского населения. Она характеризуется как «всякая группа, которую определяет или выделяет раса, религия или национальное происхождение — или же какое-нибудь сочетание этих категорий» (стр. 27). Расплывчатость и неопределенность этой характеристики автор пытается объяснить тем, что все перечисленные им детерминанты создают один и тот же социально-психологический результат — «чувство народности», т. е. этническое самосознание.

Однако люди живут не только этническими группами, и М. Гордон не склонен пренебрегать их классовой принадлежностью[1]. Но как он ее понимает? Для него классы — это иерархические подразделения людей, «основанные на различиях в экономической силе, политической силе или общественном положении» (стр. 40 рецензируемой книги). При этом за главный критерий принимается общественное положение, понимаемое как «психологическая система отношений». Разумеется, такое определение класса, эклектическое и ставящее во главу угла психологические, а не экономические отношения, нельзя признать научным. М. Гордон придерживается также разделения американского общества на шесть классов, которое введено Уорнером и широко применяется в американской социологической литературе. Эта — также эклектиче-

[1] М. Гордон является автором книги «Общественный класс в американской социологии» («Social Class in American Sociology», Durham, North Carolina, 1958).

ская и достаточно поверхностная — система делит общество на высший, средний и низший классы, каждый из которых подразделяется еще на высшую и низшую часть.

Чтобы выразить одновременную принадлежность людей к разным этническим группам и разным классам, М. Гордон вводит термин «этклас (ethclass)». Это — результат пересечения этнических и классовых подразделений, «общественные единицы или участки ограниченного общественного пространства..., находящиеся в сельской или городской обстановке в определенном районе страны» (стр. 47). При этом автор справедливо отмечает, что для поведения людей их классовая принадлежность важнее этнической.

По поводу ассимиляции, составляющей тему всей разбираемой книги, М. Гордон указывает, что этому термину, который в ходу у социологов, антропологи (в нашем словоупотреблении — этнографы) предпочитают термин «аккультурация». Сам он различает культурную ассимиляцию или аккультурацию и ассимиляцию структурную. Культурная ассимиляция происходит, по его мнению, прежде всякой другой и побеждает уже во втором поколении иммигрантов. Но краеугольным камнем всякой ассимиляции Гордон считает ассимиляцию структурную. Она влечет за собою брачную ассимиляцию, т. е. физическое смешение различных этнических групп. Казалось бы, это здравый взгляд на вещи — если под структурной ассимиляцией понимать включение новых этнических групп в хозяйственную и классовую структуру принимающей страны, их участие в ее общественном развитии и общественной борьбе. Но под структурой, да еще первичной, т. е. основной, Гордон подразумевает связи, образующиеся в добровольных обществах, клубах и т. п. организациях. Такая точка зрения неизбежно представляется поверхностной.

Несколько глав книги М. Гордона посвящено историографическому обзору теорий ассимиляции, которые, отмечает он, мало изучены в США. Он излагает в исторической последовательности три главные теории, возникшие в разное время, однако существующие в том или ином виде и по сей день. Старейшая из них, но господствующая в подсознании широких кругов и поныне, это та, которую автор называет англо-конформизмом и согласно которой все этнические меньшинства должны, теряя свои особенности, воспринять англоязычную культуру ядра американской нации. По его мнению, в области культуры эта тенденция и возобладала: победило то, что он считает сердцевиной американской культуры — культура «белых протестантов англо-саксонского происхождения, принадлежащих к среднему классу» (стр. 72).

Другая теория — это известная концепция «плавильного котла», которая получила свое имя в начале XX в., хотя и возникла раньше: все национальные элементы, все разнообразные культуры сплавляются в Америке в единую нацию и новую единую культуру. В последнее двадцатилетие эта теория подверглась значительной модификации. Обследовав смешанные браки в Нью-Хейвене (штат Коннектикут) за 70 лет и установив, что там преобладает, хотя и уменьшаясь, этническая эндогамия и что эндогамия в религиозных группах (среди католиков, протестантов и иудеев) более полная, социолог Руби Кеннеди выдвинула идею «тройственного плавильного котла», в который вливаются уже не этнические, а религиозные группы, образовавшиеся из различных этнических меньшинств. Эта идея была подхвачена и развита рядом других ученых. Ее принимает и М. Гордон, считающий, что американское общество состоит теперь из целого ряда «котлов» или «субобществ». Кроме трех по религиозному признаку, в него входят расовые группы и существенные остатки национальных групп.

Третья теория — культурный плюрализм, возникший после первой мировой войны как реакция на насильственную американизацию: каждая национальная группа сохраняет свою культуру и свои этнические связи; в целом взаимодействуя, они обогащают культуру всей Америки. М. Гордон полагает, что главным в этническом строении американского общества является структурный плюрализм — разделение на расовые и религиозные группы, сопровождающийся убывающим культурным плюрализмом. Таким образом, это общество, по Гордону, состоит из ряда «субобществ» (например, белые католики), характерной чертой которых является эндогамия и которые обладают «субкультурой». Последнюю он склонен отождествлять с «этклассом», т. е. группой людей, принадлежащих к одной национальности и одному общественному классу. К особому «субобществу» Гордон относит интеллигенцию. Здесь господствует этническое смешение и интеграция, не только культурная, но и структурная — в понимании Гордона. Этим интеллигенция, отчуждающаяся и от своих этнических групп, и от «массовой культуры», символизирует будущее нации. Впрочем, интеллигентское «субобщество» пока не включает в себя негров, отмечает М. Гордон.

Работа Гордона интересна как попытка понять связь этнического разделения американского общества и его общесоциальной структуры. Полезен данный им историографический обзор темы, причем он отмечает недостаточность господствующего в литературе психологического подхода, справедливо указывая, что предрассудки и дискриминация коренятся в структуре общества и не могут быть поняты вне ее.

Книга Робина Вильямса «Чужаки рядом», имеющая подзаголовок «Этнические отношения в американских городах», представляет собою обобщение конкретных социологических исследований, организованных Корнельским университетом. Эти иссле-

дования велись в течение 8 лет в разных городах США, причем главной базой служили 4 города, расположенные в различных по типу областях страны. Как принято в американской социологической литературе, они даются под вымышленными названиями, хотя псевдонимы и раскрыты. Все обследованные города — самостоятельные промышленные районы с населением от 40 до 120 тыс. чел., преимущественно рабочим. Везде — значительное число негров. Предметом изучения были главным образом расовые и национальные предрассудки, а подход — преимущественно психологическим. В этом смысле книга Р. Вильямса относится к тем многочисленным американским психологическим работам об этнических предрассудках, на односторонность которых сетует М. Гордон. Хотя Р. Вильямс в нескольких местах заявляет, что отношения этнических групп зависят не от психологических черт личности, а от внешней реальности, фактически в его книге преобладает индивидуально-психологический анализ. Так, в частности, широко использована концепция «авторитарной личности», имеющая большое хождение в литературе последних 15 лет и использовавшаяся для психологического объяснения фашизма. Р. Вильямс находит, что комплекс авторитарной личности способствует этническим предрассудкам, хотя и не объясняет их.

При анализе фактических данных обследованные люди классифицируются автором, который, видимо, следует выдвинутой Т. Парсонсом теории «социального действия», по самым различным признакам: по полу, возрасту, образованию, общественному положению, принадлежности к организациям и т. д. При этом все группировки трактуются одинаково, не выделяются основополагающие группы — общественные классы. Это — порок работы, хотя в ходе изложения сам материал часто вынуждает автора ссылаться на классовое разделение, причем и он, подобно М. Гордону, принимает 6-классную схему Уорнера.

Что касается методики обследования, то здесь прежде всего применялись анкеты. Трудно отделаться от впечатления, что некоторые вопросы их произвольны, другие провоцируют определенный ответ (например: «Стали бы вы мерить костюм в магазине, обслуживающем негров»? и т. д.), третьи рассчитаны на самоанализ опрашиваемых и могут быть для них болезненны, например, вопросы неграм, как бы они реагировали на разные оскорбительные замечания со стороны белых. Между тем, из суммирования ответов на такие вопросы делаются серьезные выводы об этнических взаимоотношениях.

Автор справедливо отмечает, что одно дело — установки опрашиваемых, кристаллизующиеся в их ответах, другое же — действия, которые они совершат в конкретных жизненных обстоятельствах. Во втором случае велись наблюдения за уличными сценами, за отношениями на производстве, за детскими играми и т. д. Ставились даже эксперименты — например, негр — участник работы приходил в трактир, где обслуживают только белых, и записывал дальнейшее течение событий. Фактические данные сведены в таблицы, схемы, суммированы.

К каким же выводам приводит автора огромный материал обследования, сопоставленный с заключениями других авторов? Длительное взаимодействие между разными народами совсем не обязательно приводит к конфликтам. Последние,— столь же справедливо замечает он,— зависят главным образом от «природы той социальной системы, в которую входят эти группы» (стр. 23—24). Этноцентризм при глубоко укоренившихся исторических распрях между национальными группами сопровождается предрассудками, распри же бывают связаны с разными видами конкуренции чаще всего экономической. Сам этноцентризм встречается и в отрицательной форме — недовольство своей этнической группой, даже ненависть к ней. Последняя чаще всего наблюдается среди национальных меньшинств. Этнические предрассудки обычно проявляются в стереотипах — комплексах свойств, которые приписываются другим этническим группам. «Стереотипам, как и слухам, особенно благоприятствует сочетание интереса с невежеством» (стр. 37). Весьма часто стереотипы выражены в этнофолизмах — пренебрежительных кличках людей, принадлежащих к иным этническим группам. Особо анализируются в книге бытовые формулировки предрассудков. Они классифицируются на случайные и преднамеренные, прямые и косвенные. Степень предубежденности зависит от разных факторов, к числу которых относятся географический район, принадлежность к общественно-экономическому классу, образование и т. д.

Дискриминация негров, говорится в книге Р. Вильямса, ведет к их сегрегации, причем из всех ее видов основным является сегрегация жилищная, которая свойственна большинству американских городов и задает тон отношениям негров и белых. За последние десятилетия она растет — на Севере больше, чем на Юге. Сегрегация тем больше, чем выше доля негритянского населения в городе. Первое место по сегрегации негров занимает Чикаго. Чем больше сегрегация, тем чаще происходят межрасовые конфликты, пишет Р. Вильямс, отмечая связь их с безработицей. В больших городах, таким образом, межрасовые отношения острее, но там же сильнее организации негритянского протеста и организации расового сотрудничества.

Хотя в книге имеется материал и об американских мексиканцах, и евреях, и о белых христианах, т. е. большинстве населения, выделенных в особую группу, бо́льшая

часть ее уделена неграм. Автор делает важный вывод, что предубеждение к одной этнической группе располагает к предубеждению по отношению к другим. Зависимость дискриминации от экономической системы капитализма он отрицает и поэтому не считает нужным решительное преобразование общественного строя для исчезновения дискриминации.

Особый интерес вызывает глава книги, посвященная психосоциологии этнических меньшинств, преимущественно негритянского. Оно далеко не однородно. В городах Севера негритянское население, как известно, очень выросло за последние десятилетия, пополнившись переселенцами с Юга. Между неграми-старожилами и вновь прибывшими, которые обычно уступают первым по квалификации и т. п., происходят трения. Среди старожилов распространены стереотипные суждения о пришельцах, соответствующие стереотипному мнению обо всех неграх, которое бытует среди белых. Р. Вильямс отмечает, что негритянская буржуазная верхушка иногда разделяет предрассудки белых по отношению к массе негров. В негритянских районах разные церкви и трактиры обслуживают разные слои населения. Сложного расслоения в «негритянском субобществе» обычно не замечают белые,— пишет Вильямс. Единство же негритянского населения объясняется не общими чертами негров, а общностью их судьбы. Более всего его усиливает дискриминация, которой подвергаются негры. Р. Вильямс приводит распространенное выражение: «Когда негр является негром? Когда с ним обращаются, как с негром».

«Предрассудки порождают контрпредрассудки», замечает Вильямс (стр. 257). Разумеется, и в негритянской среде бытуют этнические предубеждения против белых. Но характерно, что негры-активисты, борцы за равноправие, как отмечено в книге, заражены ими в меньшей мере, чем пассивные негры. Дружеские связи белых и негров, по данным обследования, чаще всего завязываются на работе. Как видно, к преодолению расовой розни ведет прежде всего пролетарская солидарность. Р. Вильямс отмечает, что солидарность негров совместима со стремлением к интеграции, «потому что негр — неразрывная часть американской культуры и общества» (стр. 310). Книга Вильямса ценна преимущественно своим богатым полевым материалом. Справедливы и некоторые частные выводы, которые делает из него автор.

Один из виднейших социологов буржуазной Америки, С. М. Липсет в книге «Первая новая нация» представляет США как пример для освобождающихся колониальных стран. США, пишет он, были первой колонией, освободившейся от власти метрополии, притом революционным путем, это же повторяют ныне африканские и азиатские колонии. По мысли автора, это породило существенное сходство политического и идейного развития между ними. Опыт Америки, по его мнению, объясняет процессы, происходящие в Азии и Африке. Хотя С. М. Липсет заявляет о необходимости сочетать сравнительный подход с историческим, его обобщения и сравнения делаются в отрыве от исторической реальности. Он пренебрегает различиями между колониями разных типов и, соответственно, разного уровня развития, а также разницей исторических периодов — конца XVIII в. и второй половины XX в. По основному замыслу книга представляет собою акт идеологической борьбы американского капитализма за влияние на страны «третьего мира».

Касаясь американской революции, Липсет преувеличивает классовую, этническую и языковую однородность американского населения в то время. В основе американской системы ценностей,— пишет Липсет — лежат коренящиеся в революционном происхождении США и не вполне совместимые друг с другом ценности — равенство и успех. Их действием Липсет, оспаривая материалистические тенденции в американской социологии, объясняет экономическую жизнь и общественные взаимоотношения на протяжении всей истории США. Расизм, по убеждению С. М. Липсета, противоречит американской системе ценностей, и это противоречие создает в американском обществе психологическую напряженность.

Для настоящего обзора наибольший интерес представляет глава книги, посвященная религии. Религиозные особенности США вытекают для автора из тех же основных ценностей — равенства и успеха — и так же постоянны. Прежде всего, это — светский характер американской религии. Эмоциональная религиозность в США незначительна, интерес к церковным догмам и богословию — также, между тем число прихожан многочисленных церквей, которые широко занимаются мирскими делами, очень велико, исповедование религии (любой) почитается чуть ли не гражданским долгом. Это явление отмечено многими авторами, но большинство связывает его с новейшим историческим периодом [2]. Липсет же находит, что так было всегда. США издавна принадлежат к «самым религиозным странам христианского мира» (стр. 150). В конце XIX 92% их населения входило в разные религиозные организации, а один священник приходился на тысячу жителей, и за последующие десятилетия это положение не изменилось, указывает Липсет. Если тяга к равенству в психологии американского общества коренится в традициях первой революции, то вторая главная цен-

[2] См. например, M. Debouzy, L'anti-intellectualisme dans la vie américaine, «Annales», Paris, Juillet-Août, 1965, стр. 762.

ность — достижение успеха — берет начало в протестантской этике, пишет автор. Видимо, поэтому он разбирает преимущественно протестантство.

Другую указываемую Липсетом особенность американской религии можно было бы назвать классовой гибкостью. При отсутствии государственной религии многочисленные церкви и секты обслуживают разные социальные группы населения и соответственно выражают различные чаяния и настроения. Так было всегда, отмечает Липсет. Социальный характер и состав отдельных церковных организаций на протяжении американской истории менялся. Разбогатев, коммерсанты и плантаторы переходили в более респектабельные церкви. На низком социальном уровне стояли в конце XVIII в. пресвитериане. Затем в качестве религиозных организаций широких городских и сельских масс их сменили методисты и баптисты. Подобно этническим группам, религиозные группы постепенно обуржуазиваются (становятся «middle class»), пишет Липсет, а для религиозных нужд новых контингентов низших классов возникают новые секты, оппозиционно окрашенные в социальном и нравственном отношениях. Религиозные секты образовывались в этих общественных слоях под влиянием экономического кризиса и в начале 1930-х гг. Можно добавить, что в наши дни часть обездоленного негритянского населения идет за реакционной религиозной организацией черных мусульман.

Классовое расслоение американских церковных организаций отмечают также М. Гордон и Р. Вильямс. Что касается американских католиков, то они, как отмечено в книге С. М. Липсета, приближаются по стилю к протестантским сектам и ныне больше походят на американских баптистов, чем на мексиканских или французских католиков [3].

Книга П. Роуза названа «Они и мы. Расовые и этнические отношения в Соединенных Штатах». Заглавие — перефразированное название стихотворения Киплинга «Мы и они», в котором выражено психологическое отношение господствующего народа к подчиненному. Для Киплинга «мы» — это англичане, «они» — заморские колониальные народы. Для Роуза «они» — этнические меньшинства Америки, «мы» — принявшее их американское общество.

Книга «Они и мы» — не исследовательская работа, но представляет интерес как обобщение исследования этнических меньшинств, проведенного разными американскими учеными, своего рода итог. Она изобилует выдержками из работ других авторов, невелика по объему и написана популярно.

В первой же главе, где автор дает определения основных категорий темы, проявляется некоторая антиисторичность подхода. Различные типы обществ, например, даются вне времени, вне последовательности развития. Главный предмет темы, этническую группу, автор определяет как такую группу, члены которой имеют общее социальное и культурное наследие, передающееся от одного поколения к другому. При этом он подчеркивает «взаимозависимость судьбы» у членов этнического меньшинства. Роуз указывает, что этническая общность («этничность») этого меньшинства определяется отношением к нему принимающего общества. Чем лучше это отношение, тем слабее «этничность». Отчужденность и угнетение укрепляют ее — как видно на примере американских негров.

В главе под названием «Нация иммигрантов» П. Роуз дает исторический очерк развития американской нации, снабженный итоговыми цифрами. Причины иммиграции он объясняет эклектически. Разбирая этническую структуру американского общества, П. Роуз склоняется к теории культурного плюрализма, которая, по его словам, стала в США почти общепринятой. Он излагает правило, по которому сегрегация этнической группы тем больше, чем больше ее численность в данном городе. В отношении негров это положение, как говорилось выше, сформулировано в книге Р. Вильямса. Роуз не довольствуется толкованием национальных и расовых предрассудков с точки зрения психологии и психопатологии, что в высокой степени свойственно американским ученым и чему, в частности, отдал дань Р. Вильямс. Роуз считает, что эти предрассудки нужно объяснять социологически — как «общественную привычку», усваиваемую в процессе воспитания. Предрассудки такого рода свойственны с соответствующими изменениями людям, имеющим разное общественное положение, разное образование. Во всяком случае, подчеркивает Роуз, этнические предрассудки не врождены и по наследству не передаются. Взаимодействие членов этнических меньшинств с членами господствующей группы, отмечает он, происходят более всего в экономической области. Книга заканчивается сжатым историографическим обзором, причем Роуз, как и Гордон, указывает, что в 1940—1950-е гг. в литературе по этому вопросу преобладал психологический подход.

[3] О социальных и политических чертах американского католичества гораздо подробнее и конкретнее говорится в книге Н. Глейзера и Д. П. Мойнихена «За плавильным котлом» (N. Glazer and D. P. Moynihan. Beyond the Melting Pot. The Negroes, Puerto-Ricans, Jews, Italians and Irish of New York City. Cambridge, Massachusetts, 1963). См. рецензию Ш. А. Богиной на эту книгу в журн. «Сов. этнография», 1966, № 1.

Одной из самых интересных мыслей, которые выдвигаются в рассмотренных выше книгах, является идея общности судьбы, которая определяет степень сплоченности этнической группы и ее самосознание. Это — исторический опыт группы, неразрывно связанный с реальными условиями ее существования в настоящем. Идея общности судьбы наиболее определенно высказана П. Роузом, который ссылается при этом на других авторов.

Достойны внимания усилия упомянутых здесь авторов понять взаимопроникновение классового и этнического начал. М. Гордон попытался даже построить теоретическую систему, чтобы охватить то и другое. Несмотря на все несовершенство анализа классов у этих авторов, такие попытки представляют значительный интерес.

Большинство авторов, о которых идет здесь речь, более или менее согласно с той распространенной в Америке мыслью, что слияния этнических групп там не произошло. Все они считают, что население США разделено ныне по расовому и религиозному признакам. Однако факты, в том числе и приводимые теми же авторами, в эту теорию не укладываются. Старые иммигрантские национальности прошли значительный путь ассимиляции. Разумеется, более поздние иммигрантские группы ассимилировались в меньшей степени. Разделение по религиям основано преимущественно на данных о смешанных браках, чего нельзя признать достаточным. В католическое «субобщество» явно не включены католики-немцы, ни один автор их даже не упоминает, а между тем они составили весьма ощутимую часть немецкой иммиграции. Не вошли в группу католиков и пуэрториканцы, исповедующие католическую религию. Идея иудаистского «субобщества» не выдерживает критики, так как считать евреев религиозной группой нет оснований, пусть даже американская статистика не учитывает их по другому признаку. Идея же протестантского «субобщества» вообще весьма натянута.

Всех авторов упомянутых книг волнуют перспективы этнических отношений в США, все дают те или иные практические рекомендации. М. Гордон, исходя из своей системы структурного плюрализма, опасается этнической разобщенности и усиления этнических предрассудков в американском обществе. Он предостерегает от форсирования ассимиляции и полагает, что интеграция даже при десегрегации маловероятна. Р. Вильямс считает главным способом борьбы с дискриминацией судебные и административно-политические действия и рекомендует совместную деятельность людей, принадлежащих к разным этническим группам. С. М. Липсет заявляет, что с неграми «необходимо обращаться более чем одинаково», т. е. оказывать им предпочтение. Все это свидетельствует о том, что сложные этнические проблемы Америки не только теоретически важны, но и практически насущны.

Ш. А. Богина

НАРОДЫ СССР

И. С. Гурвич. *Этническая история северо-востока Сибири,* «Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР», новая серия, т. 89, М., 1966, 306 стр.

Проблемы этнической истории народов Сибири весьма успешно разрабатываются в нашей отечественной науке. Достаточно сказать, что только в советское время эту область науки обогатили своими фундаментальными исследованиями такие крупные ученые, как С. В. Бахрушин, С. А. Токарев, А. П. Окладников, Б. О. Долгих, С. В. Киселев, Н. Н. Степанов и др.

У считавшихся «внеисторическими» «бесписьменных» и «отсталых» народов Сибири, благодаря неутомимым исследованиям нескольких поколений археологов, этнографов и историков, была открыта своя полная драматизма история, неожиданно оказавшаяся не менее сложной и интересной, чем у иных «цивилизованных» народов. На глазах всего мира сибирские народы после Великой Октябрьской социалистической революции в короткий срок проделали гигантский путь в своем историческом развитии от ранних форм общественных отношений до социализма. Все эти обстоятельства привлекают к новым работам по сибиреведению пристальное внимание и в нашей стране, и за рубежом.

Внимание научной общественности, несомненно, привлечет и недавно вышедший труд И. С. Гурвича, посвященный почти не разработанной проблеме этнической истории северо-восточной Сибири со времени ее включения в состав Русского государства и до наших дней.

Хронологические рамки работы И. С. Гурвича делают ее особенно ценной и актуальной, так как изучение проблем поздней (включая современность) этнической истории нашей страны является одной из первоочередных задач советской этнографии. К сожалению, место, уделяемое такого рода исследованиям в нашей науке, отнюдь не соответствует их теоретической и практической значимости. Что касается поздней этнической истории Севера, то с нею было связано особенно много проблем, требовавших безотлагательного решения. Прежде всего, это были вопросы динамики числен-

ности населения и причин, ее вызывавших, изменений в расселении отдельных народов, их этнокультурных взаимовлияний, роли русских, значения социалистической реконструкции хозяйства и быта для современных этнических процессов.

Сравнительно небольшие по численности народы и этнические группы северо-востока Сибири — юкагиры, эвенки, эвены, северные якуты, чукчи, коряки, ительмены, а также русские старожилы имеют сложную и во многом еще загадочную историю. Проследить их исторические судьбы за последние три столетия — такова была задача нового труда И. С. Гурвича. Указывая на цели своего исследования, Гурвич отмечает вместе с тем, что он считал важным не только установить ход этнических изменений, но и выявить их причины.

Чтобы выполнить поставленные задачи, автору потребовалось проделать очень большую работу, в которой было необходимо сочетать тщательные полевые исследования и кропотливые изыскания в архивах. Им использованы документальные материалы Центрального государственного архива древних актов, Центрального государственного исторического архива, Архива Академии наук СССР, Центрального государственного архива Якутской АССР и других архивохранилищ страны. Основной вид архивных источников, который исследовал автор, это — отписки служилых людей, ясачные книги, донесения о сборе ясака, десятинные книги, материалы переписей, ревизий и т. д. Нельзя при этом не отметить, что полевой материал собирался автором в течение двадцати лет в трудных условиях Арктики на огромном пространстве от бассейнов Оленека и Анабары на западе до Камчатки и Чукотки на востоке.

Книга И. С. Гурвича состоит из четырех глав, каждая из которых освещает соответствующий период в истории народов северо-востока Сибири за последние три века. Первая глава охватывает период присоединения северо-востока к Русскому государству и начальные этапы колонизации этого района (XVII в.); вторая глава посвящена XVIII в. (от петровских реформ и присоединения Камчатки до создания Комиссии по переобложению ясаком народов Сибири); третья глава охватывает весь XIX и начало XX в. вплоть до Великой Октябрьской революции; четвертая глава посвящена советскому периоду. Структура работы, как это подчеркнуто автором, «определена двумя обстоятельствами: с одной стороны, общим ходом исторического процесса на северо-востоке Сибири, с другой — характером документальных отложений» (стр. 7).

И. С. Гурвичу удалось с большой полнотой изучить исторические судьбы народов северо-востока Сибири, вскрыть причины весьма сложных этнических процессов, протекавших здесь в различные исторические периоды. Автор показывает, как за триста лет изменилась этнографическая карта этого района, прослеживает по русским документальным материалам XVII—XIX вв., как одни народы и этнические группы раздробились и уменьшились в численности, как сузилась территория их обитания, и, напротив, как другие возросли и расширили территорию своего расселения.

Этническая история каждого народа рассматривается отдельно в специальных разделах всех четырех глав книги. Этнические процессы иллюстрированы в ней четко выполненными и хорошо сопоставимыми схематическими картами и диаграммами динамики численности населения. В книге впервые введены в научный оборот многочисленные архивные материалы и этнографические факты.

И. С. Гурвич не ставил целью изучить изменения в материальной культуре народов северо-востока Сибири, однако касаясь этнических процессов у этих народов, он отметил и большие сдвиги в их культуре. Заслуживают внимания материалы о сближении культуры ительменов с культурой русских старожилов, о глубоких изменениях в культуре юкагиров.

Позволю себе остановиться на основных выводах автора. И. С. Гурвич на основе тщательного изучения материала приходит к заключению, что за последние три века увеличились в численности и расширили территорию обитания только чукчи и эвены. Автор объясняет это тем, что мирные отношения, элементарный государственный правопорядок, установившийся на северо-востоке после включения его в состав России, позволил этим народам развить в широких масштабах оленеводство — наиболее прогрессивную форму промыслового хозяйства на севере, сделал их экономически более сильными, чем их соседи. В уменьшении численности остальных народов северо-востока, как показывает автор, важнейшую роль сыграли эпидемии, войны, колониальные условия существования

Показательна в этом отношении этническая история юкагиров, которым посвящено значительное место в рассматриваемой работе (стр. 11—24, 66—76, 136—150, 216—224). Шаг за шагом читатель вместе с автором прослеживает трагическую судьбу юкагирского народа. В XVII в. юкагиры — крупный по сибирским масштабам народ — заселяли обширнейшую область от низовьев Лены до р. Анадыря. Но в результате крайне неблагоприятно сложившихся обстоятельств (опустошительные эпидемии оспы, ясачный гнет), уже в XVII в. численность юкагиров начинает катастрофически сокращаться. На территории, занятые поредевшими группами юкагиров, начинают переселяться другие народы. Уже в конце XVII в. русские документы фиксируют переселение тунгусов (эвенков) и ламутов (эвенов) на земли, ранее занятые юкагирами (стр. 24). В последующие столетия этот процесс протекал еще более интенсивно, причем на юкагирские

земли переселяются якуты, чукчи, русские (стр. 67, 73, 76 и др.). Часть юкагиров была ассимилирована пришельцами. Но и та очень небольшая по численности группа юкагиров, которая поныне населяет бассейн р. Колымы и насчитывает всего несколько сот человек, «от самобытной юкагирской культуры сохранила лишь язык и частично фольклор». Более того, И. С. Гурвич убедительно доказывает, что «между этническими группами юкагиров конца XIX в. и середины XVII в. фактически отсутствует прямое соответствие» (стр. 263) и делает вывод: «современные юкагиры представляют собой этнический конгломерат, состоящий из потомков эвенов, якутов, эвенков, русских, в котором первоначальный, собственно юкагирский, этнический субстрат занимает весьма скромное место» (там же).

Весьма сложной и интересной оказалась судьба северных якутов-оленеводов, сложившихся в своеобразную этническую группу лишь в результате ассимиляции северными якутами — переселенцами остатков эвенкийских родов северо-западной Якутии, причем якуты сравнительно быстро восприняли некоторые черты эвенкийской культуры и прежде всего их хозяйство. Образовавшаяся новая этническая группа впитала в себя в XVIII—XIX вв. новые волны переселенцев якутов, объякученных эвенков и даже местных русских старожилов.

В работе И. С. Гурвича впервые прослежена и очень своеобразная судьба русских старожилов северо-востока Сибири. Русские появляются здесь в первой половине XVII в. Авангард русских служилых людей (три отряда — Мангазейский, Енисейский и Томский), насчитывавший всего немногим более ста человек, проник на северо-восток Сибири в 1630 г. (стр. 54). Вслед за служилыми людьми, а иногда и опережая их, на новые места двинулись промышленные и торговые люди, осваивавшие суровый и незнакомый край. Количество русских здесь сравнительно быстро возрастало. Так, уже в 1650 г. только на р. Индигирке оброк уплатили 142 чел. Этими первыми русскими сибиряками на далекой полярной реке были новгородцы, вятичи, устюжане, усольцы, мезенцы, белоозерцы, холмогорцы, пенежане, вымичи, кайгородцы (стр. 55). В новых и непривычных условиях Севера русские восприняли и в известной мере усовершенствовали традиционное хозяйство местного населения, тесно сблизились с ним, но, как правило, сохраняли в большинстве своем язык и культуру. Лишь небольшая группа русских старожилов влилась в состав якутов. Русские старожилы не только оказали огромное прогрессивное и культурное влияние на окружающие народы, но включили в свою этническую среду отдельные группы юкагиров, якутов, ительменов, коряков, оседлых эвенов. Автор делает вполне обоснованный вывод, что «образование особых этнографических групп русских старожилов — результат сложных длительных взаимовлияний и сближения русских переселенцев с коренным населением» (стр. 263).

Автор убедительно показывает, что социалистическая реконструкция хозяйства и быта народов Севера, переход на оседлость в советское время ускорили процессы этнического развития на северо-востоке Сибири. Исследуя современные этнические процессы, И. С. Гурвич приходит к выводу, что ведущей линией развития в новых условиях стало не формирование мелких народностей, а сближение и слияние изолированных в прошлом этнических групп с большими социалистическими нациями — русской и якутской, т. е. процесс национальной консолидации. Автор показывает глубокую прогрессивность этого неодолимого процесса современности.

Основные положения рецензируемой работы солидно аргументированы на широком материале и не вызывают возражений. Особо хотелось бы отметить, что значение данной работы выходит за рамки сибиреведения, так как разработанная автором методика исследования представит интерес для всех, кто занимается этнической историей. Заслуживает внимание и впервые примененный автором метод сопоставимых картосхем для иллюстрации этнических процессов (стр. 302—304). Очень наглядны данные в книге диаграммы изменения численности народов Севера и соотношения численности оленных и пеших групп коряков, чукчей и якутов в период с 1650 по 1960 г.

Работа не лишена полемичности. Так, например, автор выступает (стр. 114—115) против мнения И. С. Вдовина о том, что у чукчей в XVII—XVIII вв. развивалась военная демократия[1]. И. С. Вдовин, в частности, отстаивает положение о том, что чукчи нанесли корякам-оленеводам в XVIII в. ощутимый урон, благодаря более высокой социальной организации, наличию предводителей-военачальников. И. С. Гурвич, возражая И. С. Вдовину, указывает на существование военных предводителей и у коряков, и на то, что в чукотском обществе, по свидетельству источников, ни в XVIII в., ни позднее не обнаружено даже следов военной демократии. Причину же побед чукчей над коряками И. С. Гурвич не без основания видит в конкретной исторической обстановке, сложившейся в Камчатско-Чукотском крае в XVIII в., в частности, в характере взаимоотношений русских с чукчами и коряками (стр. 115—116), а не в особенностях социального строя чукчей.

Не в пример некоторым этнографам, да и не только этнографам, писавшим в сравнительно недавнем прошлом о значении колониальной политики царизма для народов

[1] И. С. Вдовин, К истории общественного строя чукчей, «Уч. записки ЛГУ, Факультет народов Севера», № 115, вып 1, 1950, стр. 94—95.

Сибири, И. С. Гурвич не делает попыток обелить царизм в этой сфере его деятельности, не скрывает, например того, что одной из причин значительного сокращения численности ряда народов Сибири в XVII—XVIII вв. (коряки, камчадалы) была колониальная политика русского царизма.

К сожалению, И. С. Гурвич не выявил, на наш взгляд, специфику колониальной политики царизма на северо-востоке Сибири, отличавшуюся от этой политики в некоторых других районах Сибири.

Яркие факты, приводимые автором о сравнительно быстрых и глубоких изменениях в этно-культурных особенностях народов вплоть до почти полной смены культуры в результате ее заимствования от других этнических групп, имеют значение далеко выходящее за рамки сибиреведения. Эти наблюдения И. С. Гурвича еще раз напоминают археологам и этнографам о необходимости осторожного и критического отношения к реконструкции исчезнувшей культуры того или другого народа по сохранившимся до наших дней реликтам. Как показывают материалы И. С. Гурвича, эти реликты могут отражать не древнюю культуру данного народа, а сравнительно поздние заимствования.

Вместе с тем вряд ли оправдано то, что во введении к работе не даны пусть даже в самой краткой форме сведения об этнической истории народов северо-востока Сибири до включения этой территории в Русское государство. Это было бы тем более оправдано, что автор в ряде разделов затрагивает проблемы этнической истории некоторых народов Севера до XVII в. В частности, автор приводит интересные собранные им лично данные о древних поселениях оседлых рыболовов на Индигирке (стр. 13), говорит о территории, занятой юкагирами в XV—XVI вв. (стр. 14) и др. Но ни своей точки зрения, ни хотя бы сводки имеющихся воззрений на этнические процессы, происходившие на северо-востоке до прихода русских, автор не дает. Именно это обстоятельство, вероятно, помешало автору четко сформулировать, в чем же было принципиальное различие хода этнической истории на рассматриваемой территории до и после ее включения в состав России. Здесь же во введении следовало бы сказать, что процесс сокращения обширного ареала, занятого юкагирами, и уменьшения их численности не начался с приходом русских, а шел весьма интенсивно и задолго до XVII в. Вытеснение юкагиров с занятых ими земель было результатом продвижения тунгусов, которые, будучи оленеводами и владея железом, по уровню хозяйственно-культурного и общественного развития стояли выше юкагиров — неолитических охотников и рыболовов, лишь начинавших осваивать оленеводство и обработку металла. Автор, хотя и считает, что юкагиры до прихода русских знали железо, все же вынужден признать, что они пользовались преимущественно каменными и костяными орудиями (стр. 17).

Работа бы выиграла, если бы в ней специально был рассмотрен вопрос об общественном строе народов Севера к приходу русских. Умело анализируя самые различные факторы, влиявшие на ход этнического развития, автор недостаточно учел, на наш взгляд, взаимосвязь уровня общественного развития отдельных народов и этнических процессов, в особенности в период прихода русских. Несомненно, что наряду с прочими неблагоприятными факторами (эпидемии и др.), на судьбе юкагиров, камчадалов и некоторых других народов сказался их низкий уровень общественного развития по сравнению с соседями.

Жаль, что интересная дискуссия по проблемам этнического состава северо-востока, развернувшаяся на страницах центрального органа советских этнографов[2], в которой принимал участие и сам автор рецензируемой книги, отражена в ней лишь в примечании (стр. 233, примеч. 92), где даны указания на полемические статьи ученых, выступавших по этому вопросу.

Встречаются (впрочем очень редко) в книге отдельные нечеткие формулировки и неточности. Но здесь нет надобности останавливаться на мелких недостатках, не снижающих в целом высокий научный уровень рецензируемой работы. Хочется отметить главное — советская наука обогатилась ценным историко-этнографическим исследованием. Труд И. С. Гурвича представит интерес для всех, кто занимается этническими процессами, а исследователям истории и этнографии Сибири даст ответ на многие волнующие их проблемы.

С. И. Вайнштейн

---

[2] «Сов. этнография», 1950, № 4; 1951, № 1; 1952, № 2.

Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв. Архивные материалы. Составление, предисловие и примечания Х.-М. Хашаева. М., 1965, 280 стр.

Обычное право (адат) в течение многих веков господствовало во всех сферах частного и общественного быта горцев и являлось в Дагестане действующим источником права вплоть до установления Советской власти. Архаичные, консервативные нормы адата, или, как их принято в литературе называть, адаты, сковывали духовную жизнь народа и тормозили рост его самосознания. В то же время они служили верным, хотя и в большинстве своем замаскированным, орудием угнетения народа.

Адаты имеют значение ценных, порой незаменимых источников для изучения прошлого дагестанских народов. Возникшие еще в недрах родового строя и изменившиеся в процессе феодализации горского общества, адаты позволяют воссоздать картину социально-экономической жизни и административного быта. Нормы обычного права дают также возможность осветить многие стороны процесса зарождения форм государственности и развития правовых воззрений и институтов.

На необходимость усиления работы по выявлению и публикации материалов обычного права народов Северного Кавказа уже обращалось внимание[1]. Известно, что в прошлом столетии были изданы сборники адатов почти всех округов Дагестана. Они были составлены по заданию русской администрации на Кавказе в 1840—1860 гг. и предназначались для нужд судебной практики, что значительно суживает их значение для изучения социально-экономических отношений. В большинстве дореволюционных записей древние адаты не отграничены от позднейших, не сделана попытка хотя бы приблизительно их датировать.

Все это дает нам основание признать весьма актуальной и ценной публикацию материалов обычного права Дагестана. Составитель рецензируемого труда Х.-М. Хашаев ранее опубликовал два судебника XVII в.— Кодекс Умму-хана аварского (Справедливого) и Гидатлинские адаты[2]. Оба эти памятника уже давно широко используются во многих трудах по истории Дагестана.

Материалы, вошедшие в рецензируемый сборник, снабжены предисловием и примечаниями составителя. Переводы большинства сводов адатов с арабского на русский язык осуществлены известным дагестанским арабистом М. С. Саидовым.

Весьма важным достоинством сборника следует признать то, что вместе с переводами в нем имеются и фотокопии с подлинников. Это предоставляет ученым возможность углубленного текстологического исследования.

Наряду с материалами собственно обычного права, в сборник включены архивные сведения, касающиеся обычного права в широком смысле, употребляемом в русской этнографической литературе. В это широкое понятие входили все общественные формы и отношения, получившие отражение в обычае нормативного характера, пережиточно сохранившемся и действовавшим в условиях классового строя[3]. Здесь мы находим данные для характеристики различных сторон социально-экономической жизни и политического устройства Акушинского союза сельских обществ Кайтага, союзов сельских обществ и феодальных владений южного Дагестана — Рутула, Ахты, Табасарана, Кюринского ханства.

Привлекают внимание впервые публикуемые адаты о браке и семье аварцев XIX — начала XX в., собранные и записанные в 1946 г. народным поэтом Дагестана Гамзатом Цадаса — знатоком быта народа, его традиций и обычаев.

Большое научное значение имеет «Свод решений Андалальского союза вольных обществ», датируемый Х.-М. Хашаевым предположительно XVII в. Ценность этих материалов определяется прежде всего тем, что союзы так называемых вольных обществ Дагестана изучены недостаточно, особенно в период XVI—XVII вв., вообще мало представленный письменными источниками. Андалальские адаты, характеризующие организацию общинного хозяйственного и административного быта, содержат в то же время много сведений по вопросам классовой борьбы и сохранения независимости от соседних централизованных феодальных образований.

Примерно XVII—XVIII вв. датирует Х.-М. Хашаев адаты келебских селений Аварии. Сельские общества — джамааты, входившие в состав союза вольных обществ и феодальных владений, на протяжении всей истории сохраняли значительную самостоятельность в решении своих внутренних вопросов, что обусловило создание довольно развитых форм самоуправления. Адаты келебских селений содержат много постановлений, определяющих структуру сельской администрации, номенклатуру должностных лиц сельского управления, объем и разграничение их функций. Большое внимание уделяется ответственности за причинение телесных повреждений. Подробно разработанный тариф композиций, характерный для феодального права, представляет несомненный интерес для изучения истории уголовного права народов Дагестана.

В келебских адатах, равно как и в нормах обычного права Андалала, мы находим сведения о наказуемости приготовительных к преступлению действий, покушения на преступления, об ответственности соучастников и укрывателей преступления, что опровергает широко распространенные взгляды об уровне правового развития дагестанских народов. Многие исследователи, и в том числе М. М. Ковалевский, исходя из своей концепции господства родового быта в Дагестане вплоть до XIX в., считали, что в Дагестане в преступлении видели только вред, нанесенный кровнородственному

[1] В. К. Гарданов, Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII — начале XIX в., «Сов. этнография», 1960, № 5, стр. 13.

[2] Х.-М. Хашаев, Кодекс законов Умму-хана аварского (Справедливого), М., 1948; Х.-М. Хашаев, М. С. Саидов, Гидатлинские адаты, Махачкала, 1959.

[3] См. М. О. Косвен, Этнография и история Кавказа, М., 1962, стр. 231.

коллективу и в соответствии с этим не различали ни стадий, ни соучастников преступления. Большинство исследователей полагало, что преследование преступников являлось лишь делом потерпевшего или его родственников. Сборник келебских адатов содержит сведения о наказуемости воровства, что также свидетельствует об ошибочности широко распространенных в дореволюционной литературе взглядов, будто воровство у кавказских горцев не считалось преступлением вплоть до XIX в.

Большое познавательное значение имеют решения и адаты Цекубского сельского общества, позволяющие воссоздать быт общины, организацию сельского управления, правовое положение общинника. Все многочисленные адаты Цекубского сельского общества регламентируют поведение людей. Эти адаты, как указывается в тексте, являются основными, а кроме них имелись еще «мелкие адаты», которые исполнялись по усмотрению старейшин.

В Цекубском сельском обществе, как видно из материалов, значительная роль в общественной жизни принадлежала тухумам. Родовые связи и обязанности (например, защиты члена рода) были еще достаточно крепки. Не случайно в Цекубском обществе была установлена юридическая обязанность тухума отвечать своим имуществом за правонарушение одного из своих членов.

Как мы уже отмечали, царской администрацией на Кавказе в свое время были опубликованы сборники адатов округов Дагестана. Исключение составил Андийский округ, адаты которого были подготовлены к изданию в 1910 г., но так и остались в рукописи. Адаты Андийского округа, включавшего современные Гумбетовский, Ботлихский, Цумадинский, Ахвахский и Цунтинский районы, описаны весьма обстоятельно и охватывают широкий круг правоотношений. Эти адаты дают возможность проследить изменения в нормах права и организации суда под влиянием русского законодательства и уголовно-правовой политики царизма.

Представляет большой интерес и сборник адатов шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского, в котором, наряду с нормами уголовного права и процесса, включены и нормы, регулирующие гражданско-правовые отношения, в том числе вопросы семейного и наследственного права. Этот сборник, составленный в Дагестанском народном суде в 60-х годах XIX в., извлечен нами из Грузинского архива и передан Х.-М. Хашаеву, у которого находился список шамхальских адатов на арабском языке, переписанный в 1900 г. в медресе сел. Кумторкала.

И, наконец, надо отметить помещенный в сборнике Кодекс законов Умму-хана аварского (Справедливого). Перевод его с арабского на русский язык принадлежит Г. Цадаса. Публикацию этого кодекса XVII в. следует приветствовать, ибо хотя он и был, как уже отмечалось, издан в 1948 г., но успел стать библиографической редкостью.

Таким образом, сборник «Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв.» вводит в научный оборот много ценных правовых и историко-этнографических материалов и поэтому является весьма полезным источником для изучения обычного права Дагестана.

Нам думается, что учитывая состояние научной разработки обычного права, сборник следовало бы снабдить бо́льшим числом примечаний, а в некоторых случаях дать более расширенный комментарий. Необходимо было, на наш взгляд, высказать соображения, на основании которых составителем дана предположительная датировка публикуемых памятников.

В изучении обычного права Дагестана сделаны только первые шаги. Предстоят еще углубленные исследования замечательных историко-правовых памятников XVII в., анализ всей правовой системы горцев, подробное освещение основных понятий и институтов права. Такие исследования будут иметь значение не только для общей истории Дагестана, но и для науки истории государства и права народов СССР.

Высоко оценивая издание сборника «Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв.», хочется пожелать исследователям и в их числе Х.-М. Хашаеву успешного продолжения полезной и необходимой работы по выявлению и изданию материалов обычного права Дагестана.

А. С. Омаров

НАРОДЫ АФРИКИ

Z. Ligers. *Les Sorko (Bozo) Maîtres du Niger.* Etude ethnographique.

Ouvrage publié avec le concours du Centre National de la Recherche Scientifique. Paris, 1964, т. I—XVI+199 стр., 16 стр. илл., 1966; т. II—XVI+205 стр., 16 стр. илл.

Исследование З. Лигерса — результат более десятилетней работы автора по изучению народа сорко, рыболовов, живущих на берегах р. Нигер в его среднем течении. З. Лигерс имел возможность работать на борту «Манного» — плавучей экспедиционной лаборатории Института Французской Черной Африки[1] — и непосредственно на-

[1] Ныне этот институт входит в состав Дакарского университета под названием Фундаментального Института Черной Африки.

блюдать жизнь сорко. Книга его интересна не только специалистам-этнографам, языковедам и археологам, занимающимся историей культуры народов Западного Судана, но и лицам, изучающим историю религий и религиозных воззрений на ранних стадиях развития общества. З. Лигерс, благодаря хорошему знанию языка сорко, глубоко ознакомился с обычаями и обрядами этого малоизученного народа. Большую ценность представляют приведенные в книге тексты на языке сорко, которые подтверждают наблюдения автора и дают возможность понять психологию этого народа, уяснить его верования и магические обряды. К сожалению, надо признать, что огромное большинство современных этнографических работ пишется обычно на основании кратковременных поездок и двух — трехмесячного, иногда одногодичного, пребывания в стране. Поэтому так редки книги, подобные исследованию З. Лигерса. Здесь читатель найдет сведения о поверьях, о которых ни один из местных жителей не станет говорить приезжему и малознакомому человеку. Несомненно, что книга З. Лигерса, равно как и исследования его учителя Марселя Гриоля о масках догонов, принадлежит к числу наиболее выдающихся работ нашего времени по этнографии народов Африки.

Двухтомное исследование З. Лигерса содержит чрезвычайно обстоятельную и подробную характеристику собирательства, охоты и рыбной ловли у сорко. Так например, описание охоты начинается с рассказа о том, что мальчиков обучают приемам и навыкам охоты с раннего возраста. Далее рассматриваются способы, применяемые при охоте на антилоп, слонов, бегемотов, носорогов и т. д. Особо описывается подготовка и организация коллективной охоты, все обряды, связанные с нею, дележ добычи, празднества и пляски масок по окончании ее и многое другое. Так же обстоятельно рассказывается о всех видах собирательства дикорастущих зерновых, корнеплодов, различного типа водорослей и т. п. Весь второй том посвящен описанию приемов рыболовства: ловле рыбы сетями, в запрудах и, прежде всего, охоте на крупную рыбу с гарпуном. Гарпун в жизни сорко играет исключительную роль. Это не только орудие рыбной ловли, но и охоты на антилоп, львов и других животных саванны.

Сорко обитают в долине среднего течения Нигера и занимаются рыболовством в средней его дельте, в бесчисленных протоках и рукавах ее, а также на озерах Дебо, Фагибин и многих других. Вся жизнь этого народа связана с Нигером, этой «великой рекой», Иса Бер, как называют ее сонгаи (основное земледельческое население, среди которого живут сорко). «Нет ничего лучше вещей, которые приносит вода»,— говорит пословица сорко; «Сорко живут рыбой»,— гласит другая поговорка; «Хорошо быть сорко: если у тебя нет ничего, ты питаешься рыбой».

Несмотря на то, что за последние годы появилось немало работ, посвященных изучению языка и жизни сорко, многие стороны жизни этого народа и их язык остаются малоизвестными. Так, до сих пор встречаются утверждения, что сорко представляют собою всего лишь касту рыбаков, живущих среди сонгаев. По сообщению А. Проста, сорко составляют две группы: одну, собственно сорко и другую — сомоно, причем первая охотится на гиппопотамов, вторая воздерживается от этой охоты. Первые считаются потомками легендарного героя Фаран Бера, вторые — его противника Фоно [2].

В действительности следует различать два народа — сомоно и сорко. Сомоно представляют собой группу племен, живущих среди земледельческого населения бамбара в районе долины Нигера от Бамако и Куликоро вплоть до Сегу, Дженне и Сансандинга и района Масины. Сомоно говорят на диалектах, близких языку бамбара. Сорко же живут восточнее — по берегам Нигера от Дженне и Мопти к северу в районе Гундама, Ньяфунке, у оз. Дебо и дальше к востоку у Томбукту вплоть до Гао и Тилларбери. Сорко, или точнее сорого [3], говорят на языке, близком языку сонинке.

Много неясностей вносит употребление этнонима бозо, которым называют как сорко, так и сомоно. По сообщению Ж. Даже, оно было дано рыбакам Нигера вне зависимости от их этнической принадлежности, вследствие неопрятности их поселений и представляет собою всего лишь презрительное название. Некоторые группы рыболовов, как сомоно, так и сорко, говорят также на языках своих соседей — земледельцев бамбара и сонгаи. Так в текстах, записанных З. Лигерсом, немало слов из языка сонгаи, что вполне понятно, так как в районе озера Дебо, где он работал, очень сказывается влияние культуры этого народа.

Рассматривать сорко только как касту рыбыловов в среде сонгаев нельзя. Это особый народ, внутри которого существуют свои социальные слои или касты. Так, судя по записям Лигерса, отдельные группы сородичей (большие семьи или родовые группы — неясно), имеют свои дьяму, т. е. родовые названия. Некоторые из этих дьяму, например Тьента, считаются знатью, другие, как Паронда или Лонди — относятся к числу гриотов (певцов) и соответственно их признают низшей кастой.

В исследовании З. Лигерса упоминаются еще две этнические группы: первую из них сорко называют комо, что автор переводит — captifs de pêche, вторую — комбе или captifs cultivateurs. Первая группа не что иное, как сомоно,— так, замечает автор, их

---

[2] A. Prost, La langue Sohay, Dakar, 1964, словарь, слово *Sorko.*

[3] Самоназвание сорко — *сорого,* множ. число — *сорогойе.*

называют бамбара. Вторая группа — это римайбе (ед. число димадьо), т. е. земледельцы, издавна находившиеся в подчинении у фульбе. Так как Лигерс в своей работе не останавливается на проблемах общественного строя, неясно, в чем выражается зависимость этих групп населения от свободных.

В предисловии к I тому своего исследования З. Лигерс пишет: «Живя вдали от света в своих рыбачьих поселках, они (т. е. сорко) до наших дней сохранили язык, слова которого происходят от древнеегипетского, на котором говорили 5 тыс. лет тому назад». В данном случае автор, по-видимому, следует взглядам, высказанным известной французской ученой Луизой Омбюрже, которая в свое время обосновывала теорию происхождения всех африканских языков из коптского и древнеегипетского. Теория эта не получила признания, и не могла быть доказана вследствие ошибочной постановки проблемы. Соотношение языка Древнего Египта и современных африканских языков нельзя сравнивать с взаимоотношениями романских языков и латинского. Оставляя в стороне языковые проблемы, могу все же сказать, что автор несомненно прав, отмечая известное сходство некоторых черт культуры населения древнейшего Египта с культурой рыболовов Нигера. Несколько лет назад египетские археологи нашли около одной из больших пирамид в Гизе заупокойную ладью фараона эпохи Древнего Царства — Хуфу. Благодаря любезности египетских коллег я имел возможность ее рассмотреть. Ладья эта была найдена в разобранном виде. Когда ее удалось наконец собрать, (а это было довольно сложно), оказалось, что она была сделана из досок, или точнее, планок, обтесанных вручную и плотно пригнанных друг к другу. Вся ладья была сшита растительными волокнами, так же, как и лодки, которые я видел на Нигере около Томбукту. Эти лодки, называемые сонгайцами та-хи, т. е. «сшитыми лодками», живо напомнили мне ладью Хуфу. Лодки такого же типа существовали и в Восточной Африке. Несомненно, как лодки на оз. Виктория Ньянза, так и сшитые лодки сорко — архаизм, однако видеть в них следы влияния Древнего Египта было бы неосновательно. В обоих случаях перед нами черты культуры древнейшего населения, обитавшего много тысяч лет назад на берегах великих африканских рек. Это такой же реликт, как и лодки, связанные из стеблей папируса, которые известны нам по изображениям на стенах египетских заупокойных храмов и гробниц эпохи Древнего Царства и которые бытуют до наших дней у народов верховьев Нила и оз. Чад. Как египтологам, так и археологам будет небезынтересно прочесть в книге З. Лигерса о различных способах охоты с гарпуном. У сорко существует множество разных типов гарпунов, предназначенных для охоты и рыбной ловли. Сорко, как это видно по их преданиям и обрядам, обожествляют это орудие. Они относятся к нему с особым почтением и даже устраивают в некоторых случаях похороны гарпуна, обертывая его в саван, как человека. Во время охоты сорко, метнувший гарпун в рыбу или гиппопотама, при удачном попадании воздает хвалу своему орудию. В сказаниях о предках, научивших сорко приемам рыболовства и охоты, гарпун предстает как живое существо: он обращается к охотнику с речью и дает ему советы. Невольно вспоминаются тексты, рассказывающие о временах, предшествовавших образованию древнеегипетского государства — предания о Спутниках Гора Šmsw Hr и гарпунщиках mśn-tjw. Очевидно, и в жизни древних рыболовов долины Нила гарпун играл большую роль.

В работах, посвященных истории культуры Западного Судана, этнографы и историки нередко обращают внимание на взаимоотношения скотоводческих и земледельческих племен, которые оказали большое влияние на историю народов этой части Африки. По всей полосе Сахеля издавна существовал обмен между племенами скотоводов, приносящими земледельцам соль, скот и кожи в обмен на продукты земледелия (зерно, овощи), ткани и т. д. Однако в Судане немалое значение имели и рыболовы, как видно из работы З. Лигерса. Рыболовы составляли древнейшее население речных долин Нигера, Бани и других его притоков. Между племенами рыболовов и земледельцами существовало тоже определенное разделение труда. Рыболовы поставляли рыбу земледельцам Судана, а те в свою очередь снабжали их солью, зерном, земляными орехами и т. п. В высшей степени интересны сказания сорко, сообщенные нам З. Лигерсом. Во многих из них мы видим отзвуки борьбы рыболовов, отстаивающих свои права на рыболовные угодья. Во всех сказаниях сорко неизменно выходят победителями и заставляют своих соседей-земледельцев — бамбара, бобо, догонов и других признать свое исключительное право на рыболовство. Прочно установившееся разделение труда существует и среди самих сорко: мужчины ловят рыбу, женщины ее обрабатывают — сушат, коптят и жарят. До наших дней рыба из района оз. Дебо поступает на продажу в Мопти, откуда ее экспортируют на юг — в Гану, на Берег Слоновой Кости. Немалое значение имеют различного рода перекупщики, закупающие рыбу у сорко в их поселениях и перепродающие ее в городе.

В данной рецензии нет возможности отметить все то новое, что открывает нам исследование З. Лигерса. Описание рыбной ловли, организации охоты, способов собирания лотосов, дикого риса, злака бургу, дикого проса, разного вида ягод и плодов — все это сопровождается рассказами об обрядах, которые должны совершаться перед началом всех этих действий и по возвращении в поселение. В книге приводится множество легенд о знаменитых охотниках прошлого, о героях, научивших людей охоте

с гарпуном, различным способам ловли рыбы запрудами и вершами и т. д. и т. п. Замечательны легенды о соревновании волшебников сорко с колдунами соседних народов, в которых первые всегда одолевают своих противников. Среди этих сказаний очень любопытен рассказ о посещении волшебниками сорко подземных миров, в котором отразились космогонические представления этого народа. Любопытно, что в одной из исторических легенд о происхождении сорко их родиной считается страна Манде, откуда они приходят к скалам Ансонго, где, по преданиям, как известно, находилась прародина сорко и габиби — предков сонгаев.

Наблюдения З. Лигерса и все его записи относятся ко второй половине 1950-х годов. Может показаться удивительным, что до наших дней все производственные процессы, связанные с охотой и рыболовством, окутаны поверьями. З. Лигерс рассказывает о «владыках воды» (джиту) и «владыках охоты» (последних он лично знал), которые, по мнению всех своих сородичей, могут превращаться в животных по своему желанию. Перед началом охоты эти люди выполняют обряды, цель которых — «схватить рот леса», т. е. закрыть пасть хищникам и обезвредить их. Совершив этот обряд, «владыка охоты» «открывает лес», говоря: «входите». Охотники размещаются всегда в строго определенном порядке: на флангах — его ближайшие родственники, которые руководят своими отрядами, а в центре остается он сам и при нем находится сын его сестры. Именно сын сестры является его помощником и наследником. Несмотря на патрилинейный счет родства, родство по линии матери проявляется во многих обрядах. Так при разделе дичи лучшие части получают сначала дядя со стороны матери, а затем глава деревни. Перед отправлением на охоту, прежде чем садиться в лодки, чтобы плыть к лесу, «владыка охоты» посылает гонца к своей сестре, именуемой Санде, которая одна имеет право дать окончательное согласие на охоту. О решении Санде объявляют охотникам, которые лишь затем рассаживаются по лодкам. Роль женщин сказывается также в некоторых своеобразных обычаях. Так при охоте на слонов мужчины одевают женскую одежду, и мн. др.

В высшей степени интересно сообщение З Лигерса о порядках, существующих еще до сих пор в деревне Нухун, которая считается как бы центром древней культуры сорко. Здесь сохранились обычаи подлинного матриархата. Женщина держит в своих руках бразды правления, руководя не только всеми домашними работами, но и рыбной ловлей. Мужчина должен просить ее разрешения во всех делах, касающихся охоты и рыболовства. Она решает все.

Как и у многих других народов, во время охоты запрещается называть животное его настоящим именем. Так про слона говорят — «ухо большое», «животное большое». Охотничий нож *наму* называют *дав* и т. д. Назвать гарпун — гарпуном или гиппопотама — гиппопотамом означает навлечь на себя несчастье.

Исследование Лигерса — безусловно, выдающееся событие в изучении культуры народов Африки. Следует пожелать, чтобы он продолжил свои этюды и дал не только описание производственной деятельности сорко, но и их общественного устройства, поселений, жилищ, способов постройки лодок и т. д. Но и того, что уже сделано, достаточно, чтобы признать этот труд самым основательным из всего того, что было написано о сорогойе.

Хотелось бы, однако, чтобы в следующих выпусках были сделаны некоторые разъяснения. Так, нигде не говорится о том, как следует читать сокращения названий диалектов, и можно только догадываться об их полной форме[4]. Недостатком книги является также отсутствие сведений о принятой транскрипции. Поэтому неясно, как следует произносить некоторые сочетания букв: сохраняют ли они звучания французских букв или автор применяет какую-либо иную транскрипцию.

Д А. Ольдерогге

[4] Очевидно, автор пользуется сокращениями, принятыми в работе: J. Daget, M. Kenipo, M. Sanankoua, La Langue Bozo. Etudes Soudaniennes, 1953 (Institut Francais de l'Afrique Noire, Soudan).

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Colin Henfrey. *Through Indian Eyes. A journey among the tribes of Guiana.* New York, 1965, 286 стр.

На самолете и в автомобиле, на лодке и пешком двигался из одной индейской деревни в другую молодой английский этнограф Колин Хенфри. Он стремился узнать современную жизнь 23 тыс. индейцев Британской Гвианы, определить место этой горстки людей среди ее более чем полумиллионного населения, взглянуть на современный мир глазами индейцев.

О буднях и праздниках индейцев акавайо, арекуна, патамона, вапишана, макуши и других, об их частых горестях и гораздо более редких радостях Хенфри рассказал

в книге «Глазами индейцев». Индейцы для него не просто объект исследования, а близкие и дальние друзья, каждый из которых имеет свою индивидуальность, свой характер, но перед которыми стоят общие трудности, общие проблемы. Они объединены стремлением найти свое место в мире современной цивилизации.

Первой из посещенных Хенфри индейских деревень стала Ореалла. Она расположена на берегу реки Корентайн недалеко от области, где сосредоточено неиндейское население Гвианы. Ореаллу основали в начале XX в. английские миссионеры, а в 1960-х гг. она стала самым крупным индейским поселением Британской Гвианы, насчитывавшим около 1000 жителей — араваков и варрау. Они занимали отдельные кварталы. Браки между араваками и варрау были очень редки. У варрау, по свидетельству К. Хенфри, традиционная культура сохранилась в большей степени, чем у араваков. У последних же сильно чувствуется влияние «западной культуры». Почти вся молодежь и среднее поколение часть года работают на расположенных недалеко от Ореаллы лесопилках. В это время индейцы живут не в своем селении, а в лагерях лесорубов. Приезжая в селение, они не хотят участвовать в традиционных формах общинной взаимопомощи — помочах, практикующихся при расчистке леса, постройке дома и т. п. Старый аравак Адольфус рассказал К. Хенфри: «молодым не нравится эта работа... Они говорят, что это обычай стариков. Когда молодые приезжают домой, они только развлекаются, пьют пиво, покупают рубашки, немного дерутся и снова уезжают. Они совсем не беспокоятся о своем селении. Так что же можем поделать мы, старики» (стр. 53).

На основании собственных наблюдений и рассказов информаторов К. Хенфри приходит к выводу, что обычаи общинной взаимопомощи отмирают у индейцев Ореаллы и в других посещенных К. Хенфри индейских общинах Гвианы.

Одновременно с этим идет процесс разложения традиционных социальных коллективов. В прошлом для большинства индейцев Гвианы были характерны большие материнские семьи. Замужние дочери жили вместе с родителями и вели общее хозяйство. Такие семейные общины существовали у некоторых племен Гвианы (акавайо, патамона и др.) еще 10—15 лет назад, теперь они встречаются лишь изредка или в наиболее отдаленных селениях (например, в селении Амакопай на р. Кукуй, где живут индейцы акавайо). В большинстве же индейских селений основной социальной единицей становится малая семья.

Быстро меняется и материальная культура. Традиционные круглые общинные жилища уступают место домам для одной семьи. Но чтобы построить сколько-нибудь хороший дом европейского типа, у индейцев не хватает денег и поэтому, по свидетельству автора рецензируемой книги, почти все новые дома стоят недостроенные, а их хозяева, ютятся около них в шалашах или полуразрушенных остатках старых жилищ. В одежде набедренные повязки сменились гораздо менее гигиеничной европейской одеждой самого низкого качества. На лучшую нет денег.

Как подчеркивает на протяжении всей книги К. Хенфри, индейцы подвергаются эксплуатации и испытывают притеснения и со стороны светских предпринимателей, и со стороны миссионеров, особенно американских. В лесной зоне владельцы лесопилок систематически обсчитывают индейцев-лесорубов. Индейцы же из-за своей, как пишет К. Хенфри, застенчивости (стр. 65) редко жалуются. Но они понимают, что их обманывают и чувствуют себя обиженными и несчастными. В зоне саванны Рупунуни, где живут 6 тыс. макуши и вапишана, в течение XX в. колонисты-скотоводы, объединившиеся в Компанию по развитию Рупунуни, захватили около 4 тыс. кв. миль земель, прежде фактически принадлежавших индейцам. На долю последних остались 3 маленькие резервации, общей площадью около 500 кв. миль, т. е. в 8 раз меньше, чем у белых колонистов, и это при том, что макуши и вапишана составляют $^9/_{10}$ населения саванны Рупунуни.

От земледелия индейцам пришлось в значительной мере отказаться из-за нехватки земли; по этой же причине у них нет возможности развивать в сколько-нибудь существенных размерах скотоводство, не говоря уже о том, что лишь в исключительных случаях у индейца есть деньги на покупку скота.

Единственное, что им остается — это работа по найму у белых скотоводов, но потребность последних в рабочей силе невелика. Часть индейцев уезжает на несколько месяцев в близлежащие лесные районы и собирает балату для Компании балаты Британской Гвианы. За эту работу компания платит индейцу-сборщику менее половины того, что за такую же работу получает индеец в Бразилии или Суринаме (стр. 198). В результате, по данным К. Хенфри, индейцы, уйдя из деревни на заработки, возвращаются зачастую без денег. Автор пишет, что индейцы саванны «страдают от чувства отчаяния» и называет их «обездоленными людьми» (стр. 183). Пожалуй, еще более безысходно положение индейцев в глубинных районах, где миссионеры пользуются почти бесконтрольной властью над индейцами. Так например, автор подробно описывает положение в деревне патамона Парамакатой, где действует американский миссионер из секты Святых пилитримов. У него прекрасный дом с ангаром и личным самолетом. Роскошная жизнь миссионера вызывает у индейцев чувство собственной приниженности. Под воздействием миссионеров индейцы селения Парама-

катой отказались от круглых домов, каждый из которых еще в 1950 г. занимало материнское домохозяйство, и стали строить дома европейского типа с деревянными стенами: но ни у одного индейца в деревне не хватило денег на покупку гвоздей, без которых нельзя построить такой дом. Недостроенные новые дома стоят пустыми, а патамона ютятся в развалинах старых домов. Они их не чинят, так как миссионеры приучили индейцев стыдиться традиционной культуры.

Стремясь походить на белых, все патамона хотят иметь европейскую одежду. Миссионеры пользуются этим и платят своим подопечным за работу на себя не деньгами, а старой американской одеждой, которая рвется как только ее оденешь. Лишь в конце 1950-х гг. правительство Джагана заставило миссионеров оплачивать деньгами работу индейцев. И теперь индейцы патамона получают от американского миссионера за день работы 1 доллар — в три раза меньше установленного законами Британской Гвианы минимума зарплаты. В то же время съестные припасы и другие товары продаются в миссионерской лавке по ценам, вдвое более высоким, чем в других местах (стр. 152—153). В результате хозяйничанья американских миссионеров положение патамона стало трагическим.

За последние 10 лет миссионеры собрали в Парамакатой около 500 индейцев, в несколько раз больше, чем здесь жило до 1950 г. Возник земельный голод, дичь вокруг деревни выбита, а уезжать из деревни на заработки миссионеры запрещают, грозя небесными карами. В результате все последние годы население деревни голодает. Тяжесть положения усугубляется тем, что (опять же в результате деятельности миссии) за последние 10 лет были разрушены материнские домохозяйства и вообще вся родственная структура общины со связанными с ней обычаями коллективного труда и взаимопомощи. Не лучше пилигримов и миссионеры других американских сект. Так, К. Хенфри с возмущением пишет об адвентистах седьмого дня, активно действующих среди акавайо и некоторых групп патамона. Они объявили греховным и запретили употребление традиционного напитка кашири, мяса диких свиней, бесчешуйчатых рыб и т. п. В результате питание индейцев, подпавших под влияние адвентистов, значительно ухудшилось. А американские миссионеры, проповедовавшие в 1950-х г. среди индейцев ваи-ваи, приобщали последних к христианству с помощью плетки (стр. 104).

Реакцией акавайо, патамона и некоторых других племен Гвианы на свое безысходное положение явилось возникновение мессианистского культа аллилуйя. Впервые он был подробно изучен А. Батом и проанализирован в большой статье «Рождение религии», опубликованной в 1960 г. Но на наш взгляд, тот анализ этого культа, который проделал К. Хенфри в рецензируемой книге, значительно глубже вскрывает социальные корни мессианизма в Гвиане и связанные с ним надежды и чаяния индейцев. К. Хенфри считает, что мессианизм у индейцев Гвианы возникает как реакция на притеснения со стороны белых колонизаторов. Это,— указывает он,— не регрессивное движение, а движение, отражающее стремление индейцев Гвианы найти свое место в мире, где господствуют белые. Они просят бога дать им собственные земли, свободу, богатство и безопасность. В последние годы культ аллилуйя постепенно сходит на нет. Приверженцы его уже потеряли надежду, что бог даст им счастье на земле и теперь уповают на счастье на небе.

В книге Хенфри поднимается много других интересных вопросов.

Остановимся только на одном из них. Хенфри довольно подробно рассказывает, как политики из наиболее реакционной гвианской партии «Объединенные силы» использовали индейцев в предвыборной борьбе против партии Джагана. Они внушали индейцам, что Народно-прогрессивная партия хочет отнять у индейцев остатки земли и дома, забрать женщин и т. д. (стр. 180—181 и др.). В результате индейцы на всех последних выборах голосовали против Народно-прогрессивной партии, что создало дополнительный конфликт между ними и большинством населения Гвианы, поддерживающим эту наиболее прогрессивную партию страны.

Какой же выход для индейцев видит К. Хенфри? Он считает, что первое, что надо сделать — это вернуть индейцам отнятые у них земли и юридически закрепить права индейцев на них. Индейцы должны стать хозяевами земли, которую они обрабатывают, и вести на ней коллективное хозяйство. Такую программу можно только приветствовать. Книга К. Хенфри, несмотря на то, что она написана не в строго научной, а в научно-художественной форме, является, на мой взгляд, одним из лучших, появившихся в последние годы за рубежом исследований о современном положении индейцев Южной Америки.

Л. А. Файнберг

СОДЕРЖАНИЕ

В. П. Алексеев (Москва). Модусы расообразования и географическое распространение генов расовых признаков 3
Н. Г. Волкова (Москва). Вопросы двуязычия на Северном Кавказе . . . 27
Н. П. Колпакова (Ленинград). Некоторые вопросы сравнительной поэтики (*Причет и песня*) 41
Э. Л. Нитобург (Москва). О сдвигах в размещении и структуре населения Венесуэлы 54
М. М. Фрейденберг (Калинин). Родственные коллективы в Далматинской Хорватии в XI—XVI вв. 68

Дискуссии и обсуждения

Г. Г. Громов (Москва), Ю. Ф. Новиков (Ростов на Дону). Некоторые вопросы агроэтнографических исследований 80

Сообщения

К. Г. Гуслистый, В. Ф. Горленко, Я. П. Прилипко (Киев). Работа над историко-этнографическим атласом на Украине 94
А. А. Лебедева (Москва). Анкета как этнографический источник (*По материалам сплошного подворного обследования 1897 г. в Забайкалье*) . . 99
Б. В. Лукин (Ленинград). Неизвестное собрание акварелей Панчо Фиерро в Советском Союзе (*Новые материалы для изучения этнографии и искусства Перу*) 104

Поиски, факты, гипотезы

С. Я. Козлов (Москва). Загадка происхождения народа фульбе 117

Хроника

Т. А. Жданко, Ю. А. Рапопорт, Н. Н. Чебоксаров (Москва). Сергей Павлович Толстов (*К 60-летию со дня рождения*) 130

Научная жизнь

Ю. П. Аверкиева (Москва). На XVIII Международном конгрессе психологов и VI Международном конгрессе социологов (*Впечатления этнографа*) . . 139
Т. Д. Златковская, Ю. В. Иванова, Л. В. Маркова (Москва). Вопросы этнографии на Первом Международном конгрессе балканских исследований в Софии 149
Д. Д. Тумаркин, Н. Н. Чебоксаров (Москва). Антропология и этнография на XI Тихоокеанском научном конгрессе 155

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

Ш. А. Богина (Москва). Национальные отношения в США в освещении новой американской литературы 166

Народы СССР

С. И. Вайнштейн (Москва). *И. С. Гурвич.* Этническая история северо-востока Сибири 171
А. С. Омаров (Махач-Кала). Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв. 174

Народы Африки

Д. А. Ольдерогге (Ленинград). *Z. Ligers.* Les Sorko (Bozo) Maîtres du Niger. Etude ethnographique 176

Народы Америки

Л. А. Файнберг (Москва). *Colin Henfrey.* Through Indian Eyes. A journey among the tribes of Guiana 179

На первой странице обложки: знатный охотник удэгеец Тунси Амуленка. Село Биру, Хабаровский край.

SOMMAIRE

V. P. Aléxéiev (Moscou). Les modes de formation raciale et la diffusion géographique des gènes des indices raciaux 3
N. G. Volkova (Moscou). Les problèmes du bilinguisme au Caucase du Nord . 27
N. P. Kolpakova (Léningrad). Quelques questions de la poétique comparée (*le «pritchet» et la chanson*) 41
E. L. Nitobourg (Moscou). Sur les changements de la repartition et de la structure de la population du Venezuela 54
M. M. Freïdenberg (Kalinine). Les collectivités apparentées en Croatie Dalmate aux XI-e—XVI-e ss. 68

Discussions et delibérations

G. G. Gromov (Moscou), Yu. F. Novikov (Rostov/Don). Quelques problèmes d'études agroethnologiques 80

Communications

K. G. Gouslisty, V. F. Gorlénko, Ya. P. Prilipko (Kiev). Travaux à un atlas historico-ethnologique en Oukraïne 94
A. A. Lébédeva (Moscou). Fiche d'enquête comme source ethnologique (*d'après les données d'une enquête générale de 1897 en Transbaïkalie*) . . 99
B. V. Loukine (Léningrad). Une collection inconnue d'aquarelles de Pancho Fierro en l'U. R. S. S. (Nouveaux matériaux pour l'étude de l'ethnologie et de l'art du Pérou) 104

Recherches, faits, hypothèses

S. Ya. Kozlov (Moscou). L'énigme de l'origine du peuple peule 117

Chronique

T. A. Jdanko, Yu. A. Rapoport, N. N. Tcheboksarov (Moscou). Serguéï Pavlovich Tolstov (Pour le 60-ème anniversaire) 130

La vie scientifique

Yu. P. Avérkiyeva (Moscou). Aux XVIII-e Congrès international psychologique et VI-e Congrès international sociologique (Impressions d'un ethnologue) 139
T. D. Zlatkovskaya, Yu. V. Ivanova, L. V. Markova (Moscou). Problèmes d'ethnologie au I-er Congrès International d'études balcaniques à Sofia 149
D. D. Toumarkine, N. N. Tchéboksarov (Moscou). L'anthropologie et l'ethnologie au XI-e Congrès scientifique du Pacifique 155

Critique et bibliographie

Articles et aperçus de critique

Ch. A. Boguina (Moscou). Les rapports nationaux aux Etats Unis vus par la littérature scientifique américaine récemment parue 166

Peuples de l'U. R. S. S.

S. I. Vaïnchteïn (Moscou). *I. S. Gourvitch.* Histoire ethnique du Nord-Est de la Sibérie 171
A. S. Omarov (Makhatch-Kala). Les textes du droit coutumier de Daghéstan en XVII—XIX s.s. 174

Peuples d'Afrique

D. A. Olderoggué (Léningrad). *Z. Ligers.* Les Sorko (Bozo) Maîtres du Niger. Etude ethnographique 176

Peuples d'Amérique

L. A. Fainberg (Moscou). *Colin Henfrey.* Through Indian Eyes. A journey among the tribes of Guiana 179

Sur la converture: chasseur renommé Tounsi Amoulenka (peuple Oudégué). Village Birou, district de Khabarovsk. Photo TASS.

Редакционная коллегия

Ю. П. Петрова-Аверкиева (главный редактор), **В. П. Алексеев, Ю. В. Арутюнян, Н. А. Баскаков, С. И. Брук, Л. Ф. Моногарова** (зам. глав. редактора), **Д. А. Ольдерогге, А. И. Першиц, Л. П. Потапов, В. К. Соколова, С. А. Токарев, Д. Д. Тумаркин** (зам. глав. редактора), **В. Н. Чернецов**

Ответственный секретарь редакции *Н. С. Соболь*

Адрес редакции: Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19

Технический редактор *Е. И. Гришина*

Сдано в набор 19/XI—1966 г. Т-03105. Подписано к печати 4/II—1967 г. Тираж 1950 экз.
Зак. 6476. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Печ. л. 16,1. Бум. л. 5³/₄. Уч.-изд. листов 18,9.

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10